

Е. Поселянин

СВЯТАЯ ЮНОСТЬ

Святая юность //Издательство «Сатисъ», М., 2005

ISBN: 5-7868-0036-9

FB2: Александр Умняков "shum29 " <au.shum@gmail.com >, 21 May 2018,
version 1.0

UUID: bfd38eb4-54df-11e8-9a05-0cc47a52085c

PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Евгений Николаевич Поселянин

Святая юность

Эта книга – о святых детях. О детях, которые так любили Бога, что угодили Ему своей жизнью, были приняты Им в Небесные Чертоги, и описание их святой жизни вошло в Святцы нашей Церкви. Но это не сборник житий. Е. Поселянин, рассказывая о чистой, детской святости, рассказывает о тайне Христовой любви. Сама книга наполнена верой, тишиной и чистотой. И она поможет читателю укрепить душу – примером жизни юных христиан.

По благословению Архиепископа Брюссельского и Бельгийского СИМОНА.

Содержание

#1	0012
Предисловие	0013
Январь	0023
Юность святителя Василия Великого, архиепископа Кесарийского	0023
Детские годы Прохора Мошнина, впоследствии преподобного Серафима, великого Саровского старца	0025
Детство праведной Иулиании Лазаревской	0043
Искупительный подвиг мученика Онуфрия	0046
Детство Иоанна Крестителя	0047
Юность Феодора Колычева, впоследствии Филиппа, митрополита Московского, священномученика	0049
Из юности святителя Саввы, архиепископа Сербского	0054
Юность преподобного Иринарха, затворника Ростовского	0057
Юность Нины, равноапостольной просветительницы Грузии	0059
Мученик Неофит	0063
Мученица Агния	0070
Память священномученика Климента	

Анкирского	0074
Христианская мать	0082
Детские годы святителя Григория Богослова	0083
Преподобные Ксенофонт и Мария и сыновья их Иоанн и Аркадий	0087
Февраль	0102
Юный чудотворец	0102
Страдания юной мученицы Фавсты и обращенных ею ко Христу мучеников Евиласия и Максима	0114
Боярин Елевферий	0128
Равноапостольный Кирилл, просветитель славянских стран	0139
Юность преподобного Космы Яхромского	0144
Детство священномученика Поликарпа, епископа Смирнского	0149
Март	0154
Отречение от мира богатого юноши	0154
Детство великого отшельника	0168
Подвиг Алексия, человека Божия	0171
Повесть об Иосифе Прекрасном	0190
Апрель	0207
Детство преподобного Евфимия, архимандрита Суздальского	0207
Подвиг юного мученика Каллиопия	0211
Из детства преподобного Даниила, Переяславского чудотворца	0223

Скорбная юность святителя Варсонофия, епископа Тверского	0227
Иоанн Новый, юный мученик	0239
Первые годы преподобного Александра Ошевенского	0241
Святой мученик Гавриил-младенец	0250
Детство, отрочество и юность преподобного Феодора Сикеота	0252
Отроческие годы святителя Стефана, просветителя земли Зырянской	0270
Май	0279
Юность св. благоверных князей Бориса и Глеба	0279
Детство и юность преподобного Феодосия Киево-Печерского, отца русского монашества	0283
Мученица Ирина, юная исповедница Христова и чудотворица	0301
Детство святителя Бпифания, епископа Кипрского	0315
Детство преподобного Дионисия, архимандрита Троице-Сергиева монастыря	0320
Житие избранника Божия Евфимия Афонского	0323
Неповинное страдание отрока, благоверного царевича Димитрия	0328
Благоверный князь Угличский Иоанн (в схиме	

Игнатий)	0342
Детство преподобной Евфросинии-девицы, игуменьи обители Святого Спаса в Полоцке	0351
Начало подвигов блаженного Иоанна, Христа ради юродивого, устюжского чудотворца .0355	
Мученик Иоанн, младенец Киевский	0357
Июнь	0359
Благодарный князь Феодор Ярославин Новгородский	0359
Детство преподобного Паисия, Угличского чудотворца	0364
Юность преподобного Кирилла Белозерского	0366
Отроковица Акилина, исповедница имени Христова и мученица	0374
Преподобный Левкий, юный игумен	0385
Святой отрок Артемий Веркольский, чудотворец	0389
Рождество и детство Иоанна Крестителя и Предтечи Господня	0395
Преподобный Петр, царевич Ордынский .	0402
Июль	0411
Страдания мученика Потита-отрока	0411
Юность преподобного Афанасия Афонского	0420
Обретение мощей святой Иулиании-девицы . . .	0424

Юные годы святителя Феодора, епископа Эдесского	0428
Преподобный Антоний Печерский	0432
Младенец Кирик-мученик и мать его Иулитта	0441
Детство преподобной Макрины	0445
Страдания мученицы Христины	0449
Преподобная Евпраксия-девица, юная инокиня	0454
Юноша Пантелеймон, безмездный врач, великомученик	0466
Август	0474
Соломония и семь сыновей ее Маккавеев .0474	
Имена братьев-мучеников – Авим, Антонин, Гурий, Елеазар, Евсевон, Алим и Маркелл. Семь отроков Ефесских	0482
Обращение ко Христу отрока Понтия, будущего мученика	0493
Убогое детство отрока Тимофея, будущего святителя Тихона Задонского	0500
Юный пророк Божий Самуил	0513
Святая мученица Васса и сыновья ее Феогний, Агапит и Пист	0521
Детство и юность преподобного Авраамия Смоленского	0526
Святая мученица Евлалия-девица	0530
Сентябрь	0537
Мамант-отрок, мученик и великий чудотворец	

.....	0537
Из детства пророка Моисея.....	0545
Детство Иоакима Горленко, будущего святителя Белгородского, Иоасафа.....	0549
Юный праведник преподобный Иоасаф Кубенский, князь Заозерский.....	0554
Святые великомученицы Вера, Надежда, Любовь и мать их София.....	0560
Семья мучеников (дивная судьба детей Евстафия Плакиды).....	0568
Юный страдалец, князь Гавриил Иоаннович Бельский – преподобный Галактион Вологодский.....	0578
Детские годы Варфоломея, будущего Сергия Преподобного, игумена Радонежского и всея России чудотворца.....	0586
Октябрь.....	0601
Юноша Роман Сладкопевец.....	0601
Юность святого Андрея блаженного, Христа ради юродивого.....	0607
Из отроческих лет святителя Ионы, митрополита Московского и всея России.....	0613
Судьба блаженного отрока Иоанна.....	0620
Дети и вечность (Преставление святителя Илариона, епископа Мглинского).....	0631
Явление мощей праведного отрока Иакова, Боровичского чудотворца.....	0634
Младенец-мученик (страдания мученика	

Арефы и иже с ним)	0641
Великомученик Димитрий Солунский, воевода, и юный мученик Нестор	0648
Страдания святой и преподобномученицы Анастасии Римляныни	0660
Ноябрь	0669
Страдания святого мученика Ерминингельда, царевича Готфского	0669
Страдания юного мученика Платона	0673
Страдания отрока Варула	0681
Иоасаф, царевич Индийский	0685
Отречение от мира юного боярина	0697
Солнце земли Русской	0701
Декабрь	0710
Варвара-великомученица	0710
Инок – учитель отрока, будущего Иоанна Дамаскина	0719
Страдальческая юность святителя Гурия, просветителя Казани	0723
Юность святителя и Чудотворца Николая, архиепископа Мирликийского, и чудеса, совершенные святителем над детьми	0733
Юный святитель Амвросий, епископ Медиоланский	0745
Первые годы преподобного Даниила Столпника	0752
Благословенный Христом младенец	0756
Юность святителя Петра, митрополита	

Московского и всея России	0760
Обращение юноши Нифонта	0764
Мученица Иулиания, княгиня Вяземская .	0773
Младенцы Вифлеемские	0776
Алфавитный указатель имен святых, помещенных в книге	0778

Евгений Поселянин

Святая юность

© Издательство «Сатисъ», составление,
оригинал-макет, оформление, 2005

Предисловие

Святое детство, святая юность... Как-то светло становится на душе, когда видишь доверчивых, милых детей. Даже сердце зачерствевшего в жизненной борьбе и пороках человека смягчается, когда он слышит лепет детей, и сумрачные лица озаряются улыбкой.

У одного из глубоких русских поэтов, Хомякова, есть превосходное стихотворение «К детям», где он говорит о той великой отраде, какую доставляет душе общение с чистыми душой детьми.

*Бывало, в глубокий полуночный
час,
Малютки, приду любоваться на
вас.
Бывало, люблю вас крестом зна-
менать,
Молиться, да будет на вас благо-
дать,
Любовь Вседержителя Бога.
Стеречь умиленно ваш детский*

покой,
Подумать о том, как вы чисты
душой,
Надеяться долгих и счастливых
дней
Для вас, беззаботных и милых де-
тей...
Как сладко, как радостно было!
Теперь прихожу я: везде темнота,
Нет в комнате жизни; кроватка
пуста;
В лампаде погас пред иконою
свет...
Мне грустно, малюток моих уже
нет.
И сердце так больно сожмется.
О дети, в глубокий полуночный
час
Молитесь о том, кто молился о
вас,
О том, кто любил вас крестом
знаменать, —
Молитесь, да будет и с ним бла-
годать,
Любовь Вседержителя Бога.

Быть может, многие взрослые, которых
жизнь ожесточила или которые замерли в хо-
лодном себялюбии, может быть, эти люди

провели бы жизнь свою иначе, если бы им пришлось воспитывать каких-нибудь детей и заботиться об этих детях.

Что может быть выше, чем детская незлобивая и чистая душа, которая вместила в себя Бога?

Святость – это свобода от греха, это неведение зла, это любовь к людям, это стремление к Богу, живая постоянная связь с Богом.

И вот вы видите молящегося ребенка... Как трогательны эти уста маленького, беспомощного существа, которое произносит эти величайшие во вселенной имена – Бог, Христос, Пресвятая Дева...

И вот некоторые дети какой-то чудной силой привязывались ко Христу, как привязался к Нему младенец Игнатий Богоносец. Предание видит в нем того мальчика, которого благословил Христос, когда произносил Свои слова: «Не возбраняйте детям приходить ко Мне». Это же предание передает, что, когда Игнатий Богоносец был растерзан львами, на земле нашли его сердце, на котором было вырезано имя Бога.

И сколько таких детей знала Церковь, в

сердце которых обитал Бог, хотя на их сердцах не было таинственного изображения Божия Имени.

Перед нами пройдут многие святые отроки и отроковицы, которые отдали Богу всю свою привязанность, все свои мысли и которых Бог в детском возрасте взял к себе, венчая их венцом святости.

Пусть узнают они, как будущий Феодосий Киево-Печерский ребенком трудился для Церкви. Как он узнал, что обедня в их приходе не служится ежедневно из-за недостатка просфор, и как он стал добывать муку и сам заниматься тяжелым для его возраста делом – месил тесто и пек просфоры.

Пусть увидят они образ будущего великого богатыря, неодолимого Александра Невского – мальчиком. Перед иконами в одинокие вечерние часы тужит он о бедствиях униженной и подневольной Руси, и в пылком молодом воображении слагаются картины будущего, как станет он служить народу. Пусть с отроком Елевферием, будущим первосвятителем Московским, Алексием митрополитом, они на подмосковном лугу, раскинув сети для

перепелов, услышат призывающий Божий глас и, не отходя от ребенка, вернувшись с ним в терем, следят за происшедшей с ним переменой.

Пусть узнают они, как Бог прославил крестьянского мальчика Артемия из дальнего села Русского Севера – Верколы, убитого молнией на поле во время работы, и подумают о том, как праведна должна была быть жизнь этого маленького простолюдина, который всем существом своим чуял Бога и тянулся к Нему своей детской душой.

Пусть пройдет перед ними образ маленького страдальца, родившегося в почете, славе, богатстве и прожившего в унижении, – княжича Гавриила Бельского. Отец его был правителем Русского государства в малолетство царя Ивана. Когда же злые бояре убили князя Бельского, сын его был запрятан доброжелателями в Старицу и более не пожелал вернуться в мир...

Пройдут перед нами и другие дети, благословенное детство которых отразилось на их будущей жизни и которые в детских уже летах были полны благодати, со временем в них

развивавшейся все сильнее и сильнее.

И пусть эти святые дети научат наших детей тому, как Бог призывает к Себе людей и как Он отвечает тому, кто к Нему идет.

Обстановка их жизни была так разнообразна. Иные родились в царских дворцах, другие в бедной доле сельского пастушка. Но для всех них Бог был главной целью их жизни, и их детское сердце трепетало божественной любовью. И чем больше эти дети о Боге думали, тем больше им хотелось о Нем думать. Сердцем своим они глубоко усвоили и оценили величие жизни Христа на земле, Его за нас страдания, искупление нас Его пречистой Кровью.

Озаренные светом Христовым, они избегали жизненного зла и у престола Божия воспевают пресветлому Богу непрестающую хвалу...

И над бытом этих святых детей высятся, сияют два благословенных, пречудных детства – детство Богоматери и детство Спасителя мира.

Приведенная родителями по обету в храм малым ребенком, Дева Мария училась у над-

зирательницы ручным работам. Ими усердно Она занималась всю жизнь Свою до конца Своих дней. Для молитвы Она уходила во Свя-
тая святых. Ей необходимо было ежедневно уединяться. В одиночестве Она думала о величии Божиим, и душа Ее все ярче отражала чудные совершенства Божества.

Благоговейной тихостью отличалось поведение Девы Марии. С Ее кротких уст не срывалось никогда ни одного беспокойного слова.

Ежедневно с раннего утра Пречистая Дева молилась до девятого часа. Потом в шестом часу занималась рукоделием или читала Священное Писание. С трех часов дня Она опять начинала молитву, пока Ее молитву не прерывал Ангел – он приносил Ей пииту.

Дева Мария много думала и очень мало говорила. Пряжа и шерсть были самым обычным Ее рукоделием. Она часто вышивала шелками, больше всего для храма.

А кто изобразит тайну священной ночи Рождества Христова!.. Лежит, повитый пеленами, Непроступный Бог. От страшного Престола Своей славы Он спустился на землю и возлег на холмике соломы.

Все – тайна, все – чудо, все – святыня в священной ночи Вифлеема...

Хочется всмотреться, вдуматься, замечтаться над священным детством и отрочеством Господа Иисуса Христа в родном Назарете.

Занятый тяжелым трудом столярным старым Иосиф. Этим трудом он кормит Деву Марию и Младенца Иисуса. А сама Дева Мария тоже все за рукоделием: то прядет, то вышивает. Иисус то помогает Пречистой Матери в хлопотах по хозяйству, то столярничает вместе с Иосифом...

А в свободное время отрок Иисус, Царь и Создатель вселенной, озирает детскими очами мягкие склоны Галилейской страны, и тихое и мирное озеро Тивериадское, и белых голубей, летающих вокруг их скромного домика, поля с поспевающей жатвой, сады с серебристыми маслинами...

И что говорили с высоты неба серебряные звезды? О чем шептали Ему, радостно кивая своими головками, цветы на зеленых лугах?

Один немецкий художник нарисовал прекрасную картину-мечту.

Весна, яркий луг с разбросанными кое-где деревьями, много одуванчиков в траве. Утреннее – не жгучее, а ласкающее солнце, пасущееся стадо овец. Маленький босоногий пастушок одет, как одеваются мальчики в немецких деревнях... Ему видение... Предстала перед ним Дева с Младенцем на руках, и чистое детское сердце сказало ему, Кто эта Дева и Кто этот Младенец... Пастушок весело наклонился, сорвал с земли одуванчик и протянул его Младенцу... Младенец радостно потянулся к цветку под призором Девы в белом покрывале, и все замерло в умилении: и пастушок со своим даром Творцу миров – «Твоя от Твоих Тебе приносяще», и ласковые деревья со свежими весенними листьями, и мягкий уклон луга, и одуванчики в траве.

Не так же ли тянулись к Христу-отроку лесные цветы, и звезды, и лучи солнца, как на этой картинке протянул свои одуванчики Младенцу Христу пастушок?

С Богом в путь!

Пусть узнают наши дети о святых, которые в своем детстве умели славить Христа и которых прославил Христос.

И пусть над детством наших детей и нашей молодежи, над всем тем чистым, благородным, отзывчивым, справедливым, что есть в душе человеческой в эту пору, – пусть над ними склонится, с благостью в очах, с призывным взором, с обещанием высокого счастья, победивший зло, открывший людям вечное блаженство Христос.

Е. Поселянин

Январь[1]

Юность святителя Василия Великого, архиепископа Кесарийского

(Память 1 января)

Какое чудное сияние исходит из детских Клет великого отца Церкви Василия... Он был сын матери-христианки Эмилии и рос в семье глубоко благочестивой.

Старшая сестра Василия, Макрина, потеряв своего жениха, решила провести свою жизнь в девстве, и причислена Церковью к лику святых. Из девяти детей, бывших у отца Василия, четверо были прославлены святостью: кроме Макрины и Василия, братья его Григорий Нисский и Петр Севастийский. Бабушка Василия, Макрина старшая, вложила в душу внука благочестие. А отец его, чрезвычайно образованный человек, занимался первоначальным его обучением. Схоронив отца по четырна-

дцатому году, Василий жил несколько лет в поместье своей бабушки, где впоследствии возник монастырь.

Способности у Василия были необыкновенные: он изучал философию еще совсем мальчиком. Схоронив и бабушку, шестнадцать лет от роду он вернулся в Кесарию. Но так как он быстро сравнялся в мудрости со своими наставниками, то отправился в Афины, где было тогда средоточие эллинской образованности. Тут товарищами его были святой Григорий, впоследствии патриарх Цареградский, нареченный Богословом, и Юлиан, бывший впоследствии императором римским и греческим и отступивший от Христа.

У Василия с Григорием была великая и нераздельная дружба. Они жили в таком тесном единении духовном, как будто в двух телах у них была одна душа.

Они избегали забав. Не посещали шумных собраний, игр в цирках и знали только лишь две дороги – в храм и в школу.

Душа Василия горела жаждой познать божественные тайны, и вот однажды в сердце его зажглось непреодолимое желание изу-

чать в тишине Священное Писание. Он оставил Афины и ушел в Египет, где в безмолвии наслаждался изучением Божественного Слова, питаясь водой и зельем. Потом поплыл он в Иерусалим, чтобы посетить святые места, и уже оттуда во всеоружии веры вернулся в Афины. Тут он просиял великой человеческой и божественной мудростью, и сияние это не погасло до конца его жизни и ярко озаряет его имя в веках.

Детские годы Прохора Мошнина, впоследствии преподобного Серафима, великого Саровского старца

(Память 2 января)

Когда задумаешься о небесном, порой как-кое-то желание овладевает душой.

Хочется увидеть воочию Ангела небесного... Думается: вот прилетит Ангел; он реял в лучах горнего света; он видел престол Вседержителя; он воспевал Богу хвалу. Он будет держать в руках райскую ветвь с расцветшими в райских садах цветами... Как укрепитя этим

видением моя вера!.. С какой радостью брошусь я к нему навстречу!.. При виде его мне покажется, что я сам был в дивном небе.

Эта радость, возбуждаемая слетевшим с неба Ангелом Божиим, переживалась теми людьми, которые воочию видели великого Саровского старца Серафима.

Трудно представить себе человека, который в земной своей жизни так сильно напоминал о небе, как Саровский старец Серафим.

Все было в нем необыкновенно, особенно, не похоже на других людей.

Вот идет он, опираясь на суковатую палку, в неуклюжих больших кожаных чеботах, в тулупчике с дырами, подпоясанный полотенцем; с рук спускаются грубые кожаные четки, на нем мягкий клобук такой формы, как носили в старой Руси, плечи покрыты полумантийкой.

В этом древнем ослабленном старце – он и выпрямиться не мог, так как напавшие однажды на него в лесу разбойники сломали ему спину, – в этом древнем старце живет необыкновенная жизненность. Со своими седыми волосами, затрудненной походкой, он

светится какой-то непобедимой юностью... Голубые глаза пронзительно смотрят в душу всякого... Ангел, Ангел...

Как же протекло детство старца Серафима, носившего в миру имя Прохор?

В том самом Курске, который был родиной отца русского монашества, преподобного Федосия Киево-Печерского, родился Прохор 19 июля 1759 года. Отец его, Исидор Мошнин, брал на себя работы по каменным подрядам. Он строил обширный храм Преподобного Сергия Радонежского, что ныне – Курский собор. Не успел он закончить эту работу, как умер. Дело его после смерти продолжала вести его вдова Агафья, женщина разумная и деловитая.

Мошнины были люди старозаветные и благочестивые. Тогдашние родители воспитывали детей в страхе Божиим. Есть рассказ об одной семье, – серпуховского гражданина Путилова. Его дети были современниками старца Серафима и стали настоятелями: один – Саровской пустыни, другой – Оптинской пустыни и третий – Мало-Ярославецкого монастыря.

Обучались дети дома, у отца, а в школу не ходили: отец боялся для них дурного товарищества. В праздник отец водил их в церковь и, когда возвращались домой, расспрашивал их о службе и заставлял пересказывать содержание Апостола и Евангелия. В церкви Путилов певал на клиросе, так как имел хороший голос. В праздничные дни он любил заниматься с детьми церковным пением. Из открытых окон лились звуки голоса отца, смешиваясь с голосами его молодых сыновей, и прохожие останавливались под окнами, говоря: «Сладко поют у Путиловых». Часто посещали дом Путилова духовные лица. Дети с детства слыхали много полезного для души.

Таким же строем текла жизнь и в доме Мошниных.

В чистых скромных комнатах в углах теплятся перед старыми тяжелыми иконами лампы. Всякий день Мошнина идет к обедне. Она отличалась особым благочестием. Любимым делом ее была забота о девушках-сиротах: их она выращивала и выдавала замуж, отпуская им необходимое приданое. Эту чуткость матери ко всякой нужде унаследовал и

развил в себе великий ее сын.

Что-то необыкновенное чувствовалось в Прохоре.

Господь приставляет к детям Ангелов Хранителей. Часто эти Ангелы, когда дети готовы куда-нибудь упасть, поддерживают и спасают их. Но ни над кем в детстве не выказалась столь ясно сила охраняющего Ангела, как над маленьким Прохором Мошниным.

Довершая начатое мужем дело, Агафья достраивала высокую колокольню Сергиевского собора. Как-то пошла она осмотреть ее и взобралась до верхнего яруса. Перил еще не было там устроено. Прохор увязался за матерью. По живости своей подбежал к самому краю, перевесился и стремглав полетел на землю. Что переживала в это время бедная мать!

Не помня себя от ужаса, бросилась она бежать вниз по лестнице, чтобы подобрать не трупик, а лишенный всякого образа мешок с костями: все, что должно было остаться от ее сына... Спустившись вниз с остановившимся сердцем, выступила она из каменного строения наружу. Не верит своим глазам, думает – наваждение: Прохор весело бежит к ней на-

встречу... Сон... Но нет, не сон, его голос зовет ее: «Мамка, мамка!»

Никогда, до последнего издыхания своего, Агафья Мошнина не забывала этого часа, и, быть может, когда взглядывала она на своего сына, ей казалось, что за плечами у него трепещут белые крылья...

Когда Прохора стали учить грамоте, он принялся за дело с большой охотой, быстро стал он успевать в учении, как вдруг – занемог. Тут снова проявилось над ним великое Божие чудо.

Прохор увидел во сне Пресвятую Богородицу. Она обещала посетить мальчика и излечить его. Сновидение свое Прохор рассказал матери. Как-то вскоре Крестным ходом несли по Курску чудотворную Коренную икону Божией Матери. Несли ее по той улице, где стоял дом Мошниных. Ударил сильный ливень. Для сокращения пути Крестный ход свернул через дом Мошниных. Агафья воспользовалась этим случаем и поднесла к иконе больного мальчика. После этого он стал поправляться и скоро совсем выздоровел.

Прохор был рослый ребенок, с живыми го-

лубыми блестящими глазами. Он был острого ума, впечатлительный, владел прекрасной памятью, был кроткий и благонравный мальчик.

До сих пор хранится память в Курске о том, что Прохор Мошнин избегал шумных игр со сверстниками. Он предпочитал читать Священное Писание и постоянно ходил в церковь. Любил он зазывать к себе ребят своего возраста и читать им духовные книги.

Прохор продолжал учение. Он прошел Часослов, Псалтирь, писал. У брата его Алексея была в Курске торговля разным деревенским товаром: ремнями, дегтем, бечевками, дугами, лопатами, железом. Прохора старались приучить к торговле, но сердце его к этому не лежало. До торговли он ежедневно ходил к обедне и вечерне. Теперь же он не мог посещать этих служб и вставал рано, чтобы побыть у заутрени.

Сердцем чуяла умная мать Прохора, что не жилец ее мальчик в миру, что иная ждет его доля.

Когда из того же Курска стремился в обитель отрок, будущий Киево-Печерский Феодо-

сий, его мать всячески противодействовала ему в его подвиге. Она жестоко наказала сына, когда увидела на теле его вериги. Когда же он потом ушел из дому со странником, она догнала его и привела домой, избила и заковала в цепь.

Иначе вела себя умная и благочестивая Агафья Мошнина. Она решила без ропота уступить сына своего Богу в добровольную жертву.

Осторожно, чтобы не огорчать мать, и постепенно Прохор старался вызнать мысли матери, пустит ли она его в монастырь. Он мог заметить, что противодействия не будет, и стал прямо заговаривать об этом предмете. С ним вместе пять человек из курской купеческой молодежи решили начать иноческую жизнь.

Представим себе картину из святых отроческих дней юного Прохора.

Над старым именитым городом Курском раскинулась теплая ласковая ночь. Горят, мигают в небе звезды, полные каких-то высоких мыслей, сияет в небе неугасимая, непреходящая Божия слава. Среди утихнувшего города,

в затихшем доме Мошниных тихие, бесстрастные огоньки лампад озаряют темные лики икон.

Бережно, чтобы его кто-нибудь не услышал, подобрался Прохор к иконам, опустился перед ними на колени, смотрит, благоговеет, молится без слов. Полна душа веры, полна душа восторга.

«Господи, Господи, Ты столько сделал для нас!.. Хотел бы воздать Тебе хоть малым. Хотелось бы предаться Тебе, одного Тебя только видеть в жизни, Тобой радоваться, Тебе служить... Чем мне воздать Тебе? Возьми Себе мою жизнь, отдаю ее Тебе всю: чувства, мысли, желания, порывы, мечты – Тебе, Тебе одному...»

И ночь длится... И радость, и жажда жертвы все сильнее и сильнее заполняют непорочную, не познавшую мирского зла, юную душу.

И Ангел взлетает над молящимся отроком, и чудный, таинственный голос нарекает над ним то имя, которое прогремит потом по всей Руси: «Серафим, Серафим»...

Когда пришло время расставания с мате-

рью, сперва по русскому обычаю все посидели. Потом Прохор встал, помолился Богу, поклонился матери в ноги. Она дала ему приложиться к иконам Спасителя и Богоматери, потом благословила его большим медным крестом. Этот крест хранил он как величайшую святыню, никогда не снимал его с себя, носил открыто, иногда поверх одежды. С ним же он и скончался.

И вот Прохор в Сарове.

Саровская пустынь, далекая от больших дорог, затерянная в глубине темниковских лесов, отличалась строгой жизнью иноков. В ней прожил Прохор полвека в великих подвигах.

Ревностный смолоду, великий постник, неустанный работник и молитвенник, он в зрелые годы увеличил свои подвиги. Он один совместил в себе такие подвиги, которые и в отдельности возводили людей до вершины духовной силы: он был отшельник, столпник, молчальник.

Во время жизни его отшельнической в Саровском лесу к нему приходили медведи, которых он кормил хлебом из своих рук. Тысячу

ночей и тысячу дней молился он, стоя неподвижно на двух камнях под открытым небом, а днем – у себя в келье.

После явления и указания ему Богоматери он открыл двери своей кельи для наставления монахов и мирян. Народ ехал к нему со всех сторон – принять его благословение, просить его совета, порадоваться на этого Ангела Божия, слетевшего с неба на бедную землю.

Небо стало для него родным и близким. Он жил на земле, как бы в небе. После дивной жизни он скончался тихо, уединенно 2 января 1833 года.

Он был найден отошедшим, стоя на коленях в своей келье перед иконой Божией Матери.

И все, что сияло русскому миру в лице старца Серафима, что горело в нем самом и грело своим огнем других, – все это выросло из тех семян, которые заложены в душу Пророка его праведной матерью.

Слава праведной наставнице и великому ее сыну!

Старец Серафим отличал особой любовью детей.

Г-жа Надежда Аксакова, бывшая у старца маленькой девочкой и дожившая до открытия его мощей, передает свои воспоминания о старце.

Из Нижнего приехало в Саров большое общество. Старца Серафима не оказалось в келье: он уединился в лесу, прячась от народа.

– Вряд ли вам отыскать его в бору, – говорил озабоченно игумен, – в кусты спрячется, в траву заляжет. Разве сам откликнется на детские голоса. Забирайте детей-то побольше, чтоб наперед вас шли. Непременно бы впереди вас бегли.

Весело было детям бежать одним, совсем одним: без присмотра и без надзора бежать по мягкому бархатному слою сыпучего песка. Лес становился все гуще и рослее. Детей все более и более охватывало лесной сыростью, лесным затишьем и терпким, непривычным запахом смолы. Под высокими сводами громадных елей стало совсем жутко.

По счастью, где-то вдалеке блеснул, засветился солнечный луч между иглистыми ветвями. Дети ободрились, побежали на мелькнувший вдалеке просвет и вскоре все врас-

сыпную выбежали на зеленую, облитую солнцем поляну.

Смотрят: около корней отдельно стоящей на полянке ели работает, пригнувшись чуть ли не к самой земле, низенький худенький старец, проворно подрезая серпом высокую лесную траву. Серп же так и сверкает на солнечном припеке.

Заслышав шорох в лесу, старичок быстро поднялся, насторожив ухо к стороне монастыря, и затем, точно вспугнутый заяц, проворно шарахнулся к чаще леса. Но он, не успев добежать, запыхался; робко оглянувшись, юркнул в густую траву и скрылся у детей из виду. Тут только вспомнился детям родительский наказ при входе в бор, и дети чуть ли не в двадцать голосов дружно крикнули: «Отец Серафим, отец Серафим!»

Случилось как раз то, на что надеялись богомольцы. Заслышав неподалеку от себя звуки детских голосов, отец Серафим не выдержал в своей засаде, и старческая голова его показалась из-за высоких стеблей лесной травы. Приложив палец к губам, он умильно поглядывал на детей, как бы упрасывая ребя-

ток не выдавать его старшим, шаги которых уже слышались в лесу.

Протоптав к детям дорожку через всю траву, старец, опустившись на траву, поманил детей к себе. Самая маленькая из девочек, Лиза, первая бросилась к старичку на шею, прильнув нежным лицом к его плечу, покрытому простым рубищем.

– Сокровище, сокровище, – приговаривал он едва слышным шепотом, прижимая каждого из детей к своей старческой груди.

Дети обнимали старца, а между тем замешавшийся в толпу подросток, пастушок Сема, бежал со всех ног обратно к стороне монастыря, зычно выкрикивая: «Здесь, сюда! Вот он! Вот отец Серафим... Сюда!»

Когда подошли взрослые, старец был смущен, как домохозяин, застигнутый врасплох среди разгара своего рабочего дня.

– Нечем мне угостить вас здесь, милые, – проговорил он мягким тоном.

Но тут же он, как бы обрадовавшись собственной догадке, прибавил:

– А вот деток, пожалуй, полакомить можно.

И затем, обратившись к мальчику-подростку, сказал:

– Вот у меня грядки с луком. Видишь? Собери всех деток. Нарезь им лучку. Накорми их лучком и напой хорошенько водой из ручья.

Дети побежали вприпрыжку исполнять приказание отца Серафима и засели между грядками на корточках. Луку никто не тронул. И все дети, залегши в траве, смотрели из-за нее на старичка, так крепко и любовно прижимавшего их к груди своей...

И сколько, сколько раз потом помогал детям старец Серафим уже из небесных обителей!

В июле 1856 года единственный сын костромского вице-губернатора Борзко, 8 лет, занемог схватками в желудке. Болезнь осложнилась. Появились припадки с тоской, разрешавшиеся пеной. Врачи не помогали. Родители опасались за жизнь сына. В это время госпожа Давыдова, впоследствии знаменитая игуменья костромского монастыря мать Мария, подарила матери больного книгу об о. Серафиме.

В одну ночь ребенок видел во сне Спасите-

ля в красной одежде, в сонме Ангелов. Спаситель говорил: «Ты будешь здоров, если исполнишь то, что прикажет тебе старец, который к тебе придет». Потом явился старец, назвал себя Серафимом и сказал: «Если хочешь быть здоровым, возьми воды из источника, находящегося в Саровском лесу и называемого Серафимовым, и три дня утром и вечером омой голову, грудь, руки и ноги и пей ее». Ребенок рассказал сон няне, а няня родителям. Им же повторил сон и сам мальчик. На следующее утро он рассказал, что после первого сна ему являлась еще Пречистая Дева с Ангелами и с любовью приказывала исполнить слова старца. Воды из Серафимова источника достали через госпожу Давыдову. И ребенок совершенно выздоровел.

А вот помощь старца мальчику, державшему экзамен.

В 1864 году у госпожи Сабанеевой в Петербурге заболел сын Димитрий. А он как раз должен был держать экзамен и перейти в Горный институт. Мать была в горе и молилась старцу Серафиму.

Ночью видела она во сне старца, и он ска-

зал: «Сын твой выздоровеет и испытание в науках выдержит». В лазарете мать уже не нашла сына – он был на экзамене.

Вернувшись с успехом и радостный, он рассказал матери, что и он видел во сне любимого и чтимого им о. Серафима, который сказал ему: «Выздоровеешь и испытание выдержишь».

Дети, любите кроткого и тихого чудотворца, дивного старца Серафима. Зовите его в ваших нуждах и горе.

И как тогда, на лугу, он возьмет вас невидимо на руки и, прижав к своей груди, прошепчет над вами: «Сокровище мое, сокровище!» И станет вам отрадно от его ласки.

Детство праведной Иулиании Лазаревской

(Память 2 января)

К концу шестнадцатого и началу семнадцатого веков относится жизнь блаженной боярыни Иулиании праведной. Она просияла русскому миру необыкновенным своим милосердием: во время великого «глада», бывшего в царствование Бориса Годунова, она питала окрестное население.

О подвигах праведной Иулиании мы знаем из повествования о ней сына ее, Каллистрата Осоргина. Начало повествования его вскрывает перед нами поэзию ее тихой детской и девичьей жизни:

«Во дни благоверного царя великого князя Ивана Васильевича, от его царского двора был некоторый муж, благоверен и нищелюбив, именем Иустин, по прозванию Недюрев, саном ключник... И имел он жену, боголюбиву и нищелюбиву, именем Стефаниду, Григорьеву дочь, Лукина, от пределов города Мурма. И жили они во всяком благоверии и чи-

стоте; и было у них много сыновей и дочерей, много богатства и рабов множество. От них же родилась и блаженная Иулиания. И когда ей было шесть лет от роду, мать ее померла; и вдова, именем Анастасия, Григорьева жена Лукина, Никифорова дочь Дубенского, воспитывала ее шесть лет во всяком благочестии и чистоте. А когда исполнилось блаженной двенадцать лет, бабка ее преставилась от жития сего. И заповедала она дочери своей Наталье Араповой взять внучку свою Иулианию к себе в дом и воспитывать ее во всяком благочестии, потому что тетка ее имела своих дочерей-девиц и одного сына. Блаженная же от младых лет возлюбила Бога и Пречистую Его Матерь, премного почитала тетку свою и сестер и во всем была им послушна, любила смирение и моление, молитве и посту прилежала. И за то тетка много ее бранила, а сестры над ней смеялись, потому что в такой молодости томила она свое тело; и говорили ей ежедневно: “О, безумная! Зачем в такой молодости плоть свою изнуряешь и красоту девственную губишь?” И часто понуждали ее с раннего утра есть и пить. Но она не вдавалась

их воле, хотя с благодарностью все принимала; чаще же с молчанием от них отходила, потому что она была послушлива ко всякому человеку и с детского возраста кротка и молчалива, невеличава. От смеха и всякой игры удалялась; и хотя много раз от сверстниц своих на игры и песни путошные была принуждаема, однако не приставала к их сборищу и таким образом таила свои добродетели. Только о пряже и пяличном деле прилежание великое имела, и во всю ночь не угасал светильник ее. А сирот, и вдов, и немощных в веси той всех обшивала и всех нуждающихся и больных не оставляла без призрения; и все дивились ее разуму и благоверию. И вселился в нее страх Божий.

Не было в той веси церкви, ни вблизи ее, а была версты за две. И не случилось блаженной в девственном возрасте ни разу быть в церкви, ни слышать божественных словес читаемых, ни учителя, учащего на спасение. Только смыслом благим была наставляема нраву добродетельному и, не научившись книгам, ни учителем наставляемая, еще в девственном возрасте все заповеди исправи-

ла и, как бисер многоценный, светилась среди тины. В благочестии подвизалась и желала слышать слово Божие; но в девственном возрасте ни разу того не получила. И от невежд была осмеяна за свои добрые дела».

По шестнадцатому году блаженная вышла замуж и стала матерью не только своих многочисленных детей, но и всех, с кем сводила ее судьба и кто нуждался в ее помощи, сострадания, заботе.

Искупительный подвиг мученика Онуфрия

(Память 4 января)

Жизнь святого мученика Онуфрия представляет собой пример глубокого раскаяния только за слова, сказанные в дни ранней юности.

Онуфрий – болгарин, уроженец города Габрово, происходил из богатой семьи и был хорошо образован. Одно тяжкое воспоминание юности привело его на Афон к монашеским подвигам.

Как-то отец наказал его за шалость, и он,

не помня сам, что говорил, закричал отцу, что потурчится. Его верующую душу, полную стремления ко Христу, мучила и жгла, не переставая, эта словесная измена христианству. Он жаждал смертью за веру искупить свой невольный грех. Приготовившись к подвигу великому иноческими трудами, он всенародно обличил ложь Корана и принял мученическую смерть на тридцать втором году, четвертого января 1818 года.

Детство Иоанна Крестителя

(Память 7 января)

Иоанн Креститель и Христос... Лучшие художники всего мира истощили силы своей кисти на то, чтобы представить детство Христа рядом с детством на полгода старшего Его Иоанна Крестителя.

Вот изумительное полотно великого испанского художника Мурильо, чья душа была полна той умиленной веры, которая эту душу, словно оставившую тело, возносит в заочные обители.

Младенец Иисус усердным движением руки подает младенцу Иоанну Крестителю в ра-

ковине воду. Иоанн, коленопреклоненный, опираясь на знамение благовестия, жадно пьет эту воду... На все это смотрит на земле овечка, а с неба херувимы с благоговейно сложенными ручками... Как живо выражен характер обоих младенцев – ласковая мягкость Христа и суровость Иоанна!

Так как праведная Елисавета, мать Иоанна Крестителя, была родственницей и особенно любима Пречистой Девой Марией, то можно думать, что они иногда и посещали друг друга, хотя и жили на большом расстоянии.

Особенно же в то время, когда святое семейство из Назарета приходило на праздник в Иерусалим; тогда Христос должен был видаться с Иоанном не только в Иерусалиме, но и в селении Иуте, местожительстве священника Захарии, недалеко от Иерусалима.

И жажда подвига, жажда пустыни жгла душу Иоанна, и он ушел за Иордан, тогда как Христос остался до зрелого возраста при Пречистой Своей Матери.

Юность Феодора Колычева, впоследствии Филиппа, митрополита Московского, священномученика[2]

(Память 9 января)

Идет заутреня в домашней церкви большой усадьбы богатого и знатного боярина Колычева.

Все погружено во мрак. Редкие восковые свечи да огни лампад озарят край иконы, скользнут по темному ее лику и как бы замрут. На клиросе звучит одинокий голос дьячка. Старый священник как-то по-будничному выговаривает возгласы, но, несмотря на буднюю службу, она вся захватила собой сына боярина, Феодора.

Ему нравится, да нравится так, что словно выросла в его сердце эта тихая церковь, и темнота раннего зимнего утра, и задумчивые огоньки, и голос на клиросе, и голос из алтаря, и чувствует душа его, как невидимо и неслышно к этому храму подходит Сам Христос и смотрит в душу людей.

Смотрит Он и в душу его, Феодора, смотрит

долгим, немного грустным взглядом, и взор этот спрашивает мальчика: «Любишь ли ты Меня, помнишь ли ты Меня?»

Не слышит уже Феодор ни голоса дьячка, ни голоса священника, не видит более он ни знакомого иконостаса, ни темноты, ни огоньков. Видит он только одного стоящего перед ним Христа, слышит только шепот слов Христовых, слышит не слухом, а сердцем, душой...

«Любишь ли ты Меня, будешь ли ты Меня помнить? Сколько было таких, как ты, детей, которые прежде думали обо Мне, а потом обо Мне забыли и сменили Меня на мир... Останься при Мне, отдайся Мне, посвяти Мне все твои мысли, и чувства, и силы... Я щедр к тем, которые Мне все отдают. Я ниспосылаю им великое счастье... Любишь ли ты Меня, будешь ли ты Меня помнить?.. Мир лежит перед тобой и манит тебя. Ты знатен и богат, и пригож, и умен. Ты будешь в мире счастлив, и в этом счастье ты забудешь Меня. И вот Я спрашиваю: любишь ли ты Меня, будешь ли ты Меня помнить?..

Ты читал о людях, которые были взысканы

Мной мирским счастьем больше, чем ты, но которые сами в жизни искали только одного – быть Моими верными рабами. Можешь ли и ты забыть свою знатность и свое богатство, лишиться себя всех удовольствий, к которым льнут твои товарищи, бросить свою блестящую боярскую одежду, забыть о шумных и пышных охотах и веселых пирах, о службе царской и пойти за Мной на безвестные труды и уничижение?.. Любишь ли ты Меня, будешь ли ты Меня помнить?..»

И много, много еще говорит неслышно внешнему слуху и внятно душе голос Спасителя отроку Феодору, и, незнамо ни для кого, одна за другой проходят в душе его картины его будущего быта...

Уйти потихоньку из Москвы, так, чтобы никто не знал, не отговаривал, не плакал перед ним и не жалился на него. Уйти, скрыться, исчезнуть из мира, как исчезает в глубокой воде брошенный камень. Бедная одежда... хлеб и вода, отшельничество, молитва и часто-часто сходящий к душе Христос, беседующий с душой, как вот сейчас беседовал Он с Феодором.

Кто-то дернул мальчика за рукав. Служба отошла. Вышли наружу. Загорелась заря. Тонкий дымок весело подымался из труб. В морозном чистом воздухе перекликались московские колокола. Подымалось по городу движение. Приятно хрустел снег под ногами, а в душе Феодора отдавались таинственные слова: «Любишь ли ты Меня, будешь ли ты Меня помнить?»

Феодор Колычев родился пятого июня 1507 года и был первенцем Колычевых. Его родители не щадили ничего для его образования. Когда начали его учить грамоте, он привязался к чтению духовных книг. Это чтение было для него, как сласти для других детей. Он был сосредоточенный ребенок, избегавший детских игр. Феодор искал общества старших, любил слушать рассказы о былом русской земли, о лучших русских людях. Его готовили к царской службе. С другими товарищами обучался он воинскому искусству, соколиной охоте, метанию копья, искусству владеть мечом. Малолетний царь Иоанн заметно отличал Феодора, но Феодор все слышал в душе таинственный призыв. Видимо, он не хотел свя-

зять себя с миром и до тридцати лет не женился. Тут однажды он услышал в церкви слова Евангелия о том, что нельзя служить двум господам, нельзя одновременно работать Богу и миру...

Он решил забыть мир и служить Богу. Он тайно ушел в виде простолюдина из Москвы, пробрался на Север, прожил где-то в уединении, потом поступил послушником в Соловецкий монастырь.

Взятый отсюда после долгих лет подвигов на Московскую митрополию, он обличил царя Иоанна в его жестокости и сам был замучен.

Из юности святителя Саввы, архиепископа Сербского

(Память 12 января)

У Стефана Немани, правителя Сербии, третий сын носил имя Ростислав. Дав ему прекрасное образование и видя его редкие способности, родители думали на пятнадцатом году вручить ему управление Герцеговиной. Дальше они надеялись его женить.

На одном из пиров в доме отца сидел как-то Ростислав, ему было не по себе. Не раз замечал он эту тоску в то время, когда вокруг кипело молодое веселье. Так и тут он так же был задумчив, душа его стремилась к чему-то иному.

За пиром Ростислав узнал, что к ним пришел русский инок. Незаметно выйдя из-за стола, Ростислав привел его к себе в комнату и стал слушать рассказы его о монашеской жизни. И тут понял он, что перед ним то сокровище, по которому он тосковал. Нечего было ему больше желать и искать, счастье пришло вдруг к нему, громадное, захватыва-

ощее. Все забыть, отречься от мира, всецело отдаться Христу!..

С решимостью, которая всегда в нем проявлялась, Ростислав задумал бегство.

Он сказал отцу, что отправляется на долгую-долгую охоту, а там слуг своих разослал в разные стороны и уплыл на Афон.

Отец был раздражен и опечален, когда сын послал ему весть, что он инок. Стефан Неманя писал начальнику Солуни – а Афон находился у него в подчинении – что, если он не вернет ему его сына Ростислава, он пойдет на Солунь войной. Исполняя волю отца, воевода прибыл на Афон, желая предупредить пострижение Ростислава. Но Ростислав перехитрил, и в то время, когда солдаты, которым велено было следить за ним, уснули, он вышел из храма, и над ним быстро совершили иноческое пострижение. Родителям он послал одежду, волосы и письмо, в котором с ними навсегда прощался.

Впоследствии Савва был поставлен в Сербию архиепископом и был для родины светлым явлением, подобно нашим московским святителям и преподобному Сергию Радонеж-

скому. Он столь же прославился святостью, как государственным умом и дальновидностью, и имя святителя Саввы является для сербов залогом их народного величия.

Юность преподобного Иринарха, затворника Ростовского

(Память 13 января)

В Борисоглебском Ростовском монастыре почивает преподобный Иринарх-затворник. Он был уроженец села Кондаково нынешнего Угличского уезда, назывался в миру Ильей, был сыном простой крестьянской семьи. В детстве его замечательно то, что рос он необыкновенно быстро, так что стал ходить, имея от роду всего двадцать недель.

Мальчик был чрезвычайно благочестивый, отмеченный какой-то Божией печатью. Игр он не любил, любил говорить о Боге, был кроток, тих, ласков, приветлив. Удивительным образом душа его влеклась к тяжкому подвигу с младенчества, и раз, в возрасте шести лет, он сказал своей матери: «Вот вырасту, постригусь, буду носить на себе железо и

трудиться ради Бога, буду всем наставником». То было пророчество, которое сбылось самым точным и чудным образом.

Как-то в ту пору был у родителей его в гостях один священник и повествовал им о жизни преподобного Макария. Калязинский монастырь, основанный преподобным Макарием, лежит в сорока верстах от родины Ильи.

– Я буду таким же монахом! – воскликнул вдруг мальчик, усердно слушавший рассказ.

Преподобный Иринарх прославился святостью жизни. Жил в затворе Борисоглебского Ростовского монастыря, видел в царствование царя Иоанна Грозного в видении Москву, объятую пламенем и во власти ляхов. И когда пришел к нему знаменитый Сапега, бесплодно осаждавший Сергиево-Троицкий монастырь, Иринарх сказал ему: «Возвратись, пан, в свою землю, полно тебе разорять Русь. Если не выйдешь от нас или опять придешь, то, Богом тебя уверяю, убьют тебя в Русской земле...»

Так и случилось. Сапега был убит под Москвой.

Юность Нины, равноапостольной просветительницы Грузии

(Память 14 января)

Бывают избранные люди, которыми с детства владеет какая-нибудь святая мечта. Так ребенок, будущий великий писатель, еле держа перо в руках, старается уже записать свои мысли и чувства. Так будущий ваятель лепит из глины все, что видит вокруг себя. Так маленький Глинка, будущий великий русский композитор, прислушивался ко всяким раздававшимся вокруг него звукам.

Была в христианстве одна святая дева, жизнь которой явилась исполнением мечты, зародившейся в ней в ее детские годы.

Уроженница Малой Азии, святая Нина была единственная дочь знатных и благочестивых родителей. Отец ее был родственник святого великомученика Георгия Победоносца, а мать ее была сестрой патриарха Иерусалимского.

Двенадцати лет от роду она посетила с родителями Иерусалим. Отец ее остался в святой земле иноком, а мать тогда была постав-

лена в диаконисы для службы нищим и больным женщинам. Нина была поручена одной благочестивой старице, Нианфоре.

При рассказах старицы юную Нину особенно занимала мысль о том, что случилось с той одеждой Христовой, о которой метали жребий воины римские. Нианфора передала ей предание о том, что тот воин, которому досталась риза, отнес ее в свою страну, Иверию, в город Мцхет. Все сильнее и сильнее волновала Нину мысль о хитоне; она жаждала видеть его, ее душа стремилась в неведомую Иверию, к этому городу со странным названием. Она тосковала по Мцхету.

«Владычица, – говорила она в своих тайных молитвах, – дай мне осязать своими руками, дай мне видеть своими глазами одежду, в которой принял начало мук Своих Христос, дай мне увидеть эту далекую страну, вступить в этот город».

Так как мечты Нины были возбуждены в ней Духом Божиим, то чудесным образом сбылось то, о чем она мечтала. Раздумывая о хитоне, об Иверии, о Мцхете, Нина увидела во сне Пресвятую Деву. Владычица в сиянии, с

лицом, являющим святость и благодать, подошла к ней и сказала: «Нина, иди в страну Иверскую, проповедай там Евангелие Господа Иисуса Христа, и Я буду покровом твоим».

– Как я, слабая дева, – возразила Нина, – совершу столь великое дело?

Тогда Владычица подала ей крест. Крест этот был сплетен из лозы виноградной.

– Возьми этот крест, – произнесла Владычица. – Он будет тебе щитом и оградой от видимых и невидимых врагов твоих; его силой ты водрузишь в Иверии знамение веры.

И с этим крестом Нина пошла в далекую Иверию и преклонила страну ко Христу.

К прекраснейшим местам Кавказа, блестящего дивной красотой, принадлежит древняя столица Иверии, Мцхет, в двух часах езды от Тифлиса; там долго хранился крест, врученный Нине Богоматерью. Теперь он находится в Сионском соборе Тифлиса.

Редкий народ более грузин терпел гонение за веру. Никакие натиски магометан не сокрушили в нем того православия, которое было насаждено рукой могучей духом христианской девушки. И наравне с чудными икона-

ми, какими благословил Бог Иверскую землю, и с мощами мучеников грузинских хранился во Мцхете тот дивный крест, который Пречистая Дева небесная вручила деве земной, посылая ее на неисполнимый, казалось, подвиг.

И в летописях христианских заветное место займут эти девичьи чистые мечты о том, чтобы обрести хитон Христов, сбывшиеся в жизни Нины.

Приход в дальнюю страну, обращение царя и царицы после многих чудес, крещение в быстротечной Куре народа, обретение ризы Господней, смерть в бедном шалаше среди приведенных ею ко Христу двух народов, картalinского и кахетинского, – как все это возвышенно, прекрасно, чудно. Юные мечты ее были основой того громадного дела ее жизни, за которое она, наравне с другими немногими женщинами, получила полное значения имя равноапостольной...

Мощи Нины равноапостольной почивают на месте кончины ее – в женском Бодбийском монастыре.

Мученик Неофит

(Память 21 января)

Город Никея в северо-западной Азии – тогда цветущее, теперь ничтожное, забытое селение – был родиной Неофита. Заботливо растили его родители и в десятилетнем возрасте отдали его учиться грамоте. Вселилась тогда в него благодать Божия. Господь, создающий Себе хвалу из уст младенческих, вселился в него, и отрок явился чудотворцем.

Когда дети из училища расходились по своим домам, отрок Неофит брал с собой домой бедных своих товарищей и распределял между ними то, что получал от родителей на обед, а сам оставался голодным.

И шел он тогда к воротам с восточной стороны города, чертил там на земле крест и поклонялся перед ним распятому за нас на кресте Христу. А товарищи его, съев оставленный обед, приходили к нему и тоже молились. И порой Неофит ударял рукой по каменной стене и изводил из нее воду, как из источника, чтобы его товарищи могли напиться. И так ежедневно Неофит обедами своими питал

сверстников своих и поил их водой, чудесно изводимой из камня. Притом он запрещал им кому-нибудь рассказывать об этом; и в этот год даже родители его ничего не знали о том, кроме тех бедных детей.

На второй же год матери его Флорентин было открыто в сонном видении, что сын ее, подобно Моисею, изводит воды из камня и напояет ею жаждущих отроков.

Тогда мать стала молиться Богу, чтобы ей явлено было что-нибудь еще о судьбе сына, и Флорентия увидела белого голубя, севшего на постель спящего Неофита и провещавшего человеческим голосом: «Я послан сохранить Неофита непорочным».

От этого чудного видения Флорентия пала, как мертвая, и весь город сошелся к их дому.

Неофит, вернувшись от городских ворот, сказал отцу: «Не плачь: мать не умерла, она крепко спит». И, подойдя к матери с отцом, он взял ее за руку и сказал: «Встань, мать моя, ибо ты сладко уснула». И она встала... Весть о чудесах Неофита разошлась по всему городу, и многие язычники обратились тогда ко Христу.

И с тех пор нередко слетал к отроку Неофиту голубь и наставлял его.

Однажды голубь сказал ему: «Выйди, Неофит, из дома отца твоего и следуй за мной».

Простясь с родителями, Неофит пошел за голубем. Голубь довел его до горы и влетел в одну из пещер. Войдя в нее, святой нашел в ней льва, страшного видом, и сказал ему: «Выйди отсюда и найди себе другую пещеру, а здесь мне повелел жить Господь».

Лев, выслушав такой приказ святого ребенка, облизал ноги его языком и вышел, а Неофит стал жить в той львиной пещере, питаемый Ангелом. Через год, по повелению Божию, он пошел к родителям своим в Nikeю, так как они приблизились к смерти. Все оставшееся после них имение он роздал нищим и вернулся в свое прежнее жилище, в пещеру, и там жил он до пятнадцати лет от роду, возносясь душой к Богу, как Ангел, и принимая пищу из рук Ангела.

К тому времени игемон Декий издал приказ, чтобы все граждане и окрестные жители торжественно принесли языческим богам жертву. И в час этого мерзкого жертвоприно-

шения Ангел Божий взял и принес на руках святого отрока Неофита и поставил его среди никейской площади, блистающего лицом, как некогда Моисей. И возгласил всенародно отрок: «Меня обрели не ищущие меня, я явлен тем, которые не вопрошали обо мне, чтобы обличить зловерие».

Долго не могли отгадать граждане никейские, что это за чудный отрок, пока не признали в нем сына Флорентин. На приказание первому принести жертву богам отрок стал обличать языческие суеверия.

Игемон Декий, приведенный этим в ярость, велел юношу обнажить, повесить руками к дереву и бить крепкими воловьими жилами, а потом бросить его в раствор уксуса с серой. И в этих страшных муках, когда по ранам, образовавшимся от бичевания, разливалась едкая жидкость, Неофит громким голосом проповедовал стоящему вокруг него народу Христа. Тогда игемон велел снова привязать Неофита к дереву и строгать его ребра острыми железными скребницами.

«Сыне Божий, помилуй меня, Сыне Божий, помилуй меня, Сыне Божий, помилуй ме-

ня», – только и слышалось из уст отрока, терпевшего эту невыносимую муку. Палачи смеялись один другого, и кости обнажились, а юноша воспевал псалмы, призывая Бога на помощь.

Не взяв Неофита муками, Декий надеялся взять его добром: он обещал залечить его раны с помощью искуснейших врачей, только бы он поклонился идолам. На отказ юноши-мученика Декий велел заключить его в темницу.

Утром была растоплена жгучим огнем печь, в которой должны были сжечь Неофита. Бросив его в эту печь, устье ее затворили на три дня и на три ночи – так, чтобы и кости мученика в ней истлели. Но совершилось новое чудо: отрок Неофит, охлаждаемый среди огня Божественной росой, как среди отрадного покойного места, пел псалмы, воспевая спасение свое. Когда же через три дня пришли палачи раскрыть печь и разгрести уголья, они нашли мученика невредимого, а пламя, вырвавшись из печи, попало почти всех их. Прославляя Бога, Неофит молил Его о помощи до конца совершить свой подвиг и

вышел из печи совершенно невредим. Потом осужден был святой на съедение зверям.

Посреди окруженного забором пространства привязали обнаженного Неофита и спустили на него медведя. Тот с ревом пошел на святого, приблизился к нему, остановился, поглядел и вернулся обратно. Изумлялись мучитель-игемон и все зрители.

Тогда выпустили на него лютую медведицу, и она приползла к нему, как преданная собака, прилегла у его ног, как бы поклоняясь ему, и отошла назад...

В это время пастухи привели к игемону льва, громадных размеров и свирепого видом, которого они поймали в пустыне. Этот лев пять дней оставался без пищи. Обрадованный игемон велел выпустить льва на отрока, и все видевшие льва были поражены его страшным видом. Но когда лев увидел святого, он остановился и, опустив голову к земле, стал плакать странными львиными слезами, как будто источник образовался у него в глазах. И он лизал ноги святого. Это был тот самый лев, которого Неофит выселил из пещеры, чтобы поселиться в ней самому. Узнав его, Неофит

велел льву идти в ту же пещеру, которую он уступил ему, и запретил при этом трогать когда-либо людей. Лев, поклонясь мученику, выбежал со страшным ревом, разбил двери ограды и стал прыгать сквозь народ. Все бросились в бегство, боясь лютого зверя, но он, никого не задевая, быстро побежал по повелению святого к прежнему своему логовищу.

Не знал игемон, что еще более делать, и велел убить мученика. Там стоял некий человек, зверообразный и жестокого нрава. С мечом в руках он бросился к мученику, ударил его с размаху мечом в грудь и нанес ему сквозную рану.

Так мученик Неофит, закланный, как агнец, предал чистую душу свою в руки Господа своего месяца января в 21-й день, прожив от рождения всего пятнадцать лет и четыре месяца, ныне же наследовал бесконечную жизнь в царстве Источника жизни – Христа Бога, с Отцем и Святым Духом славимого во веки.

Мученица Агния

(Память 21 января)

Мученица Агния приняла венец святости в возрасте еще более молодом, чем Неофит: ей было тогда всего тринадцать лет. Она была римлянка рождением и родителями своими воспитана в благочестии. Молодая годами, она была зрела разумом, была прекрасна лицом, сияла великой верой и любовью к сладчайшему Иисусу, покорившему ее чистое сердце, и не мечтала она о другом земном женихе, уневестив себя небесному Обручнику.

Она очень понравилась сыну градоначальника, который видел ее возвращающейся из училища. Разузнав, где она живет, он стал посылать ее родителям богатые дары, обещая присылать гораздо больше, чтобы только она стала его невестой.

Агния отвечала на все отказом, говоря, что она обручена с лучшим Женихом, имеет от него более прекрасные дары и что изменить Ему не может. Чтобы приобрести ее любовь, молодой человек не жалел ничего: он купил еще лучших даров – из драгоценных каме-

ньев, золотой утвари, многоценных одежд, – и сам просил ее и уговаривал через друзей и соседей, чтобы она забыла своего жениха и дала слово ему за его любовь к ней, за его знатность, богатство, за все те блага земные, которые он постарается перед ней повергнуть.

«Отойди от меня, искуситель, – отвечала ему юная дева. – Другой предупредил тебя, прислав мне лучшие дары и украшения. Он обручился со мной перстнем веры. Ты не можешь сравниться с Ним ни родом, ни саном. Он возложил на меня дорогие уборы духовной красоты, на шею и на десницу мою драгоценные камни, и одел меня в золототканые одежды, и показал мне бесценное сокровище, которое обещает дать мне, если я сохраню к Нему веру. Не могу смотреть я ни на кого другого, чтобы не обесчестить моего первого Обручника. Я связана с Ним крепким союзом любви. Его знатность несравненна, могущество неотразимо, красота неописанна, любовь сладчайша. Она строит мне дивный чертог. Он весь чуден.

Ему служат Ангелы, солнце и луна. По сло-

ву Его мертвые воскресают, прикосновением Его больные исцеляются. Его богатство никогда не иссякает, хранилища не оскудевают. Ему я хочу быть верной, ему себя вверяю».

От отказа Агнии жених с печали заболел, и когда отец услышал о причине его болезни, то послал приближенных к родителям Агнии, чтобы обручить ее своему сыну. Опять последовал отказ, и тут обнаружилось, что Агния – христианка. Отец обрадовался, думая, что запугает ее и заставит исполнить свою волю.

Долго уговаривал градоначальник Агнию согласиться на брак с его сыном и отречься от Христа. Оскорбивший Агнию сын градоначальника пал мертвым, но был воскрешен словами Агнии и уверовал во Христа, причем с ним уверовали сто шестьдесят свидетелей этого чуда. Тогда Агния была приговорена к сожжению. Ее бросили в огонь. Но пламя разделилось и пошло на две стороны, не трогая девы. И святая среди двух огненных стен громко славилла Бога. После этого велено было пронзить гортань святой мечом. И вознеслась Агния на брак к бессмертному своему Жениху..

Память священномученика Климента Анкирского

(Память 23 января)

Родители священномученика Климента Анкирского были разной веры: мать его была христианка, отец – язычник.

Мать его, Евфросиния, воспитала его в христианстве и в добрых нравах, всю силу своей души она вложила в его первоначальное воспитание.

Ей тяжек казался брак с язычником, но, выходя замуж, она мечтала о том, как приведет мужа своего к истинной вере. Но не только в этом не успела, но муж, наоборот, старался склонить ее к язычеству. Вскоре после рождения сына, Климента, отец его умер, и мать питала его благочестием, как молоком.

Тихо шли детские годы его в частом хождении в церковь, в изучении священных книг, в тех добрых делах, к которым приучала его мать.

Ему было всего двенадцать лет, когда Евфросиния почувствовала, что смерть ее близ-

ка.

К тому одру, с которого она уже не вставала, она позвала своего Климента и стала говорить с ним о его жизни. Было что-то особое в этом предсмертном завете христианской вдовы, которая старалась утвердить в сердце своего сына самое дорогое для нее – сокровище веры.

Как глубоко должны были врезаться в сердце Климента эти слова его матери, любимой и навсегда его оставлявшей! Ему казалось тогда, что он вдруг стал взрослым, так как до сих пор его оберегали отовсюду заботы его матери, а теперь уже никто не будет больше о нем думать, и он должен направлять свою жизнь.

В притихшем покое тихо раздавались проникновенные слова умирающей матери, полные глубокой мысли, – те слова, которые сын сберег и в своей жизни исполнил.

«Милое дитя мое, – говорила Евфросиния, – ты осиротел с пеленок, но Христос Бог был тебе отцом и обогатил тебя Своими дарами. Я, мать твоя, родила тебя плотью, а Христос родил тебя духом, считай же Его своим отцом, а

себя Его сыном. Смотри, чтобы не напрасным было твое усыновление Богу. Служи единому Христу Господу, полагая свою надежду на Христа. Он воистину наше спасение и жизнь бессмертная. Он с небес сошел к нам, чтобы нас с Собой вознести к небу. Он сделал нас возлюбленными детьми Своими и обоже- ствил нас. Тот, кто служит такому Владыке, избегнет всех диавольских сетей и одолеет всякие сопротивные силы. Он не только по- срамит нечестивых правителей и мучителей, поклоняющихся идолам, но сотрет главы всех тех бесов, которых они почитают».

Крепко держа сына за руку, Евфросиния заливалась слезами и, вдохновенная наитием благодати Божией, стала пророчески предска- зывать судьбу сына своего.

«Молю тебя, – говорила она, – возлюблен- ное чадо, одним даром воздать мне за все мои о тебе страдания и попечения. Предстоит лю- тое время, начнутся гонения. Ты же, приве- денный перед владыками и царями, будь тверд, окажи мне эту честь, стой за Христа дерзновенно и мужественно, сохрани крепко и непоколебимо свое исповедание, а я уповаю

на Христа, что скоро увенчает тебя венцом мученичества – в почесть для меня и во спасение многих душ...

Приготовь же сердце твое к подвигу страдальческому, чтобы время не нашло тебя неготовым. Знай, что золоту полезно, чтобы оно перегорело в горниле искушений. Не бойся: страдания временны, а воздаяние вечно. Скоро проходит скорбь, и вечно остается радость. Кратковременно земное бесчестие, и вечная от Бога слава. Один день продолжаются угрозы мучителей и раны, и бывает поругаема ярость земных мучителей, и угашается огонь, которым они пытали Христовых мучеников, ржавчина изъедает их мечи, погибают их силы. Из-за этих ничтожеств, грозящих тебе, не отказывайся от Христа, но взирай на небо и оттуда ожидай великого, богатого, вечного от Бога воздаяния.

Бойся Его величия, ужасайся Его суда, трепещи Его всевидящего ока, ибо те, которые отрекаются от Него, готовят себе страшную судьбу, а те, которые Его открыто исповедали, будут жить в неизреченном веселии и радости и примут отраду со святыми исповед-

никами. Так вот, милый сынок мой, воздай мне за муку рождения твоего и за труды твоего воспитания тем, что я явлюсь матерью исповедника Господня, что прославлюсь в теле сына моего, за Христа страждущего.

Вот, сын мой, я уже стою у кончины моей. Завтра не загорится для меня этот видимый свет. Ты теперь для меня свет мой во Христе; ты жизнь моя в Господе. И молю я тебя, чтобы не постыдиться мне в уповании моем на тебя, но чтобы спаслась я, как говорит апостол, через чадородие. Я родила тебя, и пусть я пострадаю в твоём теле, как бы это тело было моё собственное. Не щадя, пролей ту кровь, которую ты получил от меня, чтобы и мне получить за это награду. Предай тело твоё на раны, чтобы я ими возвеселилась перед Господом.

Некогда еврейская жена[3] принесла Богу за благочестие семь сыновей своих, душой своей пострадала в телах сыновей своих и осталась непобедимой. А для моего спасения достаточно страдания тебя одного, если ты крепко будешь подвизаться за благочестие. Предваряя нынче тебя, я, идя перед тобой,

указываю тебе путь к Богу. Телом отхожу, а дух мой да не будет отлучен от тебя, чтобы мне с тобой сподобиться предстать к престолу Христову, хвалясь перед Ним твоими страданиями и великими твоими подвигами...»

Так говорила эта умирающая христианка. Лучшим счастьем своим она считала, если рожденное ею дитя пострадает на земле за Христа и явится к ней в вечные обители в мученическом венце. Она смотрела на своего милого сына, обнимая его, целуя его голову, очи, лицо, уста, руки и пальцы. И в уверенности, что сын исполнит ее завет и отойдет к Богу прекрасной, чистой жертвой, она, целуя его, говорила: «Блаженна я, что лобызаю тело мученика».

И в тихой беседе, склонясь на грудь сына, она предала душу свою в руки Господа и с миром почила.

Какое лучшее наследство могла оставить христианка своему сыну, как не эту пламенную веру, которую она в нем воспитала, разжигая в нем стремление принести Богу в жертву жизнь, полную надежд!

По погребении матери двенадцатилетний

Климент остался в горьком сиротстве: у него был только небесный Отец. И Бог, общий Промыслитель, пекущийся о сиротах и бедных, дал отроку Клименту другую мать.

В том же городе жила одна знатная, уважаемая, богатая женщина, именем София, бывшая в дружеских отношениях с матерью Климента. Жила она в Боге, занималась молитвой день и ночь и, так как была бездетна, приняла к себе блаженного отрока Климента, любила его, как бы настоящего своего ребенка, и всячески о нем заботилась.

В то время по той стране свирепствовал голод, и язычники бросали по дорогам своих детей, не зная, чем их накормить, а сами разбежались из города в разные стороны.

Тогда Климент этих покинутых детей стал собирать в дом своей названной матери Софии, воспитывал их на ее средства, одевал, учил и приводил к святому крещению, и из дома Софии образовались сиротопитательница и училище, так что она стала в Боге матерью многих детей.

А сам Климент в раннем отрочестве, являясь мужем совершенного разума, стал умерщ-

влять постом и воздержанием свою плоть. Живя по-монашески, он питался одним хлебом и овощами, пил одну воду. Потом, ввиду уважения, каким он пользовался, Климент в двадцать лет был поставлен епископом. Когда же открылось гонение императора Диоклетиана, Климент в течение двадцати восьми лет подвергался мученичеству, посылаемый из города в город и в этих городах обращая ко Христу множество народа.

Когда на престол вступил император Максимин, о Клименте и страдавшем вместе с ним юноше Агафангеле было донесено: «Что делать с этими странными юношами? Много лет мучим их, но они остались живы, и вот — мы думаем, не бессмертны ли они?»

В день 23 января после совершения божественной Литургии Климент был обезглавлен...

28-летнее мученичество его является совершенно исключительным в летописях христианства.

Христианская мать

(25 января память мученицы Филицаты и ее семерых сыновей)

В 164 году в Риме за проповедь христианскую были схвачены дети мученицы Филицаты. Им предстояло или отречься от Христа и остаться жить, или принять за Христа мученическую смерть.

Праведная мать их не только не думала отклонять их от подвига исповедничества, но просила – умоляла детей безбоязненно и крепко стоять за веру. Сперва мать с детьми были жестоко пытаны, потом пять различных судей судили их, и все они были замучены различными пытками. Имена сыновей этой счастливой матери – святые: Януарий, Феликс, Филипп, Сильван, Александр, Виталий и Марциал.

Детские годы святителя Григория Богослова

(Память 25 января)

Григорий Богослов, уроженец восточной части Азии, происходил из благородной и благочестивой семьи. Мать его, Нонну, можно считать высоким образцом христианской женщины. Отец его, Григорий, был язычником, и, выйдя за него замуж, благочестивая Нонна молилась Богу, чтобы с помощью Божией привести мужа своего в христианство. И было ему такое видение: ему казалось, что он поет слова из псалмов Давида, которых раньше никогда не было на его устах и которые он слышал от своей молящейся супруги.

В этом пении он ощущал необычайную сладость. Проснувшись в радости, он рассказал обо всем супруге, и она поняла, что Сам Бог призывает мужа ее к Себе. Она стала говорить ему о христианской вере и привела его ко Христу. Вскоре он принял крещение, а впоследствии был в своем родном городе Назианзе епископом.

Блаженная Нонна, получив от Бога долгожданную милость, стала молиться о другом: чтобы Господь послал ей сына, и она обещала, что ребенка, который у нее родится, она посвятит на служение Богу.

И Бог, творящий волю боящихся Его и внимающий их молитве, исполнил просьбу сердца благочестивой жены. В ночном видении Он преуказал ей, какой у нее родится отрок: она видела своего будущего ребенка и узнала его имя.

Григорий был мальчик великих способностей, острого ума, был усердный и бодрый в учении и легко одолевал даже такие знания, которые с трудом даются взрослым. Он не любил детских шуток, не терпел праздности, всегда был занят. Когда он стал постарше, мать рассказала ему, как она его вымолила у Бога и как обещала посвятить на служение Богу. И глубоко запали в душу мальчика эти рассказы. Он был разума поразительного, являя во всем любовь ко Христу, любил целомудрие душевное и положил себе в закон сохранить во всю жизнь непорочность тела и души.

В этом намерении утвердило его одно таинственное видение. Однажды во время сна увидел он перед собой двух девиц, облаченных в белые одежды. Блистая красотой, равные ростом и летами, они не имели на себе никаких украшений – ни золота, ни серебра, ни жемчуга, ни драгоценных камней, ни дорогих монист, ни шелковых мягких одежд, ни золотых поясов. Одеты в простые белые одежды со скромными опоясаниями, с лицами, занавешенными тонкой тканью, опустив взоры книзу, они были полны целомудрия и стояли молча, сияя непорочной своей красотой.

Отрок, глядя на них, ощущал в сердце своем великую радость и не знал, земные ли то девы или они выше земли. Ласково смотрели на него светлые девы, видя, как он радуется на них.

– Кто вы? – спросил он. – И откуда пришли?..

Первая назвала себя мудростью, а другая – воздержанием. И сказали они, что предстоят престолу Царя славы Христа:

– Будь в единомыслии с нами, чадо, и мы

вознесем тебя на небеса...

При этом обещании они стали подыматься к небу, а отрок Григорий провожал их робким взором, пока они не скрылись за облаками, и, очнувшись, ощутил в сердце невыразимую радость...

Вся жизнь Григория Богослова была проникнута тем духом воздержания и целомудрия, в котором богатейшее развитие получили его великие природные способности.

О том, в каком настроении прошла юность святителя, он сам вспоминал в таких прекрасных словах: «Меня не пленяли прекрасные волны шелковых одежд. Не любил я продолжительных трапез, не любил пресыщения, матери плотоугодия. Не любил я жить в громадных великолепных палатах, расслаблять сердце нежными звуками, предаваться неге и ласкать себя роскошными благоуханиями благовонных мазей. Серебро и золото предоставлял я другим. Мне приятнее всего был кусок хлеба, сладкая приправа – соль, питье – трезвенная вода. Мое богатство – Христос, постоянно возносящий мой ум к небесам. Не нужно мне ни счастья, которое проходит ско-

ро, как разливающееся дыхание, ни скорогибнущей славы. Не важно для меня увеселяться лживыми мечтами, которые одни за другими уходят и исчезают».

Преподобные Ксенофонт и Мария и сыновья их Иоанн и Аркадий

(Память 26 января)

Один из первейших цареградских вельмож, Ксенофонт, жил по-христиански. Он не возносился своим положением и усердно помогал бедным, посылая свое богатство их руками в небо.

Когда детям его, Иоанну и Аркадию, настало время получить образование, сообразное их званию, родители отправили их в финикийский город Вирит, славившийся в то время своей образованностью.

Через несколько времени Ксенофонт разболелся, и супруга его Мария выписала детей обратно, чтобы проститься с отцом. Отцу стало лучше от радости свидания, и он произнес тут детям своим поучение, которое должно помнить всем христианам:

«Завещаю вам, дети: во-первых, бойтесь Бога, стройте жизнь свою сообразно Его святым заповедям. Подражайте отцу своему, который был любим и почитаем не за его сан, а за его кротость и доброту. Он никогда никого не обидел, не оклеветал, не уничижил, никому не позавидовал, а всех любил, со всеми жил в мире, вечером и утром не оставлял церкви Божией, не презирал нищих, но питал их и каждого утешал словом и делом, всегда посещал находящихся в темницах и, выкупая из плена, многих пленников отпустил на свободу.

Я полагал ограждение устам моим, чтобы не говорить ни зла, ни лукавства, и не взирал на чужую красоту, чтобы не исполниться нечистых пожеланий. Угождайте и вы Богу, и Бог подаст вам долгую жизнь. Раздавайте милостыню убогим, вдовам и сиротам, посещайте больных и заключенных, избавляйте несправедливо осужденных, имейте сами мир, храните верность вашим друзьям, благотельствуйте врагам, не воздавайте злом за зло, но ко всем будьте добры, кротки, любящи, блюдите непорочной вашу чистоту ду-

шевную и телесную, благотворите священникам и инокам, посещайте и не забывайте скитающихся Господа ради в пустынях, горах, вертепах и пропастях земных, и не оскудеет рука ваша через милостыню. Достойную честь воздавайте вашей матери, слушайте ее для страха Господня, всегда творя ее волю и никогда ее не ослушиваясь. Будьте милостивы к рабам вашим, старых отпускайте на свободу, до конца обеспечивайте их пищей и кровом. Помните, что скоро прекратится мир этот и ни во что обратится его слава, и да будет с вами мир Божий».

Внимая отцу, дети тихо плакали и уверяли его, что он еще долго с ними проживет. И последовало ему в видении чудесное извещение, что Господь ему продолжает жизнь. Выздоровевши, Ксенофонт велел детям ехать обратно кончать свое учение.

В море постигла их страшная буря. В слезах, на корабле, который кидало из стороны в сторону и било волнами, братья молили Бога продлить им жизнь. Капитан судна с матросами сел в небольшой, но безопасный челн, надеясь на то, что их прибьет к берегу, а

Иоанн и Аркадий со своими рабами остались беспомощными на корабле. Волны уже разбивали его, отовсюду хлестала вода. Видя наступление последней гибели, братья сбросили одежду, чтобы дольше продержаться на поверхности волн, и с рыданием звали своих далеких родителей, как будто они стояли перед ними:

– Живи, дорогой отец, живи, милая мать; вы больше нас не увидите, и мы не увидим вас.

Потом они стали прощаться друг с другом:
– Возлюбленный брат, свет очей моих, как ужасно разлучаемся мы! Где родительские молитвы за нас? Где их благодеяния нищим, возшла ли к Богу хоть одна молитва их за нас или если и возшла, то была ли услышана по грехам нашим? Отец, прилежно заботящийся о нашем воспитании, ты даже не увидишь нас и мертвыми! Мать, мечтавшая о браке сыновей своих и до времени готовившая им брачный чертог, ты не увидишь даже и гроба сыновей своих! Вы надеялись в глубокой старости получить от нас погребение, а вы не можете оказать нам этого последнего долга!

Перед тем, как кинуться в море, они обнялись и крикнули друг другу: «Спасайся, брат, и прости меня». А к Богу взывали: «Хоть в смерти не разлучай нас, но пусть единая волна нас покроет и одна утроба морского зверя да будет нам гробом». «Спасайтесь, друзья, и простите нас!» – закричали они своим рабам. И, когда корабль стал погружаться, они схватились за подвернувшиеся под руку балки и очутились в воде, и далеко разнесло их волнами.

Благодать Божия, готовя в них великих угодников, спасла их всех и прибила к разным странам: рабов в одну сторону, Иоанна в другую, Аркадия в третью; и не столько радовались они о спасении своем, как тужили о гибели других.

И снова в природе все было спокойно и ласково. Младенцем, улыбающимся в колыбели, казалось под синим небом то море, которое еще накануне свирепствовало и жестоко губило людей.

Грустно озирал Иоанн тот берег, куда он был выброшен, и говорил себе: «Как явлюсь я перед лицом человеческим? Пойду в мона-

стырь, где живут иноки, и там в нищете и смирении буду служить Богу, спасшему меня от смерти. Вероятно, для того Господь не внял молитвам, что родители хотели женить нас, оставить нам свои великие богатства, и мы погибли бы в суете мира, и лучшую долю послал нам Вседержитель».

– Господи, – говорил он, воздевая руки к Богу, – Ты, спасший меня от волн морских и от смертной борьбы, спаси и раба Твоего, брата Аркадия, избавь его от горькой смерти, как и меня избавил милостью Твоей. И если Ты сохранил его живым, то отверзи ему ум, чтобы направить его в иноческой жизни. Дай ему угодить Тебе. Спаси же и бывших с нами рабов, чтобы ни единый от них не погиб в море, но чтобы во всех их прославилось Твое святое имя.

Углубляясь внутрь страны, Иоанн дошел до иноческой обители. Вратарь подал ему одежду, предложил трапезу и стал расспрашивать его, откуда он.

Иоанн поселился в этом монастыре и вскоре принял там пострижение.

Между тем Аркадий, тоже оставшись в жи-

вых, был прибит к берегу Святой Земли. Он получил на берегу от одного доброго человека старую одежду, оделся в нее, пошел в бывшую вблизи церковь и со слезами стал молиться о спасении брата. Он уснул, и тут было ему видение.

Видит он брата своего Иоанна, и тот говорит ему: «Зачем, Аркадий, ты так горько оплакиваешь меня и смущаешь сердце твое? Я жив благодатью Христовой, не печалься».

С обновленным духом проснулся Аркадий и благодарил Бога, что Он утешил его.

– Что делать мне? – стал он раздумывать. – Вернуться к родителям? Но так как брата моего не будет со мной, то я опечалю их... Продолжать ли учение и потом вернуться к ним, но, видя меня одного, они зарыдают... Отец мой всегда почитал иноческую жизнь, приближающую душу к Богу... Пойду в монастырь и стану иноком.

Обойдя достопамятные места Святой Земли, он стал искать места для иноческой жизни и встретил прозорливого старца, который прямо сказал ему: «Не печалься – брат твой жив, как живы и все бывшие с вами на кораб-

ле. Все они стали иноками, также и твой брат Иоанн. Твоя молитва услышана. Придет день, и ты увидишь брата». Этот прозорливый инок постриг Аркадия в лавре святого Харитона.

Уже прошло два года, как потонул корабль, везший детей боярина Ксенофонта и Марии, и Ксенофонт снарядил одного из рабов своих в Вирит, чтобы повидать Иоанна и Аркадия и разузнать, здоровы ли они и скоро ли закончат свое учение. Он удивлялся, что дети за это время ему ни разу не написали.

Раб, не найдя их в Вирите, отправился искать их в Афины: думал, вдруг они изменили свое намерение и поехали в Афины, где был расцвет эллинской образованности. Но и там он их не разыскал и ни от кого о них не слышал. Готовясь вернуться в Византию, он как-то встретился с монахом, шедшим на поклонение в Иерусалим. Лицо этого монаха было ему знакомо – он оказался одним из рабов, сопровождавших Иоанна и Аркадия в Вирит. От этого раба он узнал о крушении корабля. «Из всех уцелел я один, – говорил раб, – ноя предпочел начать иноческую жизнь, чем возвращаться домой и принести такую злую весть

нашим господам. И теперь я стал иноком и иду на поклонение в Иерусалим».

Посланец вернулся в Царьград с печальной вестью... Вот уже он в знакомом доме, в знакомых покоях. Но сердце его скорбно, он не может раскрыть рта и молчит. Призвала его к себе Мария, со страхом спрашивает его:

– Здоровы ли дети наши?

– Здоровы, – отвечает он.

– А где их письма?

– Пропали в дороге.

– Говори правду, – произнесла несчастная мать, – душа во мне трепещет, силы духа оставляют меня.

Тогда раб зарыдал: «Увы, госпожа, твои любимцы погибли в море, корабль разбился, и все утонули».

Не криком отчаяния, не ропотом, не рыданием выразила Мария свою скорбь. В комнате воцарилось молчание. Молчал смущенный раб, молчала госпожа, и потом она тихо проговорила: «Благословен Бог, устроивший так, как было угодно Его воле; буди имя Господне благословенно отныне и до века... Бог дал, Бог взял. И все, что Он делает, то нам на пользу...»

Рабу она велела никому не рассказывать о гибели детей.

Вечером вернулся из царских палат Ксенофонт. Он шел, окруженный множеством слуг, которые предшествовали ему и следовали за ним. Тут он сел за стол, так как принимал пищу один раз в день. Мария рассказала ему о приходе раба и открыла ему страшное горе.

Глухой стон вырвался из груди отца, но он пересилил себя и произнес: «Да будет благословенно имя Отца и Сына и Святого Духа во веки... Не скорби, госпожа: я верю, что Господь не допустит погибнуть детям, и я надеюсь, что он успокоит опечаленных родителей. Будем молиться Ему всю ночь об этом. Верь, что Господь откроет нам, живы они или нет...»

Они заперлись в молитвенной храмине своей и всю ночь молились в ней со слезами, с той верой, которая двигает горами. К утру прилегли отдохнуть – всякий в отдельном покое, и было им обоим порознь видение... Они увидели детей своих, предстоящих в великой славе Христу Господу: для Иоанна был приготовлен престол, венец и скипетр царский,

украшенный драгоценностями; над Аркадием сиял венец из звезд, и крест был в деснице его.

Родители пересказали друг другу это сновидение и поняли, что сыновья их живы и что их покрывает милость Господня.

– Мария, – сказал Ксенофонт, – я почему-то чувствую, что сыновья наши в Иерусалиме. Пойдем туда на поклонение святым местам и, быть может, найдем там детей.

И они собрались. Сделав все нужные распоряжения управляющему, раздав обильную милостыню и захватив с собой достаточное количество золота, они поплыли к Иерусалиму.

Там обходили они святые места и затем стали посещать святыни, окружающие Иерусалим, повсюду ища своих детей.

В Палестине встретили они одного из бывших своих рабов, ставшего иноком, и он утверждал, что все утонули, кроме него.

В Иорданской стране родители встретили того прозорливого старца, который постригал в иноческий образ сына их Аркадия, и, когда они подошли под благословение к нему, про-

зорливый старец произнес: «Что привело вас в Иерусалим, как не надежда увидеть потерянных детей ваших? Не скорбите, чада, дети ваши живы, и Бог открыл вам во сне уготованную им славу. Когда вернетесь от Иордана во Святой град, то увидите чад ваших...» И старец, утешивши родителей, как некогда утешил Аркадия, быстро простился с ними. Прозорливый старец пришел в Иерусалим и в церкви Воскресения Христова у святой Голгофы сел на землю. В это время юный инок Иоанн, сын Ксенофонта, пришел в Иерусалим поклониться святыне из своей дальней обители. Он подошел к старцу под благословение, и старец сказал ему, что родители его сейчас будут здесь и ищут его, а сам он ищет своего брата.

– Садись около меня, – отвечал старец, – и скоро увидишь своего брата. И тут действительно подошел другой юный инок, Аркадий. Но как трудно было его узнать: от телесных трудов иссохло лицо его, и от безмерного поста глаза были еле заметны на лице. Увидевши знакомого старца, он бросился к нему и сказал: «Отец, ты оставил свою ниву, не посе-

щаешь ее третий год. Много выросло на ней терний, и немало предстоит тебе потрудиться, чтобы очистить ее».

– Знай, чадо, – ответил старец, – что я время от времени посещаю тебя и верую Господу, что на сердце твоём нет терний, а выросла лишь пшеница, достойная трапезы Царя царствующих. Сядь около меня.

Аркадий сел. И так сидели, разделенные этим старцем, два брата, не узнавая друг друга. Когда же старец навел речь Иоанна на то, откуда он, и Иоанн назвал отца своего и брата Аркадия, они бросились навстречу друг другу и с плачем обнимались.

Через два дня вернулись с Иордана Ксенофонт и Мария и пришли помолиться на Голгофу и у Живоносного Гроба Господня. Тут встретили они того же прозорливого старца и просили его исполнить данное им обещание, показать им детей их. А оба юноши-инока стояли около старца, но старец велел им молчать и не подымать взоров от земли. Дети узнали родителей и радовались, но родители не могли узнать детей своих, так как они были в иноческой одежде и лица их сильно из-

менились.

– Идите туда, где вы остановились, – сказал Ксенофону и Марии прозорливый старец, – и приготовьте нам трапезу, я приду с учениками моими, а потом открою вам, где ваши дети.

И вот Иоанн и Аркадий со старцем сидят в гостях у родителей своих.

– Как живут дети наши? – спрашивают Ксенофонт и Мария у старца.

– Не сокрушайтесь о детях ваших, – говорил старец, – они подвизаются добрым подвигом.

– Как нравятся мне ученики твои, – сказал Ксенофонт старцу, – как был бы я рад, если бы и дети наши были таковы; моя душа влечется к этим юным инокам. Когда я увидел их, почувствовал какую-то радость.

– Чадо, – сказал отец Аркадию, – расскажи, где ты родился, где воспитан и откуда сюда приехал.

И начал Аркадий повествовать все о себе. Тут родители узнали, что перед ними их сыновья, и после первой радости свидания прославили соединившего их Бога.

Иоанн и Аркадий стояли на верной дороге ко Христу. Ксенофонт и Мария, давно уже жившие жизнью иноческой, поняли, что они должны разделить судьбу сыновей своих. Прозорливый старец постриг их, и все они расстались. Аркадий, простившись с родителями, ушел со старцем в пустыню. Ксенофонт через доверенного продал византийский свой дом, все имения, отпустил рабов на свободу и поселился в пустыне в безмолвии, а Мария вступила в женскую обитель. И все они угодили Богу и сподобились великих даров. Иоанн и Аркадий просияли среди пустынников, как светила, и, предузнав кончину свою, отошли к Богу.

Февраль

Юный чудотворец

**(Память святого мученика Трифона
1 февраля)**

Юный чудотворец, прославивший Бога мученичеством своим, Трифон происходил из Фригии. Это был благодатный отрок. Он всегда был погружен в какие-то глубокие думы, был чужд обычных детских шалостей, не капризничал, как другие его сверстники, не был жаден, никого не обижал.

Бывало, ветер состроит из нагроможденных друг на друга облаков причудливые здания, и Трифон пристально смотрит на них, точно желая проникнуть туда, в высокую даль. Или, когда бесчисленные звезды разгорались в темном небе, Трифон часами всматривался в них, как будто миганием своим они рассказывали ему какие-то священные и дивные тайны.

Когда он видел играющих детей и кто-нибудь из них, бывало, зашибет себе ногу или руку, он прибегал к ушибленному, заботливо брал его за руку, старался принести ему холодной воды, чтобы положить примочку на ушибленное место... Не раз случалось, что он возвращался домой без верхней одежды, которую отдал какому-нибудь бедному мальчику, встреченному им по дороге. Родители не бранили его, понимая, что весь он какой-то особенный...

И, когда шел по улице отрок Трифон, высокий, тонкий, светясь каким-то огнем, наружу просвечивающим сквозь истонченную оболочку его тела, внимательные люди приглядывались к нему, чувствуя, что прошел человек исключительной духовной красоты.

В юном возрасте у Трифона в жизни была великая тайна, и эта великая тайна была – его близкое духовное общение с Божеством.

Через все, что было вокруг него: через блеск Своих звезд, через лучи Своего солнца, через журчание Своих ручьев, через пение Своих вольных птиц, через мягкие волны Своей спеющей жатвы, растопленное золото

заката, счастливое шествие весны – Господь говорил с отроком, искавшим Его... Любя Божие творение, отрок Трифон был готов жить так долго, как повелит ему Бог, и в то же время тосковал по небу, как тоскует без родителей привыкший к ним ребенок, как бы ему в гостях ни было хорошо.

И так стремился отрок Трифон ко Христу, что благодать Божия вселилась в него, и он получил дар чудотворения, так что Бог в этом отроке совершал хвалу Себе не только из уст его, но и из чудес его.

И всякая болезнь исцелялась, и бесы бывали прогоняемы от людей святым отроком Трифоном. И вот одно из чудес его.

Римским царством правил тогда император Гордиан. Хотя и идолопоклонник, он не гнал христиан. У него была дочь-красавица, мудрая разумом, по имени Гордиана. Она достигла уже брачного возраста, и многие могущественные люди желали обручить ее со своими сыновьями за ее красоту, разум, богатство. В эту девицу, по попущению Божию, вошла нечистая сила, мучившая ее постоянно, свергая ее в огонь и в воду.

Искуснейшие врачи не оказали помощи, и, наконец, из больной раздался голос: «Никто меня не может изгнать, кроме Трифона-отрока».

И тогда царь разослал по всей вселенной гонцов, чтобы отыскали отрока Трифона. Многие находились Трифоны, всех их доставляли к царскому дворцу, но никто не мог освободить от ужасного недуга царскую дочь.

Наконец отрок Трифон был найден во Фригии...

Луг, покрытый изумрудной травой, весь блестел на солнце, и ярко выделялось на нем белое оперение гусей.

Крупные жирные птицы, важно переваливаясь, медленно ходили всем стадом по лугу, выгибая шеи и роясь в земле своими желтыми носами.

Предоставив им свободу, пастушок Трифон задумчиво смотрел по сторонам. Все окружавшее его было ему так давно знакомо.

Он знал этот луг, мягким уклоном спускавшийся к ручью, и разбросанные по нему одинокие деревья, и видные там, наверху склона, здания родного селения, знал это безоблачное

небо в золотых солнечных нитях – знал и лишний раз любовался всем этим, и в душе его слагалось то настроение, которое так хорошо выражено в словах одной молитвы: «Великий еси, Господи, и чудна дела Твоя, и ни единого же слово довольно будет к пению чудес Твоих».

И, не молясь словами, душа его молилась, потому что весь он стремился к престолу Божию, туда, в высоту, откуда раздалось творческое Слово, вызвавшее к жизни всю эту сверкающую перед ним красоту мира...

В раздумье своем он не заметил, как, быстро махая руками, бежали к нему несколько детей из селения. Только громкие голоса их вывели Трифона из его задумчивости.

– Трифон, иди скорей домой, ищут, пришли из Рима за тобой, пришли...

Трифон вздрогнул. Дети в это время уже подбежали к нему и окружили его кольцом. Они были, по-видимому, взволнованы. Их очень занимала эта необычайная новость в жизни Трифона.

– Ну да, – кричали они наперерыв, – за тобой из Рима пришли и взять тебя хотят.

Трифон пошел за ними. Что-то грустное было в том взоре, которым он оглядывал знакомую картину луга, точно навсегда с ней прощался. Его счастливое детство кончалось, и начиналась пора подвига, а потом и страдания.

Трифону было шестнадцать лет, когда его привели в Рим. Нечистая сила, мучившая царскую дочь, предузнала приход его, и мучения несчастной стали еще более жестоки.

– Не могу здесь дольше жить, – взывал нечистый дух, – Трифон приближается и придет сюда на третий день... Не могу более терпеть...

Так кричал лукавый дух и оставил больную.

Трифон действительно пришел на третий день. Когда он был приведен в царские палаты, то был ласково принят царем. Царь понял, что он есть желанный Трифон, из слов нечистого духа, что он придет на третий день. Но царю хотелось испытать, он ли есть исцелитель его дочери, и царь просил его показать им духа-искусителя так, чтобы они могли его видеть своими глазами.

Шесть дней пробыл Трифон в посте и молитве и, получив свыше еще большую власть над нечистыми духами, в седьмой день на восходе солнца призвал к себе царя с его синклитом.

Исполнившись силы Святого Духа, умственными очами смотря на невидимого Бога, Трифон сказал: «Тебе говорю я, дух нечистый, во имя Господа моего Иисуса Христа явись очевидно здесь находящимся, покажи твой скверный образ и исповедай твою немощь».

И вот явился демон в образе черного пса, с огненными очами и головой, влачащейся по земле.

– Кто тебя, демон, послал сюда, – спросил его святой, – чтобы ты вошел в эту отроковицу, и как дерзнул ты войти в тварь, созданную по образу Божию, будучи сам безобразен, немощен, исполнен всякой мерзости?

– Я послан, – отвечал ему дьявол, – от моего отца: он мне велел мучить эту отроковицу.

– А кто дал вам власть посягать на создания Божии?

– У нас нет власти над теми, – отвечал де-

мон, – которые ведают Бога и веруют в Единородного Сына Его Иисуса Христа, за Которого умерли здесь, в Риме, апостолы Петр и Павел. От тех мы бежим со страхом, разве будет попущено извне испытать их легкими искушениями. А кто не верит в Бога и Сына Божия и творит дела, угодные нам, над теми мы получаем власть.

С ужасом смотрел царь на это ужасное зрелище и с ужасом слушал страшное признание нечистого, а святой Трифон велел духу отойти во ад, и он исчез.

Многими дарами одарил царь святого и отпустил его с миром в его землю.

Блаженный отрок все полученное от царя роздал по пути нищим, и сам, вернувшись домой, продолжал упражняться в обычных делах милосердия, исцеления недужных и угождения Богу святой, непорочной жизнью.

После царствования Гордиана настало царствование Филиппа. Но и он правил недолго, быв убит своими воинами, а потом воцарился царь Декий, который воздвиг лютое гонение на христиан.

Страдания мученика Трифона начались в

городе Никее.

После разных пыток мучивший его начальник Аквилин, отправляясь на охоту, велел влачить за собой мученика, привязанного к коню... Пальцы ног его отвалились, так как вследствие страшной стужи он их отморозил, и, кроме того, конские копыта, наступая на него, били его по ногам. А мученик, взирая к Богу и согреваясь любовью к Нему, как бы не чувствовал этой муки. И молился он словами псалма: «Стопы моя направи по словеси Твоему, и да не обладает мною всякое беззаконие...» Еще говорил он: «Господи, не поставь им это во грех».

Во время одной из пыток внезапно осиял мученика небесный свет и прекрасный венец лучей сошел на главу его, так что мучители его пали в страхе. Наконец мученик был осужден на смерть от меча. Когда он был приведен на место казни, то, став лицом к востоку, помолился Богу, говоря: «Господи, Боже богов, Царь царствующих, Святейший выше всех святых, благодарю Тебя, что Ты сподобил меня совершить до конца этот подвиг... И ныне молю я Тебя, чтобы не коснулась меня лу-

кавая рука врагов невидимых. И введи меня через святых Твоих Ангелов в возлюбленные селения и соделай меня наследником вождь-денного Твоего Царства... Прими в мире душу мою. Всех же, кто меня, раба Твоего, будет вспоминать и в память мою принесет Тебе святые жертвы, услышь их с высоты святыни Твоей и призри на них от святого жилища Твоего, подавая им изобильные и нетленные дарования, ибо Ты один благ, Ты один щедрый Податель во веки веков»...

И во время молитвы святого, прежде чем коснулся его смертоносный меч, Господь принял его святую душу в Свои руки, а честное тело его осталось мертвым на земле.

Никейские христиане, обвинив тело его чистой плащаницей и помазав ароматами, хотели схоронить его у себя, в защиту своему городу, но святой явился им в видении и велел перенести его мощи в родной ему город Кампсаду, во Фригии.

Так юный мученик, святой Трифон, с детства освященный Богом, привел ко Христу множество людей и, бесчисленные болезни врачевав в людях, после многих мук, приня-

тых за Христа, был увенчан нетленным венцом от Отца и Сына и Святого Духа, Единого в Троице Бога...

Святой мученик Трифон пользуется великим уважением русского народа. Он принадлежит к тем немногим святым, которые перед отходом своим от земли молились Богу о том, чтобы Господь услышал тех, которые после их конца будут призывать их имя.

В России мученик Трифон изображается верхом на белом коне, с соколом в руках.

Вспоминается при этом, какую страшную казнь претерпел юноша, когда, привязанного к коню, его влекли на охоту вслед за мучившим его тираном.

Вспоминается еще одно событие, происшедшее в нашей России во дни первых Романовых. Один из царских сокольничих потерял любимого царского сокола. Опасаясь царской опалы, несчастный не мог найти себе места и скитался в тех рощах, где он выпустил сокола, надеясь, не вернется ли сокол в эту рощу. После долгих и бесплодных поисков он слезно стал молиться мученику Трифону, в которого имел большую веру, и, изнеможен-

ный, уснул. Во время этого сна явился сокольничему чудотворец Трифон в виде юного отрока со светлым, приветливым лицом; на руке у него сидел сокол. Проснувшись, сокольничий увидал близ себя сокола, который позволил взять себя на руку.

Благодарный сокольничий воздвиг на месте сновидения, в благодарность своему избавителю, храм во имя мученика Трифона. В этом храме есть образ с частью мощей мученика Трифона, и редко, зайдя в эту церковь, вы не услышите в ней звуков молебна. По преданию, великомученик Трифон имеет благодать помогать в бедах, подобных той, от которой избавил сокольничего.

С детства отдаться Христу и в детских годах стать чудотворцем, безбоязненно исповедать Христа перед правителями и перед толпами народа, претерпеть лютейшую казнь и, быв при жизни милосердным ко всем, в предсмертной молитве подумать о будущих людях, которые станут звать его к себе на помощь, и в этот час мученической смерти, когда молитва мученика так высока и действительна перед очами Божиими, испросить услыша-

ния всем тем, которые призовут его в будущих веках на помощь, и затем остаться живым для людей, в этом ореоле сбывающихся обещаний, в этой непрестающей цепи чудес! Какое счастье, какой чудный удел!..

Страдания юной мученицы Фавсты и обращенных ею ко Христу мучеников Евиласия и Максима

(Память 6 февраля)

В городе Кизике во дни нечестивого императора Максимилиана жила юная дева Фавста. Родители ее, люди богатые, воспитали ее в христианских догматах. Тринадцати лет от роду Фавста схоронила отца и мать и стала жить уединенной праведной жизнью. Она упражнялась в посте и молитве, в чтении Божественных книг, соблюдала себя в непорочности, презирала все прелести и все приманки мира – богатство, удовольствия, плотоугодие – и проходила скорбный, трудный путь отреченной жизни.

Все окрестные христиане знали и прославляли добродетели Фавсты. Знали их и языч-

ники, и, во исполнение слов Писания: «не может град укрыться, на верху горы стоящий», – слух о ней дошел до самого царя Максимилиана.

И царь послал в Кизику первого жреца Евиласия, чтобы отыскать невесту Христову, Фавсту. При этом он дал ему завет: если она согласится принести жертву богам, то осыпать ее всякими наградами; если же откажется, то бросить ее в пучину морскую.

И вот Евиласий в Кизике. Он увидел деву, совершенно юною годами, но старую и верой, и разумом. Поставив ее на суд свой, жрец принуждал ее принести жертву суетным богам.

– Не принесу я, – отвечала ему святая, – жертвы тем богам, которые и глухи, и слепы, и не имеют ни одного из чувств, так как сотворены руками человеческими. У меня есть отец и жених – Христос – на небеси. Не могу я оставить Его; не откажусь от того наследства, которое ждет меня у Господа моего.

– Принеси, Фавста, жертву богам, – настаивал жрец, – иначе умрешь ты лютой смертью.

– Не считай меня, – возражала Фавста, –

безумной: я молода годами, но сердце мое много пережило и чувствует Бога.

Крепость мученицы привела Евиласия в невыразимый гнев. Он велел, для бесчестия и поругания, остричь голову мученице, повесить ее на дерево и крепко бить.

Наступили те минуты в жизни Фавсты, которых со страхом и с нетерпением, с некоторым призывом ждет всякий истинный христианин, – она страдала за Христа.

Как часто раньше мечтала она об этих муках!.. Мечтала о них с детства, когда в доме их говорили о страданиях мучеников... Мечтала о них у гроба родителей, когда чувствовала, что самое тяжелое для нее, что могло ее страшить, – жалость расстаться с родителями, – теперь миновало и что переход родителей в вечность сильнее будет разжигать в ней желание скорого конца... Мечтала в одинокие часы молитвы, когда, стоя духом перед Богом, не находя слов для выражения того, что теснилось в душе ее, пылала, горела, изливалась, благоговела, звала, преклонялась перед Создателем своим.

И вот эти часы наступили. Пытка косну-

лась ее тела. Открыт небесный чертог, и на пороге его с улыбкой на лице, протягивая к ней руки, стоит Он, Божественный Жених, и шепчет ее сердцу: «Терпи, Фавста, Я жду тебя: претерпи, и воцаришься со Мною...»

В жестоких муках, словно раздвоенная, снедаемая болью и полная в то же время невыразимого счастья, Фавста молилась... И вдруг появилась в небе яркая блестящая молния, сверкающая из голубого безоблачного неба, и многих эта молния поразила насмерть.

Смятение охватило площадь, и, когда Евиласий пришел в себя, он воскликнул:

– Скажи мне, Фавста, кто ты? Я вижу, что ты творишь волшебные дела.

– Я объясню тебе, почему я так равнодушна к мукам, – отвечала дева. – Если хочешь послушать меня, вели живописцу написать мое изображение и поместить там те муки, которым ты меня подвергаешь.

Художник, по приказанию великого жреца, наспех исполнил это изображение.

– Ну вот, – сказала дева, – слушай теперь: как это изображение мое не может страдать и

болеть, так и тело мое не ощущает тех пыток, которые ты мне наносишь, ибо душа моя утверждена в Господе моем. Вот тебе мой ответ, а далее делай, как хочешь.

Мучитель приказал положить ее в тесный деревянный ящик вроде футляра и, забив ящик гвоздями, перепилить его и помещающуюся в нем Фавсту пилой.

Страшно было слышать визг пилы по сухому дереву, которое она разрезала. И вот, притаив дыхание и образовавши у ящика круг, люди ждали нечеловеческого крика мученицы. Но в ящике было все тихо: Фавста не страдала.

Сильней и сильней налегали на оба конца пилы мучители, но тщетно: совершилось знамение – тело Фавсты вдруг окаменело и пила не брала его. Несколько часов тщетно трудились палачи и, наконец, от усталости попадали на землю.

Некоторые из них бросились к Евиласию и взмолились: «Эту деву, которую ты предал нам на муку, мы пилили забитую в ящик от первого до шестого часа и ничего не могли сделать. Мы затупили шесть пил, но ни одна

из них не повредила ей. Мы бросали огонь на ковчег, чтобы сжечь его с ней вместе. Но огонь не коснулся ее и не опалил ковчега».

Как новая некая Неопалимая Купина[4], юная мученица стояла невредимой и в огне и воспевала слова из Исаии-пророка: «Если сквозь огонь пройду, не сожжет меня, и пламень не опалит меня».

Елубоко поражен был Евиласий. Он приказал привести святую деву и сказал ей: «Дева, твои чудеса удивляют меня: мне восемьдесят лет от роду, и не видал таких дел... Заклинаю тебя тем Богом, Которому ты веришь, открой мне всю истину».

Может быть, чудным даром провидения, который нисходит на душу, озаренную лучом света Божественного, предвидела дева, что великая душевная работа творится в старом жреце, что истина должна озарить то сердце, которое столько лет заблуждалось, и, призвав Бога на помощь, святая начала:

– Слушай меня прилежно, я открою тебе мою тайну... Сила Божия сохраняет меня целой в муках, как ты видел сам. И если ты внимательно выслушаешь слова мои, то скоро

станешь другом моей веры.

– Расскажи мне скорей всю истину, – отвечал с нетерпением жрец, – я буду слушать со вниманием.

– Бог, – повела свою речь мученица, – бессмертен и вечен, и истинны все дела Его, и праведен суд Его и свят. Бог соблюдает и хранит на всяком месте рабов Своих, праведно живущих и несущих на себе подвиги духовные. Бог укрепляет тех людей, которые посрамили дьявола, отвергли и презрели идолов, почитаемых вами за богов, и победили злые дела мира сего. Мы презрели все земное, возжелали небесного и живем в чистоте, соблюдаем непорочно заповеди Божии, и вышний Бог хранит нас от всякого зла. Мы знаем, что мы во власти Единого Бога и что нет иного, кроме Него, сошедшего на землю, вселившегося во Святую и Пречистую Деву и родившегося от Нее неизреченно... Скажу вкратце: Христос, придя в возраст, сотворил много преславных чудес, научил нас чудным научением, а Сам взошел на крест, пострадал плотью, чтобы спасти нас, и, быв погребен, воскрес в третий день и во славе вознесся на небо. И с

этого неба снова придет Он судить живых и мертвых и воздать каждому по делам его. И мы, следуя примеру Его, отдаем себя на раны и муки ради славы небесной, чтобы не погибнуть навеки: здесь умрем, там же будем жить нескончаемой жизнью.

Не в словах человеческих, которыми трудно выразить всю веру пламенеющую, благоухающую, волнующуюся в душе человеческой, а в чудном выражении лика святой девы, когда она исповедовала своего Христа, в музыке ее голоса была вдохновенная сила, покорявшая старого жреца.

Что-то творилось в нем. Что-то расцветало в его сердце. Что-то лучшее, громадное открывалось перед ним. И, внимая чувству своего опытного старческого сердца, он знал, что он изменился. Он сделал рукой знак палачам снять с мученицы Фавсты узы и отпустить ее на свободу.

Один из рабов его бросился с доносом к царю Максимилиану:

– Великий царь, Евиласий презрел милости твои. Он хочет сам стать христианином. Скорей спасай его от христианской прелести,

пока он окончательно не уклонился в христианство.

Задумался царь. Он знал уже на деле эту заразу христианства, которая втягивала в себя самых, казалось, недоступных для христианства людей, людей ему близких и нужных...

«Евиласий... Евиласий, – шептал царь, – верховный жрец».

Царь решил действовать круто.

Он призвал епарха Максима, жестокого и бесчеловечного мужа, и, заклиная его именем богов, послал его в Кизику к Евиласию.

Горя негодованием, решив действовать беспощадно, Максим, придя в Кизику, стал допрашивать Евиласия:

– Как смел ты, злобная голова, оставить великих богов и, презрев их, отдаться безумным христианам и перейти в их мерзкую секту?

– Клянусь главой моей, – отвечал Евиласий, – если и ты послушаешь девицу Фавсту, то скоро откроется тебе Бог живой и станешь и ты блаженным.

Максим велел пытатель Евиласия, и его, как

Фавсту, повесили на дерево и стали терзать ударами.

«Владыка Боже Всемогущий, – молился Евиласий, – Ты, помогший рабе Твоей Фавсте во всех ее муках и показавший моим очам чудеса Твои, избавь и меня, смиренного, от лютого и жестокого епарха, ибо я возжелал Тебя, Господи, после Твоих чудес».

Потом епарх велел опалять бока мученика горящими свечами, и в этом страдании он молил святую Фавсту, стоявшую тут же и смотревшую на его страдания, чтобы она помолилась о нем Господу.

– Господи Боже мой, – стала молиться мученица, – яви благодать Твою и вонми моление рабы Твоей: прими Евиласия в ограду словесного Твоего стада, вчини его в число праведников Твоих, Ты, благословенный во веки.

Тут Максим велел поставить перед собой на суд и Фавсту, так как она склонила жреца в христианство.

– Уповаю на Бога, призвавшего Евиласия, что и тебя Он призовет к познанию Себя и явит Себя тебе, – так говорила Фавста.

– Не безумец я, – во гневе закричал епарх, – чтобы поддаться твоим басням, как этот выживший уже из ума старик!

Начались новые пытки. Железные гвозди вбивали в ноги девы. Но святая не испытывала боли.

Тогда Максим призвал отряд воинов и предложил им выдумать для нее более жестокую муку.

Один из воинов посоветовал бросить ее на съедение зверям. Ее повели в зверинец и выпустили на нее львицу, но львица и другие животные, которых выпускали на нее, припадали к ногам ее и ласкались к ней.

И новую изобрели муку Обнажив ее, связали ей ноги и влачили на канате по земле. И, влачимая по земле, она взывала к Господу: «Господи Иисусе Христе, покрой создание Твое, чтобы на наготу его не смотрели нечестивые очи».

И светлый облик сошел с неба и облек святую, как брачной одеждой.

Пришел один жестокий воин, Евсевий, и просил у Максима позволения мучить Фавсту. И началась тогда одна из тех пыток, при

описании которых содрогаешься всем существом своим. В своей кузнице Евсевий забил длинные гвозди в голову, в лоб, в грудь и в глаза Фавсты.

Давняя жажда мученицы исполнялась: она несла крестную муку, и тело ее было пронзено, как некогда на кресте тело Христово. Что терпела она с пронзенной головой, с пронзенными глазами, со страшным шаром вместо головы, из которого обильно струилась кровь?

«Господи мой, – молилась она в том священном исступлении, в котором уже не чувствуется мука, – этими страданиями моими молю я Тебя о Максиме-епархе: обрати сердце его, открой очи, соедини его с теми, которые исповедуют Тебя Богом».

Евсевий-палач, видя, что юная дева, вся пронзенная, с головой, истекающей кровью, как бы не чувствует никакой муки, велел принести большой котел, наполнить его смолой и серой и, растопив его, бросить в клокоющую страшную смолу Фавсту с Евиласием. Но в этом котле мученики стояли, как в прохладном месте, пели и славословили Бога.

Огонь внезапно погас, и котел оказался холодным.

Чудо, которого просила у Бога мученица, совершилось: Максим-епарх уверовал.

«Боже вечный, – раздался вопль его к тому небу, с которым он враждовал, – сделай и меня участником страданий за Тебя рабы Твоей Фавсты. Прими и меня, окаянного, учини меня с двумя третьим, чтобы я, худой и меньший, пополнил то священное число троичное в образе Троицы Пресвятой, христианами исповедуемой. Господи Боже сил, яви Твою благодать мне, недостойному рабу Твоему, и взыщи меня милосердием Твоим, чтобы на мне, мученике, прославилось имя святое Твое».

И вдруг отверзлись небеса и виден был епарху Сын Божий с ликами ангелов и архангелов, с собором святых, сияющих паче солнца...

Укрепляемый этим дивным зрелищем, епарх возгласил: «Господи, прими меня, как раба Твоего Евиласия. Не помяни беззаконий и неправд моих!..»

И, сам осуждая себя на муку, Максим под-

бежал к котлу, в котором были святая Фавста и святой Евиласий, и, возрев на небо, перекрестился и воскликнул: «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, я иду к вам!» И, сбросив с себя одежду и снова перекрестившись, он бросился в котел. Фавста, видя нового мученика, прославила Бога.

Во время этой молитвы раздался голос с неба: «Приидите ко Мне все труждающиеся в подвигах, обремененные страданиями имени Моего ради, Я успокою вас в Царстве Небесном!»

Слышали святые этот глас и, исполненные радости неизреченной, предали Богу в руки дух свой...

Так пострадала за Христа Фавста-дева, юная мученица, подвигом своим обратив ко Христу Евиласия, великого жреца, и Максима-епарха.

Боярин Елевферий

(Память святителя Алексия, митрополита Московского, 12 февраля)

Весело прошел воскресный день.

К обеду в дом боярина Феодора съехалось несколько других бояр с детьми, сверстниками его старшего сына Елевферия.

Обедали дети отдельно. Вверху стола сидела почтенная осанистая женщина, мамка детей боярина Феодора, из обедневшей боярской семьи, наблюдавшая в доме за порядком. Священник-вдовец, живший на усадьбе, отправлявший службы в домашней церкви и благословлявший все трапезы, пришел и тут – перекрестил праздничный обед детей. Затем все уселись, и началась праздничная еда, за которой молодые зубы работали исправно.

Была та пора, когда в природе весна начинает бороться с зажившейся зимой, когда мороз уже не жжет, а нежно щиплет щеки, когда полуденное солнце растопляет залежавшийся на крышах снег и они к вечеру окайм-

ляются рядом причудливых замерзших ледяных сосуллек, когда солнце все дольше и дольше загащивается в небе, как будто неохотно уходя за горизонт.

Как ни была вкусна обильная воскресная трапеза, детей тянуло наружу. С громким хохотом высыпали они на широкий двор, в конце которого стояли ворота с широкими столбами. Поодаль тянулась изгородь обширного сада, были разбросаны всякие жилые постройки – амбары, колодцы, ледники, людские. Во дворе уже стояла выстроенная детьми раньше высокая снежная баба.

Кто-то из шаловливых бояричей снес ее до половины роста, и все принялись вновь ее восстанавливать и выстроили в полтора раза выше. Потом предложили окопаться в снегу, как бы в городе, так, чтобы одни защищались, а другие брали его приступом.

Во всех этих играх первым затейником был молодой хозяин, принимавший своих гостей, боярич Елевферий, стройный тринадцатилетний мальчик, легкий, хватистый, быстрый и решительный. С разгоревшимися щеками и живыми бойкими глазами он то и

дело давал приказания товарищам и объяснял им игры.

– Будет это у нас примерно, – говорил он, – Владимир, и вот мы, русские, будем в нем отсиживаться, а вы будете татары.

Елевферий со своими «русскими» быстро сделал круглый валик из снега и утоптал пространство внутри, причем им усердно помогали будущие враги «татары», потом Елевферий засел в городе, который другая кучка товарищей стала брать приступом.

Дети чрезвычайно увлеклись игрой, с величайшей ожесточенностью накидывались на вал, но были сбрасываемы защитниками, которые то и дело выскакивали наружу и вступали с ними в единоборство на валу или на снегу рядом.

Пользуясь тем, что внутри оставался один Елевферий, двое мальчиков хотели пробраться внутрь вала, но, когда они ворвались, Елевферий совершенно неожиданно для них схватил их обоих за руки и поволок обратно. Такая его доблесть воодушевила других, и, сплотившись, защитники, оставив крепость пустой, прогнали «татар» далеко в сад.

На этом игра и кончилась, так как начинало темнеть, и уже кучера на конном дворе запрягли в возки лошадей, чтобы везти боярничей обратно по их домам.

Пока же Елевферий со своими товарищами обсуждали различные происшествия этой защиты Владимира и ликовали, что они так посрамили «татар».

Веселый день кончался. С многочисленных приходских, монастырских и боярских церквей раздавался мерный звук колоколов: благовестили к вечерне.

Пошел в церковь на своем же дворе и Елевферий.

В его мозгу странно перемешались молитвы и псалмы, в которых душа человеческая просила у Бога помощи и посещения, с только что игранными сейчас играми и с радостью победы над мнимыми татарами.

Он вспоминал, как вспоминали тогда часто русские люди разного возраста, о том, что остаются неотомщенными позор и несчастье, и пленение Руси Батыем, что Русь не самостоятельная, как прежде, земля, а татарская данница, что русские князья получают от ханов

ярлыки на свое княжение...

И под звуки молитвы в разгоряченной голове Елевферия его сегодняшняя победа над мальчишками, прикинувшимися татарами, разрастается в какую-то победу всего русского народа над всей татарской ордой.

Ему мерещится жар сеч, и в них русские знамена. Носящиеся по полю русские родные витязи врубаются в татарские ряды. Что-то властное идет невидимо над русской ратью, что-то полное мужества и решимости. И все сливается в одно восхитительное ощущение, в один чудный исход, который называется победой.

Умный мальчик знает из разговоров родных, из тут и там услышанных слов, из своих соображений, что земле враздробь не одолеть татар, что надо ей слиться в одно ядро, под одной главой, чтобы стать несокрушимой.

И под чтение псалмов в тихой церкви, под мягкий свет вечеряющего дня, проникающего сквозь небольшие оконца и прорезь купола, мерещится Елевферию крепкая, несокрушимая сила, идущая на татар, и среди вооруженного воинства он, Елевферий, одушевлен-

ный, как и все идущие с ним рядом, решимостью вырвать себе победу и сокрушить угнетателя.

И глубокой ночью, когда все на усадьбе спали, если бы кто подошел к кроватке Елевферия, он увидел бы, как раскинувшийся во сне мальчик чем-то встревожен, как грудь его прерывисто поднимается, как горят щеки, потому что он и во сне, как и наяву в мечтах, бьется с татарами, завоеывая свободу униженной Руси.

Как хорошо в ту пору, когда совершившая свое дело весна уступает место лету; когда листья уже распустились, но от них идет еще свежее благоухание; листва дуба клейка еще и бледна, жатва еще не налилась желтыми тяжелыми колосьями, и луга пестреют разнообразными яркими цветами.

Какая радость бродить тогда по молодому лесу, по свежему лугу, смотреть в ясное голубое небо, опрокинувшееся над мирозданием светлым шатром, какое счастье чувствовать вокруг себя неизъяснимый, торжественный праздник обновившейся природы...

Погожим приветливым утром Елевферий

вышел из отцовской усадьбы с силком в руках. Он шел за Москва-реку, в луга, ловить перепелов.

Мальчик наслаждался и каплями росы, блестящей на траве под солнечными лучами; и сладким духом, несшимся из садов, в которых тонула тогдашняя Москва; и тихим благовестом, раздававшимся то на одной, то на другой московской колокольне; чистыми струями плескавшейся под горой реки Москвы. Миновав пригород, раскинувшийся за Москвой и за прибрежными лугами, выбрав местечко по сердцу и раскинув силки, Елевферий притаился в траве.

Привольно было после быстрой ходьбы лежать тут, в мягкой мураве.

То пчела прожужжит над ухом, повьется над чашечкой цветка и повиснет на ней, клоня ее книзу тяжестью своего мохнатого тельца.

Там, вдали, словно подвешенный к небу на длинной нитке, трепещет крылышками на одном месте жаворонок и проливает над лугом серебро своей мирной песни. Порой проплывет благовест от Москвы и растает в воз-

духе... Хорошо... хорошо...

Следит Елевферий за силком, гадает, какой из вьющихся неподалеку перепелов попадет-ся первым. От раннего вставания и быстрой ходьбы за несколько верст, от утомленного внимания мальчик и не заметил, как задремал.

Дремлет он – и вдруг вздрогнул. Ясно прозвучал ему громкий голос:

– Алексей, что всеу трудишься? Тебе предстоит ловить человеков.

Он задрожал, оглянулся вокруг себя. Луг, как гладкая скатерть, виден во все стороны: нет ни души, а голос был, был несомненно. Он поднялся на колени и стал пристально оглядываться кругом, не откроет ли, кто говорил с ним... Никого, никого.

А слова звучат неотступно, как бы про-сверливая мозг: «Алексей, что всеу трудишься? Тебе предстоит ловить человеков».

Он поднялся на ноги, оглянулся вокруг. С грустью он чувствовал, что пришел конец его беззаботной жизни, что с ним случилось что-то громадное, что он стал другой.

Не беззаботным мальчиком, вставшим по-

раньше, чтобы позабавиться на светлом лугу любимой забавой, возвращался теперь в Москву, в родительский дом отрок, которому прозвучал Божественный призыв.

Вся жизнь теперь изменилась.

Крестный сын наследника московского престола, князя Иоанна Данииловича, сын знатного боярина, занимавшего видное место при московском дворе, Елевферий должен был занять в Москве столь же видное положение. Жизнь его сложилась бы, как жизнь царедворца; к тому дело и шло, а теперь все изменилось.

Божественный призыв звучал в его душе. Первый в играх, он теперь уклонялся от них. Его видели постоянно задумчивым и молчаливым, и все то, что в нем происходило, он таил в себе, никому не открываясь.

Родители изумлялись сосредоточенному выражению его лица, слезам, которые показывались на его глазах, когда он сравнивал, как много сделал для людей Христос, восшедший за них на крест, и как мало люди воздают Христу.

Родители старались разузнать у слуг, что

случилось с их мальчиком. Слуги не умели им ничего ответить: они знали только, что Елевферий уходил в пустынные места.

Еде-нибудь в лесу, в далеком поле, как-то ближе чувствовал Елевферий Бога. И он, когда мог, уходил молиться среди природы. Дома же он сидел больше над книгой. Родители решились поговорить с ним о его задумчивости, о том посте, который он на себя налагает. Они уговаривали его жить, как живут другие дети, как жил еще недавно и он сам.

– Не печальтесь обо мне, – ответил им Елевферий. – Сами наслаждайтесь Божиими дарами, а надо мной сбудется Божия воля.

И все молчаливей становился мальчик, и все больше искал уединения. Ему было пятнадцать лет, когда он решил окончательно оставить отца и мать и сделаться иноком.

В возрасте двадцати лет он был пострижен в Московском Богоявленском монастыре близ Кремля и в постриге получил имя Алексей, которым был назван в таинственном видении. Можно думать, что постриг в Москве был единственной уступкой, которую он сделал родителям: отпускать его в дальние мона-

стыри было бы им слишком тяжело.

Всю жизнь свою святитель Алексей провел в Москве, был отличаем святителями московскими, и сам был митрополитом. За малолетнего великого князя Димитрия Иоанновича митрополит Алексей управлял государственными делами. Он берег Россию и своими заботами скопил ту русскую силу, с которой вскоре по кончине его князь Димитрий Иоаннович Донской вступил в бой с татарами и одолел их.

Не сбылись мечты юного отрока Елевферия. Не пришлось ему рубиться в жаркой сече с татарами. Но иным путем он послужил своей родине и был одним из тех чудных кузнецов, которые сковали победоносный меч и дали его в руки русскому народу, чтобы добыть утраченную им ранее свободу.

Равноапостольный Кирилл, просветитель славянских стран

(Память 14 февраля)

Хороша привольная, веселая, шумная, многолюдная Солунь, ныне Салоники, один из главнейших торговых городов Балканского полуострова. Окружено любовью родителей детства будущих просветителей славян – Кирилла, в миру Константина, и Мефодия.

Константину семь лет, и его начинают учить. В это время снится ему чудный сон.

Он видит, что какой-то воевода собрал лучших невест города и говорит юноше: «Выбирай одну из них, чтоб она была тебе помощницей в жизни». И он стал выбирать. Среди них на первом месте спокойно стояла одна. Не описать словами ее красоты, тишина дышала вокруг нее, ее взор смотрел глубоко в душу, и становилось светло и отрадno под этим взором. Бесценные сокровища, украшавшие ее, меркли в сиянии ее лица. Он подошел к ней и услышал: «София».

«София» по-гречески значит премудрость.

Когда Константин приступил к книжному учению, то его память и понимание оказались выше, чем у всех его сверстников. Быстрота его понятия была необыкновенна.

Вот он изучает Писание, и легко дается ему премудрость, и из всех учителей церковных больше всего он чтит творения святителя Григория Богослова. Его детское сердце бьется великим восторгом. Однажды, чтобы излить возбужденное в его душе словами великого учителя Церкви восторженное волнение, он на стене чертит крест, а под крестом свою детскую молитву: «Святителю Божий Григорий Богослов, ты телом был человек, а жизнью Ангел: устами, как серафим, ты славил Бога; твоё учение просветило вселенную. Молю тебя – прими меня. С верой и любовью прихожу я к тебе. Будь учителем мне».

Вначале Константин позволял себе забавы, свойственные его возрасту и его высокому роду.

Однажды он был в поле на охоте. Ястреб сидел на его руке. По усмотрению Божию, внезапно поднялся вихрь и унес птицу. Отрок огорчился, что потерял любимого ястреба. Его

уныние было так велико, что он два дня не принимал пищи. Но в это самое время случился с ним спасительный перелом: он понял тут, как опасно и вредно для души привязываться к вещам житейским.

С тех пор он отказался от скоропреходящих утех, которые вместо радости причиняют печаль. В нем разом пала привязанность ко всему житейскому – он отдался исключительно одному учению и почти не выходил из дому, читал одни священные книги...

Все больше и больше преуспевает отрок в разуме, до Царьграда доходит слух о его способностях, и берут его ко двору, в товарищи к его сверстнику, царю Михаилу. Знаки внимания, которых так жадно добиваются люди, – придворные отличия одно за другим сыплются на царского товарища, но только одна мудрость занимает его душу.

И вот, озабоченный его мирской участью, чтоб закрепить его блестящую будущность, воспитатель царя и Константина предлагает ему в жены знатную девушку, богатейшую наследницу. Но не к миру влечет Константина, и он тайно бежит и постригается в мона-

стыре.

Проходит несколько месяцев первых монашеских подвигов, и его нашли и против его воли возвратили в Царьград. Он принял сан иерея. Много ученых трудов, состязания о вере, и ради них далекие поездки, и снова тихая, пустынная жизнь, молитвы, чтение. А душа жаждет великого дела, которое заняло бы все ее силы.

В далекую пустыню, где Константин жил с братом своим Мефодием, приходит зов из Царьграда, от патриарха и царя, и вот начало новой жизни.

Горячие молитвы об успехе и благословении Божиим на проповедь Евангелия среди славянских народов, изучение славянских наречий. Вот великое чудо, которое подкрепляет веру Константина, когда он приступал к трудам своим: тело священномученика Климента, папы Римского, много столетий почивавшее на дне морском, явлено верующим: ночью над тем местом моря, где лежали мощи, сияет светлый столб, и святые мощи показываются на поверхности...

Начинается проповедь. Толпы народа и от-

дельные лица, ему внимающие, и выражение на этих лицах новых мыслей, пробуждаемых его словами, и радостные для проповедника обращения. Торжество крещения, незабвенные, дорогие, благодатные картины. Вот тот неизъяснимо радостный день, когда братья составили славянскую азбуку, начертали с помощью ее первые написанные на славянском языке священные слова: «В начале бе Слово, и Слово бе к Богу, и Бог бе Слово».

Если прозревший взор в минуту разлучения души с телом видит грядущее, быть может, перед взором апостола славян в последний его час предстала далекая еще, в будущем необозримая, великая страна. Множество светлых храмов сияло по ней, и торжественная песнь православных колоколов неумолчно неслась над ее простором; вивась длинными лентами, как ее светлоструйные, многоводные реки, блистая хоругвями и окладами чудотворных православных икон, шли по ней крестные ходы; среди зелени ее задумчивых, дремучих лесов подымались белые стены и золотые маковки монастырей; зорко глядели вдаль святые вожди той земли, насе-

для ее терпеливый, смиренный народ-Богоносец, и невидимо ходил по той земле, благословляя, Христос.

Юность преподобного Космы Яхромского

(Память 18 февраля)

Боярин, который взял к себе на воспитание крестьянского мальчика Косму, был человек добрый и ласковый.

Взял он его к себе более из жалости, чем из нужды в нем: Косма был из очень бедной семьи, и в доме боярина, где было всего в изобилии, ему жилось сытней, чем дома.

Мальчик оказался смирный, послушный, рассудительный и тихий. Видя его сообразительность, боярин стал посылать его к священнику учиться грамоте, и Косма очень быстро с ней справился.

Любимым его занятием в те часы, когда он бывал свободен от ухода за боярином, от различных поручений, с которыми хозяин рассылал его в разные стороны, было чтение Священного Писания.

Часто в зимние вечера, когда хозяин не отлучался в гости, он призывал к себе Косму и часами слушал, как он своим звонким, детским голосом, внятно и вразумительно, с чувством и умилением прочитывал ему то Златоустовы творения, то сказание о жизни какого-нибудь святого, то какие-нибудь поучения о том, как по-христиански устроить свою жизнь.

Над боярином стряслась беда: заболел он, и, когда острая пора болезни миновала, вместо того чтобы быстро оправляться, он все оставался каким-то хилым. Недуг, очевидно, сидел в теле и не мог выйти.

– Вот что, Косма, – сказал мальчику боярин однажды вечером, когда Косма читал господину вслух житие одного из русских чудотворцев, – поищу-ка я помощи чудесной, стану неотступно просить Бога об исцелении, объеду все святые места на Руси... Что-то мне говорит, что болезнь моя не к смерти, а к славе Божией. Стану ездить и тебя возьму с собой, ты мне верный слуга.

Так и сделал боярин.

Стали они ездить из монастыря в мона-

стырь: где мощи угодника источают исцеления, где сияет чудотворящая благодать от прославленных Богом икон, где бьют из земли целебные источники.

Верно служит мальчик боярину, заботливо подсаживает его в возок. Ночью по первому стону больного поднимается и подходит к нему... Ездят они из места в место, из монастыря в монастырь, от мощей к мощам, а исцеления все нет.

Душа мальчика полна одной молитвы... Сидит ли он в возке около боярина или вечером засыпает, чтобы проснуться при первом стоне господина, все просит он Господа, все взывает к Богоматери, чтобы исцелили его хозяина.

Как-то раз, проезжая по Суздальской области, остановились они у реки Яхромы.

Пока налаживали перевоз, Косма, чтобы размять немного ноги, стал ходить по берегу. Привольный берег, поросший зеленой муравой с разбросанными по ней кудрявыми березами, был озарен мягким светом склонившегося к закату дня.

Всю последнюю часть дороги мальчик про-

молился, и теперь, окинув глазами окружающую его мирную картину, он от души лишний раз пожалел господина.

«Господи, Владычица, – думал он, – прости-те, помогите, сотворите чудо!..»

От одной из берез, стоявшей отдельно, шел какой-то свет. Мальчик остановился сперва как вкопанный, потом вдруг, протянув руки, побежал к ней. Он завидел на дереве стоявшую на суку и прислоненную к стволу небольшую икону Богоматери.

Он подбежал к дереву вплотную. Икона, изображавшая собой Успение Богоматери, источала все более и более яркий свет. Протянув к иконе руки, мальчик упал на колени. Он весь был потрясен, невероятное счастье охватило его сильной волной, слезы застилали глаза, и вдруг от иконы раздался голос:

– Будь иноком, строй обитель во имя Мое.

И, впивая в себя веющую над этим местом таинственную благодать, весь потрясенный, чувствуя себя как бы от земли вознесенным к небесам, мальчик смотрел на совершающееся вокруг него чудо.

Боярин получил от новоявленной иконы

исцеление. Он отпустил Косму на волю. Отрок быстро снарядился в Киев и принял там постриг в Печерской обители. В строгой молитве и посте шла его жизнь. А когда пришел его час, Господь возвестил ему Свою волю: он вернулся на реку Яхрому и здесь основал свой монастырь.

Он почил в конце пятнадцатого века (1492 г.). Мощи его почивают в Успенском храме основанного им монастыря, в двадцати пяти верстах от Суздаля. Там же хранится и явившаяся ему икона, подавшая ему то, о чем он с такой верой и неотступностью молил Бога...

Детство священномученика Поликарпа, епископа Смирнского

(Память 23 февраля)

Это был первый золотой век христианства, когда над миром словно светился образ так недавно еще жившего на земле Христа, когда по вселенной ходили те люди, которые видели Его во плоти и разносили по миру слова, принятые из Его Божественных уст...

Это были те дни, когда новообращенные христиане из разных мест стремились в Иерусалим, чтобы поклониться тому живому чуду христианства, каким была Пречистая Дева Мария, вдохнуть в себя исходившую от Нее благодать, послушать небесную музыку Ее кратких и значительных слов.

Богатый, именитый город Смирна, где велся обширный обмен товаров Азии и Европы, был одним из первых городов, имевших христианскую обширную общину. Епископом там был Вукол, поставленный в одно из благовестнических его путешествий апостолом и евангелистом Иоанном Богословом.

Жила в Смирне одна благочестивая вдова, Каллиста. Елубоко в сердце приняла она проповедь христианства и старалась угождать Богу.

С днями принятия ею христианства совпало сиротство одного смирнского мальчика, Поликарпа. Душа Каллисты в те дни расширялась жаждой какого-нибудь подвига. Ей так хотелось кого-нибудь принять к себе в дом, обласкать, приютить. Услыхала она о том, что маленький мальчик остался совершенно беспомощным, круглым сиротой, без родных, без куска хлеба, и взяла его к себе как сына.

И в тихом доме Каллисты отрок Поликарп проводил счастливое детство. Тайные богослужения в христианских домах или где-нибудь в окрестностях города, в пещерах, встречи с христианами, приходившими из других стран, рассказывавшими о Богоматери, о Христе, Которого они видели ходящим во плоти по градам и весям Иудеи, – как это все было светло и радостно и каким тихим счастьем наполняло душу!

Как-то, когда Поликарп уже подрастал, воспитательница его отлучилась на несколько

месяцев из дому. Заведование всем своим хозяйством она оставила Поликарпу. Что же делает блаженный юноша?..

Он раздает милостыню нищим и убогим, сиротам и вдовам, не отказывает просящим в хлебе, раздает им вино, масло, сберегаемые в кладовых плоды, и раздает так широко, что все богатые запасы истощены.

К этому времени Каллиста вернулась домой. Один из рабов, встречавший ее, рассказал ей, что дома у нее не осталось ничего, так как Поликарп все расточил.

Вот Каллиста у себя в доме и спешит в кладовые. Они полны. В изумлении она зовет Поликарпа.

А блаженный отрок в ожидании своей воспитательницы задумался о том, как тяжело ей будет узнать, что все запасы истощены. С детской чистой верой он помолился Богу и воззвал:

– Господи, Господи, помоги мне! Ты при пророке Твоем Илье наполнил сосуды вдовы в Сарепте Сидонской. Во славу имени Христова, наполни эти хранилища!

И тогда по молитве отрока совершилось

чудо – дом Каллисты наполнился в изобилии всеми припасами.

Когда Каллиста увидела, что все в доме в порядке, она разгневалась на слугу, донесшего ей о тратах Поликарпа, и хотела его наказать. Но Поликарп рассказал ей обо всем, как было. Этот чудесный случай заставил Каллисту быть еще милосерднее. Умирая, она сделала юного Поликарпа своим наследником.

Это наследство Поликарп роздал бедным, старался служить всем нуждающимся. Епископ Вукол поставил его сперва диаконом, потом священником, а перед смертью получил чудесное извещение от Бога, что его преемником будет Поликарп.

Долгие десятилетия мирно пас Поликарп церковь Христову, обогатил христианский мир своими вдохновенными пастырскими посланиями и около ста лет от роду пострадал за Христа в своем родном городе, на скате горы Пагуса, в амфитеатре. Это было в 167 году.

Место его страдания показывают доселе.

Оттуда открывается вся Смирна с ее окрестностями и с ее живописным заливом.

Одинокий путник, стоя на этом скате горы, вспоминает, как некогда толпились здесь бесчеловечные свидетели мученической кончины праведника Поликарпа, как ярко блеснули здесь на поучение миру его вера и любовь ко Христу.

Март

Отречение от мира богатого юноши (Память святителя Арсения Тверского 2 марта)

Однажды, в те благодатные дни, когда Христос Спаситель ходил по земле, предстал перед Ним некий богатый юноша. Он спросил Христа о путях жизни.

В этом евангельском юноше были прекрасные задатки духовного совершенства.

Он точно исполнил все заповеди закона Моисеева – он был непорочен в жизни своей, любил молиться, и его влекло к высшим областям духовного совершенства. И вот он стоял перед Богочеловеком, Который дал людям завет быть совершенными, как совершен Отец их Небесный... Он стоял в лучах той благодати, которая лилась от Христа, и эта благодать должна была ему помочь стать совершенным окончательно и сделаться самым

близким Христовым учеником.

На вопрос юноши, что ему делать, чтобы наследовать жизнь вечную, Христос привел ему заповеди Моисеева закона. И, конечно, юноша не лгал Христу, когда объявил в ответ на Его слова, что все эти заповеди он сохранил от детства своего.

Отрадно видеть молодое существо, стремящееся к совершенству. Каким-то благоуханием веет от непорочной юности. Нельзя без счастливого волнения чувствовать молодую душу, порывающуюся в область высшего добра... И, выслушав ответ юноши, Христос, как сказано об этом в Евангелии, полюбил его.

Какое счастье, какой великий удел! Ему предстояло стать одним из приближенных Христовых учеников, стать доверителем тех тайн и тех откровений, которые Христос открывал даже не всем апостолам. Он должен был прожить в мире возвышеннейшем, мире величайших чувств, стать образцом совершенства, вдохновенным проповедником христианства, чудным Христовым учеником.

И вот разверзаются Христовы уста, и Хри-

стос произносит тихим, в душу проникающим голосом те слова, с какими Он обращался только лишь к избраннейшим из избранных: «Если хочешь быть совершенным, продай имение твое и раздай нищим; тогда приходи и следуй за Мной».

Христос говорил так потому, что видел в этом юноше те духовные способности, которые могли его склонить к этому великому подвигу. Он знал, что обольщение богатством мало-помалу будет умерять те высокие стремления, которые в первой юности влекут эту чистую душу. Он знал, что гордость и общее поклонение, которое встречают богатые люди, удовлетворение тщеславия мало-помалу изменят в корне благородный характер человека. И Он разом, протягивая юноше руку, чудотворную руку Отца, Учителя и Друга, вознесил его на самый верх самоотречения, к величайшему совершенству.

«Оставь мир, – внушал ему Христос, – ибо этот мир будет заслонять перед тобой Мой образ. Приди, отдай Мне всю целость твоих дум, все единство твоих стремлений, всякий пролеск мысли, всякое биение сердца... Меня

нет там, где шумит, волнуется, завидует, злословит и производит бесчисленные свои козни мир. Не может быть верным Моим учеником тот, над кем еще властны мирские призывы. Избирай: Я или твое богатство, служение Мне или миру, среднего выхода нет».

И, произнесши Свое призывное слово, Христос ждал...

Христос ждал, и напряженная душевная работа происходила в юноше...

С одной стороны, он чувствовал, что в той жизни, к которой звал его Христос, было для него великое счастье. Но в нем не было той решимости, которая была в учениках Христовых, призванных Христом на служение Себе от рыбачьих работ... Тем надо было оставить свои лодки, сети и бедный быт. А этому юноше – роскошный дом, удобства жизни, к которым он привык, общее уважение, видное положение среди людей – все, что обольщает человека, к чему люди стремятся долгими тяжелыми годами и всяческими лишениями, а ему далось шутя, без забот. И вот, с одной стороны, лились в душу лучи Божественного света, а с другой – мир манил своими обольще-

ниями... И юноша не победил себя. Евангелие передает о его отказе исполнить слово Христово и следовать за Богочеловеком краткими словами: «Юноша отошел с печалью, ибо у него было большое богатство».

И тогда Христос с грустью воскликнул Своим ученикам: «Как тяжело имеющему богатство войти в Царствие Небесное».

Богатство есть часто тяжелые цепи, которые не пускают дух человеческий лететь к Богу. Богатство как-то обособляет человека от других людей, дает ему возможность чувствовать себя выше их. Евангельский богач не делал никому никакого зла. Он только жил в свое удовольствие и пировал роскошно в то время, как бедный Лазарь лежал беспомощный и голодный у его дома, и за это одно только был тяжко осужден.

Ту решимость, до какой не возвысился богатый юноша евангельский, выказало множество последующих христиан. Во все века христианства находились молодые люди, которым жизнь сулила гладкий и ровный путь и которые вольной волей отрекались от богатства для Христа; потому что они не чувство-

вали себя в силах спокойно наслаждаться на той земле, где Христос принял поношение, муку и смерть; потому что они не могли роскошествовать тогда, когда их братия во Христе не имела куска насущного хлеба; потому что они не могли украшать свои наследственные дворцы, тогда как Христос на земле не имел где преклонить главу. И этому страдающему еще более, чем в дни Своей земной жизни, среди мира бесприютному Христу они отдавали всецело то, что в человеке самое высшее и самое желанное для Бога, – все свое сердце.

И, сами становясь на земле бесправными, бесприютными, нищими, они в сердце воздвигали для скитающегося по миру Христа великолепный духовный чертог. Изгибло имя евангельского юноши, который, надо думать, прожил обычной пошлой жизнью беспечного и бездельного человека. Память о нем осталась только вечным примером укора для тех людей, которых Христос зовет, но которые за Христом не идут.

А вот те, жившие в последующие века, которых Христос и не звал, но которые в призы-

ве Христа к богатому юноше услышали этот зов к себе в своей душе и которые оставили мир, последовав за Ним, – их благословенная память хранится умиленным человечеством. Рассказы о них передаются из уст в уста, потому что, отдав Христу свои мысли и чувства и всю свою молодую и богатую надеждами жизнь, они остались бессмертны через Христа.

Родители будущего святителя Арсения жили в Твери. Имена их не сохранились в потомстве, но известно, что они были знатны, богаты и благочестивы.

У них долго не было наследника. Тужа об этом, они молили Бога даровать им сына. И, когда сын родился, они приняли его как Божия посланца.

Настало мальчику время учиться. Он делал такие успехи в науках, что превзошел своих сверстников. Казалось, что в этом нежном возрасте его украшают седины мудрости.

Товарищи звали его играть с ними, но он не шел к играм, углубленный в мысли о Богопознании.

Он был еще очень юн, когда родители его

почувствовали приближение смерти. Призвав к себе единственного сына, они в последний раз поучили его страху Божию, любви к ближним и благочестивой вере. Передав ему свое состояние, они в мире преставились.

Отдав последний долг родителям, мальчик после похорон остался одиноким в родном доме. И стал он думать свою думу, какой род жизни ему избрать.

«Пришлец я на земле, как все отцы мои, – говорил он сам себе, – и мимо протечет жизнь наша, а будущее не имеет конца. Что избрать мне? Много у меня золота и всякого достояния. Но пусть это не будет мне препятствием идти за Христом, ибо Сам Христос сказал, что трудно богатому войти в Царствие Небесное...»

И вот решил он раздать все имение свое убогим, самому же удалиться от мира и служить Богу в чистоте, воздержании и молитве. И начал он раздавать имение свое нищим. Если кого встречал по дороге в рубище, одевал того человека, посещал больных, всюду рассыпал свою помощь.

Чудный вид представлял теперь родитель-

ский дом его. В нем получили приют себе слабые и старые. Хозяин-отрок с любовью покоил странников, и сам, в память о Христе, омывал им ноги. С утра тянулся к нему всякий люд за помощью. Арсений заступался за несчастных и ходатайствовал за них перед городскими начальниками. То положение, которое занимали родители его, и чистая его жизнь доставили ему в этом отроческом возрасте общее уважение, и просьбы его исполнялись.

Чуден был вид этого отрока, который то молился подолгу в своем покойнике, в котором жил с детства и с которым и теперь не хотел расстаться, то выстаивал длинные службы, неподвижный, задумчивый, словно переносясь душой в заоблачные обители. То ходил он утешителем между людьми, которых призирали в своем доме, то отправлялся в сопровождении слуг, несших одежду и съестные припасы, по домам больных и бедных.

На этом светлом пути юноша встретил много препятствий. Знакомым не нравился этот образ жизни его. Его уговаривали жить, как все, советовали в будущем думать о же-

нитьбе, упрекали, зачем он так много раздает бедным. Иногда над ним глумились:

– Вот святоша, разорил свой отеческий дом и напрасно губит свой век.

Но на Арсения не производили никакого впечатления эти мирские речи. И он с еще большей ревностью продолжал раздавать свое имение: точно спешил от него отделаться, передать его скорей в руки Божии, ничего не оставляя себе на земле. Всех своих рабов он отпустил на волю, помогши им при этом деньгами. В нем образовалось решение протиститься с миром и тайно удалиться вдаль от родины.

Никому не говоря, он в одежде бедного странника вышел в ночное время из своего дома и, отойдя довольно далеко от Твери, в уединенном месте преклонил колени и с поднятыми к небу руками стал молиться... Началась для него новая жизнь. Он исполнил вполне тот завет, который дал Христос богатому юноше евангельскому: от своего богатства он остался нищим.

Куда Господь поведет его? Он чувствовал в сердце своем то, что так прекрасно выражено

словами Писания: «Готово сердце мое, готово».

Он рад был принять и муку, и благословение, и свет благодати, и всякое искушение. Он стал перед Богом с открытым сердцем, и свободно, восторженно лилась его молитва: «Господи Боже, Сердцеведец, Тебе Единому известны все мои желания, Ты видел, как к Тебе рвалась душа моя. С тех пор, как я себя помню, Ты знал, что в мире ничего не влекло меня, что все в жизни было заслонено образом страдания Твоего, Христос, распятый за нас на кресте. Я был чужд миру, и мир осмеял и отринул меня. Но я счастлив этим. Я одного только хочу в жизни: быть при Тебе, слушать Твои слова, творить волю Твою... Видишь, я ничего не оставил себе на земле; я все расточил, чтобы приобрести Тебя. Дом свой я оставил, чтобы Ты был мне Покровом. Сродников оставил, чтобы Ты меня вчинил в число рабов Твоих. Из родного города бежал, чтобы Ты сделал меня жителем горнего Твоего града. Вот я стою перед Тобой и жду воли Твоей! Покажи мне путь, которым пойду я, Всещедрый Владыко! Дай мне в терпении и тишине до-

стигнуть тихого Твоего пристанища!..»

И тут, в безлюдном месте, в одежде бедного странника, чувствуя себя всецело в руках Божиих, он был так покоен в сердце, как никогда не был покоен в Твери, в почете и богатстве.

Тут он уснул.

Ему было в ту ночь видение. Кто-то приказывал ему идти в дом Пресвятой Богородицы Печерской как в место, назначенное для его спасения. Он слышал о чудной обители Киево-Печерской, стоящей на чудесах и благодати Пречистой Игуменьи ее, Пресвятой Богородицы. И, проснувшись, он радостно направил туда свой путь... Вот он уже в Киеве, в Печерском монастыре, и стоит перед игуменом. С плачем просит он принять его в обитель. Игумен ласково его спрашивает, почему он так рыдает.

– Надлежит предстать мне на суд, – отвечает юноша, – что же буду отвечать Богу? Прими меня в свою паству и не отгоняй, как Христос не отгонял грешников, к Нему приходивших.

– Чадо, – ласково возразил ему игумен, – за-

чем напрасно сетуешь? Какие можешь иметь грехи в столь юном возрасте? Иноческая жизнь наша трудна, и ты не в силах перенести наши подвиги. Господь указал много путей спасения. Избери себе иной род жизни.

Но юноша обещал безропотно понести все иноческие труды, и игумен принял его.

И стал инок Арсений трудиться день и ночь, исполняя все послушания: то он готовил пищу для братии, то носил дрова и воду в поварню, и никто не слышал от него ропота или бранного слова. Братия изумлялась и радовалась на его крепкое житие и ставила себе этого юношу примером.

Арсений впоследствии был архидиаконом при святителе Московском Киприане, а затем был поставлен епископом на свою родину, в Тверь.

В окрестностях Твери, в глубине сосновой рощи, на живописном берегу реки Тмаки, на урочище Желтиковом, святитель Арсений заложил деревянную церковь во имя Киево-Печерских преподобных отцов Антония и Феодосия и при ней обитель, куда любил уединяться.

Тут вспоминал он свое тихое детство, смерть благочестивых родителей, отречение от мира, чудное видение, направившее его в Киев, и возвращение в сане святительском на свою родину.

Жизнь кончалась, чудная и светлая, как жизнь всех тех людей, которые вняли призыву Христову и покорно и доверчиво на этот призыв пошли за Христом...

Детство великого отшельника

(Память св. Венедикта 14 марта)

Один из отцов европейского монашества, преподобный Венедикт Нурсийский, с детства отличался чрезвычайным разумом. Отроком он казался нравом своим мужем возраста совершенного. Ни одно желание плотское, ни малейшая суэта мирская не волновали его душу.

Во дни цветущей своей молодости он мог свободно и широко наслаждаться миром. Но этот мир вменял он, как сено, засохшее со своими цветами. Венедикт был послан родителями своими в Рим, чтобы учиться наукам. Но жизнь Рима была ему далеко не по вкусу. Он

видел, как молодежь в училище, уже в юную пору, служит своим страстям, и боялся сделаться похожим на своих товарищей. Он стал отдаляться от них и, наконец, совсем оставил училище. Так вышел он из училища неученым мудрецом и разумным невеждой. Преимущества образования он презрел для того, чтобы сохранить целомудрие сердца.

Когда умерли его родители и оставили ему большое богатство, он роздал это богатство нуждающимся, так как думал только об иночестве и о пустынной жизни. С ним решила удалиться от мира его воспитательница, старая женщина, как и он, мечтавшая о жизни духовной и отреченной. Он поселился в уединенном месте, при церкви святого апостола Петра.

Благочестивые старцы, жившие в той местности, относились к отроку с особым уважением.

Однажды воспитательница Венедикта попросила у соседей на малое время орудие для чистки пшеницы. Как-то в ее отсутствие орудие упало со стола и разбилось надвое. Старица, увидав, что чужая вещь приведена в

негодность, стала горько плакать. Блаженный юноша, видя, как убивается воспитательница над поломкой чужой вещи, взял обе части сосуда, пошел с ними в уединенное место, бросился на колени и стал молиться Богу с тем чувством, с каким ребенок просит свою мать исполнить какую-нибудь дорогую для него мечту.

Час молился отрок, и, когда поднялся с земли, сосуд лежал перед ним целый: даже не оставалось никаких следов поломки.

Слух об этом чуде прошел между тамошними жителями, и они повесили этот предмет на церковных стенах, чтобы напомнить о том, как велика может быть сила человеческой молитвы.

Это обстоятельство сильно расстроило блаженного отрока Венедикта. Он решил идти в совершенное уединение и тайно от воспитательницы и знакомых ушел в пустыню, в сорока верстах от Рима.

Там он долго подвижничал в полнейшем одиночестве. О нем знал только один отшельник Роман, приносивший ему пищу.

Святой Венедикт основал несколько мона-

стырей и написал устав для своей братии, принятый впоследствии во многих монастырях Запада.

Монахи Бенедиктинского ордена отличались образованностью, они занимались воспитанием детей и прославились своими сочинениями о первых веках христианства.

Подвиг Алексия, человека Божия

(Память 17 марта)

Когда над Римом и вселенной господствовали сыновья Феодосия Великого, Аркадий и Гонорий, в старом Риме жил великий и славный вельможа Евфимиан.

Жил Евфимиан с великой пышностью в квартале богачей. У него был великолепный дворец, отделенный от улицы цветущим садом, где различные редкие цветы смешивали исходящее от них благоухание в один невыразимый словами приятный аромат.

Легкие мраморные колонны поддерживали величественный фронтон, на котором были изваяны затейливые сцены из древнегреческой жизни. Словно где-то в воздухе терялись потолки высочайших комнат. И на сте-

нах, расписанных прекрасными фресками, ярко выделялась белизна драгоценных мраморных статуй. Высокие бронзовые светильники, кресла и столы – то из бронзы, с мраморными мозаичными досками, то из драгоценного дерева, с украшениями из золота и слоновой кости, – были расставлены по многочисленным покоям Евфимиана.

По дому бесшумно двигались одетые в шелковые одежды светлых цветов, перетянутые золотыми поясами, слуги. Общее число их доходило до трех тысяч.

Из пригородной дачи Евфимиана ежедневно доставлялись к столу молочные скопы, дорогие парниковые овощи и ранней выгонки ягоды.

Редкостные вазы из мрамора и бронзы, разбросанные по всему дому, постоянно пополнялись пышными цветами подгородных садов. С разных концов Италии, из повсюду разбросанных имений вельможи везли к его дому припасы: муку, смолоченную рабами на каменных жерновах, из золотистых зерен; дичь, настрелянную ловкими охотниками в лесах и лугах; шкуры диких зверей, пойман-

ных в лесных чащах; вина в кожаных мехах, выжатые по осени из виноградных гроздей. Гнали мычащих волов и блеющих овец, везли крикливых птиц и янтарный мед – все для потребности громадной усадьбы Евфимиана с ее трехтысячным населением.

Всего меньше пользовался всем этим изобилием сам вельможа, Евфимиан.

Добрый, тихий, незлобивый человек, он тщательно соблюдал заповеди Божии и жил в великом воздержании.

Ежедневно он постился до трех часов дня и ежедневно выставлял у себя три трапезы: сиротам и вдовам, нищим, странникам и больным. Сам же садился за трапезу со странствующими иноками только в четвертом часу.

Доброе сердце Евфимиана утешалось, когда за устраиваемыми им трапезами сидело множество народа. Когда же он видел мало трапезующих, печалился и, пав перед Богом на землю, говорил: «Недостойн я ходить по земле Бога моего – живу в достатке и не помог нуждающимся ближним моим».

Такого же духа, как Евфимиан, была и Аглаида, верная супруга его, так же, как и он,

была она милостива и щедра.

Любить бедных, стремиться подражать милосердию Господню и получить от Бога средства к тому, чтобы проливать на людей потоки милосердия, – какое в этом великое счастье и удовлетворение!

В этой радостной и богоугодной жизни своей Евфимиан с Аглаидой имели одно великое горе – у них не было детей. Часто бездетные супруги мечтали о том, какая радость была бы иметь сына, наследника их имени и богатства... Им рисовалось, как бы заботливо они стали его воспитывать, чтобы сделать из него истинного христианина, как бы щедро после рождения наследника полились по Риму их милостыни.

Часто, когда Евфимиан отлучался из дому во дворец императоров или по делам государственным и Аглаида оставалась одна во внутренних покоях, печально оглядывалась она вокруг себя. И как в эту минуту хотелось ей иметь перед собой ребенка своего, брать его на руки, ласкать его нежными словами, учить его лепетать невинными устами, любоваться на него, любить и благодарить Бога за

это величайшее счастье женщины – счастье материнства!

И, грустно оглядевшись вокруг, смущенная покоем и мертвой тишиной обширных торжественных комнат, Аглаида склоняла голову на грудь, подчиняясь воле Божией. Но в измученном сердце не погасла еще надежда. Быстро вставала она и шла в тот уединенный покой, где любила предаваться молитве. И, упав там перед незримым Богом, она возносила к Нему свою печаль, свою горячую мольбу, свои утомленные надежды:

– Господи, помяни меня, недостойную рабу Твою, и разреши мое неплодие, чтобы сподобилась я назваться матерью моему ребенку... Пошли нам сына, чтобы с мужем у нас была утеха в жизни, чтобы в старости нашей он поддерживал нас...

И сотворил Бог по милости Своей и даровал Евфимиану желанного сына.

Не описать радости родителей. В день крещения мальчика они выкупили на волю заключенных в тюрьмы за долги, разослали по монастырям щедрые жертвы, дали обет построить несколько храмов... И все это было

ничтожно по сравнению с той радостью, какая переполняла их души.

Началось тихое, благословенное детство избранного Богом отрока, которого родители назвали Алексием.

Среди первых впечатлений помнил он, как мать, стоя с ним на коленях и поддерживая его руками, учила его произносить имя Божье и говорила ему о Том Творце, Который создал его, поселил на земле и ждет от него, маленького Алексия, Себе хвалы. И душа мальчика наполнялась тогда чувством близости Бога: трепетом и счастьем.

И часто, когда мальчик просыпался на несколько минут, видел он склонившуюся над колыбелью мать, шептавшую не то слова любви к нему, не то молитвы о нем Вседержителю Богу.

Помнил он богослужение в церквах, и церковное пение, и минуту величайшего чуда вселенной, когда, по слову священнослужителя, в чаше вино претворялось в Кровь и хлеб – в Тело Христово и предстоявшие падали ниц перед совершавшимся неизглагольным таинством.

Он помнил трапезы в отцовском доме, в отцовском саду на сотни убогих людей, и длинные беседы отца и матери с одним из управляющих, которому было поручено объезжать бедные кварталы города и оказывать помощь нуждающимся.

И одновременно с тем, как мальчик подрастал, рос в его сознании образ Христов.

Христос был для него не чем-то далеким, отвлеченным, непонятным, Христос всегда стоял перед ним, как стоял в тот страшный день на помосте, – в тернии, с тростью в руках, со связанными руками, с каплями пота, застывшими по лицу и вытекшими из-под жаливших колючек венца, в багряной ризе, – измученный, осмеянный, поруганный, осуждаемый на смерть, в ужасе настоящего страдания, в еще большем ужасном предчувствии креста...

Неизгладимо в воображении мальчика запечатлелся Христов крест, на котором было написано: «Иисус Назорей, Царь Иудейский». На широко раскинутых и пронзенных руках висел страдающий Богочеловек.

«Господи, Господи, – шептал в минуту ви-

дения крестного древа мальчик. – Ты страдаешь, а я ликую. Ты уничижен, а я во славе... Дай мне во имя Твое уничижить себя. Дай мне участвовать в земном страдании Твоем. Дай мне уйти от этого мира. Дай мне прожить бездомным скитальцем, как Ты. Дай мне любить Тебя и доказать мою верную, мою истинную любовь к Тебе. Дай мне – не счастье, не успехи, не богатство. Во имя Твое, ради Тебя – дай мне нищету, бесславие, тяжелую, отреченную жизнь. Дай мне высшее счастье – страдать, как страдал здесь Ты, мой Бог и Искупитель!..»

Никому не доверял Алексей своих мыслей и чувств: таил все в себе. Он был разумен и тих. Но это не казалось странным в сосредоточенном доме Евфимиана. И не знали люди, какой великий подвижник таится в этом сыне богатого вельможи.

Никто не знал, как простаивает Алексей на молитве целые ночи, и от всех сумел он скрыть, что носит на теле колючую власяницу.

Алексий был еще очень молод, когда родители задумали его женить. Евфимиан первый

заговорил об этом с женой, и она была вне себя от радости. Ей уже представлялось, как она нянчит своих внучат и как они резвятся вокруг нее, а рядом с бабушкой стоят улыбающиеся Алексей с женой.

По положению своему родители Алексея могли рассчитывать для сына на самое блестящее супружество. Они высватали для него невесту из царского рода.

С великим торжеством был совершен обряд венчания архиерейским служением. Весь день длился роскошный свадебный пир.

Более проницательные и наблюдательные люди заметили странное выражение на лице новобрачного. Он точно был не тут, в этом пышном собрании. И, главное лицо всего происходящего, он, очевидно, был чужд этого торжества... Казалось, он мыслями и чувствами где-то далеко, и при всем этом он был тих, спокоен и молчалив.

Вот последние гости покинули дворец Евфимиана, и отец ввел сына в брачный чертог.

В трепете сидела новобрачная в тихом высоком покое. Яркие букеты красных роз, расставленные в серебряных вазах, еще больше

оттеняли матовую бледность взволнованной девушки.

Тихо подошел к ней Алексей. Он снял с пальца обручальный перстень, распоясал на себе дорогой пояс, весь залитый драгоценными камнями, и, подавая эти предметы новобрачной, сказал ей: «Храни это, и Бог да будет между мной и тобой, пока Его благодать не устроит в нашей жизни чего-нибудь нового...»

Что-то необычайное чувствовалось в воздухе брачного чертога, в торжественных кратких словах Алексея. И новобрачная сидела молча, ничего не ответив Алексею.

Он медленно вышел из этих покоев и по затихшему, безлюдному дому прошел в ту комнату, где жил много лет, где крепился перед Богом в невидимом подвиге, откуда рвалась к небу его молитва.

Он сбросил с себя свои златотканые одежды и надел на себя бедное одеяние. Заранее был приготовлен у него небольшой сверток, в котором было завернуто скопленное для этого случая золото, а также некоторые золотые украшения и драгоценные камни, которые

дарили ему родители. Этот сверток он скрыл на себе...

Потом грустно оглядел он ту комнату, где протекла его внутренняя перед Богом жизнь. В эти чертоги он не должен был войти в жизни никогда. С решимостью тряхнув головой, он, не оглядываясь, быстро вышел из комнаты и внутренними ходами прошел к задним воротам, через которые вратарь пропустил его, приняв за раба, отправляющегося по хозяйственным делам в одно из господских имений.

На заранее припасенной лошади Алексей быстро доехал от Рима до морского берега. Тут ждал его корабельщик, с которым он заранее договорился, и он отплыл в Малую Азию. Так совершилась брачная ночь знатнейшего и богатейшего жениха великолепно-го Рима.

Рассветало.

Ночной туман, стоявший над морем, прорезали первые брызги показавшегося на горизонте солнца. Алый пожар его лучей все разгорался. Небо становилось ясней, и море раздвигалось во все стороны. Легкий ветер

надувал белые паруса, и небольшой, прочно сложенный корабль легко скользил по блестящей ровной поверхности.

Скорбь человеческого сердца боролась в юноше со счастьем исполнившейся мечты.

Там, в Риме, оставались родители... Они скорбят о любимом сыне. Но ведь они любят Христа: пусть они принесут теперь сына в жертву Богу, тем более высокую, что ничего об этой жертве не знают.

Там невеста, с которой его венчали у алтаря. Но забыть ли для невесты Христа?

Там мир с его радостями, с великим богатством, славой и властью. Но все это он презрел, чтобы не быть на земле счастливее его Христа, страдавшего на кресте!

И, когда удалявшийся берег представился ему в последний раз еле заметной косою земли, вдруг над этим берегом оставляемой отчизны, в лучах выплывшего над морем солнца, воздвиглось распятие, на котором Христос висел с пронзенными руками, мукой Своей искупая людей...

Юноша упал на палубе на колени и, протягивая руки к священному видению, шептал:

– Распятый, Распятый, унеси меня совсем от суетной жизни мирской!.. О, дай мне стать на суде Твоем одесную Тебя со всеми Тебе удившими!

Алексий, сын римского вельможи Евфимиана, наследник знатного рода, великих богатств, блестящий новобрачный, исчез навсегда из мира.

Причалив к берегу Малой Азии, Алексий встретил путников, отправлявшихся в Месопотамию. Он присоединился к ним и дошел с ними до города Эдессы, который в христианском мире славился Нерукотворенным образом Господа Иисуса Христа.

Во время земной жизни Господа Иисуса Христа владетель города Эдессы, Авгарь, услышал о том, что явился в Палестине праведный Человек, который творит великие чудеса. Авгарь был болен неизлечимой проказой. Он снарядил ко Христу посольство и вручил этому посольству письмо, в котором очень ласково призывал Христа в свои владения, обещая всячески покоить Его, и просил исцелить его.

Христос не пошел к Авгарю, но перед по-

сольством спросил Себе полотенце, приложил его к Своему лику, и этот лик чудесно отразился на полотенце. Этот плат Христос вручил посланцам Авгаря. И, когда они вернулись в Эдессу, Авгарь чудесно исцелился от этого плата с нерукотворенным на нем ликом Христовым. Образ благоговейно хранили в городе Эдессе, который стал христианским после исцеления Авгаря. Авгарь одним из апостолов был крещен во Христа со всем своим городом.

С каким трепетом приступал Алексей к великой святыне, с какой радостью сквозь слезы, блестевшие на глазах, всматривался он в священный лик Богочеловека! Великое духовное счастье переполняло его. Он чувствовал, что тут, у этой святыни, он нашел себе верное пристанище. И он решил пробыть тут много лет. В Эдессе Алексей продал все драгоценные вещи, захваченные из дома, роздал деньги между нуждающимися, а сам облекся в рубище нищих; питался тем, что подавали ему, и время проводил на паперти Богородичной церкви.

Он всегда постился, поддерживая жизнь

свою лишь малым количеством хлеба и воды. Еженедельно приступал он для причастия к Божественной трапезе. Всю получаемую милостыню, кроме грошей, которые он употреблял на покупку хлеба, он раздавал другим старым нищим. Он имел всегда взор, опущенный к земле, ум, направленный к богомыслию. Плоть его так иссохла от поста, что вся молодая красота его увяла, блеск глаз потух, сами глаза впали глубоко в глазные впадины. Он казался скелетом, обтянутым кожей.

Когда Алексей вышел из дома, его родители утром постучались в дверь брачного чертога и нашли там одну невесту, сидевшую в одиночестве, нахмуренную и скорбную.

Когда они узнали о том, что Алексей пропал, они подняли вопль, и брачное веселье обратилось в сетование.

Мать, войдя в свою комнату, затворила окна, посыпала голову пеплом и бросилась лицом к земле. Долго она плакала и рыдала, говоря: «Не подымусь с земли, не выйду из затвора, пока не узнаю, что сделалось с единственным сыном моим и куда он скрылся».

А невеста, стоя при ней, со слезами говори-

ла: «И я не покину тебя и уподоблюсь верной горлице, которая, лишившись своего друга, ищет его по горам и долинам, призывая его к себе умиленным пением: так и я буду терпеливо ждать, пока не услышу о муже моем, где он и какую избрал он себе жизнь».

Отец Алексея разослал множество слуг по разным странам искать своего сына. Несколько человек из них добрались и до Одессы, видели Алексея, но не узнали его и подали ему милостыню, как нищему.

А святой Алексей узнал их и возблагодарил Бога, что Он сподобил его принять милостыню от домашних своих слуг. Слуги, вернувшись домой, доложили господину, что после долгих и тщетных поисков не могли нигде найти Алексея. И все остающиеся долгие годы жизни отец и мать и венчанная жена Алексея должны были проводить в горькой скорби безвестной разлуки. Алексей прожил в Эдессе целых 17 лет.

Впоследствии, когда Алексей стал пользоваться в Эдессе уважением, чтоб избежать славы, он вернулся в родной Рим и здесь получил приют в усадьбе своего родителя. Он

прожил в ней, не узнанный отцом, матерью и женой, еще 18 лет.

Жил он там как нищий странник, и слуги обращались с ним с презрением, часто оскорбляли и смеялись над ним, наследником и господином этого дома и всех богатств Евфимиана.

Перед смертью блаженный Алексей, получив от Бога чудесное извещение о приближении смертного часа, попросил у одного раба хартию, чернил и трость и описал всю жизнь свою, указал и некоторые тайны, которые были известны одним его родителям и из которых они могли убедиться в правдивости его рассказа. Упомянул и слова, сказанные им невесте в чертоге, когда он дал ей перстень и пояс, и в заключение описания жизни своей говорил: «Молю вас, родителей моих любезных и честную невесту мою, не печальтесь о мне, что я сотворил вам столько скорби, оставив вас. Я много сердцем болел об этой скорби вашей и часто молился о вас Богу, чтобы Бог подал вам терпение и сподобил вас Царства Небесного. И уповаю я на милость Господа, что Он исполнит прошение мое. Только

из-за любви к Нему я выказал себя столь жестокосердным и к вам, и к себе. Но лучше в жизни временной исполнить слова Творца и Спаса своего, чем предпочесть Господу родителей своих. И я верую, что сколько я вас опечалил, столь же большую радость вы примете в воздаянии небесном...»

Одинокó умер великий подвижник, разделивший со Христом Иисусом на земле великое Его уничижение.

В час смерти его патриарху Римскому, совершавшему в присутствии царя Божественную Литургию, был голос:

– Поищите человека Божия, преставляющегося от этой жизни, да помолится он о граде.

И был второй голос:

– Ищите человека Божия в доме Евфимиана.

И, когда пришли к неведóмому нищему, жившему на усадьбе, застали его уже отошедшим из этой жизни, с открытым лицом, с хартией в согбенных руках. И все узнали повесть жизни его.

Единственный из всех святых Церкви

Алексий получил великое название человека Божия.

Его безграничное самоотречение, его жестокость к себе произвели глубочайшее впечатление на верующий русский народ. Доселе еще в глубинах народной жизни вы встретите калик перехожих, слепцов, сидящих с чашками в руках на ярмарках в селах, где празднуют храмовые праздники, в монастырях, и жалобным голосом поющих духовные стихи. Один из самых распространенных таких стихов говорит о жизни человека Божия, Алексия...

Повесть об Иосифе Прекрасном

Знаменитые Четьи-Минеи святителя Димитрия Ростовского представляют собой полное собрание подробно изложенных житий святых.

Книга эта, составлявшая со времени ее появления (святитель Димитрий Ростовский был современником императора Петра Великого) любимое чтение верующих русских людей, отличается чрезвычайной теплотой своего изложения.

Пламенная, верующая, благая, чуткая ко всему прекрасному, благоговеющая перед величием духа, склоняющаяся перед памятью дивных друзей Божиих – святых Церкви, душа святителя Димитрия вполне отразилась на начертанных им страницах.

Чувствуется, что благодать жила в его сердце, когда он составлял свои Четьи-Минеи, и какой-то прекрасный душевный покой льется в душу того, кто, отвлекшись от суеты житейской, погрузится в изучение этого высокого, вдохновенного, чистого, святого произведения...

Заклучая повествование о святых, память которых празднуется в марте месяце, святитель говорит:

– Так как в марте месяце Господь наш Иисус Христос был предан на смерть, а прообразом Его предания был среди праотцев Иосиф Прекрасный, сын Иакова, проданный братьями в Египет, то вследствие этого здесь к марту месяцу прилагается житие этого Иосифа, так как он был прообразом Христовых страданий.

Блаженный Иосиф, телом и душой прекрасный, сын Иакова, ветхозаветного патриарха, внук Исаака, правнук Авраама, родился от второй жены Иакова, Рахили.

Любовь Иакова к Рахили представляет собой один из высочайших примеров беззаветной, трогательной любви. Иаков, поселясь у дяди своего Лавана, из двух дочерей его – старшей, Лии, и младшей, Рахили – полюбил младшую.

Вот с какой простотой рассказывает Библия эту трогательную повесть.

Лия была слаба глазами, а Рахиль была красива станом и лицом. Иаков полюбил Ра-

хиль и сказал Лавану: «Я буду служить тебе семь лет за Рахиль, младшую дочь твою». И служил Иаков за Рахиль семь лет, и они показали ему за несколько дней, потому что он любил ее. И сказал Иаков Лавану: «Дай мне дочь твою в жены, потому что уже исполнилось время». Но Лаван обманул Иакова, он дал ему в жены Лию и объяснил: «В нашем месте так не делают, чтобы младшую выдать прежде старшей. Потом дадим тебе и ту за службу, которую ты будешь служить у меня еще семь лет других».

Еще работал Иаков Лавану за Рахиль семь лет и, наконец, получил ее. У Рахили долго не было детей. Наконец родился у нее сперва старший сын, Иосиф, потом младший, Вениамин. Тут Рахиль умерла от болезни. С великой грустью праотец Иаков погребал любимую супругу свою Рахиль близ Вифлеема и поставил над ней надгробный памятник. Гробница Рахили существует и доныне у самой дороги, ведущей из Иерусалима в Вифлем.

Оба сына Рахили, Иосиф и Вениамин, были особенно милы Иакову. Они родились у него

в годы его старости и были для него живой памятью о возлюбленной его супруге Рахили, которую он не переставал оплакивать... К тому же оба они были нравом целомудренны и достойны любви. Особенно в блаженного Иосифа с ранней юности вселилась благодать Духа Святого.

Еще мальчиком Иосиф начал пасти стада овец своего отца со старшими братьями своими, рожденными от других матерей. Видя их грехи и беззакония, он стал гнушаться их злых дел. Желая им добра и исправления, кое-что из их проделок он рассказал отцу, чтобы он отечески наказал их и не навлек гнева Божия на свой дом.

Из привязанности к Иосифу Иаков сделал ему красивую пеструю одежду. Братья возненавидели Иосифа за то, что он не принимает участия в их злых делах и передает о них отцу. Они завидовали, что отец его так любит, жили с ним не мирно и постоянно на него отцу клеветали. Однако Иаков им не верил, хорону зная невинность Иосифа.

В те дни Святой Дух, живший в Иосифе, начал ему, как пророку, возвещать в сонных ви-

дениях будущую судьбу его. Не утаивая ничего из этих откровений, он рассказывал все отцу и братьям.

– Послушайте, – говорил он, – о моем сне. Мне казалось, что я стою среди поля и вяжу снопы, и мой сноп стоит прямо, а ваши снопы стоят вокруг него, и все кланяются моему снопу.

– Что же! – отвечали ему братья. – Ты полагаешь, что будешь царствовать над нами, владеть нами?

И после этого сна они еще сильнее его возненавидели.

Видел он и другой сон и снова рассказал его отцу и братьям:

– Видел я, что солнце, месяц и одиннадцать звезд поклонялись мне. (А у Иакова, кроме Иосифа, было как раз одиннадцать сыновей.)

Этот рассказ Иосифа смутил и самого отца его, Иакова.

– Неужели, – возразил он Иосифу, – доживем мы до того, что я, старик, старая мачеха твоя Лия и все сыновья мои будем поклоняться тебе до земли?

И запретил он Иосифу повторять этот сон, чтобы не раздражать еще сильнее братьев его. Однако старец все размышлял об этом сне и спрашивал себя, что это значит: «Думаю, что Господь покажет чудными путями милость Свою над этим добродетельным моим отроком». И радовался о том Иаков духом, гнев же братьев на него возрастал.

Как-то, когда братья Иосифа пасли стада овец в Сихеме, а Иосиф находился с отцом своим в долине Хевронской, добрый Иаков, заботясь о своих детях, сказал своему сыну Иосифу: «Пойди, дитя мое, к братии твоей. Посмотри, как они живут, здоровы ли, как их стада, и возвращайся скорей ко мне».

Иосиф, исполняя повеление отца, отправился к братьям отнести им привет от лица родителя. А Вениамин, совсем еще маленький мальчик, остался при отце. Бродя по Сихемской пустыне, Иосиф все не мог напасть на следы братьев и их стад. Он был этим расстроен, но встретился с ним какой-то неизвестный человек и спросил: «Чего ты, юноша, ищешь?»

– Ищу братьев моих, – отвечал он. – Скажи

мне, если знаешь, где они пасут стада?

Тот ответил ему: «Они отошли отсюда. Я слышал, как они соглашались идти в Дофайм». И встреченный человек направил Иосифа по этому пути.

Когда Иосиф стал достигать братьев, то он радовался, так как любил их. Они тоже заметили его издалека. И, пока он приближался к ним, исполненные на него злобой, как люди-звери, замыслив над ним злое, они задумали его убить и стали между собою переговариваться: «Вот идет наш сновидец; убьем его, бросим в ров, скажем отцу, что звери растерзали его, и тогда посмотрим, как сбудутся его сны».

Слыша такие слова, старший брат Рувим, желая избавить Иосифа от убийства руками братьев, посоветовал им: «Не убивайте его. Не проливайте кровь брата. Бросьте его в тот глубокий ров вне этой пустыни. Пусть он умрет там один без того, чтобы вы наложили на него руки».

Рувим говорил так затем, чтобы избавить неповинного юношу от смерти и как-нибудь извлечь его потом из рва и вернуть его отцу.

Как незлобивый агнец, ничего не зная о ненависти братьев своих, тихо подошел к ним Иосиф и с любовью приветствовал их, передавая им мир от лица отца своего. Они же со злобою обступили его, сдернули с него его красивую пеструю одежду, в которую он был одет, и заскрежетали на него зубами, сшибли его с ног и стали бить его своими пастушьими посохами и смеяться над ним. Иосиф был между ними один. Он не мог ждать себе ниоткуда помощи. Он стал молить своих братьев со слезами и воплями:

– За что гневаетесь на меня? Пощадите меня, дайте мне упросить вас, братья мои милые. Мать у меня умерла, отец и доселе ежедневно оплакивает ее. Хотите ли еще нанести вашему отцу новую скорбь, когда не утолена и первая скорбь? Прошу вас, не разлучайте меня с отцом, чтобы не пришлось видеть, как неутешная его скорбь склонится ко гробу. Заклинаю вас всех Богом отцов наших – Авраама, Исаака и Иакова – Который повелел Аврааму выйти из земли и из дома отца своего и перейти ему в землю благую, которую Он обещал дать ему и множеству потомства его,

умножающегося, как звезды небесные и как песок на берегу моря бесчисленный. Богом заклинаю я вас вышним, Который дал Аврааму мужество определить Исаака на жертву заклания, и освободил Исаака от смерти, и принял вместо него овцу на заклание. Духом Святым заклинаю вас вышним, Который дал благословение Иакову, отцу нашему, из уст Исаака, отца его. Заклинаю вас и молю: не отлучайте меня от Иакова, как смертью отлучена уже от него Рахиль, чтобы не пришлось Иакову плакать обо мне, как плачет о Рахили, да не ослепнет Иаков, ожидая моего прихода к нему. Верните меня отцу моему, троньтесь слезами моими, пустите меня к нему!..

Так заклинал Иосиф братьев своих Богом отцов своих. Но лютые братья его не склонялись на милость, не боялись Бога и влачили Иосифа в ров.

Отрок хватался за ноги их, плакал и говорил: «Братья мои, помилуйте меня».

Жестокосердые братья бросили его в ров. Этот ров был некогда глубоким колодцем, а потом вода в нем высохла и он был заброшен.

Сидя в колодце, Иосиф громко плакал, ры-

дал и взывал к отцу своему:

– Взгляни, Иаков, на то, что случилось с сыном твоим! Вот я брошен в ров, как мертвый. Ты надеешься видеть меня, отец, как я вернусь к тебе. А я лежу во рве, как разбойник. Ты сам сказал мне: «Посети братию твою и стада мои и возвращайся скорей». А они обошлись со мною, как свирепые волки, и разлучили меня с тобою... Добрый отец, уже ты не увидишься никогда со мной. Отеческая любовь твоя уже не проявится на мне, и я не увижу твоих славных седин, ибо погребен хуже мертвеца... Плакивай, отец, сына твоего, как сын твой плакивает тебя. В детские годы я уже разлучен с тобою... Кто бы дал мне голубицу, которая провещала бы человеческим голосом, чтобы она полетела к тебе и передала тебе плач мой... Уже на глазах слезы иссякли во мне, и от воздыхания голос сжимается в гортани моей... О, земля, земля, возопившая к Богу за Авеля праведного, убиенного без правды! Земля, возопий ты теперь за меня к Иакову, отцу моему, расскажи, что терплю от братии моей...

Так горько плакал и кричал Иосиф, сидя во

рве, до изнеможения.

Исполнив свой злой умысел, братья Иосифа сели недалеко и стали с редким спокойствием есть и пить. Кто победою завладел городом или покорил врага, тот не более торжествует, чем торжествовали они после бесславного своего дела... Во время своего застолья они завидели большой караван арабских торговцев, которые шли в Египет с верблюдами и с грузом фимиама и других ароматов.

Тут одна мысль мелькнула в голове Иуды, четвертого сына Иакова, и он сказал братьям: «Какая нам польза в том, что мы убьем брата и скроем кровь его? Продадим его этим арабам, и он умрет в чужой земле. Мы же будем неповинны в смерти брата нашего».

Эти слова понравились другим братьям, и они извлекли Иосифа из рва. И, когда караван арабских купцов поравнялся с ними, продали его за двадцать монет. И Иосиф был уведен в чужую страну.

Во время этой продажи Иосифа братьями не было Рувима. Когда же он вернулся, подошел ко рву и не нашел там Иосифа, то в гонимости растерзал ризы свои, побежал к братьям

своим и сказал: «Нет нашего брата во рву. Как я вернусь домой, как буду слушать рыдания о нем отца нашего?» И убивался Рувим о судьбе Иосифа.

Путь купцов, ведших с собою проданного в рабство Иосифа, дошел до того места, где была гробница Рахили. Когда Иосиф увидел гробницу матери своей, то побежал к ней и стал плакать горькими слезами и вопить:

– Рахиль, мать моя, встань из тления! Посмотри на Иосифа, которого ты любила. Посмотри, какую судьбу терпит он. Иноплеменники ведут его в Египет. Он продан, как злодей, руками братьев. Иаков же ничего не знает. Открой мне дверь, мать моя. Прими меня в гроб твой, и будет твой гроб общий и для меня. О Рахиль, прими ребенка твоего, чтобы не видеть мне иной смерти в чужой стране. Прими, Рахиль, того, кто силой отлучен от Иакова, как и от тебя был он отлучен, возлюбленная мать моя!.. С воплями сердца моего прими меня в гроб твой. В слезах многих душа изнемогла. Не слышишь ты гласа сына твоего, Иосифа. Меня отняли силой у тебя, и ты не хочешь мне откликнуться. Я Иакова призывал,

и он не услышал голоса моего. Теперь тебя призываю, и ты не хочешь меня услышать. Лучше умереть мне здесь на гробе твоём, чем идти в чужие страны, как злодею.

Когда аравийские купцы, купившие Иосифа, увидели, что он лежит у гробницы и причитает, они сказали друг другу:

– Этот мальчик здесь чародействует. Он хочет навести на нас свои чары и скрыться от нас. Возьмем его и свяжем крепко, чтобы не потерять его.

Они подошли к Иосифу и гневно сказали ему:

– Встань, довольно тебе наводить на нас чары. Ты тут от нас скроешься, и мы потеряем ту цену, которую заплатили за тебя.

Когда Иосиф поднялся с земли, торговцы увидели, что все лицо у него опухло от долгого плача.

– Отчего ты так убиваешься при этом гробе? – спросили они. – Ничего не бойся, поведай нам, в чем дело и за что ты продан? Те пастухи, которые продали тебя нам, наказывали хранить тебя, чтобы ты не убежал от нас по пути. Если ты убежишь, говорили они, то

вина не их. Скажи нам всю правду: чей ты раб – тех ли пастухов или какого-нибудь свободного человека? Открой нам и то, почему ты так плачешь над этим гробом. Мы тебя купили и стали твоими господами. Расскажи нам, как верный раб. Не бойся и расскажи нам, кто ты. Ты кажешься нам человеком свободным, и мы хотели бы видеть в тебе не раба, а дорогого брата. Ты и разумен, и воспитан, и можешь достойно предстать царю и ведаться с вельможами, и будешь когда-нибудь властвовать с ними. Кто не полюбит такого отрока, лицо которого обличает его знатное происхождение; отрока, прекрасного видом и столь премудрого!

– Я не раб, – отвечал им, задыхаясь, Иосиф. – Я не вор и не чародей и ничем не заслужил того, чтобы быть проданным. Я любимый сын своего отца и был любимым сыном матери своей, пока она была жива. Те пастухи – мои братья. И к ним отец послал меня узнать об их здоровье, так как они замешкались в горах... Они же взяли меня и продали вам в рабство, так как жестоко завидуют мне, ибо не могут видеть любви, какую любит ме-

ня отец... А гроб этот – гроб матери моей. Когда отец мой шел из того места, где жил с нею, в другое место, где живет теперь, она умерла здесь, и он ее здесь и похоронил.

Купцы стали жалеть его и сказали ему: «Не бойся, юноша, ты идешь в Египет на великую честь. Твой облик обличает великое благородство. Не печалься, что ты расстался со своими завистливыми братьями, которые тебя ненавидели».

И они продолжали свой путь в Египет.

Братьям Иосифа надо было сообщить отцу ужасную для него весть. Они закололи козла, обмочили кровью ризы Иосифа и послали к Иакову, говоря: «Эту одежду мы нашли брошенной в горах; узнали в ней одежду нашего брата Иосифа и тревожимся теперь, вернулся ли он к тебе. Брата мы не встретили. Смотри, не твоего ли сына эта одежда. Нам кажется, что это одежда Иосифа».

Иаков, видя одежду сына своего, зарыдал и воскликнул:

«Это одежда сына моего, звери лютые съели его!» Растерзал Иаков свои ризы, одел власяницу и стал рыдать и вздыхать: «Отчего я

не съеден зверями, сын мой?! Отчего не встретил меня тот зверь, который насытился бы мною, а ты остался бы в живых?! Отчего зверь не растерзал меня? Отчего я не достался ему в пищу? Увы мне, душа моя мятется ради Иосифа. Увы мне! Где убитый сын мой, чтобы там, над мертвой красотой его, растерзать седины мои?! Я не хочу жить, не видя Иосифа. Я вина смерти твоей. Это я послал тебя в пустыню посетить братьев твоих со стадами их. Буду плакать и сетовать во все часы, пока не сниду во ад. И вместо тела твоего мертвого положу ризу твою пред плачущими очами моими... Но одежда твоя тем более мучит меня, что она вся цела. Не понимаю, как мог зверь растерзать тебя, если одежда твоя не тронута. Она была сорвана руками человеческими, и ты был убит людьми. Зверь не снимает с человека одежды прежде, чем терзать его. А если бы он сбросил с тебя одежду и потом напал на тебя, то риза твоя оказалась бы без крови».

И полная безвестность о конце Иосифа тем более терзала старого Иакова.

Но чудны дела Господни...

Осужденный братьями на смерть и вместо того проданный ими в рабство, Иосиф в Египте был куплен богатым царедворцем Пентефрием. Затем стал лично известен фараону – царю египетскому, предсказал голод по всей земле его и избавил землю египетскую от мук голода, вовремя сделав громадные запасы; был возведен в сан первого вельможи египетского и, наконец, встретился с братьями своими, которых Иаков послал в Египет купить хлеба.

Старый Иаков, по желанию Иосифа, был перевезен в Египет, где и кончил дни свои.

Ветхозаветная история Иосифа Прекрасного является прообразом не только предательства Христа, но и мук всех тех правдивых, прекрасных юных душ, которые возбуждали ненависть в злых людях, ненавидевших все доброе, и были осуждаемы ими на гибель...

Апрель

Детство преподобного Евфимия, архимандрита Суздальского

(Память 1 апреля)

В древнем городе Суздале, как краса его, как лучший памятник суздальского благочестия, возвышается громадными, величественными зданиями, оградами и башнями своими раскинутый на значительное пространство Суздальский Спасо-Евфимиев монастырь. В нем слег на вечный отдых бессмертный князь Пожарский, вместе с Мининым совершивший подвиг освобождения Руси от Смутного времени и от врагов-поляков.

Преподобный Евфимий, основатель этой обители, принадлежит к числу тех людей, которых можно назвать прирожденными святыми. Происходил он из благочестивой нижегородской семьи. Рано наученный грамоте, он пристрастился к чтению духовных книг. Дет-

ских игр избегал, был задумчив, тих и молчалив. Было ясно, что мир не будет в нем иметь своей части. Это был ребенок, созданный для неба, а не для земли.

Мальчика можно было видеть притаившимся где-нибудь в углу церкви и ушедшим там в усердную молитву. Этим он избегал, чтобы кто-нибудь заговаривал с ним. Вся душа его раскрывалась навстречу священным словам, священным воспоминаниям, священным рассказам, которые произносились в церкви, и картины, одна другой привлекательнее, раскрывались перед ним.

Проходили перед ним священной вереницей мученики, бесстрашно смотрящие на своих мучителей и в жесточайших казнях повторяющие одну выстраданную ими истину: «Я христианин».. И отшельники, с задумчивостью на челе, с печатью молчания на устах, со вздохом о своем и о мирском грехе, в великом смирении проводившие свою жизнь.

И иные праведники – Христа ради юродивые, безвестные отшельники, богачи, ради Христа обнищавшие; все те люди, о которых так проникновенно говорит апостол, когда

воскликает о них: «Проидоша в милотех и козиих кожах, лишени, скорбяще, озлоблени, ихже не бе достоин весь мир; в пустынях скитающиеся, и в горах, и в вертепах, и в пропастьех земных».

И мальчику хотелось тогда подражать этим людям: как они, жить для Бога, как они, умереть за Бога. И после таких священных мечтаний, когда он возвращался домой, мир с его суетой и даже родной дом казались ему чем-то далеким, чужим.

Однажды, стоя в церкви, мальчик услышал в своем темном уголке слова Евангелия того дня: «Аще кто хочет по Мне идти, да отвержется себе и возмет крест свой и по Мне грядет; иже бо аще хочет душу свою спасти, погубит ю, а иже погубит душу свою Мене ради, обрящет ю; кая бо польза человеку, аще мир весь приобрящет, душу же свою отщетит».

Эти слова осветили ему ярким пламенем все его будущее: уйти от мира, стать иноком — на это он разом решился. Он не знал хорошо, где найти руководителя, и усердно молился, чтобы Бог послал ему указание.

Тут услышал он о преподобном отшельни-

ке Дионисии. Преподобный Дионисий выкопал себе пещеру в окрестностях Нижнего и сошедшимися к нему учениками образовал на берегу Волги Печерскую обитель, подобно тому как преподобный Феодосий устроил Киево-Печерскую обитель на Днепре.

И вот не идет, а как бы летит в этот новый монастырь пылкий к подвигу юноша. Увидав старца, он упал ему в ноги, не в силах вымолвить слова от слез.

Преподобный поднял его и спросил, зачем он к нему пришел. Тот просил принять его в монастырь. Так некогда молил юный Феодосий преподобного Антония Киево-Печерского; так некогда в Киеве перед прозорливым старцем Досифеем будущий старец Саровский Серафим стоял, прося указать ему, в какой обители начать ему жизнь.

Преподобный Дионисий был умилен этой решимостью к подвигу. Он долго беседовал с пришельцем в его келье и потом собрал братию и постриг его.

Тут начались труды Евфимия, в которых он не ослабевал до конца. Он изнурял себя строгим постом, приносил в пекарню дрова и

воду и занимался печением хлебов. Смотри на огонь в печи, он говорил себе: «Потерпи, Евфимий, чтобы избежать тамошнего огня». И когда он вкушал испеченные им самим хлебы, то в сознании того, как щедро рука Господня открыта на детей Господних, он плакал. Когда дневные труды его прекращались, наступала ночь, посвященная молитве.

Подвиг юного мученика Каллиопия **(Память 7 апреля)**

Отец мученика Каллиопия был знатный и богатый патриций и сенатор.

Каллиопий родился в конце третьего века в городе Пергии Памфилийской. Он получил образование, соответствовавшее юноше его положения. Веру же в нем воспитала его благочестивая мать Феоклия. Она внушила сыну своему с раннего возраста мысль о том, что нет выше счастья, как быть верным Христу.

То были золотые дни христианства, когда всякий час, всякую минуту жизни своей христиане помнили о Христе и его заповедях. Все нечистое, ложное, недостойное тщательно избегалось христианами.

В богатых и знатных семьях, еще недавно принявших учение галилейского Пророка, были отвергнуты все языческие обычаи – все то, чем веками жили и к чему веками же привыкли.

Прежние молодые вельможи, с виду блестящие, а на самом деле ничтожные душой, легкомысленные, слабые, переполненные всякими пороками, были сменены теперь крепким, могучим поколением, одухотворенным непорочно чистыми нравами, самоотверженно преданным Христу, безгранично любящим Бога, готовым отдать все блага мира за право торжественно, всенародно, безбоязненно исповедовать повсюду Христа...

Рассказы о священных людях, прославивших собой Церковь, – рассказы не из дальних веков и не по книгам, а из первых уст, от очевидцев; слухи о гонениях, имена мучеников, носившиеся в устах христиан; и чудные повести о несокрушимой силе христианского духа, о величавых проявлениях веры, о чудесах, блиставших среди крови, огня и пыток, на аренах, на площадях и влекших за собой крики за мгновение перед тем враждебной хри-

стианству толпы: «Мы веруем, мы христиане», – и кровавое затем крещение этих людей, – в такой атмосфере развивалась душа юного Каллиопия.

И как затаенное желание и любимая, может быть бессознательная, мечта в его воображении рисовались не мраморные виллы на голубой поверхности моря, не роскошные пиры на удивление Риму, не колесницы и ристалища, не милости Цезаря, а терн и крест Христа – страдания и пальмы мученичества за Него.

Каллиопий уже оканчивал свое образование, когда в той области, где он жил, было объявлено гонение на христиан. Матери его стало известно, что на Каллиопия, по его знатности, велено обратить особое внимание.

По слову евангельскому: «Если гонят вас в одном городе, идите в другой», Феоклия решила отправить сына в город Киликию.

Наскоро, в один день, сделаны были приготовления; назначены слуги для сопровождения молодого господина; казначею отсчитано много золота на издержки. Ночью Каллиопий должен был ехать.

Мать и сын были одни.

Оставалось несколько минут до отъезда. Мать вглядывалась в последний раз в милые черты сына. Все уже было сказано – больше не было слов, и все слова казались такими слабыми и ничтожными.

Каллиокий, держа в своей руке руку матери, взором прощался с этой комнатой, где он вырос и учился, где Бог слышал его первые молитвы.

– О мать, – прошептал он. – Я хочу унести это все с собой, мое детство, все, что здесь было, эту лампаду перед Распятым, – вернется ли это?

Он прижался к груди матери головой. Скорбь по тому, что он любил тут, на земле, охватила его.

– Я знаю, – продолжал он, – там лучше: но если бы можно было без тревог и изгнания продолжать это безгрешное, святое – наши молитвы и милостыни, хоть ненадолго... Мне тяжело.

– Желанный мой, нам нужно страдать. Ведь было блаженство без облаков и без тени горя в райских садах, – мы отреклись от него.

А теперь все здесь растворено печалью. Туда, Каллиокий, туда, – восторженно воскликнула Феокия, указывая на небо, – где нет разлуки и гонений и матери не отрывают от сердца любимых сыновей. Поверь теперь Христу: еще не явилось, еще не открылось, непонятно нашему людскому сердцу, какая будет там радость. Поверь Ему беззаветно – и Он приведет тебя к Себе. Не бойся, Каллиокий, Его слово верно – Он с тобой навеки.

Юношу укрепили эти слова. Он стоял теперь перед матерью спокойный и твердый.

Мать молча осенила его крестом, молча прижала в последний раз к сердцу. Старший из свиты ее сына уже ждал за порогом.

Она взяла в последний раз в свои руки дорогую голову и смотрела в его глаза.

– Ступай, мать с тобой, – прошептала она слабеющим от горя голосом.

Он оторвался от нее. Она еще раз, уже издали, осенила его крестным знаменем и, когда он выходил, собрав последние силы, сказала ему:

– Не посрами своей веры!

Занавес опустился за ним, и мать упала

без чувств перед распятием.

Каллио́пий отъезжал от родного дома...

В Помпеополе Киликийском шли великие празднества в честь кумиров, когда прибыл туда Каллио́пий.

Нарядная толпа, стремившаяся по улицам, разукрашенные дома, оживленные лица, праздничный говор – все это удивило юношу. И он, подойдя к одной кучке граждан, спросил, почему в городе такое ликование.

– Ты, видно, приезжий, – ответили ему. – Наш градоправитель, Максим, учредил сегодня жертвы, пляски и игры в честь наших великих богов. Мы все пируем, зовем и тебя ликовать с нами.

Тщетно хотел увлечь за собой юношу старший из приставленных к нему рабов. Глаза Каллио́пия разгорелись. Он выпрямился и, смело глядя на толпу, произнес:

– Я христианин, и когда я праздную дни моего Христа, я отмечаю их постом, а не пляской. Нет мне части в ваших ликованиях. Никогда уста, славящие Христа, не воздадут хвалы скверным идолам.

Толпа с негодованием слушала юношу и

повлекла его к градоначальнику.

– Кто ты? – спросил он Каллиопия.

– Я христианин, а имя мое Каллиопий.

– Отчего ты отказываешься участвовать в нашем празднике в честь богов?

– Оттого, что я знаю истину и стремлюсь к свету, а ваши боги – ложь, и вы живете во мраке.

– Юноша, твои молодые годы не извинят тебе твою дерзость. Кто ты такой, откуда?

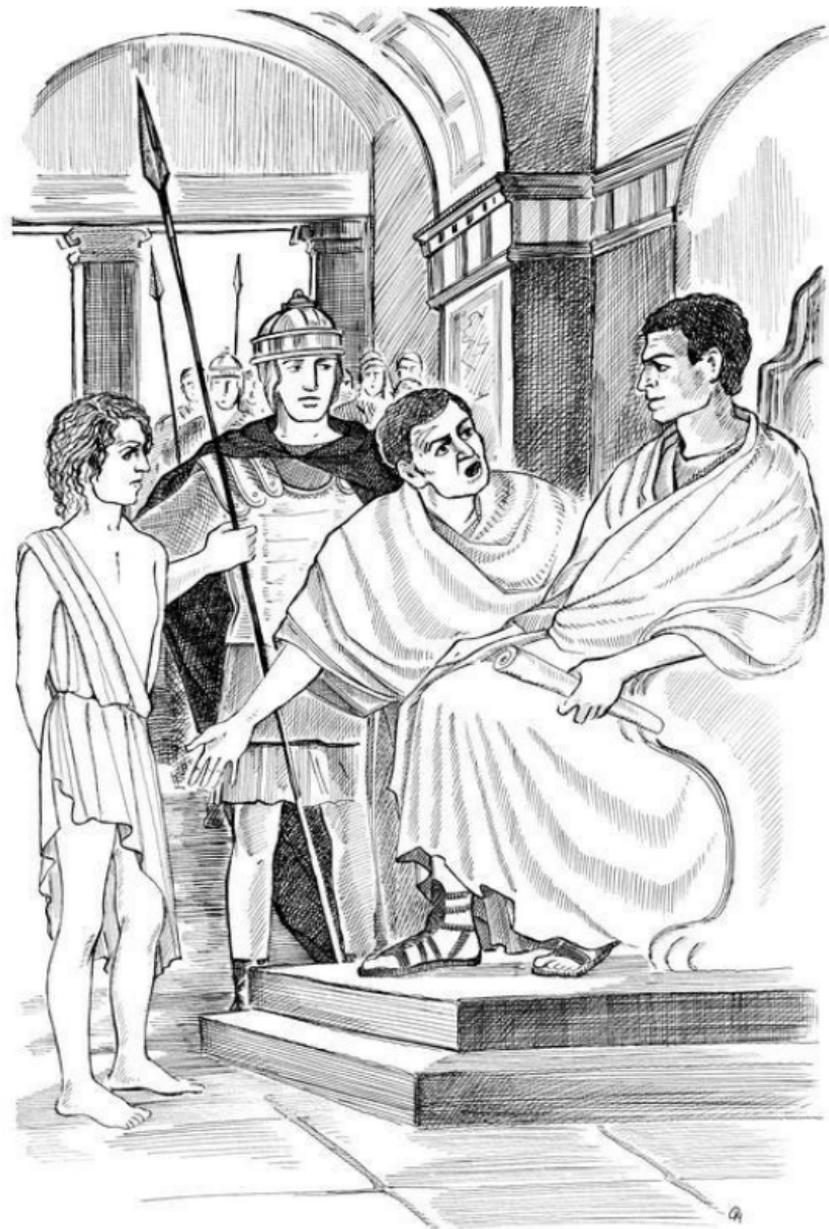
– Я из Пергии Памфилийской, из сенаторского и патрицианского рода. Но самое мне дорогое то, что я христианин.

– Родители твои?

– Отец умер, мать жива.

– Юноша, я знаю теперь, кто ты. Велико твое преступление. Но велика к тебе и милость богов, так щедро наделивших тебя и знатностью, и богатством, и красотой. Клянусь Юпитером, если ты поклониться богам, я забуду твою вину, прощу тебя и дам тебе в жены мою единственную дочь.

– Если б я хотел жениться, – отвечал Каллиопий, – я мог бы взять за себя твою дочь и поселить ее в доме матери моей, потому что

не нуждаюсь в твоём богатстве. Но знай, что я обещался моему Христу сохранить нетленным мое девство. Твори, что хочешь, я – христианин.

Жестоким мукам был подвергнут Каллиопий. Под ударами оловянных прутьев он восклицал:

– Благодарю Тебя, Христос мой, что Ты сподобил меня страдать за Тебя.

– Поклонись богам, – сказал подошедший к мученику Максим, – и ты снова увидишь родину и мать: взгляни на свои тяжкие страдания...

– Я гляжу на сладость будущего моего покоя и не чувствую мук. А здесь я не один: правоверная Церковь Христова – мать моя, и Царство Небесное, к которому я приближаюсь, – вот моя отчизна. Я буду страдать. И чем тяжелей будет мука, тем будет мне отрадней. Я жажду венца. А кто же бывает увенчан, если не пострадает?

Тогда изобрели новое мучение: страшным колесом с острыми ножами стали терзать мученику тело, а снизу палили его жарким огнем. И когда страдания превзошли меру, му-

ченик возопил к Богу:

– Христос, приди на помощь рабу Твоему, чтоб до конца прославилось на мне, недостойном, святое имя Твое, чтобы увидели все, что не посрамятся уповающие на Тебя.

И вот предстал Ангел Господень и погасил огонь и остановил колесо. Тело мученика обливалося кровью, и сквозь истерзанное и прожженное мясо зияли кости. И когда его отвязали от орудия пыток, народ в ужасе, смотря на терпение этого знатного юноши, воскликнул: «О, неправедный суд, велик этот отрок!»

Каллиопия бросили в темницу.

Он знал, что теперь близок его конец, что та участь мученика, о которой он слышал с детства, исполнилась над ним, что прошлая жизнь отошла навсегда и все дышит новым, – и он был готов. Покидаемая земля, мирское счастье, богатство, известность, красоты природы, знания – все казалось бесконечно малым перед тем, что открывалось ему.

И в эти последние часы об одном он думал еще на этой земле.

«Мать, мать», – шептал он слабым голосом.

Ему хотелось, чтобы она была тут, благословила его подвиг и чтоб видела, как умирает он, верный ее завету.

И его желание исполнилось. До матери дошла весть о сыне. Тогда она написала последнюю свою волю о своем имуществе, отпустила на свободу рабов. Золото и серебро и все ценное раздала нищим, а недвижимое имение – села, виноградники, нивы – отписала на церковь. Оставив отечество свое, она поспешила в Киликию к сыну, страдавшему за Христа.

Подкупив стражу, она проникла в темницу. Сын поднял на нее глаза и слабо прошептал: «О мать, хорошо, что ты пришла!» Больше ничего он не мог сказать, но в этих словах была слышна невыразимая радость.

А она преклонилась перед ним, упав на колени, и вытирала гной его ран, говоря: «Блаженна я, что видела мученичество сына моего». И всю ночь она сидела у ног его и читала ему молитвы, и пела те христианские песни, которые пела ему в детстве. Она была теперь с ним неразлучна и передавала его прямо в руки Божии.

В полночь великий свет заблистал в темнице, и был голос: «Вы – святые исповедники Божии, вы оставили отечество и имение и страждете со Христом».

Настало утро. То был Великий четверг – день Тайной Вечери Христовой.

Каллиокий был приговорен к распятию. Когда его распинали, мать его дала воинам золота, чтобы распяли они ее сына стремглав, потому что считала его недостойным быть распятым, как Христос.

Все время мучения его она стояла при кресте, укрепляя его своими словами. В третий час дня, в пятницу, с неба раздался голос: «Приди, согражданин Христов, сонаследник святых», – и тогда душа Каллиокия отошла к небу.

Мать приняла на руки его тело по снятии со креста. Она прильнула к его груди, обняла его голову и, прославив Бога, предала дух...

Из детства преподобного Даниила, Переяславского чудотворца

(Память 7 апреля)

Бывают праведные души христианские, неутешимо и горько скорбящие.

Скорбят они от великой муки, которую принял за людей воплотившийся Сын Божий, Господь Иисус Христос, и хотят они сами на земле нести муку во имя умученного Христа. Эти люди с раннего детства так же мечтают о муках, как другие дети мечтают о жизненном счастье, радостях и утехах.

К числу таких скорбных избранников Божиих принадлежит один из великих русских подвижников – преподобный Даниил, Переяславский чудотворец.

Преподобный Даниил звался в миру Дмитрием и родился в Переяславле около 1460 г., в дни княжения на Москве великого князя Василия Васильевича Темного.

Родители его – Константин и Фекла – были переселенцы из города Мценска (ныне уездный город Орловской губернии), откуда они

выехали вместе с воеводой Григорием Протасьевым, переезжавшим на службу в Москву.

Духовная жажда, склонность к подвигам разжигали с юности душу отрока Димитрия.

Подолгу всматривался он в вечернее небо, точно ожидая, что звезды небесные тихим миганием своим расскажут ему о Боге Творце, точно ожидая, не нашепчет ли ему тихий ветер ночной несказанных тайн духовных. С замиранием сердца внимал он рассказам старых людей о великих подвижниках лавры Киево-Печерской, о дивном отроке Варфоломее, ставшем чудотворцем земли русской, преподобном Сергии Радонежском, об учениках его, подобно птицам сладкогласным, разлетевшихся из Троицкого монастыря по северным лесам и проводивших там жизнь как бы вне плоти, уютившихся, подобно птицам, в дуплах деревьев и вместе с птицами сливавшихся молитвами своими в служении Богу.

Отрок Димитрий не только не искал себе ни в чем покоя, но сознательно шел на всякое страдание. И невыразимое счастье переполняло его душу, когда он говорил себе: «Стражду со Христом и за Христа».

Случилось ему слышать о подвиге преподобного Симеона Столпника, который спасся тяжелым подвигом стояния на открытом воздухе на узкой вершине высокой башни. Этот подвиг поразил воображение мальчика.

Преподобный Симеон Столпник для усмирения плоти носил на теле туго стянутую волосяную веревку... И Димитрий, услышав об этом подвиге его, тут же решил подражать ему.

В его время существовало судоходство по обильным тогда водой рекам Нерли и Трубежу. Тут мальчик увидал однажды великую ладью с товарами тверских купцов. Она была привязана к берегу волосяной веревкой.

Недолго думая, Димитрий отрезал себе конец этой веревки, обвил ею свой стан, да так крепко, что веревка со временем стала въедаться в тело. Терпеливо переносил маленький подвижник свои страдания днем, но ночью он невольно выдавал себя беспокойным сном и стонами. Таким образом родители узнали об этом и, несмотря на его просьбы и сопротивление, сняли с него веревку. Но они не могли, конечно, удержать его склонно-

сти к подвижничеству. Выучившись грамоте, Димитрий поступил в Никитский монастырь, где игуменом был родственник его, Иоанн. Здесь он воспитывался несколько лет, и тут созрела в нем мысль принять иночество.

Семнадцати лет молодой Димитрий тайно ушел из Переяславля и удалился в Пафнутаев Боровский монастырь, что в нынешней Калужской епархии, где и принял иночество. Прожив тут десять лет, инок Даниил, бывший Димитрий, вернулся к себе на родину опытным иноком и ознаменовал жизнь свою великими подвигами и милосердием.

В Древней Руси бывало много внезапно скончавшихся людей. Кроме разных стихийных бедствий, по дорогам гибло много путников от рук разбойников. Преподобный Даниил принял на себя подвиг подбирать убитых и умерших на дорогах, в лесах и полях. Он просил других сообщать ему о непогребенных трупах и даже платил за это. Нарочно выходил он тогда из монастыря, на своих руках переносил несчастно погибших на божедомье (общая могила таких людей), отпевал и погребал их и построил над их могилами

храм.

Когда в той местности случился голод, преподобный стал принимать к себе больных, которых вылечивал и выкармливал.

Преподобный Даниил почил в возрасте за 80 лет, 7 апреля 1540 г.

Скорбная юность святителя Варсонофия, епископа Тверского

(Память 11 апреля)

Великое торжество совершилось 1 октября 1552 года: рать царя Иоанна Васильевича взяла столицу царства Казанского – славный город Казань.

Еще так недавно татары угнетали Россию, свою данницу. А теперь русская рать победоносно входила в Казань, являющуюся одной из значительнейших частей распавшейся Золотой Орды.

Значение этого события было необычайно велико. А по вере русских людей, само небо участвовало в событии покорения татарской Казани.

Когда еще до Казанского похода был зало-

жен первый оплот русской силы в Казани – крепостца Свяжск с храмом Преподобного Сергия, у иконы которого совершались там многие исцеления, – пленные черемисы рассказывали:

– Лет за пять до основания города, когда это место было пусто, часто мы здесь слышали русский церковный звон. В страхе мы послали легких молодых людей посмотреть, что такое происходит. Они слышали голоса, прекрасно поющие, как будто в церкви, и никого не видели, кроме одного вашего старого инока, который ходил со крестом, благословлял на все стороны, как будто размеривал то место, где теперь город, и все то место наполнялось благоуханием. Посланные нами покушались ловить его. Он становился невидим. Пускали в него стрелы – стрелы не ранили его, летели вверх, падали на землю и ломались. Мы рассказывали о том нашим князьям, а они царицам и вельможам в Казани.

По иконе старца узнали: то великий Сергей отмеривал Руси Казанское царство.

Казанский поход царя Иоанна Васильевича имел вид великолепного духовного торже-

ства. В рядах войска несли иконы, слышались постоянные молебствия. Из сел и городов по пути выходили встречные крестные ходы.

Взятие Казани было назначено на день Покрова Богоматери, 1 октября. Дьякон читал в походной церкви Евангелие и дочитал до слов «...и будет едино стадо, и един пастырь», когда раздался первый взрыв подкопов, подведенных русскими под стены Казани. А при словах сугубой ектении «О еже покорити и пособити под нозе его всякого врага и супостата», – второй взрыв поднял на воздух стены казанские. К концу Литургии примчалась весть: «Казань взята».

В новоприсоединенную Казань был послан епископ Гурий и два достойных ему помощника, архимандриты Герман и Варсонофий, игумен Песношский. Этому последнему была поручена новая обитель Преображенская, которую он должен был сам основать в Казани.

Судьба Варсонофия необыкновенна.

С ранней юности он перенес тяжелое испытание, и перенести его мог только силой своей веры. Когда же это испытание прекратилось, благоразумный юноша не захотел

вернуться в мир и продолжал идти уже вольной волей по тому пути скорбей и лишений, на который поставила его так рано Божия воля.

Святитель Варсонофий происходил из окрестностей Москвы и был сыном серпуховского священника Василия. Отрок Василий был мальчик тихий, разумный, способный к книжному учению. Он рано и быстро усвоил себе грамоту. Псалмы Давида составляли любимое его чтение.

Быть может, с возрастом мир привлек бы Василия и явился бы помехой его исключительной любви к Богу. Но молодую душу сторожило страшное испытание.

В то время случались набеги на русские владения татар. В один из таких набегов крымские татары добрались до Серпухова и увели с собой в плен мальчика Василия. Такие события бывали в те времена не редкостью. Как раз в такой набег 1512 года, при великом князе Иоанне Третьем, правый берег реки Оки был опустошен полчищами хана Менгли-Гирея. Вероятно, тогда и был захвачен ими Василий.

Можно представить себе, что переживал бедный мальчик. В этом раннем возрасте, когда так необходимо жить среди любящих и близких людей, очутиться в тяжелом плену среди чуждого народа, не видеть никогда той церкви, в которую привык ходить ежедневно, не слышать ни одного русского слова, не радоваться встающим со всех сторон Русской земли храмам и колокольням, чувствовать свою неволю, знать, что от родных отрезан, может быть, навсегда, – как все это тяжело!

Другой мог бы озлобиться на свою судьбу или возроптать. Но вера в душе Василия была слишком сильна и поддерживала его. В тихих покорных слезах он изливал свою тоску по родине. Эти слезы облегчали исстрадавшуюся душу. К счастью, Василий успел дома заучить наизусть многие псалмы Давида, и тут, в плену, он постоянно читал их, и в этом чтении душа его находила неизъяснимую сладость.

Молитва стала для него необходима, как воздух. В этой молитве он находил и силы, и подкрепление, и отраду. И, наконец, с этой молитвой, в которой он жил, он стал так счастлив, как не был счастлив никогда и в до-

ме отца своего, в кругу дорогой цветущей семьи. Ему казалось, что то, что у него было раньше и что Господь отнял у него, теперь Господь вполне возместил ему той близостью к Себе, какую ощущал на молитве Василий.

Он не чувствовал теперь себя сиротливым: у него был в небе и близко-близко в нем стоял неотступно небесный Отец. И в том было великое счастье.

Без принуждения и без ропота работал Василий на своих хозяев. Он помнил завет: «Раби, послушайте по всему плотских господей ваших и всяко, еже аще что творите, от души делайте, якоже Господу, а не человекам».

И, приняв этот завет в сердце, он работал на своих хозяев так, как будто трудился для самого Господа. При усердном труде этом он смирял еще себя тем, что мало ел и недолго спал. Днем работая, он имел только ночь для молитвы.

Таким образом, в этом басурманском крае, где не было ни одного храма, где он не слышал ни одной службы церковной, он вел жизнь поистине иноческую.

Готовность к услугам, верность, усердие,

чистая жизнь Василия удивляли татар. На втором году плена они не стали так изнурять его работой и дали ему некоторую свободу. Василий изучил татарский разговорный язык. По своей даровитости и способности к языкам он настолько овладел татарским языком, что мог излагать мысли свои на письме, изучал основания магометанского зловерия и отчетливо мог говорить о заблуждениях учения Магомета.

Таким образом, основательными познаниями языка и веры татар Господь предназначал Василию в будущем стать проповедником среди татарского населения, готовил его к этой великой цели.

Три года томился Василий в плену у татар. А в это время отец его стойко преследовал одну цель: собрать довольно денег, чтобы можно было выкупить Василия из плена. Это событие, наконец, совершилось.

Что переживал Василий, когда он очутился в объятиях отца и когда татары объявили ему, что он свободен и может уйти к себе на Оку!

Иным возвращался Василий домой, чем

когда ушел в плен три года назад. Это был не радостный, хотя и благочестиво настроенный мальчик: в нем была уже мужественная воля, закаленная теми страданиями, которые он сумел осилить, которыми он сумел овладеть.

Новая громадная область открылась душе Василия.

Это было тайное чувство к Богу, заполнившее все его существо. Он узнал этого Бога и все несказанное счастье общения с Ним; узнал в трудах, в уничижении, слезах и скорбях подневолья.

Христос, приходивший невидимо беседовать с его душой, прекратил муку его сиротства. Христос открылся ему и дал ему вкусить вершины духовного счастья в его тяжелой внешней доле. И Василий был слишком благодарен, чтоб забыть своего тайного Благодетеля. Счастье, которое дал ему Христос, было слишком полно и велико, чтоб Василий искал себе другого счастья – он решил оставить мир.

Когда идет речь об образовании сильного характера, невольно вспоминаются слова Пушкина, сказанные им о Руси:

*...В искушеньях долгой кары,
Перетерпев судеб удары,
Окрепла Русь. Так тяжкий млат,
Дробя стекло, кует булат.*

Так было и с Василием. Несчастье закалило его душу. Несчастье вознесло его мысли и чувства в высшие области духа, и мир потерял его безвозвратно.

Благоухала счастливая весна, когда иерей Василий привел из татарского плена сына своего Василия.

Просыхали дороги, реки входили в свои берега. Под упорной работой солнца зеленела трава. На лугах щетинились всходы обсеянных с осени полей. Лопались почки на кустах. И скоро лес должен был одеться свежим нарядом. Радостно и счастливо было в самом воздухе, где сплетались, играя, встречались и вновь разбегались и плели дивную паутину свою солнечные лучи. И более чем когда-либо чуткая к Богу душа отрока Василия впитывала в себя эту нерукотворенную красоту Божия мира.

«Ты, измысливший всю эту красоту и давший мне способность чувствовать ее, Ты, от-

разивший в этом мире Твой пречистый лик, Тебя ли забыть мне, моего Творца и Благодетеля!..

Я унывал. Я погибал. Я был несчастен, и одинок, и унижен. А ты подошел и склонился ко мне, и в Тебе я стал силен и счастлив и узнал в Тебе друга и исцелителя.

Не уходи от меня, не отступайся от меня, как и я не отойду от Тебя и не отступлюсь от Тебя.

Ликует весь мир под чудотворными лучами солнца Твоего. Ликует душа моя под чудотворным дыханием святыни Твоей. Пусть же будем мы нераздельны вдвоем: я и Ты, Ты и я, Спаситель и спасенный, Благодетель и благодетельствованный!.. Дай мне жить с одной мыслью о Тебе, дай мне ждать Тебя одного, Тебя одного жаждать, о Тебе одном мыслить, к Тебе одному стремиться! Дай мне жизнь пройти в подражании Твоем. За эту жизнь дай мне слиться с Тобой. Прими меня, приходящего к Тебе отрока Василия, и скажи, как говорил и другим, душе моей чудные слова: “Грядущего ко Мне не изжену вон!..” Я ухожу к Тебе, чтоб принестись Тебе в жертву: прими

ее и сделай ее легкой и сладкой... Иисусе, Боже сердца моего, приди и соедини мя с Тобой навеки!»

Василий, сын иерея Василия, как только вернулся из татарского плена, простился с родителями, ушел в Москву и принял пострижение в Московском Андрониковом монастыре с именем Варсонофия.

Выдающиеся способности его обратили на него внимание духовных властей. Он был назначен игуменом Песношской обители, откуда назначен помощником просветителя Казанского царства, архиепископа Гурия. В Казани он устроил Преображенский монастырь и много потрудился в обращении магометан, язык которых он хорошо изучил во время своего плена у них. Из Казани святитель Варсонофий был поставлен на Тверскую древнюю кафедру. Но, пробыв на ней недолго, вернулся в Казань, в устроенный им Казанский Преображенский монастырь, где и прожил еще пять лет.

Знание татарского языка доставило ему удобство входить в близкие сношения с татарами. Основательное знание учения Магоме-

та, при его красноречии, действовало на магометан неотразимо. Умение лечить болезни привлекало к нему больных всякого рода. Успешное лечение внушало доверие к безмездному врачу, и обыкновенно исцеленные им татары крестились. Когда от дряхлости святитель не мог ходить в церковь, ученики возили его на тележке: так любил он молитвенное славословие храма.

Он почил 11 апреля 1567 г. на 86-м году жизни. Мощи его были погребены в храме основанной им обители подле мощей святителя Гурия. Мощи этих обоих святителей обретенны при построении каменного Преображенского храма на месте деревянного в 1596 г.

Иоанн Новый, юный мученик

(Память 18 апреля)

Греческая провинция Эпир была родиной этого мученика.

Рано осиротев, он пришел в Царьград, где старался трудами рук своих заработать себе на пропитание. Он нашел себе место на торгу и питался своим искусным ремеслом. Бог помогал ему в делах его ради его добродетелей, так как он был юноша целомудренный, богобоязненный, соблюдающий заповеди.

В то время Царьград уже был завоеван турками-магометанами. Многие из христиан омусульманились, и как раз между лавками таких отступников была и лавка Иоанна. Он часто с ними препирался о вере, обличал их отступничество, так как был речист и смел в словах и стоял за истину безбоязненно. И эти торговцы стали его ненавидеть и за то, что он их обличал, и за то, что дела его шли чрезвычайно удачно.

Блаженный Иоанн чувствовал, как злобствуют на него, и не только не боялся, но всей душой желал пострадать за истину Христову.

Он открыл свое намерение своему духовнику. Тот долго уговаривал его не идти на мученичество, боясь, что его юность не совладеет с таким подвигом; но, наконец, вручил его Божией воле.

На другой день после этой беседы Иоанн вошел к духовнику со светлым лицом и радостной душой и сказал: «Честный отче, эту ночь я видел себя в сонном видении стоящим среди пламени, веселящимся и ликующим, как некогда три отрока в печи Вавилонской. Надеюсь, что с помощью Божией добром кончится замышляемое мной дело. Вооружи меня твоими молитвами...»

В тот же день торговцы на базаре стали утверждать, что Иоанн раньше потурчился, а теперь отступил от их веры.

– Никогда, – воскликнул юный исповедник, – я не отрекался от Христа моего. Во Христе я живу и жить буду всегда и готов за Него умереть.

Юноша был схвачен за исповедание имени Христова, в течение нескольких дней подвергался страшным мукам и отошел к вечному блаженству. Это было в 1526 году.

Первые годы преподобного Александра Ошевенского

(Память 20 апреля)

Есть в пределах Белозерских так называемое Вощее озеро. Близ него обитал в селекции благочестивый человек по имени Никифор, прозванием Ошевен, который занимался земледелием и был всеми любим за свой кроткий нрав и нищелюбие. Жена его Фотиния подражала добродетели супруга, и Бог в начале их брака благословил их чадами, но потом на некоторое время послал на них неплодие, чтобы молитвой испросили себе благословенный плод.

С теплой верой в Господа и Пречистую Его Матерь пошли они в соседнюю обитель помолиться о даровании им младенца, который был бы утешением для их старости. С такой молитвой уже обращалась Фотиния к Пречистой Деве в сельской своей церкви. Однажды, когда после многих слез она впала в тонкую дремоту, предстала ей в сонном видении светлая Жена в багряной ризе и с Ней свято-

лепный старец, украшенный сединами.

Дивная Жена сказала: «Исполнится прошение твое и, ради сего старца, подаст вам Господь дитя именованное, которое прославит Бога, и прославит его Бог; имя же старцу тому Кирилл». Со страхом и радостью, пробудившись от сна, Фотиния открыла мужу свое дивное видение. Через год родился у них обетованный младенец. Его нарекли Алексием. Это было в 1427 году, 17 марта, при державе великого князя Василия Васильевича, когда удельной Белозерской областью правил сын Дмитрия Донского Андрей Димитриевич.

Семилетнего отрока отдали родители в на-учение книжное приходскому дьячку. Учитель дивился быстрым успехам ученика, приписывая их не столько учению, сколько благодати Божией, обитавшей в нем.

Однажды благоговейный отрок, посещавший сельскую церковь Успения Богоматери, со слезами припал к иконе Спасовой и усердно помолился, чтобы просветил Господь разум его светом божественных заповедей Своих. Тогда ему послышался таинственный голос: «Восстань и приимешь просимое».

Не только родители, но и ближние все изумлялись его подвигу. Он с юных лет изнурял себя бдением и постом, позволяя себе вкушать только один хлеб. Ночи он проводил в молитве. Когда родители, по слабости человеческой, старались удержать его от чрезмерных подвигов, отрок напоминал им слова Божественного Писания о том, что необходимо смирять плоть свою, чтоб не удаляла нас от Бога.

Тогда открыла ему мать бывшее о нем видение. Изумился смиренный отрок. В дивной Жене узнал он Пречистую Богородицу, но не угадывал, кто был таинственный старец, жив ли или преставился и где его пустыня. Молил он открыть ему тайну, и мать сказала, что в шестидесяти верстах от их селения, в пределах Белозерских, есть монастырь, называемый Кириллов. Там старец Кирилл составил обитель, соорудил церковь, собрал братию и сам прославился чудным житием, творя и по смерти многие чудеса.

Еще большей воспламенился ревностью блаженный отрок. В возрасте еще слабом, отложив все детское, он явился зрелым мужем,

чуждаясь всякой суеты, ежедневно посещая церковь, несмотря на дальнее от нее расстояние. Никакая погода, ни стужа, ни зной не могли удержать его от исполнения этого сердечного долга. Уже более не останавливали его родители, видя, что с ним была благодать Божия. Так достиг Алексей восемнадцатилетнего возраста.

Тогда родители задумали женить его. Но юноша мечтал только о том, как бы избежать ему всех прелестей мира. Слыша часто об обители Кирилловой, он пожелал идти туда помолиться угоднику Божию. С благословением родителей пошел он исполнить обет свой, ничего не взяв с собой, кроме одной одежды и немного хлеба. Отошедши несколько от дома родительского, в последний раз взглянул он на него и так помолился Господу: «Господи Боже мой, повелевший рабу своему Аврааму выйти из земли от рода своего, наставь и меня ныне в страхе Твоем, ибо вот я оставил дом свой имени ради Твоего, не затвори от меня дверей Царствия Твоего».

Долго плакал он при этой последней разлуке. Но, продолжая путь, почувствовал радость

и весело настиг спутников, шедших в обитель. Издали увидев красивые церкви кирилловские, он пал лицом на землю и с умилением благодарил Господа, давшего ему видеть священную обитель, где мечтал найти для себя убежище.

Он просил привратника сказать о нем игумену. И хотя несколько богомольцев пришли к настоятелю, на одного лишь Алексея обратил он внимание, почувствовав в нем с первой минуты благодать Божию. Множество собралось народа на праздник преподобного Кирилла. И когда, после духовного торжества, богомольцы расходились по домам, юноша Алексей вручил запечатанную грамоту одному из спутников своих, прося отнести ее в дом родительский. В грамоте он просил родителей не гневаться на него, потому что решил на время остаться в обители, обещая опять к ним возвратиться. Просил также не мешать ему в ней оставаться, ибо много бояр и вельмож и простых людей, Бога ради, трудятся под сенью преподобного Кирилла.

Родители огорчились нечаянной вестью. Раздраженный отец, упрекая заочно сына в

несоблюдении заповеди Божией, сам хотел силой извлечь его из обители; горько плакала и жена его об удалении любимого сына. Старшие братья возвратились с поля и, увидев горесть родителей, начали утешать их, говоря им, что младший брат благую себе часть избрал, и несколько утешились они, положив в сердце своем будущую судьбу его передать на волю Божию.

Между тем юноша пришел к игумену и просил принять его в обитель для служения братии. Игумен, видя его душевную чистоту, предложил ему облечься немедленно в иноческий образ. Но юноша смиренно отвечал: «Воистину желаю сего, однако не пришло время, ибо я еще молод; хотя бы три года надо выдержать искус. И Господь примет труды исповедания моего и на лучшее меня приведет». Изумился старец глубокому его разуму и, дав ему одеяние иноческое еще без обета, послал его к искусному дьяку, хорошо изучившему Божественное Писание, чтобы усовершенствовался юноша в познании священных книг.

Год спустя, при наступлении праздника

преподобного Кирилла, пошел Никифор посетить сына своего в обители, с тем чтобы взять его к себе домой или оставить его там еще на один год.

Он испросил благословение настоятеля видеть юного Алексея. И Алексей, увидев отца своего, бросился к ногам его со слезами, умоляя простить ему замедление в обители. «Бог простит тебе, чадо мое», – сказал Никифор. Глубоко тронут был Никифор благоустройством обители и добрым к нему вниманием настоятеля и благодарил Бога за такую милость. Тогда юноша Алексей, видя добрые чувства отца, бросился опять к ногам его, умоляя опять простить за нанесенную ему скорбь, благодарил его из глубины сердца за то, что, несмотря на такой его проступок, отец пошел в трудный путь, чтобы видеть сына своего.

В сладкой взаимной беседе протекло время. Сын рассказывал отцу все, что случилось во время их долгой разлуки, с теми сердечными подробностями, которые понятны только нежно любящим друг друга. Юноша, несмотря на свое желание остаться в обители, хотел

проводить отца своего, чтобы успокоить его старость. Но отец, видя пламенное его желание, позволил ему еще остаться на время в обители.

По миновании праздника Никифор радостно возвратился в дом свой и рассказал жене и детям о том утешении духовном, которым наслаждался в обители. Родители забыли печаль свою об утраченном сыне.

Прошло еще несколько лет. Никифор испросил у боярина своего Иоанна слободскую грамоту, чтобы можно было идти ему на пустое место с жильцами, поставить дворы и заселить слободу, что и привел в исполнение, и слобода эта по его имени прозвалась Ошевенской. Алексей же, услышав через шесть лет об удалении своих родителей в дальнюю сторону, поскорбел духом, что они бежали как изгнанники из своей земли, и сам пожелал пострижения.

Игумен постриг его в ангельский образ, переименовав Александром. В полном цвете возраста, двадцати пяти лет, он с прежней ревностью продолжал трудиться во всех монастырских службах, приготавливая пищу для

братии и исполняя все возлагаемые на него послушания. Если же что иногда казалось ему тяжким, он мысленно напоминал себе, что продан он за грехи прародителей, в поте лица своего снести хлеб свой, и что Сам искупивший нас Господь велел каждому нести крест свой. Апостол же внушает: «Если кто не хочет трудиться, тот пусть и не ест». Но вместе с тем строго соблюдал он все заповеди церковные, предваря братию на славословии Божиим, так что все с изумлением на него взирали не как на человека, но как на самого Ангела Божия. И при этом всегда он первый приходил к церковным службам.

Преподобный Александр еще молодым посетил своего отца в Каргопольском крае и, по указанию Божию, основал у посада своего отца Ошевенскую обитель.

Святой мученик Гавриил-младенец

(Память 20 апреля)

Одиннадцатого апреля 1690 года в Белоруссии, в Белом Стоке, совершилось кровавое злодеяние.

Евреи распяли шестилетнего православного младенца Гавриила. Он был прободен в бок, и из него по каплям выточили всю кровь.

По поверью, ходящему между христианами и подтвержденному, к сожалению, многократными случаями, некоторые изуверские еврейские секты нуждаются для приготовления пасочных опресноков, мацы, в крови невинных христианских детей.

С этой целью заранее намечается жертва, обыкновенно ребенок какой-нибудь бедной семьи.

Евреи заманивают его к себе и, держа его стоя и заткнув ему рот, острыми инструментами колют его так, чтоб из жил его вытекла вся кровь. Потом, обескровленного, убивают его и бросают непогребенным.

Страшно думать о муках, какие выносят такие дети...

Вот этой именно мукой страдал и неповинный младенец Гавриил.

Он был родом из деревни Зверков, находящейся в теперешней Волынской губернии, в окрестностях Заблудова. Еврей Шутко выкрал его и привез в Белый Сток.

Обычно эти темные преступления совершаются перед Пасхой. И мученичество младенца Гавриила произошло 11 апреля 1690 года.

Господь прославил нетлением мощи отрока-мученика. В 1775 году они перенесены в Слуцкий монастырь Минской епархии, где и доньше почивают, почему мученик и именуется часто «младенец Гавриил Слуцкий».

У раки его на особой бронзовой доске красноречиво описано его мученичество.

Кровавое дело, всколыхнувшее всю Россию – убийство в Киеве с той же целью получения крови невинного ребенка, школьника Андрея Ющинского, – оживило в памяти православных и память о мученике-младенце Гаврииле. На могиле Андрюши Ющинского предполагается поставить храм во имя младенца Гавриила.

Детство, отрочество и юность преподобного Феодора Сикеота

(Память 22 апреля)

Родом из Малой Азии, из селения Сикеи, преподобный Феодор Сикеот принадлежал к числу тех людей, чье высокое предназначение бывает отмечено Богом до рождения их. Его отец, Косьма, занимал скромную должность при дворе императора Юстиниана Великого.

За много месяцев до рождения мать его Мария ночью, во время сна, имела такое видение: великая, яркая звезда с неба спустилась к ней. Проснувшись, Мария рассказала об этом видении своей матери Элпидии и сестре Диспении, которые жили с ней, затем она пошла к одному прозорливому старцу-отшельнику и рассказала ему это видение, открыв ему вместе с тем, что она носит в себе жизнь младенца.

Старец, дав наставление ей, сказал: «Дитя, жизнь которого ты носишь в себе, будет воистину великим мужем не только перед

людьми, но и перед Богом, ибо, как рассуждают мудрые толкователи снов, яркая звезда знаменует царскую славу. Тебе же звезда эта возвещает не царскую на земле власть, но славу, добродетель и благодать Божию, которая излита на твоего ребенка, ибо избранных рабов Своих Господь Бог освящает в утробе матерней еще прежде их рождения».

Так прорек прозорливый старец Марии и отпустил ее с миром. Об этом событии узнал и Феодосий, местный епископ, и он тоже думал, что будущий младенец явится светом мира.

Возвратившись от старца, Мария, по его совету, жила богоугодной жизнью, в полном целомудрии, со своей матерью и сестрой.

Когда же исполнилось время родить ей, Мария родила этого Божия раба. Он был назван Феодором, что значит в переводе с греческого «Божий дар». Так само имя его должно было показать, что этот ребенок будет великим дарованием миру от Бога.

Когда мальчику исполнилось шесть лет, мать его задумала записать его заранее в воинский чин и стала готовить ему золотой по-

яс, дорогие одежды и все нужное для воина. Она хотела отправиться в Царьград, чтобы там просить царя о зачислении сына своего в войско.

Но ей явился в сонном видении святой великомученик Георгий и сказал: «Напрасно намерение твое: Царь Небесный требует Себе твоего сына».

Проснувшись, Мария стала плакать, думая, что Феодор скоро умрет, но отрок продолжал возрастать годами и укрепляться разумом.

В восьмилетнем возрасте мать отдала сына учиться, и благодатью Божией он учился лучше всех детей и был всеми любим за свое добронравие.

В детских играх он являл разум мужа, оберегался всякого дурного слова, клятвы или хулы, остерегая от этого и своих товарищей. Он имел на них такое влияние, что прекращал между ними всякие ссоры и брань.

В доме матери Феодора жил некий старый муж, по имени Стефан, богобоязненный и благочестивый. Феодор заметил однажды, что в святую Четыредесятницу этот старик постится до вечера, а вечером насыщается кус-

ком хлеба с водой. Мальчик задумал подражать этому благочестивому старцу и стал воздерживаться от пищи до вечера.

Когда к обеду он возвращался домой, мать принуждала его есть с ними, но он отказывался, и для того, чтобы его не уговаривали есть, он перестал возвращаться в дом к обеду и оставался в училище до вечера. Вечером же он прежде всего шел со Стефаном на обычное пение в церковь, причащался с ним пречистого Тела и Крови Христовой и уже поздно ночью приходил домой и тогда принимал немного хлеба с водой. Мать и прочие домашние убеждали его, чтобы он ел и другую пищу, но он не хотел. Тогда мать уговорила с учителем на обеденное время отпускать мальчика из училища домой, чтобы он мог обедать с домашними, так как от постоянного воздержания он был чрезвычайно худ и слаб телом.

Но когда Феодора отпускали, он не возвращался домой. Он поднимался на лежащую неподалеку гору, на которой была церковь во имя святого великомученика Георгия. Тут великомученик явно, в образе прекрасного

юноши, являлся Феодору, вводил его внутрь церкви, и там Феодор упражнялся в книжном чтении, пока не проходило обеденное время и он не отправлялся из церкви в училище, как будто бы побывал дома. Когда же вечером мать его спрашивала, отчего он не пришел обедать, он объяснял ей, что не выучил урока и за это был оставлен в училище.

Тогда мать снова стала просить учителя, чтобы он в полуденное время отпускал Феодора обедать. Учитель с клятвой заверял ее, что по первой ее просьбе он ежедневно отпускает Феодора на обед с другими мальчиками. И когда мать узнала, что Феодор это время проводит на горе в церкви, она послала туда несколько рабов, чтобы они привели его к обеду. Но он продолжал хранить усвоенное им воздержание от пищи.

Когда Феодору было девять лет, в том селе-нии случилась заразная болезнь. Многие ею заражались, а некоторые и умирали. Напала эта болезнь и на отрока Феодора; он был при смерти, и в его спасении родные отчаялись. Еле живым принесли его в храм святого Иоанна Крестителя и положили перед престо-

лом. В церковном куполе под самым крестом было изображение лика Спасова. От этого лика две капли росы упали на больного мальчика, и он встал совершенно здоровым.

Когда он спал между домашними и все были объаты глубоким сном, приходил к нему святой великомученик Георгий и пробуждал его, говоря: «Встань, Феодор, уже солнце взошло, настало время утренней молитвы, пойдем в церковь святого великомученика Георгия». И отрок вставал с радостью и охотой. Сперва великомученик Георгий являлся ему в образе Стефана, а потом стал являться в своем образе, будя его всякое утро и приводя к своей церкви.

Бес хотел утратить отрока, прикидывался различными зверями, кидался на него, но святой великомученик Георгий шел перед ним и, держа в руке копье, отгонял те страшные привидения и приказывал Феодору не бояться.

Мать и другие женщины ее дома, проснувшись поутру и не видя Феодора на постели, сперва удивлялись, а потом поняли, что он по ночам ходит в церковь. Им было удивитель-

но, как он, улегшись вечером перед ними, встает так, что никто ничего не слышит.

Мать опасалась, как бы дикие звери не съели отрока, ибо в то время прошел слух, что лютый волк уносит не только домашних животных, но и небольших мальчиков. Она запретила ему выходить из дому в церковь прежде солнечного восхода, так как путь туда был пустынный. Но блаженный отрок не слушал в этом своей матери и продолжал, пробуждаемый великомучеником, посещать тайно его церковь.

Однажды мать силой привела домой мальчика из церкви, влача его за волосы, избивала его, весь день не пускала из дома и на ночь привязала крепко к кровати, чтобы он не мог двинуться. И в ту же ночь святой великомученик Георгий явился матери Феодора и прочим женщинам, жившим с ней, в сонном видении. Он был опоясан по бедрам мечом. Извлекши его, он стал угрожать им, говоря с яростью: «Я отсеку вам головы, если вы еще будете бить ребенка и мешать ему ходить ко мне».

В ужасе проснувшись от этого сна, женщи-

ны передали одна другой о страшном явлении мученика и его угрозах. Их поразило, что все они видели одно и то же видение, и, развязав святого отрока, они стали ласковыми словами уговаривать его, чтобы он не сердился на них за побои.

Они спрашивали его, как он не боится зверей, до рассвета идя в церковь, и он объяснил им, что всякую ночь его будит светлый юноша и водит его к церкви, защищая на пути от нападающих зверей.

Поняли тогда женщины, что святой великомученик Георгий, которого и они видели в видении, является мальчику и охраняет его. И с того времени они не мешали Феодору и предали его промыслу Божию с мыслью: да будет над ним воля Господня.

У этого блаженного отрока была маленькая сестра, по имени Влатта, которую мать его родила от второго своего мужа, в молодости овдовев. Эта девочка очень любила брата своего Феодора и часто днем вместе с ним ходила в церковь, с ним молилась и старалась подражать его жизни, ибо Дух Божий действовал и в ней, как и в Феодоре.

Недалеко от дома их была церковь святого мученика Емилия, который при безбожном Юлиане Отступнике был после многих мук распят на кресте в городе Анкире.

Однажды блаженный Феодор, войдя в церковь святого мученика, оставался там всю ночь в молитве. В полночь, в дреме, ему было видение. Ему казалось, что он стоит перед неким Царем, восседающим на престоле в великой славе и окруженным множеством воинов, и справа от Царя была багряноносная Жена. И слышал он, как Царь сказал ему: «Подвизайся, Феодор, чтобы принять совершенную награду в Небесном Царстве. ..Я же прославлю тебя и на земле и возвеличу тебя перед людьми».

Это видение было Феодору в возрасте двенадцати лет. И с того часа он почувствовал еще большее желание служить Богу и еще более трепетной и жгучей любовью Божественной пылало его сердце. Он затворился в одной клетке своего дома и провел там время от Богоявления до Недели ваий в посте, молитве и в чтении духовных книг. Он беседовал единственно с Богом. Особенно в две недели

святой Четыредесятницы, в первую и в последнюю, он не произнес ни слова и, пребывая в глубоком молчании, углублял весь ум свой в Бога.

Когда же кончился Великий Пост и настал праздник Воскресения Христова, ненавистник-диавол, не вынося добродетелей отрока, замыслил погубить его и пустился на такую коварную хитрость.

Однажды, приняв вид отрока Геронтия, который вместе с Феодором учился в училище, он явился к Феодору и зазывал его с собой как бы на прогулку. Он завел его на высокий холм и, ставши над обрывом пропасти, начал искушать Феодора, как некогда Самого Христа Господа в Зайорданской пустыне.

– Если хочешь, добрый Феодор, – говорил он, – показать твое мужество, то прыгни отсюда вниз.

– Боюсь этого, так как высота здесь безмерная, – отвечал отрок.

– Ты, – разжигал его самолюбие дьявол, – больше всех в училище был мужествен и теперь боишься этого. Я вот не боюсь и сейчас же спрыгну.

– Не делай этого, – возразил Феодор, – а то упадешь и разобьешься насмерть.

Дьявол же уверял, что спрыгнет целым.

– Если ты сперва это сделаешь и я увижу, что ты остался цел, то и я сделаю это после тебя, – отвечал Феодор.

Тут дьявол сделал страшный скачок с высоты вниз, в безмерную глубину, стал там на ноги и звал к себе Феодора, чтобы и он прыгнул к нему.

Видя это необыкновенное явление, Феодор размышлял в себе, каким образом Геронтий, никогда раньше не отваживавшийся на такие поступки, мог безвредно для себя спрыгнуть вниз со столь высокого холма.

Тут во время этих мыслей его и уговоров дьявола, который все упрашивал его совершить страшный скачок, явился ему святой великомученик Георгий, взял Феодора за руку и произнес: «Иди отсюда вслед за мной и не слушай искушителя, который ищет души твоей. Это не Геронтий, а враг людей».

Великомученик привел отрока в свою церковь. Тут с ним встретились его мать и бабушка и молили блаженного, чтобы он вер-

нулся домой, так как к ним на пир сошлись многие родственники и соседи и ждут его. Но отрок, помня, что любовь к миру есть вражда к Богу, не послушал их. Он снял с себя золотой пояс, дорогую верхнюю одежду и гривну со своей шеи и бросил все это, говоря:

– Я знаю, вы боитесь, что у меня пропадут эти предметы. Берите их себе, а меня оставьте одного.

И с ними не пошел.

Услышав о некоем добродетельном иноке Гликерии, живущем в уединении, верстах в десяти от их места, и подвизающемся строгим подвигом, он пошел к нему за благословением и наставлением...

Гликерий, по прозорливости своей познав живущего в отроке Духа Божия, радостно и любезно принял его и с улыбкой сказал ему:

– Чадо, любишь ли ты иноческий образ?

– Очень люблю, отче, – отвечал отрок, – и усердно желаю его сподобиться.

Тогда в той стране было бездождие и великая засуха. Вышли они оба из кельи, стали перед церковью святого Иоанна Крестителя, и преподобный Гликерий сказал блаженному

отроку Феодору:

– Чадо, преклоним колени и помолимся Господу, чтобы Он умилоствовал над нами и послал дождь напоить иссохшую землю. Из этого будем мы знать, угодили ли мы Господу Богу.

Старец задумал это не потому, что он искушал Господа, но надеялся, что Бог будет слышать молитву святого отрока Феодора и что его молитва много может у Бога.

И вот, преклонив колени, они стали молиться. И небо вдруг покрылось облаками, и, когда они поднялись от молитвы, ударил сильный дождь и обильно напоил всю землю.

Старец обрадовался благодати Господней, живущей в Феодоре, и сказал ему: «Отселе, чадо, все, чего ты ни будешь просить у Господа, Он тебе даст. Господь будет с тобой, укрепляя тебя, и ты телесным возрастом и духовной в Боге жизнью будешь расти от силы в силу и совершишь желаемое, когда придет время».

Приняв благословение от старца и простившись с ним, Феодор возвратился домой.

На четырнадцатом году от роду Феодор решил окончательно оставить дом и устроиться

жить при церкви великомученика Георгия на горе. Он усердно просил домашних не препятствовать ему в его намерении и не рассеивать его посещением своим. И они не смели противиться ему, зная, что Господь избрал его.

И вот Феодор выкопал себе пещеру в горе под алтарем и жил там постоянно, выходя в церковь для молитвы. Мать посылала ему чистый хлеб и птиц, вареных и печеных. А он все это клал на камнях при дороге, чтобы эту пищу истребляли птицы или звери или брали себе прохожие. Сам же питался приносимыми в храм просфорами, съедая всякий вечер по одной. В начале января, в праздник Богоявления, Феодор выходил с другими людьми и клириками на освящение воды и, войдя в эту воду босым, стоял так неподвижно до окончания службы. После Богоявления затворялся в пещере, пребывая там в молчании безвыходно до Недели ваий.

Бабка Феодора, Элпидия, любила его больше своих дочерей и радовалась его подвижнической жизни; она приносила ему в пищу овощи и хлеб, которые он и вкушал всякую

субботу и воскресенье.

Все удивлялись такому крепкому подвигу в столь юном отроке и прославляли Бога, вспоминая при этом слова Христовы: «Утаил еси сия от премудрых и разумных и открыл еси та младенцем».

И местный епископ Феодосий, который слышал о чудных знамениях перед рождением Феодора, радовался о нем и сам хвалил его, говоря, что Бог непосредственно наставляет этого отрока на такую жизнь.

Однажды Феодор заболел от стужи. Тут, в дремоте, явился ему святой великомученик Георгий и спросил его: «Какая причина, чадо, болезни твоей?» Отрок, посмотрев вокруг, увидел издали стоявшего духа нечистого и, показав на него, ответил мученику: «Вот кто, скверный и мерзостный, навел на меня эту болезнь». Тогда святой Георгий, взяв беса, стал его жестоко мучить и отогнал. А Феодора взял за руку и сказал: «Встань и будь здоров, ибо тот пронырливый враг не явится более пред лицо твое».

И Феодор встал совершенно здоровым.

Мечтая подражать Иоанну Крестителю и

Илии-пророку в их пустынножизненной жизни, Феодор стал размышлять, как бы лучше удалиться от людей. Взойдя на высшую часть горы, он стал обходить то пустынное место и, найдя крупный камень, выкопал под камнем себе пещеру и упросил одного добродетельного клирика приносить ему в определенное время немного хлеба и воды, взяв с него клятву, что тот никому не откроет его убежища.

Он потребовал также от клирика колючую власяницу, так как до той поры ходил еще в мягкой одежде, которую давала ему мать. Он затворился в пещере, и, по его просьбе, клирик засыпал вход в пещеру землей, оставив маленькое оконце, через которое мог входить воздух и через которое он получал хлеб и кувшин воды.

Этой жизнью в затворе святой прожил два года, погребенный в земле, как мертвец, причем никто о нем не знал ничего, кроме того клирика. Люди, приходя в церковь и не видя Феодора, удивлялись, что с ним случилось.

Однажды тем путем шли через село воинские полки. Некоторые жители, думая, что какие-нибудь воины забрали его с собой силой

и увели в войска, уговорили правителя той страны послать в полки искать Феодора. Когда же и там его не нашли, то решили, что его съели звери. Мать и все домашние неутешно оплакивали его, как мертвого, и все селение жалело о нем.

Через два года клирик, с одной стороны, терзаемый рыданиями его матери, с другой — боязнь, чтобы Феодор не умер в столь тесной суровой жизни, открыл его тайну. Немедленно радостное население кинулось к нему. Отвалили камень от пещеры и извлекли его оттуда как бы мертвого. Он, увидев дневной свет, оставался долго безгласным. Голова его была покрыта струпьями, и все домашние плакали, смотря на него, и привели его в церковь святого Георгия.

Мать хотела взять его в свой дом, чтобы полечить его. Но он не согласился на это и по-прежнему оставался при церкви великомученика Георгия. Но скоро голова его зажила.

Епископ, услышав об этом подвиге, захотел повидать раба Божия Феодора и пришел в то селение с клиром. По внушению Духа Божия епископ сперва провел его по низшим степе-

ням клира, потом рукоположил во священника, всего восемнадцать лет от роду, в подражание святому Тимофею, которого святой апостол Павел поставил епископом в юности.

Святой Феодор Сикеот прославил имя свое великими чудесами и впоследствии носил сан епископа.

Отроческие годы святителя Стефана, просветителя земли Зырянской

(Память 26 апреля)

С старейшая гимназия не только Москвы, но и всей России, Первая московская гимназия имеет домашнюю церковь, посвященную памяти великого просветителя земли Пермской, святителя Стефана.

С юного возраста дивный святой этот мечтал о том деле, которое с помощью Божией он в своей жизни совершил. Есть поэтому особое значение в той славе, которую в день его праздника воспевают ему голоса этих предстоящих в своем храме детей Москвы.

«Божественным желанием от юного воз-

раста, Стефане премудре, разжегся, ярем Христов взял еси и людей оледеневшая древле неверием сердца, Божественное семя в них всеяв, евангельски духовно породил еси. Тем же молим Тя: моли Его же проповедал еси, да спасет души наша».

В этих кратких словах «Божественным желанием от юного возраста, Стефане премудре, разжегся» заключаются все те чувства, какими была полна душа избранного отрока, все те чувства и думы, которые подготавливали его к великому жизненному подвигу.

Святитель Стефан происходил из города Великий Устюг, что в нынешней Вологодской губернии.

Город этот, теперь захиревший, тогда был многонародным и именитым городом. Лежа при слиянии рек Сухоны и Юга (откуда и название его: устье Юга – Усть-Юг), он вел значительную торговлю, и набожные жители поставили в нем много храмов.

В то время подвизался в Устюге один из величайших праведников, просиявших в земле Русской, блаженный Прокопий, Христа ради юродивый.

Блаженный Прокопий был из немецких купцов, имевших торговые сношения с Новгородом Великим. Бывая по делам в Новгороде, он был поражен красотой и задушевностью русского богослужения, всей душой прилепился к православию, принял русскую веру, роздал имение свое нищим и ушел на север России, в пределы вологодские, где поселился в Устюге, проходя там жизнь отреченную.

Терпя поношения и насмешки, одетый в рубище, он днем скитался по городу, а ночи проводил в молитве на церковных папертях. Любил он также сиживать в судоходное время на берегу реки, следить за плывущими по реке судами и молиться Богу о благополучном плавании их.

Прокопий Праведный прославился по всей России тем, что избавил город Устюг своими молитвами от гибели.

Шедшая на Устюг туча раскаленных камней, которая должна была по повелению Божию пасть на город, по молитвам его прошла далее и упала в нескольких верстах от Устюга, разрушив вековой бор.

Святитель Стефан Пермский был сыном клирика соборной церкви Симеона, по прозвищу Храп, и его благочестивой жены Марии.

Когда будущему просветителю Пермской земли не было еще трех лет, его родителям была предсказана его будущая великая участь.

Мария как-то выходила из собора после вечерни. Тут блаженный Прокопий подошел к ней, остановил ее, поклонился до земли и при народе, стоявшем вокруг, сказал: «Вот идет мать Стефана, епископа Пермского, который будет мужем великим в слугах Божиих».

Эти необычайные слова Христа ради блаженного, в котором давно замечалась прозорливость, заставили внимательных людей смотреть на сына Марии как на необычайного и избранного ребенка.

Очевидно, Господь, готовя в этом ребенке будущего апостола язычников, возбуждал в душе его чувства и мысли, которые подготовляли его с детства к этому служению.

В город Устюг приезжало на ярмарку и торги много зырян. Они привозили на продажу

добычу своей охоты, состоявшую большей частью из шкур и рогов диких зверей.

Сын Симеона и Марии очень любил этих зырян. Он старался бывать на торжище, чтобы побольше видеть и говорить с ними. Чрезвычайно восприимчивый и способный, он легко выучился языку и бойко разговаривал с ними об их несложной жизни. Полюбив их за их простоту и кротость нрава, за их доверчивость, мальчик сильно жалел, что они язычники и не знают об истинном Боге. И с тех детских лет в нем возникло желание помочь этим людям, открыть им учение об истинном Боге и сделать из них христиан.

Часто, потолкавшись несколько часов на торговой площади среди зырян, мальчик шел в церковь и здесь долго молился за своих друзей-зырян.

«Господи, – думал он со своим чистосердечием, – не погуби этих людей в идолопоклонстве. Дай им счастье познать Тебя, сделай из них христиан! Господи, откройся им, дай им креститься во имя Твое... Господи, воздвигни Себе храмы по земле зырянской. Господи, научи их славословить Тебя и служить Тебе!..»

И под мерные звуки церковной службы внутреннему взору Стефана рисовались далекие неведомые дебри, в которые едва ли заходили русские люди, и снующие в них зыряне... И страшные идолы, о которых рассказывали мальчику его друзья-зыряне, падали на землю и исчезали. Гасли огни языческих жертвоприношений, и на месте исчезнувших идолов вставали деревянные с шатровыми верхушками православные церкви.

«Господи, просвети землю зырян! Господи, откройся бедным зырянам... Господи, сотвори зырян христианами!...»

Когда пришло время Стефану учиться, он стал показывать необыкновенные успехи в учении. Память его и разумение священных книг выходили из ряда вон.

Проучившись всего один год, он читал так бойко, что сделался в церкви канонархом, то есть возглашал звонким детским голоском своим те слова церковной песни, которые вслед за ним повторял церковный хор.

Мир не привлекал мальчика. Он никогда не подходил к детям, весело, с криками радости и восторга игравшим на улице. Больше

всего любил он быть в церкви или читать книги.

От него не слышали никогда пустого слова, никогда он не раздражался, не возвышал голоса. Отрочество его проходило в великой чистоте, целомудрии и самоуглублении. В такой жизни сложилось в нем убеждение, что скоротечен земной век и все пройдет. Не минует только то счастье, которое дает жизнь в Боге. Он решил стать иноком.

Часто встречаясь с разными монахами, он прослышал про одну из обителей города Ростова Великого – монастырь святителя Григория Богослова. Этот монастырь чрезвычайно привлекал его к себе, так как в нем была богатейшая библиотека из множества книг. Он надеялся здесь вполне насытить все более сжигающую его жажду чтения. Мечта его сбылась. Он стал иноком Богословской обители.

Так юноша, который, казалось, мог бы иметь такой успех в миру со своими способностями, красноречием, острым умом, красотой, ушел от мира, чтобы всецело отдаться Богу.

Настало время исполнить ему свою мечту.

Один, без всяких помощников, Стефан составил зырянскую азбуку. Потом стал переводить на зырянский язык необходимейшие священные книги. Приготовив все нужное для проповеди, Стефан отправился в Москву и там получил благословение идти в землю Пермскую проповедовать зырянам Христа.

Он шел в далекую Пермь к язычникам, чтобы научить их и крестить, если поможет ему Господь, или сложить свою голову за Христа и за правую веру. Много потрудился святитель Стефан в проповеди и был отцом зырянского народа и истинным его просветителем.

После многих трудов апостольских святитель Стефан Пермский преставился в Москве, и нетленные мощи его почивают в древнейшем храме Москвы – в кремлевской церкви Спаса-на-Бору.

И у раки мощей его вспоминается тихое детство его, чудное пророчество о нем великого праведника, Прокопия Устюжского, Христа ради блаженного, его длинные беседы в детстве с зырянами на торговой площади Устюга, первые неясные детские мечты о про-

свещении зырян и вся последующая жизнь, направленная к осуществлению этой святой, развившейся и окрепшей мечты...

Блажен ты, Стефан, «разжегшийся Божественным желанием от юного возраста»!

Май

Юность св. благоверных князей Бориса и Глеба

(Память 2 мая)

Они взошли на русской почве, только что просвещенной – через Крещение во Христа – отцом их, Владимиром равноапостольным, как некоторые прекрасные весенние цветы; они занялись в небе русских святых, как яркие и ранние звезды.

Князья Борис и Глеб были любимыми детьми великого равноапостольного князя Владимира. Все другие сыновья его родились от жен-язычниц, а их матерью была великая княгиня Анна, греческая царевна, которую взял за себя великий князь Владимир, как только крестился во Христа, и само происхождение их чудным освящением легло на них: над ними видимо почивала благодать Божия. Между ними была немалая разница в годах,

но это не мешало их тесной дружбе.

Князь Борис с детства отличался расположением к благочестию. Он чрезвычайно любил чтение книг божественных, и благое впечатление производили на него жития святых и страдания мучеников – он точно завидовал их судьбе и себе желал той же судьбы. Углубляясь душой в те прошлые времена, горя сердцем к памяти мучеников Христовых и к житиям их, он молился: «Владыка мой, Иисусе Христе, сподоби меня быть в числе Твоих угодников, научи меня подражать им, не дай мне увлечься суетой мира, но просвети мое сердце разумением заповедей Твоих!»

Все его чувства понимал брат его, маленький князь Глеб. Сидя при брате, любил он слушать, как тот читает жития святых, и вместе с ним молился; братья были неразлучны, и было что-то высокое и трогательное в этой дружбе старшего и младшего – трогательной привязанности Глеба к Борису и необычайной заботе Бориса о Глебе.

Будучи еще совсем молодым, князь Глеб созрел душой – он был чрезвычайно добр и кроток, в милосердии своем подражал он от-

цу своему.

Равноапостольный великий князь Владимир чрезвычайно любил нищелюбие: он принимал убогих на своем княжеском дворе и кормил их; рассылал искать по домам больных и беспомощных, таких, которые сами не могли прийти к нему, и посылал им на телегах съестные припасы; и вот эту черту отца своего унаследовал и князь Глеб. Любимыми его гостями были сироты и вдовы.

Счастлива была жизнь благоверных князей. В те годы на свежую глубокую душу русского народа падала благодать Христова учения, и эта душа, ликуя, раскрывалась навстречу благодати. Чистой жизнью своей первые русские христиане сияли перед Богом так же, как сияют на весеннем солнце колышки выбившейся травы на лугах.

Жизнь Христа и смерть Его на кресте производили на братьев впечатление столь глубокое, что сами они желали принять муку... И эта мечта их сбылась. После смерти их отца брат их Святополк подослал к ним убийц, и они предали мученически свой дух.

Молодые, они мало успели сделать для ро-

дины, и рано были отозваны благоверные князья к Богу. Но посмертными явлениями они доказали, что они служат России своими молитвами у престола Божия.

В ночь перед тем днем, когда благоверный князь Александр разбил на берегах Невы шведов, один из его военачальников был свидетелем чудного явления.

Он провел всю ночь на берегу в молитве. Уже стало светать. Тогда по широкой поверхности реки пронесся шум и показалась плывущая ладья; весла тихо ударялись по волнам; гребцы были одеты как бы мглой. Посреди ладьи стояли первые князья-мученики, сыновья равноапостольного Владимира – Борис и Глеб. И сказал Борис: «Брат Глеб, вели грести спешно, да поможем сроднику своему великому князю Александру Ярославину».

Затем в ночь перед знаменитой Куликовской битвой, которая положила начало освобождению России от монгольского ига, было такое таинственное видение. В небе показалось несметное темное ополчение. Но затем явились два светлых юноши, его секущие с криком: «Кто вам велел погублять отечество».

наше?»

В светлых этих юношах великий князь Дмитрий Донской признал святых благоверных братьев, князей Бориса и Глеба.

Детство и юность преподобного Феодосия Киево-Печерского, отца русского монашества

(Память 3 мая)

Есть в России чудный город, равного которому по красоте не сыщется, быть может, во всем мире.

Город этот – старый Киев, с именем которого связано начало православия на Руси.

Великий князь Владимир Киевский уверовал во Христа и, приняв крещение в Царьграде, крестил в водах Днепра свой город.

Пышным цветом процветала на русской ниве православная вера, и при первых преемниках Владимира основалось в Киеве чудное монашеское гнездо; в этом гнезде нашли себе приют те русские люди, которые жаждали подвигов исключительного, полного отречения от мира, жестокой жизни во имя Христа, по-

несшего на земле одну муку.

Это монашеское гнездо был Киево-Печерский монастырь, основанный преподобным Антонием и утвержденный вместе с ним преподобным Феодосием.

Уроженец Черниговского края, преподобный Антоний начал иночествовать на знаменитом своей монашеской жизнью Афоне и оттуда пришел в Киев; на берегу Днепра обрел уединенную пещеру, в которой, по преданию, подвизался митрополит Киевский Илларион, и в этой пещере первый раз начался русский подвиг иноческой жизни; к нему стали присоединяться другие люди одного с ним духа. Обитель процвела, пользуясь поддержкой и уважением киевских князей и всего населения.

Киево-печерские иноки явили примеры величайшей добродетели; некоторые из них, выходя из обители, проповедовали Христа диким племенам, погруженным во тьму язычества.

Монастырь укреплялся рядом дивных чудес Богоматери. Он возрастал вокруг чудотворной иконы Киево-Печерской. Эту чудную

икону Сама Владычица вручила в Царьграде двенадцати зодчим, которых Сама уговорила построить Ей в русской земле храм.

Теперь, когда богомолец, побывав в дивной строением и величием своим так называемой Великой церкви Киево-Печерской лавры, послушав стройного и особенного пения монастырского хора, спустившись во мрак пещер, где почивают нетленными в живом сне своем киево-печерские преподобные иноки, когда он, выйдя под горячее солнце благодатного Киева, посмотрит на невыразимо прекрасную картину днепровской долины, над которой встает Киево-Печерская лавра, – тогда в душе его отдадутся чувства здесь поживших и потрудившихся людей и вспомнит он благостного, самоотверженного слугу Божия Антония и с ранних лет пламеневшего к Богу, великого и несказанно усердного, чудного преподобного Феодосия.

Есть город, отстоящий от Киева верстах в пятидесяти, – Василев. В нем жили родители преподобного Феодосия, просвещенные христианской верой и украшенные всяким благочестием; здесь и родился преподобный. В

восьмой день, по обычаю христианскому, принесли его в храм для наречения имени. Священник, точно провидя духом, что этот младенец с юных лет посвятит себя Богу, назвал его Феодосием, что значит по-гречески «Божий дар».

Родители блаженного, по повелению князя, в котором, конечно, выразилась Божия воля, переселились в другой город, Курск.

Отрок, возрастая телом, возрастал в премудрости и любви Божией, он сам просил родителей, чтобы они отдали его учиться Божественным книгам. Вскоре изучил он все Священное Писание, так что все изумлялись его разуму и быстрому обучению. Всякий день ходил он в церковь Божию, с глубоким вниманием слушал службу, детей играющих сторонился и не увлекался их играми, не любил он нарядной одежды и предпочитал худое рубище.

Отроку шел тринадцатый год, когда скончался его отец; с тех пор более прежнего начал трудиться Феодосий. Часто выходил он с рабами своими в поле и усердно с ними работал. Мать его, женщина гордая, находила та-

кой образ жизни неприличным для сына; она воспрещала ему эти труды, требуя, чтобы он одевался в хорошую одежду и ходил на игры со сверстниками.

– Работая, да еще в такой одежде, ты наносишь укоризну себе и роду своему.

Но блаженный отрок не повиновался ей в этом, он желал вести жизнь убогую, и часто мать его за это так гневалась, что била его.

Благоговейный юноша размышлял только о том, каким бы образом ему спастись. Слышал он о святых местах, где Господь наш Иисус Христос воплотился и где Он, переходя с места на место, открывал людям учение святое Свое. Феодосий, увлекаясь сердцем, молился: «Господи мой, Иисусе Христе, услыши молитву мою и сподоби меня посетить святые места Твои, чтобы им поклониться».

Однажды пришли в город Курск странники. Блаженный юноша обрадовался им и, поклонившись, приветствовал их с любовью, спрашивая, откуда и куда они идут.

– Мы от святого града Иерусалима, – отвечали они, – и, если Бог изволит, опять туда идем.

Мальчик просил, чтобы и его взяли с собой, довели до святых мест. Странники согласились на его просьбу и известили его о том часе, когда выйдут из Курска. Юноша поднялся ночью, и никто не видал, как он вышел из своего дома. На нем не было ничего, кроме худой одежды, которую он обыкновенно носил. С какой радостью устремился он за странниками!

Но Бог не допустил, чтобы расстался с Русской землей тот, кому Он назначил стать на Руси родоначальником русского монашества.

Через три дня мать узнала, что сын ее ушел вместе со странниками, и, взяв с собой младшего сына, отправилась в погоню. Она нагнала их после долгого и усиленного пути, топала ногами, странников резко укоряла за похищение сына. В гневе схватила Феодосия за волосы, бросила его на землю и, гневная, возвратилась она к себе домой, ведя за собой Феодосия, как некоего злодея, связанным. Сердце ее было раздражено до такой степени, что и дома продолжала бить его до изнеможения. Потом она крепко связала его и заключила в особую горницу.

Но блаженный юноша принимал все это с радостью и за все благодарил Бога. Через два дня мать его выпустила из заключения и дала ему немного пищи, но гнев ее не совсем спал: она заковала его ноги в железо, чтобы он от нее не убежал, и он долго ходил в оковах. Наконец, смилостивившись над ним, она стала ласково увещевать Феодосия, чтобы он не оставлял ее; она любила его больше других своих детей и без него ей было тяжело жить. Феодосий обещал не уходить, тогда она сняла с него оковы и позволила делать ему все по его желанию, и Феодосий возвратился к прежней своей жизни, посещая ежедневно церковь Божию.

Видя, что Литургию не служат за неимением просфор, Феодосий задумал восполнить этот недостаток. Он начал печь просфоры и продавать их, а какая бывала прибыль, ту он отдавал нищим, а на вырученные деньги покупал жито, молот его своими руками и снова приготавливал просфоры, и совершалась Божия воля в том, что в церковь Божию приносились просфоры от непорочного и чистого отрока. Так работал он два года или более.

Все его сверстники насмеялись над ним и укоряли его за такое дело по наущению врага. Но блаженный с радостью и молчанием переносил их укоры; не оставался в покое ненавистник добра. Видя, что его посрамляло трудолюбие и смирение отрока, он начал вооружать против него его мать, чтобы она мешала ему в его благочестивом занятии. Мать с лаской говорит сыну: «Прошу тебя, оставь эту работу. Ты наносишь укоризну всему твоему роду, не могу слышать, как все укоряют тебя за это занятие, да оно и не подходит твоему возрасту». Со смирением отвечал ей Феодосий: «Выслушай меня, мать, умоляю тебя. Господь Бог наш Иисус Христос Сам обнищал и смирил Себя, подавая нам пример, дабы и мы ради Него смирились; Он был поруган, оплеван и заушен и все претерпел для нашего спасения. Так и нам подобает терпеть, чтобы Христа приобрести. Что же касается до моего занятия, то послушай: когда Господь наш Иисус Христос на Вечери Тайной возлежал с учениками Своими, тогда, взяв хлеб и благословив, преломил и, давая ученикам, сказал: «Примите, ядите, сие есть тело Мое, еже за вы ло-

мимое во оставление грехов». Если же Господь наш назвал телом Своим хлеб, приготовленный к Тайной Вечери, как же мне не радоваться, что Господь удостоил меня быть приготовителем такого хлеба, над которым должно совершиться столь великое таинство?»

Эти слова обезоружили мать, и на некоторое время она оставила его в покое, но скоро опять на него вооружилась.

Год спустя она как-то увидела Феодосия снова пекущим просфоры и почерневшим от печного дыма. Сильно расстроившись этим, она снова стала удерживать его от этого дела, иногда лаской, иногда угрозами, иногда побоями.

Феодосий чувствовал, что он не делает ничего дурного, исполняя святую эту службу. Он не мог отказаться от любимого дела и не хотел также идти постоянно против воли своей раздраженной родительницы. Он решил снова оставить свой родной дом: ночью вышел из Курска и отправился в другой город неподалеку. Там он поселился у одного священника и продолжал заниматься своим делом.

Мать напрасно искала его, и, когда после

долгого времени узнала, где он живет, в великом гневе устремилась она в тот город. Взявши Феодосия из священнического дома, с боями повлекла она его к себе и запретила ему отлучаться. «Теперь уж ты не убежишь от меня, – говорила она. – Куда бы ты ни пошел, я пойду за тобой и связанного опять приведу в свой город».

Блаженный гонимый отрок безмолвствовал и только молился Богу, всякий день посещая церковь. Приветливый, ласковый ко всем и кроткий, он обратил на себя внимание владетеля города Курска. Видя, что отрок с такой любовью посещает церковь, князь любил его и велел посещать свою домашнюю церковь; он подарил ему прекрасную одежду, но блаженный походил в ней несколько дней, снял с себя, как некую тяжесть, и отдал нищим, а сам облекся в худую одежду; князь дал ему новую, лучшую первой, но он и ту отдал и так поступал неоднократно.

Он принадлежал к тем людям, перед которыми с раннего детства стоит образ Христа распятого, и высшим для себя счастьем он считал страдать со Христом.

Блаженный отрок заказал кузнецу сковать железную цепь и опоясался ею; хотя железо было узко, так что врезалось в самое тело его, он был покоен, как бы не чувствуя никакой боли.

Так прошло много дней, наступил праздник, и мать приказала ему одеться в новую одежду, потому что все вельможи города были приглашены на обед к князю, за которым должен был служить Феодосий. Она уже слышала, что сделал над собой ее сын, и прилежно за ним наблюдала. Когда он в простоте сердечной, не остерегаясь матери, стал перед ней облекаться в светлую одежду, увидев на рубашке кровь от железа, ввевшегося в его тело, она в порыве сильного гнева разорвала ему рубашку и, осыпая сына ударами, сорвала с пояса его железо. Блаженный отрок, как будто не испытав никакой неприятности, спокойно оделся и пошел служить к князю.

Но, несмотря на всю твердость юноши, душа его не была спокойна, его мучила та постоянная помеха, которую устраивала ему мать в исполнении его желания, ему докучал мир, в душе пробуждалось непреодолимое

желание полного уединения, где он, кроме Бога, не слыхал бы ни о ком; ему хотелось отречься от мира и отдать Богу все помыслы, все чувства, все силы и стремления...

Как-то стоял он в церкви и услышал слова евангельские: «Кто любит отца или мать больше Меня, тот недостоин Меня», и другие слова: «Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я упокою вас, возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и вы найдете покой душам вашим».

Эти священные слова воспламенили его сердце горячей ревностью к Богу. Он помышлял, как бы утаиться от матери и постричься в иноческий образ. Матери случилось отлучиться в свое поместье на долгое время. В ее отсутствие юноша помолился и вышел из родительского дома, ничего не имея, кроме одежды, которую обыкновенно носил, и немного черствого хлеба.

Он пошел в Киев, так как до него дошел слух о живших там иноках, но, не зная дороги, он молил Бога, чтобы ему попались путники. Случилось той же дорогой следовать куп-

цам с тяжелыми возами. Феодосий ободрился духом и благодарил Бога. Издалека шел он за ними, не показываясь им, останавливался, не доходя до них, но так, что мог их видеть.

Три недели шел он от Курска и достиг наконец Киева. Тут Феодосий стал обходить монастыри, но напрасно молил он иноков, чтобы приняли его к себе: все чуждались убогого пришельца в худой одежде и не хотели принимать его. Тогда услышал он о преподобном Антонии, живущем в пещере, и что-то ему подсказало, что у этого старца найдет он судьбу свою. Когда Феодосий увидел преподобного Антония, он пал перед ним на землю и со слезами молил, чтобы старец принял его в иночество. «Чадо, – сказал ему отец русского иночества, – видишь, пещера эта скорбна и тесна, ты не выдержишь жизни здесь». Преподобный говорил это, не столько искушая его, сколько провидя прозорливыми очами, что Феодосий распространит это место и устроит монастырь для собрания множества иноков.

– Честный отче, – отвечал со смирением юноша. – Христос, промышляющий о всех, благословил мне спастись через тебя, я испол-

ню все, что ты повелишь.

– Благословен Бог, укрепивший тебя, чадо, на такой подвиг! Вот для тебя место, пребывай здесь.

Блаженный Феодосий припал к его ногам, и старец благословил его и приказал преподобному Никону постричь его. Преподобный Никон был саном священник и искусный монах. Это было в 1032 году.

И вот начались первые монашеские подвиги преподобного Феодосия. Всю ночь он бодрствовал на славословии Божиим, день весь утруждал себя воздержанием и постом, и блаженный Антоний с преподобным Никоном удивлялись благонравию и смирению его в столь юных летах, бодрости духа и крепости тела и прославляли за него Бога.

Между тем мать Феодосия долго и напрасно искала его повсюду, горько плакала о нем как об умершем. Она повсюду разослала объявления, что если где-либо увидят ее сына и скажут о нем матери, то вестник получит награду.

Наконец, пришли путники из Киева и сказали, что за четыре года перед тем видели его

в Киеве, искавшим пострижения в одной из обителей. Услышав эту весть, мать не поленилась сама прибыть в Киев, обходила там все монастыри и узнала, наконец, что Феодосий находится в пещере у преподобного Антония.

Лестью стала она вызывать старца из пещеры и умоляла бывших при нем: «Скажите преподобному Антонию, чтобы вышел ко мне, ибо я долгий путь совершила, чтобы поклониться его святыне и получить от него благословение».

Сказали старцу, и он вышел из пещеры. Она же поклонилась ему до земли. Сотворив обычную молитву, благословил ее Антоний, и, когда оба сели, огорченная мать о многом начала с ним беседовать и, наконец, открыла самую причину своего пришествия. «Молю тебя, отче, – говорила она, – скажи мне, здесь ли сын мой, потому что я многую претерпела ради него скорбь, не зная, жив ли он еще». Старец в простоте сердечной, не проникая ее мысли, отвечал: «Сын твой здесь, не скорби и не болезнуй о нем, ибо жив он». Она возразила: «Отчего же не вижу его, отче? Долгий прошла я путь, чтобы только видеть сына моего,

и потом опять возвращусь». «Если хочешь видеть его, – сказал ей старец, – отойди отсюда, и я уговорю его, ибо никого он не хочет принимать; завтра же приди опять и увидишь его».

Она поклонилась старцу и удалилась с надеждой видеть на другой день сына. Преподобный Антоний, возвратясь в пещеру, возвестил Феодосию о его матери, и весьма смутился Феодосий тем, что не мог от нее укрыться. Сколько ни увещевал на другой день старец блаженного юношу выйти из пещеры на свидание с матерью, никак он не соглашался, и старец вышел к ней один сказать ей: «Много молил я сына твоего выйти к тебе, и не хочет». Тогда уже не со смирением, но с гневом начала она кричать: «Беда мне от этого старца, ибо он взял сына моего, утаил его в пещере и не хочет показать. Изведи мне, старче, сына моего, чтобы я видела его, ибо не останусь живой, если не увижу; сама наложу на себя руки перед дверями твоей пещеры, если ты мне его не покажешь». Тогда преподобный Антоний с большой скорбью вошел в пещеру и умолял Феодосия, чтобы не избегал свидания

ния; не желая оскорбить старца, он вышел.

Когда мать увидала сына в таком изнеможении, ибо лицо его изменилось от воздержания и трудов, она бросилась к нему на шею и горько заплакала; успокоившись несколько от долгого плача, села подле него и начала ласково уговаривать: «Возвратись, чадо мое, в дом твой; все, что только на пользу и спасение души твоей, ты будешь делать и там, только не оставляй меня; когда же преставлюсь от сей жизни и ты предашь гробу тело мое, тогда возвратись опять сюда, в пещеру; я же не могу оставаться в живых, не видя тебя». Блаженный отвечал ей: «О мать, если хочешь меня видеть, останься здесь, в Киеве, и постригись в монастыре женском; таким образом, приходя сюда, можешь иногда меня видеть и еще приобретешь спасение души твоей; если же сего не сделаешь, истину говорю тебе: не увидишь более лица моего». Так увещевал он мать свою, в продолжение многих дней приходившую к нему, но она не хотела о том и слышать.

Когда уходила от него мать, блаженный, удаляясь в пещеру свою, прилежно молил Бо-

га о ее спасении и обращении ее сердца, и Бог услышал молитву угодника Своего.

Через несколько дней опять посетила его мать и сказала: «Сын мой, вот я исполню все, что ты мне говорил, и уже более не возвращусь в свой город, но, если угодно Богу, пойду в монастырь женский и там, постригшись, проведу остальные дни моей жизни. Из твоего учения уразумела я все ничтожество мало-временного мира сего». Возрадовался духом блаженный, внимая речам матери, и, войдя в пещеру, возвестил о том преподобному Антонию. Старец прославил Бога, обратившего сердце ее к покаянию, вышел к ней и сам много ее поучал о пользе душевной; потом отдал ее в женский монастырь святого Николая, где, постригшись и пожив довольно лет в добром исповедании, она с миром почила.

Житие сие блаженного отца нашего Феодосия от юного возраста и до пришествия в пещеру она поведала одному из братьев, по имени Феодору, который был впоследствии келарем при преподобном.

Мученица Ирина, юная исповедница Христова и чудотворица

(Память 5 мая)

Среди тех повествований о святых, в которых так много удивительного и чудесного, в которых приведены примеры любви к Богу, всепоглощавшей, переполнявшей сердца человеческие и дававшей этим сердцам невыразимую крепость, среди этих житий святых одно из самых удивительных есть житие святой великомученицы Ирины.

Чудесное обращение ее ко Христу, те муки, которые она за Христа претерпела, тьмы обращенного ею ко Христу народа – все это производит на душу потрясающее, неизгладимое впечатление. И над житием ее не раз хочется всплеснуть руками от радости перед той преславной победой, которую во имя Христа одержала на земле юная великомученица, и воскликнуть: «Радуйся, святая великомученица Ирина, невеста Христова преславная!»

Другие мученики и мученицы страдали за Христа однажды, в течение нескольких дней

и месяцев, страдальческие же подвиги Ирины переходили из города в город, из года в год, быть может, из десятилетия в десятилетие.

Исключительность ее мученических и проповеднических подвигов усугублялась еще тем, что жизнь ее совпала с первыми веками христианства и она сама была ученицей ев. апостола Тимофея.

В те времена, когда люди сидели во тьме и сени смертной идолопоклонства и нечестия и стал брезжить свет святой веры через проповедь апостолов, – в те времена жил в городе Магеддоне, сопредельном с Македонией, царь Ликий, владевший этим городом; у него была супруга, носившая его же имя, Ликиния. У них родилась дочь, которую они называли Пенелопией. Когда она стала подрастать, то в шестилетием возрасте зацвела такой красотой, что превосходила всех своих сверстниц.

Отцу хотелось, чтобы дочь его выросла вдали от шума житейского, чтобы ни один неосторожный взор не падал на нее, чтобы она никогда не слыхала ни одного грубого слова. И вот он выстроил для нее вне города,

далеко, на уединенном прекрасном месте, высокий столп; в этом столпе-башне было расположено много комнат, богато украшенных, уставленных драгоценной утварью. И столы, и кресла, и подсвечники, и ложа, и все сосуды были кованные из золота.

В этой башне Ликиний поселил дочь свою Пенелопию с тринадцатью прекрасными отроковицами и расставил всюду идолов, чтобы они хранили его дочь. В этой башне затворил он дочь свою до совершенного возраста, когда она должна была выйти замуж. К ней он приставил воспитательницу, почтенную старицу по имени Кария: она должна была находиться при своей воспитаннице неотлучно и надзирать также и над другими девочками; приставил он к ней еще и благородного, умного, образованного мужа, по имени Апелиан, чтобы он ежедневно ходил к ней учить ее наукам. Так прожила девочка шесть лет и три месяца.

Когда ей исполнилось двенадцать лет, отец стал размышлять, за кого из царских сыновей выдать ее замуж.

Между тем какие-то странные чувства вол-

новали душу подраставшей Пенелопии. Так прекрасна была ее жизнь при заботливой любви родителей: она не видела вокруг себя никакого горя, не слыхала о болезни и смерти, между тем, она не была удовлетворена... Сердце ее куда-то рвалось, чего-то хотело, она словно чувствовала, что есть громадная неизвестная ей область – область, которая лишь одна даст ей счастье; она, как бывало со многими избранными душами, тосковала о Христе, еще ничего о Христе не слышав.

Как-то раз девица сидела в своем покое на высоте своего столпа. Перед ней в горящих лучах солнца вставали горы, покрытые по нижней части своей изумрудной блестящей зеленью, а выше и выше становившиеся более грозными, дикими, суровыми и не имевшими уже никакой растительности. До этих гор шла уютная, счастливая, красивая долина с раскидистыми, свежими, уютными рощами, с полями, на которых созревала пышная жатва, с домами в прекрасных раскидистых садах. Каким-то покоем было проникнуто все творение, и христианская душа чувствовала бы ту молитву, которую в тихом вос-

торге творит к Богу вся сотворенная тварь, исполняющая данную ей от века Богом задачу роста, цветения, жатвы.

Спокойными глазами озирала девица всю эту картину с загадочным для нее городом, помещавшимся там, вдали, как вдруг через растворенное окно с восточной стороны к ней в покой влетел голубь, держа в клюве масличную ветку, которую он положил на трапезу, и быстро вылетел. Появление голубя растрогало и обрадовало девицу, и, продолжая сидеть, она держала в руках и тихо гладила пальцами эту ветку. Потом вдруг влетел орел, держа в клюве венок из различных цветов, и он положил венок на тот же стол и улетел. Наконец, влетел третьим окном ворон, у которого в клюве извивалась малая змея, и ее он положил на стол и улетел. Пенелопия позвала своих подруг и воспитательницу, и все удивлялись, не понимая, что значит это знамение.

Когда в обычное свое время вошел на столп Апелиан, ему было рассказано все, что случилось. Апелиан был тайный христианин, человек чрезвычайно сообразительный, и,

выслушав рассказ, он сказал девице: «Внимай мне, Пенелопия, дочь царская, и знай, что голубь знаменует твое благонравие, кротость, тихость и девичье целомудрие; масличная ветка знаменует благодать Божию, которая будет подана тебе; краса высот, парящий орел, означает царя и победителя и предсказывает, что ты будешь царствовать над страстями своими, возносясь богомыслием и победивши невидимых врагов, как мелких птиц; а венец из цветов есть знамение того воздаяния, которое ты примешь от царя Христа в Небесном Его Царстве, где тебе готовится нетленный венец вечной славы; ворон же со змеей указывает на врага-дьявола, который причинит тебе скорбь, печаль и гонение... Знай, девица, что Царь Великий, обладающий небом и землей, хочет наречь тебя в невесты Себе, и ты много претерпишь за Него напастей...»

Услыхав такое толкование, девица слагала слова Апелиана в своем сердце, и она стала с тех пор разгораться стремлением к Богу.

На другой день взошел на столп к дочери отец ее, царь Ликиний, с царицей и прибли-

женными своими; он хотел повидаться с ней и выведать ее мысли о браке. Увидевши, что лицо ее сияет красотой, как лучами солнечного света, он, исполнившись радости, сказал: «Возлюбленное чадо мое, ты достигла уже брачной поры; скажи мне, сын какого царя будет угоден тебе, чтобы выдать тебя за него замуж...» Отец стал называть дочери имена сыновей окрестных владетелей.

«Отец, – отвечала ему Пенелопия, – дай мне семь дней, я обдумаю это дело и потом дам тебе ответ».

Отец, доверяя ее словам, вернулся к себе. Тогда Пенелопия подошла к идолам, стоявшим в покоях, и сказала: «Если вы боги, то выслушайте меня: вот отец мой хочет обручить меня, а я желаю пребывать в девстве, ибо попечение житейское является препятствием к тому, чтобы служить Богу, – скажите же мне, идти ли мне замуж или нет?»

Немые идолы молчали, как бездушные предметы. С презрением посмотрев на них, девица обратилась к востоку и, подняв глаза к небу, произнесла: «Если Ты, Кого проповедуют галилеяне, Бог истинный, то прошу Тебя,

покажи мне каким-нибудь образом: идти мне замуж или лучше всегда пребывать в девстве?» Произнеся эти слова, Пенелопия вскоре задремала, и тут во сне она увидела Ангела Божия, который говорил ей: «Пенелопия, больше не называйся Пенелопия, но Ирина (Ирина по-гречески значит «мир»), ты будешь прибежищем и мирным пристанищем для многих людей, и много тысяч душ человеческих через тебя обратятся к Богу и спасутся. Велико и славно по вселенной будет твое имя; а что сказал тебе Апелиан-старец о виденных тобой птицах, то есть истина. Дух Божий говорил его устами. В эту же ночь придет к тебе человек Божий Тимофей, принявший учение и священство от Павла, апостола Христова, он несет на себе послание и преподаст тебе священное крещение и научит тебя, что делать».

С этими словами Ангел исчез. Очнувшись, девица была в великой радости и ждала прихода пресвитера. Через короткое время, видимый Ангелом, пришел к тому столпу человек Божий, апостол Тимофей. Апелиан ввел его вовнутрь, и девица радостно приняла его, и

он, севши, стал поучать ее и воспитательницу и всех ее подруг, и слушали они его с великим усердием. Преподав им довольно наставлений об истинном Боге Иисусе Христе, о святой в Него вере и таинстве крещения, он крестил их всех во имя Отца и Сына и Святого Духа и нарек девице имя вместо Пенелопии – Ирина. Крестил он воспитательницу Карию и всех отроковиц и обручил Ирину Христу Богу, чтобы она соблюла во имя Его свое девство непорочно до своей кончины. Он увещевал ее быть мужественной в страдальческом подвиге, который она понесет за Господа своего Иисуса Христа, истинного Бога и Жениха бессмертного, и, так поучив их, он благословил ее и ее сожительниц и, поручив их благодати Божией, продолжал свой путь.

Блаженная Ирина со своими отроковицами днем и ночью хвалила и благодарила Бога, изучала апостольские писания, которые ей передал ап. Тимофей. Идолов, стоявших у нее в покоях, она возненавидела и стала из окон выбрасывать их по одному, произнося при этом: «Если вы боги, то спаситесь сами». Идолы при падении с такой высоты на землю

разбивались и рассыпались на куски, и святая смеялась над их бессилием и радовалась о Господе своем Иисусе Христе, истинном Боге.

По прошествии семи дней отец и мать с приближенными своими пришли опять к ее столпу и стали расспрашивать ее о браке; с самого начала при самом входе их они были поражены каким-то видом необыкновенного величия, которое теперь являла им во всяком движении своем их дочь, и вот она заговорила:

«Знайте, что я раба Христа, в Него уверовала и Его возлюбила, истинного Царя небесного и вечного, и я уневестилась Ему, Жениху чистому, нетленному, бессмертному, иного мужа познать не хочу, не поклонюсь иному Богу, ибо нет Бога, кроме Него. Видели ли вы погибель богов ваших, из окна упавших на землю? Они не могли себе помочь. Как же они и вам будут помощниками? Напрасна надежда ваша, которую возлагаете на них, напрасны ваши жертвы на этих идолов. Золото и серебро подобает раздать нуждающимся, нищим, сиротам и вдовам. Руками человеческими сковав себе бездушных богов, вы ли-

шили нищих тех денег, которых они стоили. До каких пор будете вы безумствовать, как неученые кобылицы, не запряженные в оглобли? Познайте Бога живого, поклонитесь Ему, могущему воскрешать и оживотворять, тогда веселье святое будет в сердце вашем, тогда убежит от вас дьявол, который увлекает людей от света во тьму, низводит из ограды Божией в погибель...

Отец, познай Бога, все сотворившего словом Своим. Ты, когда задумал создать для меня этот столп, собрал на это дело много людей, их работало три с половиной тысячи, и над ними надзирало триста старших, и то едва ли в девять месяцев могли они кончить здание.

Бог же одним словом Своим сотворил небеса, солнце, месяц и звезды, свет и тьму, и нарек свет днем и тьму ночью, и основал в воздухе землю, и повелел водам течь на службу людям, на земле возрасти различным деревьям, расположил времена, лета и месяцы, создал зверей и скот для земли и птиц для воздуха, для вод рыб, и, наконец, пречистыми руками Своими сотворил человека, взяв персть

от земли, и поставил его господином вселенной, все покорив под ноги его.

Всю эту работу Господь совершил словом Своим в шесть дней. По падении же сотворенного Им человека Бог послал на землю Сына Своего, Иисуса Христа. Он воплотился от Пречистой Приснодевы без отца, действием Святого Духа, и пожил с людьми – сотворил бесчисленные чудеса, дал зрение слепым, очистил прокаженных, воскресил мертвых и был распят; но по смерти и погребении в третий день воскрес силой Божества Своего, вознесся на небо и сел одесную Бога Отца, ниспослал Духа Святого на святых Своих учеников – повелел им идти по вселенной просветить темных, обратить заблуждающихся, спасти погибших, ибо Он желает спасения для всякого, милость Его к роду человеческому не оскудеет вовеки».

Так говорила вдохновенная святая, и все с великой сладостью ее слушали. Царь и царица, взяв свою любезную дочь, повели ее в город; ей навстречу, дочери царской, вышли все городские девы в венцах и прославляли ее, а весь народ, взиравший на ее красу, славил

прекрасную девицу Пенелопию. Так начались проповеднические подвиги Пенелопии, продолжавшиеся до конца дней ее.

Четьи-Минеи Димитрия Ростовского подробно расскажут вам о последующей судьбе юной проповедницы Христовой. Под влиянием нечистого духа отец ее вознегодовал на дочь и велел бросить ее под ноги лошадей, но лошади бросились на Ликиния и затаптали его до смерти; святая Ирина молитвой своей воскресила отца, который вместе с тремя тысячами народа обратился ко Христу и оставил свою власть.

Поселившись у бывшего наставника своего Апелиана, юная Ирина постилась до вечера. Лишь вечером она принимала немного хлеба с частью воды, спала на голой земле и всегда пребывала в молитве и чтении божественных книг.

Бесчеловечным истязаниям подверг ее новый владетель города Магеддона. Но это истязание обратило ко Христу восемь тысяч человек; мучил ее затем второй после ее отца правитель, но и эта попытка кончилась обращением несметной толпы народа.

Три года страдала она в Магеддоне и затем перенесла мученичество свое в другой город, где осталась невредимой в раскаленном воле. В одном городе она была казнена, но и воскрешена посланным от Бога Ангелом. С масличной веткой в руке она вошла в город, всех привела в изумление. Пораженный мучитель бросился к ее ногам и просил научить его святой вере.

В знаменитый город Малой Азии Ефес великомученица была перенесена облаком. Она предала дух свой Богу в конце первого века.

Так страдала и трудилась за таинственно открывшегося ей Христа Ирина, дева-великомученица.

Детство святителя Епифания, епископа Кипрского

(Память 12 мая)

Повесть о детстве Епифания, епископа Кипрского, показывает всю силу Божия промысления о людях, дает чудный пример тем путям, какими Господь приводит детей Своих к спасению.

В нынешней Сирии, в окрестностях Ливанского хребта, сверкающего на солнце белизной своих непорочных снегов, родился блаженный Епифаний. Он происходил из еврейской семьи, отец его был земледелец, имел двух детей – сына Епифания и дочь Каллиопию. Мальчику было десять лет, когда он умер, и вдова очутилась в затруднительном положении, она питала детей своих своим трудом.

У нее был необычайно свирепый осел. И как-то, нуждаясь в деньгах, мать поручила сыну вывести этого осла в город на базар и продать его...

С неохотой шел мальчик по этому поруче-

нию, так как осел был необучен и имел свирепый и непокорный нрав. Он совестился всучить осла покупателю, который потом стал бы его проклинать за невыгодную покупку. И, когда на базаре к нему подошел какой-то еврей, мальчик откровенно признался ему, что осел не обучен и свиреп и что мать послала продать его ради нужды, так как им не на что купить пищи.

Так ответил он еврею потому, что тот, прицениваясь, добросердечно сказал ему, что они братья по вере и что поэтому он должен назначить сразу справедливую цену. Тронутый добросовестностью ребенка, еврей вынул и подал ему три монеты на хлеб, и мальчик с базара повернул домой со своим ослом.

По дороге встретил его христианин, именем Клеовий, и стал прицениваться к ослу, но мальчик не соглашался продать его по прежней причине. Во время их беседы осел стал громко реветь, метаться в стороны, сбросил с себя Епифания и пустился бежать один. Мальчик сильно расшибся и лежал плача, не в состоянии подняться, так как у него болел сильно расшибленный бок.

Тогда Клеовий, который был христианином, подошел к нему, ощупал больное место и трижды перекрестил его знамением Креста, поднял его с земли совершенно здоровым, потом вслед ослу сказал: «Повелеваю тебе именем Господа Иисуса Христа Распятого остановиться, и, так как ты хотел здесь убить своего господина, не сходи сам с этого места!» – и тотчас осел пал мертвым на землю.

Можно себе представить удивление впечатлительного ребенка! Он тотчас же спросил:

– Скажи мне, отче, кто это такой – Иисус Христос Распятый, что именем Его происходят такие чудеса?

Но Клеовий побоялся открыть еврейскому мальчику тайну о Христе, и Епифаний вернулся домой один, мечтая об этом неведомом Христе и желая уверовать в Него.

Вскоре мать, продав свою ниву, так как ей нечем было кормиться, приказала Епифанию идти в город и заняться неким художественным ремеслом, которое могло бы всех их питать.

В эту пору способности мальчика обрати-

ли на себя внимание одного еврея, Трифона, который взял его к себе на воспитание. Все больше и больше привязывался воспитатель к Епифанию. Он задумал выдать за него свою дочь, но дочь эта умерла в юных летах.

Вскоре умерли и мать Епифания, и его благодетель. Епифаний остался один с сестрой, унаследовав все богатое имение Трифона.

Как-то встретился Епифаний с христианином Леонтием, когда у этого христианина нищий просил милостыню. Леонтий, человек небогатый, не мог дать нищему денег, но, чтобы помочь ему, он снял с себя одежду и подал нищему, говоря: «Продай ее и купи себе хлеба».

Епифаний, смотря на это необычное для него зрелище, весь кипел восторгом, и тут увидел он чудное знамение: с неба спустилась белая, светлая одежда и прикрыла собой Леонтия. Юноша пришел в ужас, он спрыгнул с своего коня и, упав перед Леонтием на колени, умолял его сказать ему, кто он. Тут же юноша сблизился с христианином, привел его к себе в дом и услышал весть о Том Христе, Чья сила поразила его когда-то в детстве

и о Котором он мечтал, не зная Его.

Епифаний крестился с сестрой. Во время крещения лицо Епифания просветилось и на голову его сошел венец – знамение будущего его подвига. Епифаний распродал имение свое, роздал все нуждающимся, оставив себе небольшие деньги для покупки священных книг, и ушел из города с Леонтием, так как у Леонтия был монастырь, где жили десять черноризцев. Они занимались перепиской книг, которые продавали, и тем кормились.

Епифаний постригся в монастыре и свято-стью жизни своей стяжал столь великие духовные дары, что был потом епископом и явился одним из величайших чудотворцев всего христианского мира.

Детство преподобного Дионисия, архимандрита Троице-Сергиева монастыря

(Память 12 мая)

Есть люди, с именем которых соединена память о радостнейших событиях в жизни отечества, об избавлении его от величайших бедствий.

Когда государство погибает и от гибели спасается мужеством, разумом и доблестью лучших своих людей, то заря спасения озаряет этих самых людей таким сиянием, которое не меркнет в веках.

Незабвенна доблесть преподобного Дионисия, архимандрита Троице-Сергиева монастыря, выдержавшего 16-месячную осаду обители и посрамившего дерзость ляхов, потом разославшего по России грамоты, призывавшие народ восстать на спасение родины и идти на выручку к Москве. И образ Дионисия освещен тихими лучами этой зари русского возрождения.

Богато одаренный умственными способно-

стями, силой воли и необычайным внешним благолепием, архимандрит Дионисий принадлежал к числу тех людей, которых Бог избирает для совершения великих дел.

Преподобный Дионисий родился в городе Ржеве, носил в миру имя Давид. Его родители, Феодор и Иулиания, еще в детстве его переселились в соседний город Старицу, тут отец был старостой Ямской слободы.

Учился Давид грамоте у двух благочестивых старцев обители, Гурия и Германа, и благодаря этим инокам сохранились сведения о его поведении в детстве.

Мальчик выказывал с первых сознательных лет великую кротость, смирение и простоту сердца. Он пренебрегал детскими играми, в страхе Божиим прилежно учился и имел в сердце своем стремление ко всем добродетелям, ни во что не вменял все мирское, подвижался лишь в добрых делах, желая сподобиться Царства Небесного.

Духовник мальчика, священник Григорий, дивился его смирению и разуму не по летам; он прозревал вселившуюся в отрока благодать Божию и говорил другим своим духов-

ным детям: «Посмотрите, чада, на сего моего сына по духу, он и сам скоро будет отцом многих».

Юный Давид много терпел от своих сверстников: мальчикам не нравилось смирение товарища, иногда они даже, разбушевавшись, били его из-за того, что он не хочет с ними играть. Но Давид все переносил кротко, старался уклониться от них и не переставал постоянно содержать в устах своих имя Божие.

Когда он учился грамоте и подрос, родители уговорили его жениться, хотя он склонности к этому не имел.

Господь помог ему осуществить стремление к монашеской жизни. Женившись, он был поставлен священником в селе, имел двух детей; но через шесть лет скончалась жена и дети его, и тогда он принял иночество, к которому с детства стремился.

Преподобный Дионисий принадлежит к числу людей, которые тяжкими подвигами заработали высокое имя поборников земли русской, и вся последующая жизнь его была постепенным развитием тех добродетелей, зачатки которых образовались в нем во вре-

мя его благословенного детства.

Житие избранника Божия Евфимия Афонского

(Память 13 мая)

Гора Афон – избранное место и по справедливости именуется земным жребием Богоматери.

Плывя на остров Кипр, как говорит Священное предание, для посещения Лазаря четверодневного, друга Господня, воскресенного Христом, Пречистая Дева была принесена волнами к горе Афон. Выйдя с корабля, Богоматерь вошла на остров, благословила его и предрекла, что на нем будут жить люди, славящие имя Ее, и Афон стал славнейшим множеством святых монастырей. К известнейшим из них принадлежит обитель Иверская, основанная выходцами из Иверии, то есть Грузии.

Редкий народ с таким самоотвержением доказал Христу свою верность, как Грузия, расположенная на Кавказе. Грузия являлась как бы некоторой исторической ступой, в ко-

торой толклись многочисленные народности, переходившие из Азии в Европу.

Народность иверская вытерпела бесчисленное множество всевозможных бед и напастей, пленений и казней; но напрасно язычники-завоеватели старались уничтожить в ней православие: она осталась верна той святой вере, которую принесла ей бессмертная Нина, святая равноапостольная просветительница Грузии.

В конце десятого и начале одиннадцатого веков в обители Иверской просияло трое святых: Иоанн, Евфимий, сын его, и родственник их Георгий. Они происходили из славного рода Багратидов. Иоанн отличался мужеством и величественным видом и был ближайшим советником и воеводой царя иверского Давида. Житейская слава утомила его великодушное сердце, и он оставил мир для духовных подвигов и пришел на Афон под руководство старца Афанасия. По делам лавры он бывал в Константинополе. Греческий император знал и уважал его. Сын Иоанна, младенец Евфимий, был оставлен в Грузии на руках своего деда. Дед не чаял в нем души и не жалел ни-

чего для его образования, светского и духовного.

Как-то раз царю иверскому надо было отправить греческому императору важное поручение, и он избрал для этого дела отца преподобного Иоанна. Тот взял с собой и внука. Одновременно с тем преподобный Афанасий послал преподобного Иоанна к императору; в царских палатах произошла неожиданная встреча между этими грузинами – Иоанна со своим отцом и сыном.

Встреча была трогательная и задушевная – инок Иоанн бросился на шею к родителю, отрок Евфимий упал к ногам отца и объявил, что более с ним не расстанется. Отец видел, что сын развит не по летам, он решил поддержать его намерение и посвятить его Богу. Тяжело было деду отпускать от себя любимого внука, кратко было это неожиданное свидание его со своим сыном, он внезапно должен был лишиться обоих родных людей и сиротой вернуться к себе домой, в Грузию.

Иоанн желал дать сыну основательное образование и устроил его в хорошее училище Царьграда, так как он знал, насколько легче

распространять веру во Христа людям образованным. Евфимий был очень ревностен к наукам, от усердия своего тяжело заболел и был исцелен только чудом.

Иоанн терял всякую надежду на выздоровление сына, мальчик лежал уже без языка. Иоанн бросился в церковь Богоматери и перед иконой Пречистой Девы в слезах молил Ее, чтобы Она спасла его сына. Он послал за священником, чтобы причастить умирающего Святыми Дарами. Но когда он вернулся домой и вошел к больному, то ясно ощутил чудное благоухание, лившееся из комнаты, и увидел, что сын его бодро и радостно сидит на своей постели. Мальчик передал своему отцу бывшее ему чудное видение: ему предстала светлая Царица, протянула над ним руки и с усладой сказала: «Встань и ходи, Я исцеляю тебя», – и болезнь тотчас прошла.

Закончив свое образование, юноша отплыл на Афон, в лавру преподобного Афанасия. Преподобный Афанасий, духом провидев его духовную жизнь, постриг его в монашество без предварительного искуса.

Светское образование послужило препо-

добному Евфимию помощью в деле просвещения своей родины. Он перевел на грузинский язык не только все Священное Писание, но и многие толкования на него отцов церкви, особенно Иоанна Златоуста и Василия Великого. Он перевел творения Иоанна Лествичника, Ефрема Сирина и жития многих святых, среди них страдания и проповедь святого апостола Андрея Первозванного. Он явился и великим чудотворцем.

Однажды после того, как гора Афон долго страдала от бездождия, помолившись Богу, он извел обильный дождь. Во время богослужения его порой являлись чудные знамения. Он скончался, пострадав от милосердия своего.

Он проезжал по улицам Царьграда на осле, когда нищий, просивший милостыню, вскочил с места и тем испугал мула, который опрокинул старца. Преподобный Евфимий скончался 13 мая 1026 года.

Неповинное страдание отрока, благоверного царевича Димитрия

(Память 15 мая)

Страдание благоверного царевича Димитрия принадлежит к самым трогательным страницам русской истории.

За бездетством старшего брата своего, царя Феодора Иоанновича, Димитрий-царевич, рожденный от последнего брака царя Иоанна Васильевича Грозного с Марией Нагой, являлся единственным наследником царского престола, так как он был последний представитель царствовавшего в России дома, происходившего непосредственно от Рюрика и от Владимира святого.

После кончины царя Иоанна Васильевича на долю царевича Димитрия выпала тяжкая доля.

Ему бы следовало жить в Москве как единственному наследнику престола, исподволь приучаться к делам правления. Брат его, царь Феодор Иоаннович, был и слаб здоровьем, и бездетен; жизнь его долго продолжиться не

могла, и престол неминуемо должен был, таким образом, перейти к царевичу Димитрию.

Но сыскался злодей, который задался целью не только удалить царевича Димитрия от его царственного брата, но и совершенно сжить со света ни в чем и ни перед кем не повинного ребенка.

В то время был в России великий честолюбец, задавшийся целью не более и не менее как занять российский престол. Это был боярин Борис Годунов, человек весьма больших способностей и самый близкий к царю, так как царь был женат на сестре Бориса Феодоровича Годунова, Ирине.

Царь Феодор, слабый волей и слабый умом, предоставил Борису ведать государством, а сам был царь только по имени. И царь Феодор соглашался даже на такие предложения Бориса Годунова, которые его правдивому сердцу были неприятны. Согласился он и с тем, чтобы царевич Димитрий был со своей матерью и братьями матери, Нагими, послан на житье в Углич.

Царь Феодор любил своего младшего брата, и, казалось бы, так естественно прибере-

гать его при себе, зорко следить за ним, тщательно его воспитывать.

Конечно, на народ не могла произвести хорошего впечатления эта ссылка единственного наследника русского престола, но Борис Годунов стоял на своем: ему было легче извести его в отдалении от Москвы, чем в самой Москве.

Чтобы отвлечь сердце народа от последней отрасли царского племени, по распоряжению Бориса, перестали во время службы церковной поминать царевича Димитрия, ввиду того что он рожден был от седьмой жены Грозного.

Царевич Димитрий остался после отца полуторагодовалым младенцем, а в Углич был сослан в возрасте пяти с половиной лет.

В противоположность брату своему, царевич Димитрий был богато наделен всеми дарами: он был здоровым, красивым ребенком, был развит не по летам, унаследовав блестящие умственные способности своего отца. По мере того как он подрастал, он сознавал свое неловкое и странное положение; его смущала мысль, почему он не живет в Москве с бра-

том, и среди детских игр ему иногда случилось со словами упрека говорить о царских советниках-боярах, и особенно о Борисе Годунове.

Эти речи были на руку близким приверженцам Бориса, которые прибавляли к этим речам своего, сея смуту между братьями – царем и царевичем, а в народе распускали молву, что в нем обнаружился нрав его отца, что он жесток, любит кровь и сам, для потехи, мучит животных. Но народ слишком хорошо знал царевича Димитрия, его кроткий, незлобивый нрав, и пущенная Борисом сказка не имела никакого успеха. Борис решил тогда действовать напрямик и послал в Углич людей, которые бы подсыпали в пищу, подаваемую царевичу, яда; иногда этот яд давали ему в блюдах, иногда в питье. Но Бог, хранящий праведников, не хотел принять втайне эту чистую душу: всему миру должна быть явлена неповинная его кровь.

Когда тайный извод царевича ядом не подействовал, задумано было явно убить царевича; были найдены окаянные люди, которые за большое вознаграждение взяли на себя это

кровавое дело. Главный из них был Михаил Битяговский с сыном своим Данилой и племянником Никитой Качаловым: они были посланы в Углич будто бы для бережения царевича.

Царица Мария Феодоровна Нагая, материнским сердцем угадывая беду, стала особенно следить за отроком и никуда его без себя не отпускала. Царевичу было восемь лет.

Кто опишет внутренний мир невинного отрока, рожденного для славы и уже в столь юных годах узнавшего отраву, и горе, и испытания? Быть может, уязвленный сердцем своим, уже разочарованный, он всеми чувствами устремился к той вечной отчизне, где будут заглажены все недочеты земной жизни. Если Бог попустил страшному злодеянию, то не потому ли, что душа царевича Димитрия созрела к святости и для вечности и печальная его кончина должна была прославить невидные его добродетели и навсегда запечатлеть его образ в сердце православного народа?

15 мая царица Мария Феодоровна Нагая была в своем терему, окаянная же мамка, пре-

дательница Василиса Волохова, повела его гулять во двор. Кормилица царевича Ирина Тучкова не хотела пускать мальчика одного и вслед за ним вышла на нижнее крыльцо.

Сын мамки, Волохов, приблизился к царевичу, взял за руку и спросил его: «Государь, у тебя, вишь, новое ожерелье?»

– Это старое ожерелье, – тихим голосом ответил царевич Димитрий, и тут Волохов полоснул его ножом по шее, но не захватил гортани. Царевич Димитрий упал еще живым и, быть может, был бы спасен: верная кормилица прикрыла его своим телом и начала кричать. Волохов бросил нож и побежал, но его помощники, Битяговский и Никита Качалов, стали бить кормилицу и били ее почти до смерти и затем, вырвав из рук ее царевича, дорезали его и обратились в бегство.

Чудно и ужасно было видеть, как долго умирающий трепетал, подобно заколотому голубю. Его мать громко над ним вопила.

Весть о страшном деле распространилась по городу, и отовсюду ко дворцу бежал народ, но ничего не видел. Один пономарь, запершись на колокольне, начал бить в колокол, и

по этому звону набата все проникли на двор царский. Народ, видя государя своего лежавшего мертвым, а при теле его праведную мать и кормилицу без памяти, тут же умертвил Михаила Битяговского с его единомышленниками. Народ, вероятно, узнал подробности убийства через пономаря, видевшего все с колокольни. Всего убито двенадцать человек, и тела их выброшены в яму на съедение собакам.

К царю Феодору поскакали гонцы с вестью, что брат его убит приставленными к нему лицами. Но Борис перехватил в Москве гонцов и велел переписать грамоту, что будто царевич, одержимый падучей, в припадке зарезался от небрежения Нагих.

Следствие по угличскому делу закончилось страшной несправедливостью: Нагие были перевезены в Москву, и царь, по проискам Годунова, наложил на них свою опалу. Их пытали, но и пыткой не добились того, чтобы они признали самоубийство царевича; всех братьев Нагих разослали по разным городам в темницы. Царицу Марию насильно постригли в иноческий образ, с именем Марфа, и за-

точили ее в диком и пустынном месте, на озере Пустоозерском близ города Череповца.

Пострадал и град Углич: и на него простерлась опала. Тела всех убитых врагов царевича были вынуты из позорной ямы и преданы земле с честью. Около двухсот посадских ответили головой за их любовь к царевичу, многих заточили в темницы, а из ссыльных угличан в ледовитой пустыне устроили новый город Пелым. Именитый Углич, славившийся своими двенадцатью обителями, тремя соборами, полуторастами церквями и тридцатью тысячами жителей, с тех пор опустел. Даже набатный колокол Спасского собора, бывший виной мятежа, был сослан в Сибирь вместе с людьми, вставшими на ноги тогда, в тот страшный день, по звону его, и долго висел в Тобольске, в храме Всемилоственного Спаса. Только недавно этот опальный колокол возвращен был в Углич.

Казалось бы, все было заглушено или умерло, но нельзя было заглушить молвы народной об усопшем царевиче, и глухой ропот, тщетно подавляемый, все возрастал: никто не верил угличскому розыску, и Божия благо-

дать утверждала память о царевиче Димитрии. От гроба его стали истекать чудеса; одно из таких чудес описано Пушкиным в его знаменитом «Борисе Годунове». Патриарх так рассказывает об этом исцелении:

*В вечерний час ко мне пришел од-
нажды
Простой пастух, уже маститый
старец,
И чудную поведал он мне тайну.
«В молодых летах, – сказал он, – я
ослеп
И с той поры не знал ни дня, ни
ночи
До старости; напрасно я лечился
И зелием, и тайным нашепта-
ньем;
Напрасно я ходил на поклоненье
В обители к великим чудотвор-
цам;
Напрасно я из кладезей святых
Кропил водой целебной темны
очи —
Не посылал Господь мне исцеле-
нья.
Вот, наконец, утратил я надеж-
ду,*

*И к тьме своей привык, и даже
сны*

*Мне виданных вещей уж не явля-
ли.*

*А снился мне только звуки. Раз
В глубоком сне, я слышу, детский
голос*

*Мне говорит: встань, дедушка, по-
ди*

*Ты в Углич-град, в собор Преобра-
женья,*

*Там помолись ты над моей моги-
лой.*

Бог милостив – и я тебе прощу.

*– Но кто же ты? – спросил я дет-
ский голос.*

*– Царевич я Димитрий. Царь
небесный*

Приял меня в лик Ангелов Своих,

И я теперь великий чудотворец.

*Иди, старик. – Проснулся я и ду-
мал:*

*Что ж, может быть, и в самом
деле*

Бог Мне позднее дарует исцеленье.

*Пойду – из путь отправился дале-
кий.*

Вот Углича достиг я, прихожу

*В святой собор и слушаю обедню,
И, разгораясь душой усердно, плачу
Так сладостно, как будто слепота*

*Из глаз моих слезами вытекала.
Когда народ стал выходить, я
внуку*

*Сказал: Иван, веди меня на гроб
Царевича Димитрия. И мальчик
Повел меня – и только перед гробом*

*Я тихую молитву сотворил,
Глаза мои прозрели, я увидел
И Божий свет, и внука, и могилку».*

*Вот, государь, что мне поведал
старец.*

*Я посылал тогда нарочно в Углич.
И сведано, что многие страдальцы*

*Спасение подобно обретали
У гробовой царевича доски...*

Борис страшными угрозами старался подавить слух о знамениях, исходящих от гроба малолетнего мученика; могила царевича считалась опальной. Когда Борис Годунов был свержен с престола царевичем в лице само-

званца Лжедимитрия, то священники не сме- ли служить над могилой истинного Димитрия панихид. Но падение самозванца возвра- тило честь гробу царевича, граждане углич- ские стремились к могиле толпами и вместо одних панихид пели перед ней молебны но- вому мученику.

Желая окончательно вырвать из памяти народа Лжедимитрия, свергнувший его с пре- стола царь Василий Иоаннович Шуйский ре- шил перенести гроб царевича Димитрия в Москву. В Углич было снаряжено торжествен- ное посольство для того, чтобы перенести в Москву мощи.

Когда угличане узнали о приезде москов- ских послов, их постигла великая скорбь: они ведь любили царевича в несчастий и забве- нии и столько за него страдали, и теперь им должно лишиться мощей его. Когда надгро- бие сняли с церковного помоста, то долго не могли найти самого гроба. Явилась мысль, не скрыт ли гроб, начали петь молебен, и вдруг внезапно с правой стороны могилы полилось благоухание, и там начали копать и сразу же обрели гроб с мощами царевича.

«Зачем оставляешь нас сырых, мы лишились тебя при жизни, а теперь ты уходишь навсегда», – так вопили граждане угличские на могиле царевича, но скорбь их смягчалась при виде отрока, пробывшего в могиле пятнадцать лет и теперь снова выходящего из нее как бы спящим. Не только было цело его тело, но и сохранились на нем одежды. Когда его убивали, он зажимал в руке платок-ширинку, шитую золотом и серебром; этот платок лежал в руке его невредим, а в правой руке сохранилось несколько орешков, с которыми он сходил по крыльцу к месту своего убиения.

Полились исцеления от нетленных мощей, и народ встречал его на всем пути из Углича в Москву. В Москве весь народ с царем Василием и патриархом Гермогеном с крестами и чудотворными иконами выходил навстречу шествию: в великом торжестве в прародительскую столицу свою возвращался царевич Димитрий, за восемнадцать лет до того вышедший из нее опальным.

Велено было открыть раку, чтобы все могли видеть святые мощи царевича. Когда тело было поставлено в Архангельском соборе, от

него истекли исцеления.

Гроб был утвержден посреди собора у правого столба, на том месте, где стоял гроб царя Бориса, который был теперь вынесен из собора. От святых мощей царевича изливались, по словам летописца, «реки милосердия», много расслабленных – великим чудом – оздоровились, и с тех пор царевич Димитрий поживает открыто в Московском Архангельском соборе.

В 1812 году, при нашествии французов, мощи царевича Димитрия усердием одного соборного причетника перенесены в женский Вознесенский Кремлевский монастырь и там на время были скрыты между стеной и иконостасом.

Благоверный князь Угличский Иоанн (в схиме Игнатий)

(Память 19 мая)

В тяжких муках слагаются обыкновенно силы государства. Единодержавию, сплотившему в одно целое государство, пришлось бороться со своевольными удельными князьями, которые желали бы властвовать, не подчиняясь единодержавной воле старшего собрата. И много страданий принесла такая борьба. Много страданий приняли и русские князья, когда под давлением исторической необходимости вместо прежних разрозненных уделов московские князья стали сшивать русскую землю в одно неделимое ядро.

К князьям, пострадавшим в эту пору, принадлежит преподобный князь Иоанн Угличский. В невинном страдании своем он достиг венца святости. Древняя Русь часто страдала от того, что была разрознена на многие уделы, князья удельные между собой враждовали. Этим, между прочим, объясняется, почему они не сумели дать сообща могучий отпор та-

тарам и почему русские терпели позорное, мучительное татарское иго.

Умные князья московские стали уничтожать удельные порядки, стараясь присоединить отдельные уделы к великому княжеству московскому.

Великий князь Иоанн Третий особенно настойчиво проводил в жизнь это начало и получил название «Собирателя земли Русской». У него было четыре брата: двое умерли бездетными; третий, Андрей Васильевич, по прозвищу Большой, имел уделом своим Углич. От любимой его жены, княгини Елены, у него было два сына и две дочери; старшего сына звали Иоанн, младшего Димитрий.

Родившийся около 1477 года княжич Иоанн был необыкновенным ребенком. Он был с самого детства углублен в себя, молчалив и сдержан, редко раскрывались его уста, его не манили к себе детские игры. Когда его стали учить грамоте, он выказал необыкновенную понятливость, быстро с ней освоился, и его с тех пор нельзя было оторвать от духовных книг.

Он рано остался сиротой, так как мать его

умерла, когда ему было шесть лет, а затем скончалась и бабушка его, мать его отца и Иоанна Третьего, которая заботливо поддерживала мир между своими сыновьями.

С тех пор отношения между братьями стали неладными. Чувствуя, что Иоанн мечтает прибрать к Москве их удел, князь Андрей иногда вступал в тайные сношения с врагами Иоанна Третьего и даже охотно принимал к себе опальных его бояр.

На впечатлительную природу княжича Иоанна сильно повлияла смерть матери. Он как-то еще больше спрятался в себя, еще больше углубился в свои книги, еще неотступнее стал молиться в церквях. Днем он посещал всегда все церковные службы, а ночи проводил на молитве. Если он не был в церкви, то беседовал с благочестивыми людьми или занимался с бедными, которых очень любил.

Вокруг него кипела жизнь хотя небольшого, но пышного двора, потому что угличское княжество принадлежало к числу значительнейших. И среди его роскоши наследник удела походил скорей на инока. Он точно предчувствовал, что ему не придется княжить, так

как о делах управления он вовсе не думал. Он точно проходил над всем, что не относилось к вере и к спасению души, одевался он скромно и просто, насколько позволяло ему его звание, строго постился. И на такую жизнь вскоре должно было пасть испытание.

19 сентября 1490 года, когда княжичу Иоанну было 14 лет, князь Андрей Васильевич приехал в Москву повидаться с братом, великим князем Иоанном. Казалось, что все шло хорошо: братья дружно провели весь вечер в московском дворце, но, когда на следующий день князь Андрей явился, позванный во дворец к обеду, он внезапно был взят под стражу и окован цепями. Свидание между братьями накануне было последним свиданием: Иоанн задумал отнять у брата удел и истребить его род. В этих видах из Москвы был послан в Углич чиновник захватить молодых княжичей Иоанна и Димитрия, и их свезли в Переяславль (древний, довольно значительный город, расположенный в теперешней Владимирской губернии). Обоих детей посадили в темницу. Так как Переяславль был по дороге от Москвы на Углич, то угличане не

переставали рассуждать о злосчастных княжичах, и их перевели на Белоозеро, где они были тоже заточены в темницу.

После трех лет заключения князь Андрей Васильевич скончался и был положен в Московском Архангельском соборе, среди своих предков, а дети его тогда были переведены в Вологду. Их продолжали держать в самом тесном заключении и в оковах. Единственной отрадой их жизни была икона Богоматери «Всех скорбящих Радость» – отцовское благословение.

Около них не было вовсе ни одного близкого человека. Они видели только сумрачные лица сторожей. Единственной отрадой их была вера и молитвы к Заступнице страждущих, Пресвятой Богородице. Эта вера шепнула им, что раз Господь попустил им такое страдание, то, значит, Он избрал это страдание для них как путь спасения.

Так как князь Иоанн еще в миру ограничивал себя и вел отреченную жизнь, то теперешняя мука была продолжением его прежних подвигов. Молитва, в которую он углублялся и которая исторгала у него из глаз сле-

зы, как бы закрывала от него стены тюрьмы.

Он сам был настолько силен духом, что поддерживал унывающего брата своего Дмитрия, который был годом моложе его. Он говорил брату о том, какие тяжкие муки несли святые и какую награду готовит Бог неповинным страдальцам. Он говорил: «Не жалуйся на темницу, по Божию внушению дядя наш удалил нас от суетного света; мы бы стали грешить, если бы жили по своей воле; так будем молиться, чтобы Бог дал нам силы перенести жизнь, какую нам послал. Святые мученики терпели разные муки, преподобные отцы оставляли семью и весь мир, жили в голоде и жажде, а мы, грешные, так не трудились – пусть же спасемся мукой».

Шел год за годом. Все дальше удалялось от страдальцев их счастливое детство. На Руси события сменялись событиями: державный Иоанн уже лежал, как и брат его Андрей, под сводами Архангельского собора, и на великое княжение вступил двоюродный брат вологодских страдальцев, великий князь Василий Иоаннович. Но в судьбе княжичей, которые были заключены в темницу мальчиками, а

теперь приближались к старости, ничего не изменилось.

Была весна 1523 года... Тридцать два года прошло со времени начала мук князей Иоанна и Димитрия. Весна шла над русским простором, радостная и могучая, как весна, но она цвела не для вологодских заключенных: они не слышали пения вьющих себе гнезда птиц и не видели из затвора своего ни зеленющих лугов, ни свежих цветов, и в мрачной темнице было сумрачно и темно. К горю узников прибавилось новое горе: князь Иоанн быстро слабел и уже не мог подняться с постели – несчастный Димитрий терял своего единственного друга и утешителя.

По просьбе умирающего игумен Прилуцкого монастыря постриг его в схиму с именем Игнатия. Умирающий произнес к брату последнее слово любви и утешения. Пострижение чрезвычайно его обрадовало, он обливался слезами восторга и тихо почил сорока пяти лет от роду 19 мая 1523 года.

Скорбь осиротелого Димитрия была смягчена тем, что начались чудные знамения: почивший имел вид уснувшего, от тела шло

благодарение, наполнившее темницу и ближайшие к ней места, и Димитрий перестал плакать, уверенный, что брат обрел милость у Бога.

Вологодское население чрезвычайно уважало и сочувствовало братьям, их считали мучениками. Весь город собрался при вести о кончине князя к дверям темницы, чтобы проводить его до могилы; только Димитрию не позволили отдать брату своему последний долг, и он остался в темнице.

Когда похоронное шествие вышло из тюрьмы в Троицкий подгородный монастырь, казалось, что новое солнце восходит над Вологдой.

Потекли исцеления: встал с одра болезни один расслабленный, и мгновенно выздоровел принесенный ко гробу смертельно больной человек.

Несчастный Димитрий после того жил в тюрьме еще около 20 лет. Только в малолетство Иоанна Грозного с него были сняты оковы, и в тюрьме его проделали окно для света и воздуха, но свободу ему не вернули никогда. Он пробыл в заключении 50 лет, заживо

погребенный, всеми забытый. Он похоронен рядом с братом в Спасо-Прилуцком монастыре.

А икона Богоматери – благословение родительское и отрада страдальцев-братьев в их тяжелой доле – стоит в вологодской тюрьме, окруженная почитанием вологжан.

Детство преподобной Евфросинии-девицы, игуменьи обители Святого Спаса в Полоцке

(Память 23 мая)

«**Н**е вы избрали Меня, а Я избрал вас...». Эти слова Христовы вспоминаются часто, когда раздумываешь над жизнью тех людей, которые рано вняли Божию к себе призыву...

Родители холят своего ребенка, мечтают о его благоденственной жизни в мире, в мыслях нянчатся уже с его детьми, своими внуками. А луч освящающей благодати невидимо проник в детское сердце, которое тоскует по Боге и ничего, кроме Бога, не желает видеть во всем мире...

У полоцкого князя Георгия Всеславовича была дочь, нареченная в крещении Предиславой. С младенчества была она научена Божественному Писанию, любила читать святые книги и через них училась страху Божию и усердной любви к Богу, Создателю своему. Лицом она была прекрасна, и едва исполнилось ей двенадцать лет, как многие славные князья стали посылать к ее отцу: каждый старался высватать ее за сыновей своих.

То было время, когда русская образованность стояла чрезвычайно высоко. У князя полоцкого была богатая собственная библиотека, а княжна Предислава получила столь основательное образование, что впоследствии могла вести полоцкую летопись, переводить целые книги с греческого языка, писать стихи. Острый основательный ум соединялся в ней с высокими духовными стремлениями, и любовь к миру, любовь к отдельным избранникам не могла овладеть ею, потому что сердце ее с тех пор, как она себя помнила, уже принадлежало небесному Жениху.

Предиславу не тешили те почести, которыми была окружена их семья, их просторный и

красивый дворец, множество богато одетых слуг. Ей бедным казался весь этот обиход, когда она вспоминала о том мире, куда стреми-лась ее душа, – о тех небесных неизглаголан-ных чертогах, по которым, сопровождаемая сонмом угодивших Богу дев, проходит всесвя-тейшая Мать человечества, Пречистая Дева Мария... И звуки земных песен, земных пиров казались ей ничтожными, когда она стара-лась представить себе те песни, которые, по-никнув от страха головами, воспевают перед престолом Господа Славы ангельские полчи-ща.

Мир не имел в Предиславе своей части. Она отговаривалась от женихов. Когда же отец задумал обручить ее за одного княжича, она скрылась в девичий монастырь, где игу-меньей была ее тетка, княгиня Романа, и про-сила постричь ее.

Игуменья Романа, видя юность племянни-цы и боясь мести ее отца, долго противилась ее просьбе. Ей, по человечеству, было жаль лишать мир молодой и прекрасной девушки. Когда же из беседы с ней она убедилась в ее непременном желании сохранить девство ра-

ди Царства Небесного, она велела священнику постричь княжну в монашество. Ей нарекли имя Евфросиния.

Наполнился монастырь плачем, когда родители узнали об этом событии и устремились в монастырь со своими близкими. Но блаженная успокаивала и утешала их, говоря, что им следует радоваться, что дочь их обручена с Царем Небесным.

Преподобная Евфросиния большую часть своей жизни провела в небольшой келье, устроенной на полатях Спасовой церкви. В виде подвига часы, свободные от молитвы, она употребляла на списывание книг – работу, которая тогда ценилась весьма дорого. Исполнив работу, она посылала ее епископу; он продавал ее и, по ее поручению, вырученные деньги распределял между нуждающимися.

Преподобная княгиня Евфросиния в старости совершила паломничество во Святую Землю и там почилa. Мощи ее были перенесены в пещеры Киево-Печерской лавры, откуда несколько лет назад по Днепру торжественно перенесены на место ее подвигов – в Спасо-Евфросиньевский Полоцкий монастырь.

Начало подвигов блаженного Иоанна, Христа ради юродивого, устюжского чудотворца

(Память 29 мая)

Тяжек и велик подвиг юродства. Юродивые – это люди, которые не хотят иметь покоя, пользоваться благоденствием и почетом на той земле, которая Христу принесла гонения, заушения, терновый венец, бичевание, распятие и смерть в невыразимых страданиях. Вольной волей определяют они себя на муку за Христа, мукой Своей исцелившего людские язвы. И вот за эту верную думу их о Себе Христос истинных Христа ради юродивых награждает величайшими дарами.

Близ города Устюга есть село Опухово, в нем в пятнадцатом веке жил зажиточный благочестивый христианин Савва. У него с женой его Наталией было двое сыновей.

Младший из них, Иоанн, с отроческих лет показал себя строгим постником. В среду и пятницу он не принимал никакой пищи, прочие дни довольствовался небольшим количе-

ством хлеба и воды, ночь без сна проводил на молитве и ходил всегда с унылым лицом. Многие считали его умалишенным, тогда как в действительности в нем обитала Божия благодать.

Часто мать, жалея сына, уговаривала его отказаться от этого воздержания, которое подтачивало его силы. Но он говорил ей о грехах, которые надо заглаживать молитвой. Она старалась убедить его, что на его душе не может быть больших грехов, а он возражал ей, что каждый человек во грехах рождается.

Овдовев, Наталья постриглась и была впоследствии игуменьей. С ней жил молодой сын ее Иоанн, который в отрочестве принял на себя подвиг юродства Христа ради.

Вернувшись из монастыря, где жила мать, в родной Устюг, он провел всю жизнь в подвиге юродства, получив при жизни чудесные дары и прославленный Богом после смерти.

Мученик Иоанн, младенец Киевский

(Память 12 мая)

Двенадцатого мая празднуется память мученика Иоанна – младенца, пострадавшего в Киеве от киевских язычников за несколько лет до того, как Киев был крещен Владимиром равноапостольным.

Невинной кровью мученика был орошен Киев – как бы предуготован к принятию святого крещения.

В 983 году великий князь Владимир ходил на народ ятвигов, живших в Нижегородской губернии, и покорил их землю.

По возвращении в Киев он по обычаю стал приносить благодарственное жертвоприношение идолам. Старшины и бояре сказали ему: бросим жребий на отрока и девицу, на кого падет, того и принесем богам.

Жребий пал на юного Иоанна, сына одного варяга, христианина, по имени Феодор, жившего в Киеве.

Когда страшный жребий был кинут, посланные пришли к отцу и сказали ему: «Отдай сына богам: они выбрали себе в жертву

твоего сына».

– Ваши боги – бездушные истуканы, сотворенные руками человеческими. Единый Бог, Которому поклоняются греки, – сотворивший небо и землю; не отдам моего сына бесам.

Рассвирепели от этого слова киевляне, которых сбежалось много. Они быстро вломились во двор варяга, сломав ворота; он стоял в сенях, держа сына на руках своих.

– Подай сына твоего! – кричали киевляне.

– Пусть боги ваши сами придут и возьмут его, – отвечал он.

Тогда язычники подрубили под ними сени и умертвили обоих.

Мощи мученика Иоанна-младенца почитают в Антониевой пещере Киево-Печерской лавры. К нему не имеющие детей прибегают с молитвой о чадородии.

Июнь

Благоверный князь Феодор Ярославин Новгородский

(Память 5 июня)

Благоверный князь Феодор Ярославин Новгородский вырос среди семьи исключительно благочестивой.

Мать его, блаженная княгиня Феодосия, признавалась современниками за праведницу. Его дед по матери, Мстислав Удалой, и восходящие предки: Мстислав Храбрый, Ростислав и Мстислав Великий – все сияют святостью, так же как праведной жизнью отличались и дяди его со стороны отца, благоверные князья Константин и Георгий.

В наше время люди вступают на путь той или другой деятельности в годах зрелых, за двадцать один год. Поэтому надо напрячь свое воображение для того, чтобы сообразить, как много успел поработать в ранней юности

своей князь Феодор и в те годы, когда теперь отрочество и юношество предается беспечным забавам.

Ему всего было десять с лишним лет, когда в 1228 году отец его, великий князь Ярослав Всеволодович, оставил его со следовавшим за ним братом Александром, будущим витязем и печальником Руси, на престоле в Новгороде.

Не далее чем через год в Новгороде вспыхнул мятеж, и малолетний князь должен был ехать к отцу. Через два года новгородцы снова призвали князя Ярослава на княжение. Он снова оставил у них сыновей своих, Феодора и Александра. Жизнь этих детей в Новгороде была не сладка. Одно горе и заботы следовали за другими, население было истребляемо страшным голодом и мором, а пожаром была опустошена почти половина города.

В 1232 году пятнадцатилетний Феодор ходил в поход против мятежной мордвы. Вот как жил этот отрок: в ту пору, когда теперь дети, можно сказать, не выходят еще из своих детских, он испытывал и труды правления, и опасности, и перемены судьбы, и военные по-

ходы.

Между тем отец присмотрел уже ему невесту. Ему шел всего шестнадцатый год, когда назначена была свадьба. Невеста была привезена, собрались гости, назначен и день свадьбы, но пятого июня 1233 года совершилась над юным девственником Божия воля: княжич-жених внезапно скончался.

Трудно описать тот сильнейший переполох, который произвела среди новгородцев весть об этом столь неожиданном конце в столь необычайных обстоятельствах. Новгородский летописец так говорит о его смерти: «Преставился князь Феодор, сын Ярославльвящыний, и положен бысть в монастыри святого Георгия, и еще млад, и кто не пожалеет сего? Свадьба пристроена, меды изварены, невеста приведена, князи позвани, и бысть в веселии место плач и сетование за грехи наши».

Зачем призывает Господь так рано прекрасных детей и юношей, которые кажутся таким светлым и чудным украшением жизни? Отчего не дать им жить, отчего не продолжать им век и не дать развернуть им в

мире Божиим те чудные дары, которые Бог в них заложил?

Для того чтобы не изменила, не затемнила жизнь хрустальной чистоты их сердец, чтобы пламень страстей не ожег души их, знавшей только любовь Божественную, чтобы ни одно земное разочарование не коснулось их светлых мечтаний и чтобы ушли они во всей своей свежести, во всей красе единственного утреннего часа.

Чем-то прекрасным, утешительным, ясным рисуется нам тот юный Феодор, которому Бог за шестнадцать лет его жизни, прожитой в почете и у власти, дал венец святости.

Когда вспоминаешь о князе Феодоре, спрашиваешь себя: что же стало с его невестой?

Есть в окрестностях Новгорода кладбище на Синичьей горе, с древней Петропавловской церковью. Когда-то тут был женский монастырь, и в нем подвижничала и настоятельствовала инокиня Харитина, княжна Литовская, мощи которой почивают тут под спудом. Предполагают, что она-то и была невестой князя Феодора и оказалась вдовой до свадьбы.

Князь Феодор Ярославин был положен в Новгородском Юрьевом монастыре. В 1614 году, когда в Новгороде хозяйничали шведы, гроб с князем Феодором был вынут из земли и взломан наглыми шведскими солдатами.

Затем сохранилось известие 1634 года: «Немцы в церкви великомученика Георгия, в монастыре, ищущи поклажи, обрели человека цела и неразрушима в княжеском одеянии и, вынув из гробницы, яко жива поставили у церковной стены». Тогда духовенство выпросило у шведского полководца Делагардия разрешение перенести гроб в Новгородский Софийский собор. Мощи князя оказались не только нетленными, но и источающими исцеления. И сияет перед верующей Русью в каком-то святом сиянии незлобивый, вдумчивый, тихий князь – отрок Феодор со своей загадочной судьбой, ранний избранник Божий.

Детство преподобного Паисия, Угличского чудотворца

(Память 6 июня)

Преподобный Паисий в миру носил имя Павел, происходил из благородного рода Гавреневых. Родители его жили в селе своем Богородском, недалеко от города Кашина, в области князя Андрея Васильевича Угличского, брата великого князя Иоанна Васильевича Московского.

Родители тщательно следили за воспитанием любимого сына. В нем совершенно ясно с самых первых сознательных лет его выразилось стремление к благочестию.

Павел привязался к чтению Божественного Писания и больше всего полюбил воздержание и безмолвие. Еще до пострижения он казался истинным иноком. Усердным взором читал и долго обдумывал в себе жития тех людей, которые, оставив все земное, пошли вслед за Богом и стяжали себе Царство Небесное.

Начав подвиги свои с юных лет, Павел был

покорен родителям и был их радостью во всем до ранней их смерти.

После них он остался десятилетним сиротой. Теперь уже ничто не препятствовало ему расстаться с миром. Он роздал имение свое нищим и, таким образом освободившись от всего житейского, решил отдать себя в руководство преподобному Макарию Калязинскому, который приходился ему родным дядей и основал новую обитель неподалеку от родительской вотчины Павла.

Павел хорошо знал этого великого подвижника, который посещал при жизни его родителей. Схоронив их, он поселился в Калязинском монастыре и здесь получил постриг с именем Паисий.

И вот заветная мечта его исполнилась. По несколько раз в день стоит он в храме в неподвижных рядах монахов, растворяя слух и сердце навстречу несущимся с клироса молитвенным воплям и читаемым чтецом псалмам и Божественному Писанию.

Юный инок соблюдал строго весь устав церковный и большую часть ночи проводил на молитве. Дневные часы отдыха проводил

в списывании книг. Из переписанного им в обители Калязинской сохранились творения святого Григория Богослова. Впоследствии, по просьбе князя Угличского Андрея Васильевича, преподобный Паисий основал против города, по другой стороне Волги, на высоком красивом месте обитель, которая заложена была на великих знамениях. В соборном храме этой обители и почивает преподобный Паисий, Угличский чудотворец.

Юность преподобного Кирилла Белоезерского

(Память 9 июня)

Преподобный Кирилл происходил из благочестивой семьи. Первопрестольная Москва была его родиной. С детства он был воспитан в благоговении и познании Священного Писания, и по примеру его иноки той обители, которую он впоследствии основал, приняли любовь к духовному образованию как наследие от своего отца-первоначальника.

Родители Косьмы – так звали в миру Ки-

рилла – умерли рано и, умирая, поручили юношу своему родственнику Тимофею Волуевичу, который имел высокое звание окольного при великом князе Димитрии Донском и превосходил честью и богатством многих бояр.

Жизнь в богатом и знатном доме несколько не изменила смирения Косьмы. Не останавливаясь мыслью и желанием ни на чем мирском, Косьма больше всего любил церковь, упражнялся в посте и молитве и втайне мечтал об иноческом постриге.

Все, что поручал ему боярин, было исполняемо Косьмой с великим усердием и добросовестностью, и, видя его добродетели, покровитель приблизил его к себе и поручил ему управление всем своим имением. Но и это доверие и власть, которую он тогда получил, не изменили мыслей природного инока. Он только огорчался, что ему трудно будет достигнуть желаемого монашества, но печаль его была не без просвета, так как он возложил печаль свою на Бога и Богу было угодно помочь ему в достижении иночества.

Одним из любимейших занятий Косьмы

была беседа со странниками, которые часто приходили в дом окольникового и которым Косьма оказывал всегда ласковый прием. Тут, в этих беседах, Косьма узнавал о дальних великих подвижниках, чтимых народом и по святости своей одаренных духовными дарами. От них слышал он о явившихся где-нибудь на Руси новых источниках благодати, нетленных мощах, чудотворных иконах. Все эти рассказы казались Косьме связанными с дорогим для него святым безбрежным миром народной благословенной веры.

В Москву приезжал основатель доньне существующего на некотором расстоянии от Троице-Сергиевской лавры Махрищского монастыря преподобный Стефан.

Косьма поджидал его прихода с нетерпением, так как много слышал о его праведности и жаждал открыть ему всю свою душу.

Когда они остались вдвоем, в слезах от волнения Косьма открылся старцу. Он говорил ему о том, как чужд ему мир и как он хотел бы бежать и раз навсегда отрезать себя от него. Он говорил о том божественном желании, которое уже давно волнует его душу и

увлекает вдаль от людей, в ничем не развлекаемую тишину, где, как вольная птица, неслась бы из груди его к Богу ничем не развлекаемая молитва. Он говорил о том, как тяготит его тот богатый быт, в котором он живет. Он молил старца ради Господа не отринуть его, как Господь не отринул ни одного грешника.

Умилялся преподобный Стефан при виде такого усердия. Он чувствовал в юноше избранный сосуд Святого Духа и утешил его, обещая исполнить его желание.

Тогда они стали совещаться между собой о том, как совершить пострижение, потому что нечего было и думать о том, что боярин Тимофей даст на это свое согласие.

Преподобный Стефан решился тогда прямо облечь юношу в рясофор. Он назвал его Кириллом и прочее решил оставить на волю Божию.

Когда вслед за пострижением юноши он вошел к боярину, Тимофей с честью встретил его и просил благословения.

– Богомолец твой Кирилл благословляет тебя, – произнес тогда Стефан, и боярин стал

спрашивать с изумлением, о каком Кирилле он говорит.

– Косьма, бывший твой сотрудник, – отвечал ему преподобный, – ныне стал иноком, работающим Господу, и о вас молится.

Тяжело было боярину услышать эту неожиданную весть и потерять в Кирилле доверенного управителя своего. И в сердцах он произнес по отношению к старцу несколько досадительных слов... Тогда преподобный, не переступая порога, сказал: «Поведено нам от Спаса нашего Господа Иисуса Христа пребывать там, где нас послушают и примут, если же нет, то отрясать и прах, прилипший к ногам нашим, во свидетельство не приемлющим нас».

Сказав это, преподобный старец удалился. Богобоязненная жена боярина, услышав эти слова его, начала усоветивать своего мужа, как он мог оскорбить такого старца. И боярин почувствовал раскаяние и послал возвратить Стефана. Оба они взаимно просили друг у друга прощения, и боярин позволил юному иноку Кириллу исполнить желание его сердца. В радости Кирилл роздал все, что у него было,

нищим, не подумав оставить себе ничего для обеспечения дряхлой старости.

Возвращаясь домой, игумен привел нового инока в обитель Симоновскую, только что основанную в некотором отдалении от Москвы, на берегу реки Москвы, племянником преподобного Сергия Радонежского, архимандритом Феодором. Он радостно принял Кирилла, о котором так хорошо отзывался преподобный Стефан, постриг его полным постригом и поручил его преподобному старцу Михаилу, человеку строгой жизни, который был впоследствии епископом.

Подражая своему старцу, Кирилл старался во всем быть ему послушным. Пост казался ему сладостным и отсутствие в зимнее время теплой одежды – теплотой. Он почти не вкушал сна, а пищу хотел принимать через два или три дня. Но опытный наставник приказал ему разделять трапезу с братией, хотя и не насыщаться вполне.

Ночь проходила у молодого инока в чтении Псалтири с многочисленными поклонами. А при первом ударе колокола он прежде всех стоял в церкви на утрени. Когда находи-

ло на него вражеское искушение, он одолевал его призыванием имени Христова и крестным знамением.

Когда архимандрит назначил ему послушание в хлебне, он стал там еще более трудиться – сам носил воду, рубил дрова, месил тесто, сажал и пек хлебы и теплыми разносил по кельям братии.

Временами приходил в обитель Симоновскую для посещения своего племянника, архимандрита Феодора, сам преподобный Сергей. В эти приходы свои прежде всего искал он юного Кирилла в хлебне и подолгу беседовал с ним о предметах деловых. Вся братия изумлялась тому, что преподобный Сергей, оставив настоятеля и всех иноков, занимался лишь с одним Кириллом, но юноше не завидовали, зная его добродетели.

Из хлебни он был переведен в поварню и здесь, смотря на жаркий огонь в печи и вспоминая огонь вечный, говорил себе: «Терпи, Кирилл, дабы этим огнем избежать тамошнего».

Близко чувствуя Бога, как бы находясь постоянно в присутствии Его, Кирилл пребывал

В таком умилении духа, что и хлеба, им испеченного, не мог есть без слез. И братии казался он не человеком, а Ангелом Божиим. Впоследствии после архимандрита Феодора, избранного епископом в Ростов, Кирилл, несмотря на его отказ, был возведен в архимандрита Симоновского. Однажды во время совершения акафиста у иконы Владычицы он слышал голос: «Кирилл, изыди отсюда и иди на Белоозеро; там тебе приготовлено место, где можешь спастись».

Преподобный Кирилл положил основание Кирилло-Белозерскому монастырю, где и почивают его мощи. Он скончался в возрасте девяноста лет.

Отроковица Акилина, исповедница имени Христова и мученица

(Память 13 июня)

«Утаил еси сия от премудрых и разумных и открыл еси та младенцем» – эти слова Христовы вспоминаются, когда читаешь заветную повесть о жизни мученицы Акилины, просиявшей подвигами исповедничества и страдальчества за своего Христа в десятилетнем возрасте.

Она родилась в глухом городе Палестины, в котором христианство, насажденное там непосредственно апостолами Христовыми, процветало из рода в род. То был благодатный ребенок, крещенный в младенчестве. Отца она потеряла в годовалом возрасте и семи лет была научена христианской премудрости. И чем более приходила она в возраст, тем сильнее исполнялась Святого Духа и красовалась Христовой благодатью. И в малых летах отрочества она повергла в прах повеление нечистых царей о поклонении идолам и мужественно попрала язычество.

После семи лет царствования лютого гонителя Диоклетиана главным начальником Палестины был назначен некий Волусиан. В эти дни Акилина ревностно проповедовала Христа среди своих сверстниц. Она говорила о том, как безумно поклоняться бездушным идолам и как велик ее Бог, Который создал небо, и землю, и море, и все, что их наполняет, Который живит, содержит и благодетельствует всей твари. Она рассказывала им, как погибли люди через грехопадение и как Бог принял на Себя плоть человеческую и жил на земле и пострадал, чтобы искупить людей.

Один из рабов Волусиана услышал эти разговоры и побежал предупредить гонителя, что есть в городе отроковица, которая не повинуется царскому приказанию о почитании богов, поносит идолов, проповедует какого-то распятого Бога и отвращает детей от отеческой языческой веры.

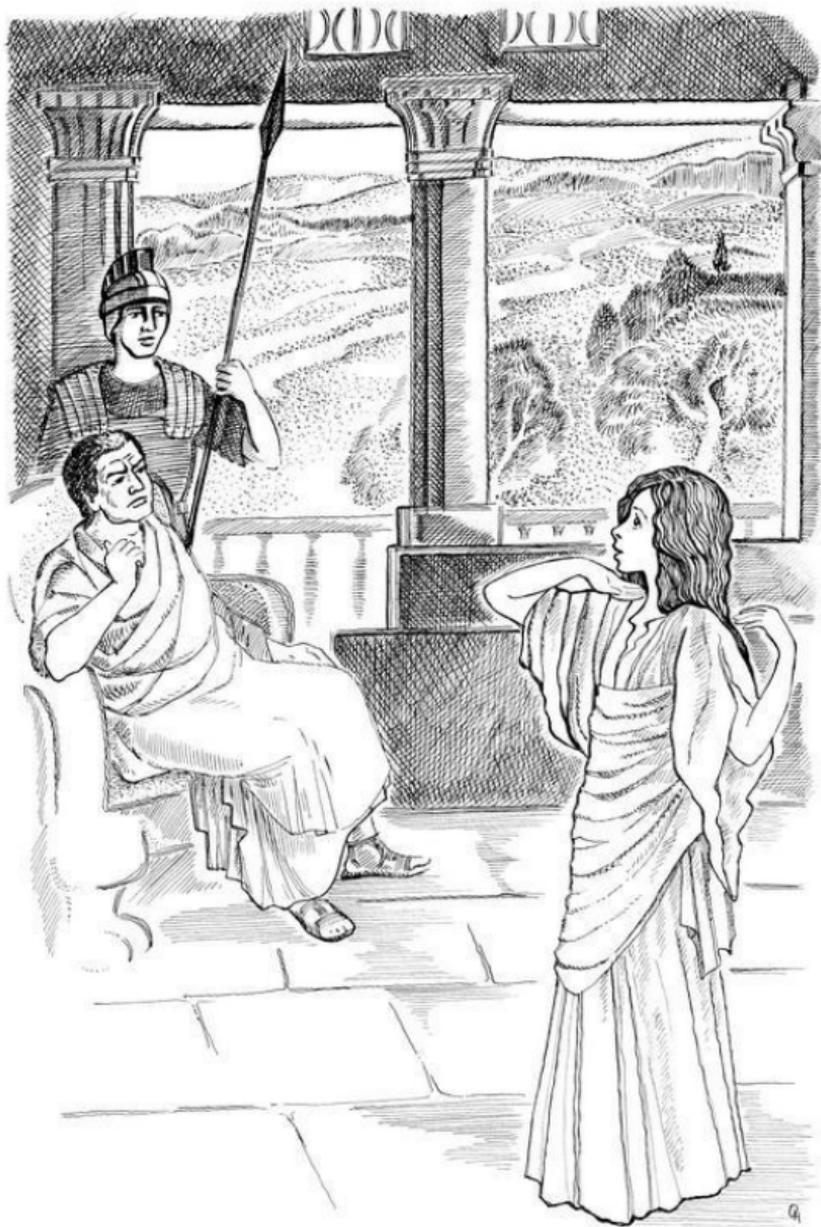
Волусиан велел привести на суд свой Акилину. И вот двенадцатилетняя девочка стоит перед лютым гонителем. Ей хорошо. Вся душа ее переполнена ревностной жаждой всенародно исповедовать своего Бога, претерпеть

за Него муки и отойти к Нему в высокое небо.

Так отрадно все вокруг. Купающееся в небе солнце посылает жгучие лучи на землю. Яркий, праздничный свет этих лучей говорит Акилине о незаходимом, мягком, радостном солнце Божия рая. Вокруг здания, знакомые очертания ближних гор; маслины стоят в садах, точно молясь; белые голуби реют в воздухе. Мирно, хорошо на земле. А с неба, чувствует она, смотрит на нее, благословляет ее и ждет ее подвига Возлюбленный, Таинственный, Непонятный и Влекущий, Униженный, Царящий над миром, Призирающий Христос...

– Ты ли, несчастная, – стал говорить Волуриан, – противишься царским повелениям и прельщаешь других в поклонение Распятому? Разве ты не знаешь, что велено всех исповедующих Иисуса предавать мукам и смертной казни? Оставь Его, принеси подобающую честь и жертву бессмертным богам, а иначе будешь предана мукам.

– Если ты меня предашь мукам, – тихо заговорила отроковица, – то через это дашь мне нетленный венец, который я чаю принять от

Спаса моего за то, что я Его исповедую. Я не отвергнусь от Него в жесточайших муках. Поэтому немедленно предай меня пыткам и увидишь, как верна я вере и как мало тебя боюсь.

Волусиан думал взять ее лаской и стал ее вразумлять:

– Я вижу, что ты юна и красива. Мне тебя жаль. Если я осужу тебя на муку, то юные члены твоего тела раздробятся. Палачи жестоки, и после лютых мучений они предадут тебя горькой смерти. Ты умрешь так рано, и тебя не избавит исповедуемый тобой христианский Бог.

– Не требую твоего милосердия, – отвечала святая. – Ты мне хочешь нанести страшный вред, отнимая меня от Бога. Не жалей меня, но выкажи надо мной всю твою жестокость и убедишься в том, что те, которые надеются на Христа, остаются непреклонными.

Мучитель велел ударять маленькую исповедницу по лицу, приговаривая: «Вот начало мучений. Кажутся ли они тебе сладкими и приятными?»

– Ты дерзнул бить по лицу меня, создан-

ную по образу и подобию Божию. Знай же, что Тот, Чей образ я ношу, не простит тебя в день Суда.

Тогда мучитель велел двум палачам, со-влекши с Акилины одежду, растянуть ее и жестоко бить, приговаривая: «Еде, Акилина, твой Бог, Который меня не простит на Суде Своем? Пусть Он придет и избавит тебя от рук моих». Потом, приостановив пытки, он стал ее уговаривать покориться ему и не надеяться на Того, Кто и Сам не избавил Себя, когда Его распинали.

– Не ощущаю я мучений, которые ты причиняешь мне, – отвечала мученица. – Если отец твой дьявол умножает в тебе злобу на меня, то тем более Христос подает мне крепость и терпение.

Тогда Волусиан объявил ей, что прекращает пытки и дает ей несколько дней на размышление.

– Сколько дней? – спросила мученица.

– Сколько хочешь.

– Не давай мне ни одного дня, ни часа на размышление. Я с детства научилась поклоняться Единому Богу и прибегать к Нему, жи-

вущему на небесах и призывающему к Себе людей.

– Тщетны увещания мои, тщетны труды мои! – воскликнул в ярости Волусиан и велел железными раскаленными винтами провертеть главу мученицы через уши.

И когда палачи приступили к этой ужасной пытке и острие раскаленных винтов стало сверлить ее мозг, мозг с кровью вытекал из ноздрей.

Нужно было величайшее напряжение веры, нужна была такая молитва, которая вбирает в себя все чувствительные способности человека, так что душа уже почти не чувствует тела и страдание переживается так, как могло бы переживаться страдание мучающегося около постороннего человека. Для того чтобы противостоять этой пытке, святой ребенок молился:

«Господи, Господь мой Иисус Христос, воспитавший меня от детства моего и просветивший лучами правды Твоей тайные мысли сердца моего, Ты, укрепивший меня крепкой и мощной Твоей силой, чтоб мне стоять бодро против врага-дьявола, Ты, открывший бездну

истинной премудрости верующим в Тебя, помоги мне в подвиге моем, сохрани светильник девства моего, дай мне войти с пятью теми мудрыми девами в чистый чертог Твой, дай мне в нем славить Тебя, Исполнителя желаний моих».

И, сосредоточив все свои силы в этой молитве, терзаемая страшными пытками, Акилина пала, как мертвая.

Еде витала душа ее? Пришел ли Христос утешить эту детскую душу, в это страшное утро доказавшую Христу свою верность?..

Волусиан, считая Акилину умершей, велел выбросить ее тело за город, у проезжей дороги.

Когда настал полуночный час, Господь послал блаженной отроковице Своего Ангела. Ангел, коснувшись ее, сказал: «Восстань и будь здрава; иди, обличи Волусиана, что он сам и намерения его – ничтожество».

И хвала благодарности исторглась из души взысканной чудом Божиим отроковицы. И, исполненная новой ревностью, еще мужественнее, чем прежде, шла она к мучителю.

«Господи, – молила она по пути, – дай мне

сподобиться от Тебя венца, дай мне наслаждаться тем, что Ты обещал людям за верность Тебе, дай мне воспеть Тебя с ликом святых, за Тебя пострадавших».

«Гряди, – прозвучал с неба голос, – тебе будет дано, как просишь».

И Акилина радостно пошла в город.

То был чудный путь. Какой-то свет невестственный освещал ей дорогу. Когда она дошла до городских ворот, они чудесно распахнулись перед ней и, предводимая Ангелом Божиим, она дошла до самых палат Волусиана. Никто не останавливал ее, и она подошла к ложу спящего правителя.

Он проснулся и увидел только очертания человеческой фигуры. В страхе он окликнул своих спальников и велел принести им свечи.

Перед ним воочию стояла Акилина, которую он бросил за городом замученной страшной пыткой.

Волусиан велел взять ее и сторожить до утра. И когда утром снова дева была приведена к нему, он в ужасе говорил себе: «Если она не умерла после того, что с ней было, после

того, что ей просверлили голову и мозг, то какие мучения могут повредить ей?» И он изнес такой приговор:

– Акилину, защитницу нечестивой христианской ереси, летами юную, но великую волшебством, не почитающую бессмертных богов, не повинующуюся царским заветам, мы, после многих усилий и уговоров, не могли отратить от ее безумия. Поэтому после многих мук, которые нимало не коснулись этой волшебницы, мы приказываем вывести ее из города и казнить отсечением главы.

И вот блаженная совершает последний переход свой из города.

Кто изобразит радость этой души, от младенчества жаждавшей Христа и ко Христу теперь шедшей в лучезарности бессмертного подвига! Как в дымке сна предстали перед ней в последний раз знакомые улицы и здания, очертания ближних гор и синее небо, куда она должна была сейчас отлететь.

Место казни... Она просит дать ей время на молитву и, поднимая глаза к небу, говорит:

– Господи, Господь мой Всесильный, благодарю Тебя, что Ты дал мне силы дойти до кон-

да страдания моего! Славлю Тебя, Боже мой, Творца всех, что не все совершила я жизненный путь мой. Благословляю Тебя, что во мне Ты посрамил мучителя, а меня сподобляешь венца нетленного. Прими же в мире дух мой, чтобы, оставив земное, я получила небесное.

И когда окончила она молитву, раздался голос с неба:

– Приди, дева избранная, поправшая ярость правителя и истершая подвигом своим дьявольское жало... прими приготовленное тебе воздаяние.

И по этому голосу, прежде нежели палач занес меч на нее, святая мученица Христова уснула последним сном своим.

Палач хотя и видел, что она отошла, но, не решаясь послушаться правителя, отсекал голову усопшей мученице, и тогда из язв вместо крови истекло молоко.

Христиане же, бывшие там, взяли тело ее многострадальное, дражайшее честного бисера, и, умастив его драгоценными ароматами и обвив новыми тканями, погребли его во гробе в том городе. И от того гроба подавалось больным много исцелений во славу Христа

Бога нашего, славимого со Отцем и Святым Духом.

Преподобный Левкий, юный игумен

(Память 20 июня)

В Александрии жил некий честный муж Вименем Евдикий, человек праведный, приверженный к посту и молитве, раздававший много милостыни. У него был сын, будущий святой Левкий, названный родителем – Евтропием, а в Левкия переименованный Самим Богом.

Мальчику шел десятый год, когда скончалась его мать, и тогда вдовец вступил в монастырь в окрестностях Александрии, сына же своего отдал учиться книгам. Жил же мальчик при монастыре.

Кроткий, смиренный и послушный, он с усердием служил всякому из братии. Его все не только любили, но и уважали за его нрав, за его разум и за премудрость, которая в нем действовала по благодати Божией.

Евтропию было восемнадцать лет, когда скончался игумен того монастыря, и монахи стали просить юношу Евтропия, еще не по-

стриженного даже в иночество, чтобы он был у них игуменом. Он решительно от этого отказывался, и отец его Евдикий запрещал ему соглашаться брать на себя непривычное бремя в такие годы, когда он сам нуждался в руководстве. Но иноки не хотели и слышать ни о ком, кроме как о Евтропии, и монастырь пробыл без игумена семь лет. Евтропий все это время оставался непостриженным, а братия утешалась его добродетельным житием.

Когда ему минуло двадцать пять лет, братия сказала ему:

– Зачем ты так безответен перед нуждой нашей? Вот уже семь лет не имеем мы игумена, и всякий живет по воле своей. Смотри, как бы не пришлось тебе ответить перед Богом за разорение нашей обители. Мы не хотим иметь никого себе отцом, кроме тебя, видя твою крепкую жизнь и ведая данную тебе Богом премудрость.

– Зачем вы докучаете мне с этим, отцы и братия? – отвечал им Евтропий. – Ведь вы просите у меня о том, чего я не могу сделать для вас... Как могу я быть для вас игуменом, когда я не только молод, но еще и в иноче-

ство не пострижен, и нет на мне чина церковного? Как я буду вам отец, не имея власти сказать вам в церкви слово поучения, не имея права увещевать старых, сам будучи юн?!

И как иноки ни склоняли его к постригу и принятию священства, он не соглашался. В сердце своем он жаждал иноческого чина, но боялся принять его, чтобы они силой не сделали его игуменом.

Незадолго до конца старца Евдикия ему было Божественное откровение о том, что кончина его приблизилась, что сын его будет епископом и в Италии, в некоторой области, сокрушит идолов и приведет ту область ко Христу... И был к нему голос: «Евдикий, Евдикий, верный раб Господень, пусть отселе будет тебе имя не Евдикий, но Евдикилий, то есть кроткий утешитель. Сыну же твоему пусть будет имя не Евтропий, но Левкий, в знак того, что сошел на него Святой Дух».

Когда отец рассказал сыну наутро об этом гласе, юноша в безграничной благодарности Богу пал на колени. И снова раздался глас с неба: «Левкий, Левкий, светлый душой и убежденный сердцем, имя твое написано на небе».

сах и память твоя не изгладится из книги жизни».

Голос этот был слышен епископу – происходили же эти события в кафедральном городе.

Утром пришла к епископу монашеская братия, настоятельно требуя, чтобы Евтропия епископ поставил им в начальники. Они говорили, что уже семь лет ожидают его игуменства и что Евтропия, в случае нового отказа его, должны поставить в игумены силой.

В тот день за Литургией, по приказанию епископа, архидиакон трижды возглашал: «Кто из присутствующих здесь называется Левкием?» Никто не отвечал, так как в народе не было ни одного Левкия.

После третьего возгласа Левкий увидел, что нет другого Левкия, кроме него, – и он отозвался. Старец Евдикий открыл тогда таинственное переименование своего сына. Народ радовался, а епископ убедил его принять сан священства и игуменства – и рукоположил его. Впоследствии Левкий просветил проповедью своей и обратил ко Христу некоторую страну в Италии и там блаженно почил.

Святой отрок Артемий Веркольский, чудотворец

(Память 23 июня)

*Молись, дитя. Сомненья камень
Твоей груди не тяготит;
Твоей молитвы чистый пламень
Святой любовью горит.
Молись, дитя: тебе внимает
Творец бесчисленных миров,
И капли слез твоих считает
И отвечать тебе готов.
Быть может, Ангел твой Храни-
тель
Все эти слезы соберет
И их в надзвездную обитель
К Престолу Бога отнесет.*

Великий Вседержитель Господь и молящийся-
ся ему ребенок...

Невообразимая слава, перед которой за-
крывают лица свои Ангелы небесные, и сла-
бый ребенок, дитя, беседующее с Богом, – ка-
кая противоположность и сколько в этом зна-
чения!

Не нужно быть знатным, богатым и силь-

ным, мудрым и славным, чтобы угодить Богу. Надо иметь сердце, горящее верой, и надо чистой душой чувствовать Божие над миром вседержительство и с доверием с Богом говорить, поверять Ему всякий проблеск мысли своей, всякое движение чувств своих, как говорит с матерью любящий ее ребенок. И время от времени Господь подтверждает сказанные Им на земле таинственные слова: «Исповедайтесь Отче, Господи небесе и земли, яко утаил сия от премудрых и разумных и открыл еси та младенцем». Он изливает Свою благодать и воздвигает великих чудотворцев из детей, проживающих в безвестной доле и просиявших перед Богом чистотой и праведностью своей детской души.

Так стал чудотворцем северного Поморья маленький крестьянский мальчик, живший в глуши северной России, в безвестной стране. И какими сокровищами была обогащена душа этого мальчика, когда в двенадцать лет спустился на него тот венец святости, который другие подвижники приобретали целой длинной жизнью неустанного труда!

Конечно, чуткий ребенок горячо любил

природу. И когда скупое к северу солнце обогрело землю ласковыми лучами своими после долгой зимней спячки или сияла красота ночного неба с чистыми звездами, которыми Ангельские очи вглядываются в душу человеческую, как тогда сильно чувствовал мальчик могущество того Бога, к Которому тянулась его душа!

Блаженный Артемий родился в 1532 году на севере России, недалеко от Поморья, в селении Верколе при реке Пинеге. Его отец звался Косьмой и имел прозвище Малый, мать звалась Аполлинарией. Тихо рос мальчик среди несложного быта северного крестьянина. А душа его льнула к Богу, как невольно поворачивает к солнцу свою головку цветок подсолнуха.

С пятилетнего возраста в нем началась какая-то большая душевная работа. Он начал отдаляться от обычных детских привычек, уходил от детских игр и забав, родителям повиновался с какой-то особой ревностью и постоянно ходил в церковь. Он был очень трудолюбив и старался в чем возможно услужить домашним. Когда же у него было свободное

время, он старался уйти куда-нибудь, где его никто не видел, и там маливался.

Вглядывались ли вы когда-нибудь в молодую березку, которая растет одиноко среди луга? Казалось ли вам, что она в своем одиночестве счастливее других деревьев, растущих в лесу, что ей шире открыта красота Божиего мира, что она видит дальше? Ветер доносит до нее вести о том, что творится в мире, и особенно сосредоточенно на солнце знойного полудня или в прохладе вечера чистая березка творит Богу свою хвалу.

Таким был и Артемий, отрок веркольский, росший одиноко и задумчиво перед Богом.

Артемию было двенадцать лет, как однажды он с отцом бороновал их поле. Во время работы внезапно задул сильный ветер, небо задернулось облаками, темнота легла над землей, как ночью, разразилась страшная гроза и ударил проливной дождь. Тут же с шумом и треском над местом, где стоял Артемий, треснул удар грома, и молния на месте убила Артемию. Святой отрок был убит грозой 23 июня 1544 года.

Природа сама взяла Божия ребенка, кото-

рый жил той же чистой жизнью, как живет лесное деревцо и полевая былинка. Тело мальчика положили на лесном лужку, не зарывая его в землю. Над телом сделали деревянный сруб, оградил это место и прикрыли. Но Бог готовил русскому миру нового чудотворца в лице невинного отрока.

Один из местных дьячков, Агафоник, собирая полевые ягоды, увидел свет, горящий на том месте, где был положен отрок Артемий. Это было спустя 33 года со смерти Артемия. Дьячок подошел к погребенному и увидел, что тело отрока не только невредимо, как будто он спит, но над ним горит сияние. Дьячок поспешил в ближайшее селение, открыл священнику и местным крестьянам, что он видел. Они все пошли на то место и обрели все, как рассказывал дьячок. Тогда они подняли нетленное тело Артемия и положили его в селении, на паперти у храма Святителя Николая.

То был страшный год. По краю ходила «трясучая болезнь», что-то вроде лихорадки, от которой некоторые умирали. Этим недугом был болен сын одного из веркольских кре-

стьян, Каллиника.

Ища облегчения своему сыну, Каллиник горячо молился Господу Богу, Пресвятой Богородице, святому Николаю и еще отроку Артемию. Потом он приложился к мощам отрока и взял с собой кусок бересты, которой был прикрыт гроб. Эту бересту дома он положил на грудь больному, и тот внезапно выздоровел. Отец стал рассказывать об этом случае своим односельчанам, и те приносили от гроба Артемия кусочки этой бересты и клали ее дома на грудь больных, которые исцелялись. Вскоре болезнь совершенно прекратилась.

От гроба отрока продолжали истекать чудеса: слепые начинали видеть, хромые – ходить, глухие – слышать, исцелялись люди разного возраста, мужчины и женщины. Число чудес умножалось до того, что их нельзя было записать, и слух о них расходился все дальше и шире...

Рождество и детство Иоанна Крестителя и Предтечи Господня (Рождество Иоанна Крестителя 24 июня)

Когда должно было воссиять миру незаходимое солнце – Христос Спаситель, тогда должна была, чуть раньше, разгореться утренняя заря в лице Иоанна Предтечи.

Отцом его был священник Захария, а мать его – Елисавета. Они оба были праведны перед Богом, хранили заповеди и уставы Господни. Детей у них не было, и они оба достигли лет преклонных. Однажды, когда Захария отправлял свою череду служения в храме и вошел в храм Господень для каждения, а все множество народа молилось вне, явился Захарии Ангел Господень по правую сторону кадельного жертвенника. Смутился Захария и был в страхе, а Ангел сказал ему:

– Не бойся, Захария, Твоя молитва услышана, и жена твоя Елисавета родит сына тебе, ты наречешь ему имя Иоанн. Он будет тебе в радость и веселие, и многие возрадуются о его

рождении, ибо он будет велик перед Господом, не будет пить вина и в младенчестве сподобится Духа Святого и обратит многих сынов Израиля ко Господу, и предыдет перед Ним в духе и силе Илии.

Успокоившийся Захария спросил Ангела:

– Как я поверю этому, ибо я и жена моя стары?

«Я Гавриил, – отвечал дивный посланец, – предстоящий перед Богом, и послан благовестить тебе это. Ты будешь молчать и не будешь иметь возможности говорить до того дня, как это совершится, за то, что ты не поверил сразу словам моим».

Между тем народ ждал Захарию и удивлялся, что он так долго не выходит из храма. А он вышел, и не мог говорить, и знаками объяснил народу, что ему было видение и что он онемел. По возвращении его домой Елисавета, жена его, зачала.

За три месяца до рождения Иоанна посетила престарелую родственницу свою Елисавету Преблагословенная Дева Мария из Назарета, где Архангел Гавриил возвестил Ей воплощение от Нее Сына Божия.

Лучшие художники мира избирали содержанием картин своих это свидание двух святых жен, носивших в себе жизни воплощающегося Божества и того, о котором Христос сказал: «Из рожденных женами нет никого более Иоанна».

Расширенная радостью материнства и радостью свидания с любимой Мариам, душа Елисаветы исполнилась духа пророческого, и она первая из людей исповедала Пречистую Деву Богоматерью:

– Благословенна Ты между женами и благословен плод чрева Твоего, и откуда мне сие, что пришла Мати Господа Моего ко мне.

И тут из уст смиренной Марии вылился голос пророчества о будущем величии Ее как избранного орудия Промысла Божия:

– Отныне ублажат Мя все роди.

Мариам пробыла с Елисаветой три месяца и возвратилась в дом Свой.

Когда настало время родить Елисавете, сродники и соседи пришли к ней, радуясь, что Господь в столь старых годах возвеличил ее рождением сына. Когда надо было нарекать младенцу имя, исполнившись снова ду-

ха пророческого, Елисавета на предложение назвать его именем Захарии сказала: «Назвать его Иоанном».

Остававшийся немым Захария попросил дощечку и написал: «Иоанн имя его».

Язык его разрешился, и он стал говорить, благословляя Бога и пророчествуя судьбу своего младенца.

О судьбе детства Иоанна Крестителя Евангелие говорит кратко: «Младенец возрастал и укреплялся духом и был в пустыне до дня явления своего Израилю».

Величайшие художники всего мира изображали Христа-Младенца играющим с младенцем Иоанном. Великий испанский художник Мурильо, имевший дар, как ни один другой художник в мире, отражать небесность на своих полотнах, представлял Иоанна-младенца то с барашком – тем Агнцем Божиим, Которого он был провозвестником, то принимающим из рук Младенца Христа чашу воды. Можно думать, что Иоанн, будущий Креститель, часто встречался со Христом по родству Богоматери с праведной Елисаветой. Жители Назарета могли заходить к родителям Иоан-

на, когда из Назарета шли на праздник в Иерусалим.

Достоверного тут нет ничего. Есть одни предположения и трогательные предания. Вот одно из них, которое помещено в Четьи-Минее Димитрия Ростовского и говорит о том, каким чудесным образом Иоанн Креститель был спасен от преследования Иродом во время избиения Вифлеемских младенцев.

Когда совершалось избиение Вифлеемских младенцев, Ирод велел убить и Иоанна, сына Захарии, о котором он слышал чудесные слухи и в котором тоже мог предполагать будущего царя Иудейского. Он послал убийц в Хеврон, дом Захарии, но младенца там не было.

Когда вопль матерей избиваемых младенцев из близкого Вифлеему Хеврона дошел до Елисаветы, она с младенцем Иоанном на руках скрылась в область высоких гор. Священник Захария находился тогда в Иерусалиме и исполнял свою череду. Елисавета со слезами молила Бога, чтобы Бог защитил ее с ребенком. И когда бросившиеся догонять ее из Хеврона воины настигли ее, она возопила к горе,

преградившей ей путь: «Гора Божия, прими мать с чадом».

И гора расступилась, прияла ее внутрь себя и скрыла ее от убийц.

Они с пустыми руками вернулись к Ироду. Ирод послал в храм за Захарией требовать, чтобы он выдал ему Иоанна.

– Я служу Господу моему, о сыне моем не знаю, где он находится.

Разгневанный Ирод послал к нему снова, дав приказ, если Захария не выдаст сына, убить его.

Суровые посланцы грозили священнику смертью и, после отказа выдать сына, убили его между церковью и алтарем. Кровь его въелась в мраморный пол и застыла, как камень, в вечное осуждение Ирода.

Елисавета же, Богом покрываемая с Иоанном, продолжала оставаться в расступившейся горе. По Божию повелению образовалась для них там пещера, и забил источник воды, и поднялся над пещерой финик, и, когда им надо было насытиться, дерево преклоняло перед ними свою главу, предлагая свои плоды, и потом снова выпрямлялось.

Через сорок дней после убиения Захарии Елисавета, мать Предтечи, преставилась в этой пещере, а святой Иоанн был питаем Ангелами до отроческих лет и был храним в пустыне до дней явления своего Израилю.

Преподобный Петр, царевич Ордынский

(Память 30 июня)

Есть в России благословенные города, Езобилующие святыней, иконами, на которых просияла божественная благодать, мощами праведников, поживших в этом городе, сиявших своим современникам и молитвами своими поддерживающих их потомков доныне. Города эти обставлены, как неугасимыми свечами, древними монастырями, которые основали древние праведники.

К числу таких заветных городов принадлежит древний Ростов – Ростов Великий, тихий, но торговый и довольно многолюдный город нынешней Ярославской губернии. Ростов лежит на берегу большого озера Неро, и близ него, на выезде из Ростова, стоит на берегу

озера обитель в честь верховных апостолов Петра и Павла. Обитель эта основана преподобным Петром, царевичем Ордынским, на месте, указанном царевичу самими апостолами.

В те дни, когда Россия была в подчинении у Золотой Орды, епископ Ростовский Кирилл ходил в Орду к хану Беркаю с ходатайством по делам Ростовской кафедры. Хан с любовью и милостиво принял его, с любопытством слушал рассказы его о подвигах просветителей Ростова и о первом его просветителе Леонтии, как он, родом из Царьграда, пришел крестить чуждый и зверский нравом народ и какие чудеса совершались с тех пор над мощами великого подвижника. Хан отпустил святителя с честью и дарами.

Вскоре после отбытия блаженного епископа Кирилла разболелся единственный сын хана, и хан, вспомнив о рассказах святителя, послал ему в Ростов много даров, умоляя прийти исцелить больного.

Внял владыка молитве больного, совершил дальний путь. Перед отъездом отпел молебен у раки ев. Леонтия и, освятив воду, взял

ее с собой в Орду. Так он исцелил ханского сына. Хан, несмотря на то, что был язычник, был так благодарен угоднику Божию, что распорядился, чтобы с той поры всю дань, следующую хану с Ростова, обращать на Ростовский Успенский собор. Все происходившее в это время чрезвычайно волновало племянника ханского, сына его брата, который находился при хане неотлучно и был чуткий и вдумчивый мальчик.

Какие-то странные мысли стали слагаться в нем. Что-то теплое ощущалось на его сердце. Совершался в нем какой-то великий перелом.

Как-то, выйдя в поле, он начал размышлять в себе: «Почему у нас верят солнцу, месяцу, звездам и огню, хотя они не боги, и кто есть истинный Бог?..» И тогда, в этих мыслях его, внезапно пала на сердце его благодать, и он, как было это с другими отмеченными печатью Божией детьми, почувствовал неодолимую жажду познать этого Бога и идти за Ним.

От лиц, сопровождавших епископа Кирилла, царевич Ордынский слышал о чудных

храмах, встающих по широкому русскому простору, о громкой хвале Богу, которая там совершается. И ему всей душой захотелось видеть все это. Он решил идти за владыкой Кириллом посмотреть русские церкви, послушать русскую службу, убедиться, какие в русских церквях происходят чудеса, которых напрасно ожидают в монгольских божницах от солнца, луны и звезд.

У мальчика было громадное богатство, оставленное ему отцом и находившееся в распоряжении его матери. Но отрок не думал о богатстве, всей душой влекся он вслед Христу, мать со слезами умоляла его остаться, говоря ему о многих его имениях. Часть их он разделил между своими родными, часть вручил владыке Кириллу и вслед за ним тайно ушел из Орды.

И вот он уже на Руси... Среди мягких волнистых уклонов широкой степи показались ему первые церкви. Он проходил через города, в которых, как некие твердыни, вставали каменные громады храмов, и в них громким гласом славил Русская земля своего Бога. Ему казалось, что он вернулся в давно остав-

ленное отечество. Что-то родное слышалось ему и в звуках русской речи, и в гимнах, которые верующая земля посылала от себя в высокое небо.

Вот он в Ростове, в великолепном храме Успения Богоматери. К небу уносящиеся своды дают какое-то впечатление небесности, а стройный лик церковный, словно слетевший с неба посланец, славословит Бога... Тут, в этом тихом и задумчивом, зараз ярком и громком святилище, разгоралось сердце юноши пламенной верой, и, как говорит о нем летописец, «новая луна возшла в уме царевича». Упав в ноги епископу Кириллу, он воскликнул: «Я размышлял о богах моих предков и вижу, что они сотворены руками, и один только ваш Бог есть истинный Бог; одна ваша вера – вера правая. Молю тебя даровать мне крещение».

Епископ не мог сделать этого сразу: он опасался в этом случае гнева ханского на всю землю Русскую. Когда хан Беркай умер и в Орде стали забывать о царевиче, епископ окрестил его, дав ему имя Петр.

Царевич Петр остался жить в доме епископа

па. Он ходил по церквам, приучался к русскому языку и русской грамоте. Когда великий святитель Игнатий, после кончины епископа Кирилла, вступил на кафедру Ростовскую, он довершил устройство Успенского собора: покрыл крышу оловом, воздвиг в храме мраморный помост. На эти работы он употребил ту ордынскую дань, которая, по завету хана Беркая, должна была идти на соборную церковь. И при епископе Игнатии Ордынский царевич Петр жил в его доме той же чистой жизнью. Единственной потехой, которую он знал, была соколиная охота на берегу озера Неро.

Как-то занимался он ловлей и в утомлении уснул. Но перед тем он усердно помолился, так как в самых забавах не забывал он молитвы. И снился ему такой сон: сияющие, как солнце, два мужа разбудили его и сказали ему: «Друг наш Петр, твоя молитва услышана, и милостыня твоя вошла перед Богом...» С ужасом смотрел юноша на светлых мужей – они были выше обычного роста человеческого и сияли ярко в окружающем их мраке.

– Не бойся, друг наш Петр: мы посланы к тебе от Бога, в которого ты уверовал и кре-

стился. Род твой укрепится милостью Его, и внуки твои и сам ты получишь благодать за милостыню твою. Возьми вот эти два мешка от нас, один с серебром, другой с золотом, утром иди в город и выменяй три иконы: Пречистой Богоматери с Предвечным Младенцем и святых за ту цену, какую с тебя спросят.

Святители определили и саму цену икон и велели идти царевичу к епископу со словами: «Апостолы Христовы Петр и Павел послали меня к тебе, чтобы ты соорудил церковь во имя их на месте, где я уснул, и в знамение этого я несу тебе иконы и данные мне два мешка».

Таково было видение.

В ту же ночь апостолы предстали и самому епископу Игнатию со строгим наказом устроить церковь во имя апостолов Петра и Павла через царевича Ордынского, которому они вручили много денег для вклада в Ростовскую кафедру. Проснувшись в ужасе, святитель призвал князя и рассказал ему ночное видение, недоумевая, как поступить. В это время появился на церковном дворе царевич, несший три иконы, которые ярко сияли в его ру-

ках. Войдя в княжеские покои, царевич поставил перед владыкой и князем принесенные святыни и рассказал им, какое было ему явление и что приказали ему апостолы.

Оба изумлялись, видя иконы, так как иконописцев в то время в Ростове не было, а из земли татарской царевич не мог привезти с собой столь прекрасно написанных икон. Был отпет молебен. Затем князь посадил царевича на колесницу, чтобы отвезти иконы на место, где снился сон, а сам святитель с князем пешком шли за ним. На берегу озера был отслужен молебен, и народ огородил место, предназначенное для церкви.

Князь предложил царевичу купить у него место для церкви и будущего монастыря. На берегу озера была протянута веревка по избранному месту, и по требованию царевича выкопан был ров, чтобы не было никаких споров о месте. Затем царевич стал класть по дну вырытого рва монеты из мешка апостолов, причем он клал девять серебряных, а десятую золотую. Сколько он ни клал монет, они в мешке не истощались. Князю достался целый воз денег, а царевич еще долго разда-

вал милостыню бедным. Так возник на берегу озера храм первоверховных апостолов Петра и Павла и при нем обитель иноков.

Царевич продолжал жить в миру, но вел жизнь высокую. Он занимался неустанной молитвой, размышлял о вечности и всегда был тих, молчалив и задумчив.

Боясь, чтобы царевич не ушел в Орду, князь со святителем уговорили его жениться, и он вступил в брак с дочерью ордынского вельможи, поселившегося в Ростове. Сам епископ венчал их, а князь побратался с ним, причем святитель закрепил молитвой это духовное братство.

Долго еще Петр жил в Ростове со своими детьми, продолжая быть милостивым, слывя отцом всех бедствующих. Он пережил и святителя Игнатия, и князя Бориса Ростовского, своего названного брата. В годах глубокой уже старости он овдовел, и тогда он принял постриг в обители, которую основал на берегу Неро. Блаженный царевич Петр Ордынский мирно почил в 1280 году и отошел к тому Богу, Который от тьмы языческой призвал его к свету православной веры...

Июль

Страдания мученика Потита-отрока

(Память 1 июля)

В царствование императора Антонина, когда на христиан были воздвигаемы гонения, в Сардинии жил язычник Гелас. У него был единственный сын, тринадцатилетний отрок именем Потит.

Благодатью Божией он познал Творца своего и, гнушаясь бездушных идолов, Богу единому приносил свои молитвы и поклонение. Острый разумом, понятливый, он вдумывался в Божественное Писание и исполнился великой духовной премудрости, так что и других мог учить.

Его отец раздражался настроением сына и требовал от него, чтобы он вернулся к поклонению идолам. Ничего от него не добившись, он заключил его в отдельную клеть, запретив носить ему что-нибудь съедобное: пусть пита-

ет его тот Бог, Которого он чтит.

И в этом заключении юноша восторженно молился Богу, и, томимый от отца голодом и жаждой, от Бога же укрепляемый духовной пищей и напояемый благодатью Святого Духа, он был весел и здоров, и лицо его сияло.

Он горячо молился Богу, чтоб Бог коснулся сердца его отца. И был послан к нему с неба Ангел, возвестить ему, что Бог исполнит прошение его.

И по молитве сына, после долгих убеждений, отец его уверовал и был крещен.

После крещения отца отрок Потит, чувствуя в душе дар проповедничества, вышел из родного города в чужие страны на проповедь...

В городе Валерии ему пришлось присесть у дверей одного дома и попросить у вышедшего из дома раба воды, чтобы напиться.

– Здесь ли просишь ты пить? – отвечал раб. – От нашего дома бегут. Наша госпожа Кириакия, супруга сенатора Агафония, вся покрыта проказой, и врачи бессильны помочь ей.

– Я раб Христа, – сказал тогда Потит. – Вла-

дыка мой – Целитель телесных недугов. Он очищал прокаженных, восставлял от одра расслабленных, давал зрение слепым и мертвых воскрешал Своим словом.

– Если ты только Его раб, то можешь ли очищать прокаженных?

– Там, где будет вера, – там будет и исцеление.

– Так ты можешь и нашу госпожу исцелить от проказы ее?

– Если уверует во Христа, Бога моего, – выздоровеет.

– Если исцелишь ее, будешь господином над всем имением ее.

– Не желаю я, – ответил отрок, – ни золота, ни серебра, ни имений ее, но ищу душу ее соединить со Христом, Богом моим истинным.

Отрок рассказал больной о Христе и, преклонив колени, помолился за нее. В его душе встали тогда живыми чудеса Христовы и Христова заповедь: «Прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте...» Молитва действовала в нем, кипела, бурлила... Душа его стояла, живая, расширившаяся, полная неведомых сил, перед живым Богом и требовала от Него

Чуда...

И когда свершилось крещение Кириакии, она вышла из купели здоровая, с кожей, как у младенца... Это чудо обратило ко Христу ее мужа, всех домашних и полгорода.

Простившись с этими новыми христианами, Потит удалился на пустынную гору, по имени Гаргар, и жил среди диких зверей, как меж овец: Божиим повелением звери повиновались ему и следовали за ним.

В те дни в Риме страдала беснованием дочь царя Антонина, Агния. Напрасно отец приносил жертвы богам для исцеления ее. Наконец, бес устами больной проглаголал: «Я не выйду из нее, если не придет сюда Потит, пребывающий на горе Гаргар».

И вот царь послал приближенного к себе человека с сорока воинами на ту гору искать Потита. Проходя по Гаргарийской пустыне, они увидели раба Христова, сидящего на горе, окруженного множеством зверей. Воины хотели бежать, так как звери кинулись на них, но преподобный сказал им: «Идите в свои места, никому не вредя», – и звери разошлись. А Потит был уведен в Рим.

В Риме император Антонин обещал Потиту уверовать во Христа, если Агния исцелится, и тогда Потит произнес над нечистым духом заклинание, и он вышел из девы в виде страшного черного змия.

Царь не сдержал своего слова. Он предложил отроку выбор между тем, чтоб поклониться богам или быть пытанным. Обнаженного Потита стали пытать ударами и потом повели в капище, исполняя его просьбу: Потит на уговоры царя поклониться богам отвечал, что он прежде всего желает этих богов видеть.

И вот Потит стоит в капище перед теми идолами, которые были олицетворением ненавидимого им язычества. И в сердце отрока сложилась мечта, которая зараз была и молитвой, чтоб Господь разрушил этих идолов. И в этот чудный день все свершилось по его мечте...

Страшный вихрь пронесся по капищу. Невидимые силы столкнули идолов с их подставок. Они рухнули и разбились на части...

Потит стоял молча с руками, поднятыми к небу, по щекам его струились слезы радости и

благодарности.

По приказу разгневанного царя отрока бросили в темницу, заковав его в цепи. И тут в темнице, во время ночной его молитвы, явился ему светоносный Ангел, укреплявший и утешавший его. И, как воск, истаяли на нем тяжелые железные оковы, и в ночи темница исполнилась света, и излилось неизреченное благоухание. Ощущая это благоухание, стража заглянула в оконце темницы и увидела там чудный свет и в нем святого со сброшенными цепями, восхвалявшего Бога и беседовавшего с Ангелом. Обо всем случившемся донесли царю.

По утру разосланные по городу глашатаи созывали народ на площадь. Царь грозно спросил мученика:

– Где ты стоишь, Потит?

– Я вижу себя, – безбоязненно отвечал он, – стоящим на земле Бога моего.

– Пришла твоя погибель, и не избавит тебя от рук моих твой Бог.

– Как не стыдно тебе? И у пса лучший смысл, чем у тебя: когда пес возьмет хлеб из чьей-нибудь руки, он ласкается к тому чело-

веку. А ты получил от Бога моего исцеление дочери твоей и хулишь Его.

Потита стали снова пытаться. А он говорил царю:

– Эти мучения причиняют страдания не телу моему, а сердцу твоему, так как я побеждаю их терпением моим и радуюсь в них.

В бессильной злобе своей царь велел бросить мученика диким зверям. Но звери, подбегая к нему, лизали ему ноги и руки.

Царь велел разрубить мученика на части. Но когда стали рубить его громадными ножами, его тело затвердело, как камень, и острия не причиняли ему ни малейшего надреза.

При этом чуде обратилось ко Христу две тысячи народа.

На громадной железной сковороде растопили масло, положили на нее мученика и еще лили на него сверху растопленное олово... Но в этот день, по воле Божией, «пременялся естества чин», и блаженный отрок, ощущая чудную прохладу, славил Бога и говорил царю:

– Вели лить больше олова – оно меня прохладяет.

Царь изощрялся, какую бы еще придумать муку. Сняв святого со сковороды, ему стали вбивать в голову длинный железный гвоздь. Божией силой мученик с гвоздем, который прободал ему мозг, был жив, здоров и не ощущал боли; и эта боль, которую должен был бы чувствовать мученик, перешла на голову царя, и он громко закричал мученику:

– Помилуй меня, раб Христов, избавь от этой болезни, ныне я познаю силу Бога твоего.

Мученик велел тогда позвать исцеленную царскую дочь, и она молила его окрестить ее. Святой приказал принести купель и окрестил ее, так как из-за гонения все священники скрывались. Потом Потит исцелил царя. Но этот безумец, вместо того чтобы благодарить Бога, стал славить своих богов и, когда Потит снова обличил его, велел отрезать ему язык и проткнуть глаза.

И свершилось тогда новое чудо – и с отрезанным языком мученик Христов ясно выговаривал слова псалма: «Благословлю Господа на всякое время. Выну хвала Его во устех моих».

Так был посрамлен до конца Божией силой, действовавшей в отроке Потите, лютый гонитель. Он сделал себя народным посмешищем. И чтоб прекратить свой позор, он велел обезглавить мученика мечом.

Так совершил подвиг страдания своего святой Христов мученик Потит. В отроческих летах он положил душу свою за Христа и с ним царствует ныне на небесах, в бессмертной жизни...

Юность преподобного Афанасия Афонского

(Память 5 июля)

Недалеко от кавказских владений России, отошедших к ней после последней турецкой войны, лежит турецкий город Трапезунд – родина преподобного Афанасия Афонского.

Происхождением из Сирии, отец его умер до рождения своего сына, а вдова его, окрестив сына, последовала за своим мужем.

Сироту, названного в святом крещении Авраамием, взяла на воспитание одна монахи-

ня. Еще в отроческом возрасте проявлялись в нем черты, которые обещали в нем подвижника. Уже в детстве своем он проявлял великий разум. Когда он играл со сверстниками, они в играх своих не поставляли Авраамия ни царем, ни воеводой, как это они делали с другими мальчиками, но игуменом. И взаправду, уже с детства он привыкал к иноческой жизни. Увлекаемый примером своей воспитательницы-монахини, постоянно пребывавшей в молитве и посте, он старался ей подражать и, насколько это было возможно в его возрасте, постился и молился.

В учении он опередил всех своих сверстников. Возрастая телом и разумом, он миновал отроческий возраст. Тут умерла монахиня, заменившая ему мать, и вторично осиротевший юноша горько оплакивал ее. У него было влечение плыть в Византию, чтобы завершить свое образование, и Бог помог ему. Один из вельмож императора Романа, посланный в Трапезунд по делам государства, увидел Авраамия, подивившись его благонравию и доброму внешнему виду, взял его с собой в Византию и поместил к одному из лучших учите-

лей, Афанасию, и скоро ученик сравнялся с учителем.

Авраамий свел еще знакомство в Византии с одним знатным воеводой, сын которого женился на родственнице мальчика. Воевода пригласил Авраамия перейти к нему в дом на жительство.

И вот Авраамий живет в богатом доме, где для хозяев готовится обильный тонкий стол, но он не оставляет постнического воздержания, которому научился у воспитавшей его черноризницы. Он не хотел садиться за трапезу воеводы, не любил вкушать тонких яств, но утолял свой голод сырыми травами и овощами. Он давал себе так мало покоя, что для отдаления сна наполнял лохань водой и погружал в нее свое лицо, чтобы не задремать. Вообще он всячески томил себя, поработая плоть духу.

И ради добродетельного жития, а также за великий разум он был всеми любим, стал известен и самому царю и поставлен был от него наставником молодежи наравне со своим учителем Афанасием. И так как Авраамий был даровитее своего учителя, он стал поль-

зоваться большей славой, к нему стекалось больше учеников, и это возбуждало зависть старого учителя. Чтобы не огорчать его, Авраамий отказался вовсе от учительства и у себя дома продолжал свои духовные подвиги.

Ему как-то случилось сопровождать на восток одного из вельмож, ездивших туда по царскому повелению, и посетить по пути Афонскую гору. Это гнездо иноков произвело на него неотразимое впечатление. Он понял тут свое призвание и вернулся домой с мечтой об Афоне, с мечтой о монашестве. А промысел Божий подводил его к совершению его мечты.

В Царьград приехал знаменитый подвижник Михаил Малеин, живший недалеко от Афона, и Авраамий в беседе с ним еще укрепил свое стремление.

И недолго потом оставался в миру Авраамий. Расставшись с миром, к которому он никогда не тяготел, юноша поспешил к Михаилу Малеину и сразу принялся со всем рвением, которое в нем так давно накапливалось, за великие и неослабные подвиги.

Под именем Афанасия Авраамий стал од-

ним из величайших подвижников православного монашества. Он жил жизнью бесплотных. Сказания об этой жизни, о дивных знамениях, какие он в ободрение получал постоянно с неба, принадлежат к поэтичным и наиболее захватывающим страницам истории монашества.

Обретение мощей святой Иулиани-девицы

(Память 6 июля)

Как-то в Киеве умерла знатная девица. Ее должны были хоронить в Печерской обители. Во время копания ей могилы работники нашли хранимое Богом от древних лет сокровище – мощи угодившей Богу княжны Иулиани, почивавшие в чудном нетлении.

Девица казалась бела телом и благообразна, как бы спала живой. Она была одета в шелковое платье, затканное золотом. На шее у нее были одеты золотые гривны с многими камнями и на руках золотые браслеты и драгоценные перстни. На голове ее был девический золотой венец с камнями и серьги,

тоже с камнями. Она лежала у стены церковной, головой на полдень и ногами на полночь. Над гробом ее был положен камень, на нем был вырезан герб благочестивых князей Ольшанских. На самом же гробе прибита серебряная вызолоченная доска. На ней, под тем же гербом, вырезаны следующие слова: «Иулиания, княжна Ольшанская, дочь князя Григория Ольшанского, преставившаяся девой на шестнадцатом году от рождения».

Одеяния на ней казались новыми, пока к ним никто не прикоснулся. Потом они быстро истлели; моги были облачены в новое шелковое одеяние и положены в Святой Великой Печерской церкви, в юго-западном углу. Положены они были без почести, и ничто не отмечало присутствия тут святыни. Богомольцы осматривали их и небрежно прикасались к ним, не воздавая им должного поклонения. Они покрылись пылью и немного почернели.

Прошло так немало времени. Киевским митрополитом и одновременно архимандритом Киево-Печерской лавры был блаженной памяти преосвященный Петр Могила. Ему в чудесном видении явилась блаженная княж-

на Иулиания, обличая его в том, что ее мощи оставлены в таком небрежении. Тогда архипастырь приказал искусным в рукоделии девам-инокиням сделать подобающие одеяния для украшения тех святых мощей; потом была сооружена благолепная рака; в нее всенародно были переложены мощи праведницы и торжественно перенесены на другое место.

Было еще явление блаженной Иулиании с наставлением оказывать ей почитание. Игумену Златоверхого Киевского Архистратига Михаила монастыря (где почивают мощи святой великомученицы Варвары) Феодосию Софроновичу явился в великой святости лик многих святых дев, и из них одна сказала ему: «Я Иулиания, которой мощи лежат в Печерской церкви. Зачем ты ни во что не считаешь меня и мои мощи? Господь ради того дает тебе это явление, чтобы ты узнал, что и я Господом Богом причтена ко святым девам, угодившим Ему...»

И с тех пор игумен постоянно воздавал этим мощам усердное поклонение...

Хранится рассказ о том, как один дерзкий человек, прикладываясь к мощам блаженной

Иулиании, выкрал из раки драгоценный перстень с ее руки... Едва вышел он из церкви, как упал в страшных корчах и испустил дух, а перстень нашли зажатым в его руке...

...Кто была эта юная подвижница, почти неизвестная, стоявшая на той грани, когда отрочество преломляется на юность, когда невинные очи так широко открываются на Божий мир, когда в сердце тесно от благородных чувств, над которыми потом так зло иногда издевается жизнь, когда в голове столько высоких и ясных мыслей и мечтаний, которым едва ли суждено сбыться?..

Загробная судьба блаженной Иулиании показывает, что в эту пору она все свое стремление положила в одном Боге и была отозвана к Нему как мудрая, прекрасная невеста Божественного Жениха.

Юные годы святителя Феодора, епископа Эдесского

(Память 9 июля)

Симеон и Мария, эдесские жители, были родителями его. Они жили по-христиански, боялись Бога, служили Ему, творили много милостыни, так как были богаты. Сперва родилась у них дочь. Они долго желали иметь сына и усердно молились в церквах Божиих, чтобы Господь послал им наследника-сына.

Когда настала святая Четыредесятница и приспела суббота первой недели Великого Поста, в которую церковь имеет обычай совершать память великомученика Феодора Тирона, оба супруга пришли на утреню в храм с приношением. Тут случилось им забыться дремотой, и каждому отдельно представилось такое видение.

Им казалось, что они стояли в церкви апостола Павла со святым великомучеником Феодором Тироном, и святой великомученик сказал апостолу, указывая пальцем на Симеона и Марию: «Вот они, ученик Господень, мо-

лятся усердно, прося, чтобы родился у них сын. Исходатайствуй у Бога исполнение их просьбы, чтобы им было послано воздаяние за приношения и милостыни, которые они творят в церкви». И тогда апостол вложил им в руки младенца мужеского пола, произнося: «Вот вам сын». А великомученик добавил: «Да будет имя ему Феодор, потому что воистину Божиим даром будет это дитя» (Феодор по-гречески значит «Божий дар»).

После этого видения, когда была отслужена заутреня, супруги рассказали друг другу о виденном и удивлялись, что одно и то же видение было им обоим. Они горячо благодарили Бога, что им было дано извещение о рождении сына, и радостные возвратились в свой дом.

Все время, пока Мария носила в себе жизнь ребенка, она соблюдала себя в великом воздержании, охраняя жизнь того, кому предстояло стать сосудом Святого Духа. По рождении мальчика ему было наречено имя Феодор, как то нарек в видении великомученик.

Когда Феодор подрос, родители отдали его учиться. Но успевал он туго. Он был слаб па-

мятью и нескоро усваивал себе то, что ему преподавали. Случилось же это так по воле Божией, чтобы премудрость была дана ему не людьми, а благодатью Божией. Часто отроку выговаривали и родители, и учителя, укоряли его и сверстники. И мало-помалу пришла ему мысль просить вразумления у Бога. Он начал часто ходить в церковь и прилежно молиться.

Как-то раз в воскресный день, войдя в церковь перед святой Литургией, он вошел в алтарь и спрятался под святым престолом. Никто этого не заметил. Пришел архиерей и стал совершать служение. В это время отрок Феодор уснул под святым престолом и проспал до самого конца Литургии.

Во время этого сна ему было видение. Он видел отрока одинаковых с собой лет, сиявшего, как солнце. Отрок питал его сотовым медом, дал ему в руки пастырский жезл и благословил его. Пробудившись, Феодор вышел из-под престола. Архиерей и сослужившие ему в алтаре, увидев его, удивлялись и спрашивали, зачем он был там. Мальчик рассказал о себе и своем видении.

На архиерея этот рассказ произвел сильное впечатление. Он вчинил отрока в свой клир, поставил его чтецом, и с тех пор раскрылись умственные способности Феодора. Он быстро усвоил себе книжную премудрость и стал превосходить разумом не только сверстников своих, но и людей старше себя. Кроме духовной премудрости, он усвоил себе и внешние знания – он был учеником славного эдесского учителя, философа Софрония.

Его отец преставился, когда ему было восемнадцать лет, а через год скончалась и мать его Мария. Феодор раздал неимуцим большое имение, оставшееся после родителей, часть выделил сестре. Она была замужем и была матерью сына Василия, впоследствии епископа Амассийского, который описал житие своего дяди.

Феодору было двадцать лет, когда он отправился в Святую Землю для поклонения Гробу Господню. Обойдя и другие святые места, он принял монашество в лавре преподобного Саввы Освященного. Феодор Эдесский принадлежит к числу великих отцов Востока и прославился от Бога высочайшим даром

дивных чудес.

Преподобный Антоний Печерский

(Память 10 июля)

Антоний справедливо признается отцом Русского монашества. В миру он назывался Антипой и происходил из местечка Любеч, расположенного в 40 верстах от Чернигова. Уже с юных лет он почувствовал призвание к уединенной жизни, чему свидетельством может служить и до сих пор показываемая на его родине пещера, в которой он испытывал в духовных подвигах свои силы. Потом Господь вложил ему в душу желание странствовать. Так, странствуя, он прибыл на Афонскую гору. В то время на Афоне жива была еще память о знаменитом подвижнике Афанасии, устроившем чудную Афонскую лавру и положившем начало общежительному афонскому подвижничеству. Однако много подвижников продолжали еще жить в скитах и каливах (хижина пустынная) под руководством опытных старцев. Обойдя Афон и подивившись жизни афонских подвижников, Антипа упросил игумена одной обители облечь его в иноческий

образ и был пострижен с именем Антоний. Удовлетворяя свое давнее стремление к отшельнической жизни, Антоний стал подвизаться в пещере на прибрежной скале в виду Эсфигменской обители. Игумен ее Феоктист сделался духовным руководителем святого, ободряя его в подвигах и научая ополчаться против врагов невидимых. Скоро созрел ев. Антоний духовно, и старец Феоктист сказал ему: «Антоний! Иди в Россию, чтобы ты был и другим на пользу, был бы благословением святого Афона».

Свято повинувшись своему старцу, Антоний оставил ев. гору и прибыл в Киев в 1013 году. Здесь под Днепром стояла гора Берестовая, покрытая дремучим лесом. В крутом обрыве ее находилась пещера, в которой некогда укрывались разбойничавшие по Днепру варяги. Эту-то пещеру и избрал Антоний для того, чтобы подвизаться в посте, бдении и непрерывной молитве. Однако волнения и кровопролития, последовавшие на Руси за смертью великого князя Киевского Владимира, скоро заставили Антония удалиться оттуда, и мы опять видим его на Афоне.

Несколько лет провел он в этом «царстве монашеском», пока, наконец, опять не услышал от старца повеление идти в Россию. Прибыв сюда, он у подошвы Днепровского холма выкопал себе пещеру и стал жить в ней. Это было в 1028 году. Окрыляемый пламенной любовью ко Христу, он не знал покоя в подвигах. Сладкие и умиленные слезы, бдение, пост, коленопреклонения, а наипаче «умная», непрестанная, по завету афонцев, молитва были его всегдашним занятием. Обретший духовное сокровище, по Евангелию, все оставляет; удостоившийся дивного богообщения никакими земными приманками не увлекается. Поэтому и Антонию не нужны были ни земная слава, ни внешнее богатство, ни известность. Однако, прославляя Господа, он был сам от Него прославлен. Скоро все о нем узнали, и слава о нем распространилась, говорит Нестор-летописец, как о великом Антонии Египетском. Многие стали приходить к нему, приносить ему хлеб и просить его святых молитв и благодатной помощи. Некоторые здесь же оставляли всякое мирское пристрастие и становились подражателями жиз-

ни святого. Таковы были: Моисей, Леонтий, Иларион, Феодосий. Первым, однако, решившимся вместе с ним проводить жизнь свою мы видим иеромонаха Никона. В 1054 году посетил Антония только что вступивший на престол Киевский великий князь Изяслав с дружиною и просил молитв его. Подвижничество есть потребность души человека, поэтому оно привлекает не только простых, но и ученых, не только нищих, но и богатых, не только незнатных, но и сановных. Придворные князя Изяслава, Варлаам и Ефрем, возжелали отшельнической жизни и были пострижены Антонием. За это князь воздвиг гонение на ев. подвижника, и Антоний со своими учениками готов был уже оставить Киев. Скоро, однако, пришло от князя приказание воротить черноризцев и оставить их в покое. «За какое-то дело изгнаны были черноризцы из Польши, и много бед от того вышло в нашей стране», – говорила князю Изяславу его супруга, родом полька.

Когда число братии возросло до 15, подвижники устроили в пещере церковь. После этого Антоний сказал своим сподвижникам:

«Живите теперь сами, братия, я назначу вам игумена, а сам хочу идти в другую гору жить наедине, как привык издавна». На расстоянии 100 саженьей от прежней пещеры Антоний ископал себе другую, куда и переселился, назначив игуменом над братией Варлаама. Новая пещера Антония – та самая, которая и теперь называется Антониевой. Главным руководителем и наставником новообразовавшейся монашеской общины продолжал быть сам ев. Антоний, хотя по глубокому своему смирению он и отказался от игуменства, но не оставлял братию в необходимой поддержке и потребном совете. Он не отказался даже ходатайствовать пред князем о нуждах братии. Так, в 1057 году он послал сказать Изяславу: «Князь мой! Бог умножает братию, а место у нас тесное! Не дашь ли ты нам ту гору, что над пещерой?» Просьба святого была исполнена. Любовь к подвижникам была так сильна у Антония, что он в течение 7 лет сам носил пищу затворнику Исаакию; духом своим он всегда был с братией, низводя на нее своими молитвами благословение Божие.

В 1067 году вторглись в пределы русской

земли половцы. Против них выступили князья Изяслав, Святослав и Всеволод. Отправляясь в поход, князья пришли к Антонию за благословением. Великий подвижник со слезами предсказал им неудачу в их предприятии. Тогда один из полководцев, по имени Симон, пал к ногам святого и просил помолиться об избавлении его от смерти. «Вы будете смяты, изранены и потоплены в воде, – сказал Антоний, – но ты, сын мой, останешься жив и будешь положен в здешнем храме». Битва с половцами произошла на р. Альте. Русские действительно потерпели поражение. Симон весь в ранах лежал среди трупов. Поднимает он глаза вверх и видит великую церковь. «Господи, молитвами Матери Твоей и преподобных Антония и Феодосия, избавь меня от горькой смерти!» – взывает он со слезами. И вот внезапно какая-то сила исхитила его из среды мертвых, и он тотчас исцелился.

После поражения на Альте киевляне возмутились против Изяслава, и он принужден был бежать в Польшу. Место Изяслава занял Всеслав. Уважая св. Антония, он приходил к нему и был принимаем последним с любо-

вью. Это обстоятельство и послужило потом причиною неудовольствия Изяслава. Заняв опять киевский «стол», Изяслав стал гневаться на Антония «за Всеслава». Черниговский князь Святослав, узнав об этом, прислал за Антонием и взял его в незадолго перед тем основанный Черниговский Елецкий монастырь. В Чернигове особенно понравилась Антонию Болдина гора. Здесь он ископал пещеру, возле которой князь устроил церковь во имя св. прор. Илии Фесвитянина. Скоро к Антонию собрались ревнители благочестия, и искушение святого, таким образом, послужило к большей славе Божией. Князь Изяслав скоро сознал свою ошибку и послал просить святого возвратиться в Киев. Незлобивый угодник Божий, видя в этом волю Господню, опять возвратился в прежнюю свою пещеру на прежние подвиги.

После испытания вскоре послано было святому великое утешение. В Печерскую обитель приходят из Константинополя 4 каменщика и спрашивают: «Где строить церковь?» «Что это значит, кто прислал вас?» – стали их спрашивать. Тогда каменщики рассказали, что в

один день к каждому из них рано утром пришел посланец с известием, что Царица зовет их во Влахернскую церковь. Когда они явились туда, то увидели Царицу, которая сказала им:

– Хочу построить Себе церковь в России, в Киеве, возьмите денег на 3 года, идите и стройте.

– К кому пойдём мы в незнакомую страну? – сказали каменщики.

Тогда Царица, указывая на двух стоявших возле Нее мужей, сказала:

– Вот к ним – Антонию и Феодосию, которые явятся там. Антоний благословит вас на труд и отойдет на вечный покой, а на другой год последует за ним и Феодосий, а потому берите денег побольше. Впрочем, никто вам там не заплатит, как Я. Я Сама буду осматривать церковь и хочу пребывать в ней.

При этом Она сказала, что церковь должна быть Богородичной, и, дав мощи ев. мучеников Артемия, Полиевкта, Леонтия, Акакия, Арефы, Иакова и Феодора, повелела положить их в основании храма.

– Где же строить церковь? – спрашивали

зодчие, окончив свой рассказ.

– Подождите три дня, – сказал Антоний.

В это время он усиленно молился, чтобы Господь показал место устройства церкви. Молитва его была услышана. В одну ночь на избранном месте было сухо, в то время как все окрестности были покрыты росой. В другую ночь одно это место было покрыто росой, а окрестности были сухи. На этом-то месте преподобный благословил устройство церкви и вскоре скончался.

Блаженная кончина его последовала на 90-м году его жизни, 7 мая 1073 года. Мощи его до сих пор пребывают в его пещере под спудом. Несколько раз пытались открыть их, но ев. угодник Божий, по дивному своему смирению, всякий раз противился этому. «Один раз он не допустил этого огнем, другой – водою». Смирением и мы можем победить козни лукавого и Царствие Небесное наследовать.

Младенец Кирик-мученик и мать его Иулитта

(Память 15 июля)

Юная, благородная Иулитта, ведшая свой род от старых римских царей, христианка верою, недолго была замужем и осталась молодой вдовой с единственным сыном Кириком.

В то время по вселенной император Диоклетиан воздвигал жестокое гонение на христиан. Спасаясь от гонения, Иулитта тайно скрывалась по разным городам. В малоазийском городе Тарсе ей судил Бог принять страдания. Она скрывалась там между бедными жителями, когда кто-то донес на нее присланному для истребления христиан игемону Александру.

Игемон сидел посреди площади, когда к нему привели Иулитту. На руках женщины было трехлетнее дитя ее, Кирик.

Это был мальчик, выросший в благодатной атмосфере христианства, уже слышавший о мучениках святых, о верности Христу Богу,

которая будет увенчана в Вечном Царстве Христовом победным венцом. Он умел лепетать имя Христово, молитвенно сложив невинные руки на груди и подняв свой детский взор к высокому небу. Это был один из тех детей, в котором духовная жизнь опередила их возраст, и этому трехлетнему ребенку Бог судил стать наставником в верности Богу взрослых мужей.

После краткого допроса, на котором Иулитта исповедала себя христианкой, игемон велел взять от нее ребенка и без жалости пытаться ее воловьими жилами. Смотри на страдания матери, маленький Кирик заплакал и стал вырываться из рук державших его людей, чтобы бежать к матери. Ребенок был так прекрасен, что игемон захотел поласкать его и, приказав подать его к себе, посадил его на колени, утешал его, чтобы он не плакал, тихо гладил его по головке, целовал его и говорил ему ласковые слова. Но маленький Кирик старался вырваться из рук игемона, отвертывал от него свое лицо, не позволял себя гладить, защищался от его поцелуев, продолжал смотреть на страдания матери. С детским

плачем крича: «Я христианин, пусти меня к матери!», бесстрашный ребенок раздирал лицо игемона ногтями и отбивался от него руками.

Такое поведение мальчика привело игемона в ярость. Он бросил его об пол, толкнул ногой в ребра и низверг его с сидалища своего и высокого помоста. Мальчик покатился по каменным ступеням, ударился головой об острый угол лестницы. Все это место было залито его кровью, и он тут же предал в руки Божии свою чистую, непорочную душу. Так увенчался мученичеством святой отрок Кирик.

Блаженная Иулитта не видела этого страдания своего сына. Она мужественно выносила муку, как будто страдая в чужом теле, повторяя только: «Я христианка, я не принесу жертвы богам». Когда же пытки на время прекратились и, поднявшись с земли, мать увидела сына лежащего мертвым, в крови, то сердце ее переполнилось радостью. Она взывала к Богу: «Благодарю Тебя, Господи, что Ты сподобил сына моего благодати скончаться прежде меня мученически за имя Твое святое

и принять неувядаемый венец славы Твоей».

Пытки продолжались. Строгали тело ее железными гребнями, лили на язвы ее растопленную смолу, и, истощив над нею злобу свою, мучитель приговорил ее к усечению мечом. Когда вывели ее за город, она, преклонив колени, помолилась Богу так: «Благодарю Тебя, Господи Боже мой Иисусе Христе, что Ты призвал сына моего прежде меня и сподобил его пострадать за имя Твое святое и страшное, и дал ему, оставив суетную жизнь, жизнь вечную со святыми. Приими и меня, недостойную рабу Твою, и сподоби меня получить благодать от Тебя, да буду причтена к мудрым девам, вшедшим в чертог Твой нетленный!»

Тела Иулитты и Кирика две верные рабыни ее погребли в тайном месте. Одна из них дожила до времени, когда при императоре Константине равноапостольном была объявлена свобода христианства. Тогда она показала христианам то место, где были погребены мощи святых мучеников Кирика и Иулитты, и передала повесть их страданий. И тогда святые нетленные мощи, источающие благоухание, были изъяты из недр земли и многим по-

дали исцеление недугов. Страдание этих мучеников было описано на пользу верным и во славу Христа Бога нашего, славимого со Отцем и Святым Духом во веки веков.

Детство преподобной Макрины

(Память 19 июля)

Христианство первых веков, когда среди верующих так живо и действенно было слово Христово, дало несколько поразительных картин целых семейных гнезд праведников. Благочестие было преемственным и не только переходило от дедов и отцов к внукам и детям, но одинаково распространялось на всех детей семьи – на братьев и сестер. Такова была семья, из которой вышел знаменитый учитель Церкви Василий Великий.

У родителей Василия, Василия и Марии, старшим ребенком была дочь Макрина. Сама праведница, она имела в числе братьев святых Василия Великого и Григория Нисского. Всего у родителей ее было десятеро детей – четыре сына и шесть дочерей.

Пред самым рождением старшей дочери мать ее забылась сном. И чудится ей, что на

руках у нее дитя, которое на самом деле еще не родилось, и подходит к ней светлый муж и, с лаской смотря на девочку, трижды называет ее Феклой в знамение того, что отроковица будет подражательницей дивной жизни святой первомученицы Феклы, вольной мученицей, хотя и бескровной.

После этого сна Эмилия пробудилась, тотчас разрешилась от бремени отроковицей и нарекла имя ей Фекла. Но домашние и родственники называли ее Макриной, именем бабки ее. Эта старая женщина была ревностной христианкой. В царствование Максимиана Галерия она вместе со многими другими приняла гонение за Христа и семь лет скиталась в пустынях, терпя нужду во всем необходимом, пока не прекратилось гонение на христиан.

Ребенок подрастал и обнаруживал большие способности и необычайный разум. Мать рано обучила ее чтению. Но предлагала ей книги не языческие, полные таких рассказов и басен, которым лучше бы никогда не касаться девического слуха. Она давала ей книги премудрости Соломоновой, псалмы Давида

и другие книги Божественного Писания. Она останавливала особенно ее внимание на тех строках, в которых заключалось или горячее моление и славословие Божие, или добрые нравоучения, и девица училась быстро, так как была восприимчивого ума. В устах ее всегда были слова Писания и молитвы, соответствующие часу дня.

Вставала ли она с одра, бралась ли за какое дело, садилась обедать или вставала от обеда, в полдень и вечером – никогда не изменяла она молитве. Она совершала также пение псалмов и вычитывала молитвы на сон грядущим.

Кроме грамоты, мать обучила ее рукоделию, приличествующему девице, и не позволяла ей проводить время в праздности и детских играх, но всегда девочка упражнялась или в чтении книг или в ручных работах.

И вот Макрине уже двенадцать лет. Красота ее девического лица была так замечательна, что по всей стране не было равной ей. И художник не изобразил бы эту поразительную красоту... Много людей с выдающимся положением стали сватать Макрину за своих

сыновей. Отец ее остановил свой выбор на одном юноше, который выделялся не только происхождением и положением родителей, но разумом и добронравием своим, и обручил ему Макрину.

Отец отложил брак, пока девица не придет в совершенный возраст, соответствующий браку, и жених ждал невесту в благой надежде. Но Бог, все строящий по Своей мудрости, пресек время жития его, призвав его в жизнь бессмертную, небесную.

Брак был не особенно по сердцу Макрине. Она больше склонялась пред волей отца, чем сама хотела брака. И тут, когда жених ее умер, она приняла эту смерть за призыв Божий. Многие продолжали сватать ее. Родители и родственники настаивали на браке, но она отвечала им речами, в которых разум был выше возраста ее:

– Недостойно девице, которая была обручена с одним женихом, выйти замуж за другого. Нечестно не сохранить верности почившему. По закону естества должно быть супружество едино, как едино рождение и едина смерть. Зачем вы говорите, что обручник мой умер? Я

верую, что он отошел в надежде воскресения, но не умер; только отошел далеко в страну иную до времени общего воскресения. Если супруг отойдет на время от жены своей, великий будет грех и позор для супруги, если не сохранит ему верности и соединится с другим. Как же могу я изменить памяти жениха моего!

И тут начались иноческие подвиги Макрины, которые и привели ее к святости.

Страдания мученицы Христины

(Память 24 июля)

Урбан, – могущественный, богатый, знатный человек, – был начальником города Тира. У него была дочь, отроковица Христина, которая с детских лет познала Бога и положила за Него свою душу.

Когда Христина достигла одиннадцатилетнего возраста, она превосходила всех своих сверстниц чудной своей красотой. Отцу не хотелось, чтобы люди смотрели на нее. Ему казалось, что лишний взгляд человеческий осквернит эту свежую, нежную красоту. Он удалил ее от людей, поселив ее в прекрасной

палате, которую обставил золотыми и серебряными идолами, научив ее ежедневно воскурять пред ними жертвенный фимиам.

Когда отцы тех юношей, которые, по слухам о необыкновенной красоте Христины, хотели взять ее за себя, сватали у Урбана его дочь, он отвечал им:

– Она замуж не выйдет, боги избрали ее, и она всю свою жизнь в девстве будет служить им.

Между тем Христина в своей палате предавалась глубоким мыслям. Она любила смотреть на красоту мира, на блеск солнца и мигание ночных звезд. Все громче и громче природа внушала ей мысль о том, что должно быть общее великое Начало вселенной. Идолы ей опротивели, она не приносила им уже больше воскурений. Смотря к востоку, она ждала оттуда какого-то озарения, словно ей должен был блеснуть чудный образ обретенного Бога. И в душе своей стала поклоняться и чтить Единого, на небесах живущего, и молилась Ему со слезами, чтобы открыл ей Себя, чтобы она узнала Того, любовью к Кому горит ее сердце.

И тут Господь дивным образом внял молитве рабы Своей. Ей явился Ангел Господень, ознаменовал ее крестным знамением, нарек ее Христовой невестой, наставил ее в богопознании и возвестил страдальческий подвиг, что три мучителя будут мучить ее за Единого в Троице Бога. Укрепив ее на подвиг, Ангел напитал ее хлебом чистым, так как она была изнурена от долгого поста.

Услажденная любовью Христовою, безмерно счастливая, в юной ревности своей Христина начала по очереди разбивать золотых и серебряных идолов, и куски металла, выброшенные ею ночью, проходящие мимо их дома подбирали поутру.

Урбан, наконец, узнал о том, как обращается с идолами его дочь, и ярость его как ревностного язычника была несказанна. Разгневанный, он казнил приставленных к дочери рабынь, а Христину, которая бесстрашно исповедовала себя христианкой, велел избивать и бросить в темницу. На другой день он сел всенародно судить ее – не как дочь, а как оскорбительницу богов.

На суде Урбан сперва стал ласково гово-

рить с дочерью, чтобы она загладила свой грех перед богами. Когда же Христина отвечала отцу, чтобы он не называл ее дочерью, так как между ними нет ничего общего, игемон в ярости велел отроковицу обнажить и строгать острым железом.

Муки ожесточались. Плоть падала кусками, так что видны были кости. Мученица молчала. Наряду с невыносимыми телесными страданиями в душе ее была тайная сладость. Она переживала вновь минуты единения своего со Христом – те минуты, когда Ангел, посланный с неба, укреплял ее тайным богопознанием. Ни огонь, на котором ее жгли, ни кипящее масло, которым ее поливали, не вырвали из уст ее крика страдания, и Ангел, невидимо представший, облегчил ее муку... И вдруг вырвалось из костра, на котором ее пытали, громадное пламя и опалило до тысячи язычников...

Ночью в темницу, куда она была брошена, явился ей Ангел Господень, исцелил ее от язв, сделал ее здоровою всем телом и напитал ее принесенною с собою пищею. И она в радости славословила Бога.

На другой день ее посадили в лодку и недалеко от берега, на глубоком месте, навязали ей на шею тяжелый камень и бросили в водную бездну. Но Ангел принял ее на свои руки, отвязал камень от шеи, и святая, поддерживаемая руками бесплотного руководителя, шла по водам, как посуху. И море послужило ей купелью святого крещения. И облако светлое осенило ее тогда, и глагол прозвучал свыше, призывая на нее по чину святого крещения имя Святой Троицы, и видела она явившегося ей Господа, изрекшего к ней радостные слова.

Когда Христина предстала пред отцом, он не мог долго опомниться от ужаса, видя мученицу, явившуюся к нему из бездны морской. Он уже дал повеление на другой день казнить ее, как в ту же самую ночь коса смерти внезапно прервала его жизнь.

Отроковицу Христину мучил игемон, прибывший на смену Урбану, но мученица и тут пребыла твердой в исповедании пресвятого имени Иисуса Христа и сокрушила идола Аполлона. Когда пал идол, оказался мертвым и игемон, и тут обратилось ко Господу до трех тысяч язычников.

И еще новый был послан игемон в Тир, Юлиан. Пять дней палил он святую мученицу в великой печи. Но Бог, сохранивший отроков в печи вавилонской, сохранил и Христину. На нее были выпущены ядовитые змеи, но не повредили ей, и, по слову ее, расползлись по пустынным местам. Ей отрезали груди, отрезали язык, и, наконец, было велено воинам пронзить ее мечами. Таковую силу показал в ней Бог, что три лютых мучителя не могли одолеть единой той отроковицы...

Преподобная Евпраксия-девица, юная инокиня

(Память 25 июля)

Во дни благочестивого царя Феодосия Великого в Царьграде среди знатнейших бояр блистал родственник царский, именем Антигон. Мудрый и разумный в слове и в деле, дававший царю всегда добрые советы, он был сострадателен к людям, милостив к нищим, охотно подавал всем просящим, и царь его любил не только как своего родственника, но и как благочестивого христороубца и доброго

советчика.

Антигон был так богат, что, кроме царя, не было никого, кто был бы равен ему в богатстве. Он взял себе в замужество прекрасную девицу, также родственницу царскую, именем Евпраксия, благочестивую, богобоязненную, приверженную к Церкви, со слезами молившую Богу и подававшую много драгоценных даров храмам на украшение святыни Господней.

У этой благочестивой четы родилась дочь, которую они назвали по имени матери Евпраксией. Вскоре по рождении ее супруги согласились жить безбрачно, как брат с сестрой, помня слова апостола: «Да будут имущие жен как не имущие и радующиеся об имениях своих как не радующиеся, ибо преходит образ мира сего». Согласились супруги также между собою раздавать свое богатство на дела христианские. «Возьмем ли, – говорили они, – что во гроб? Раздадим с добрым намерением нищим, чтобы помолились за нас Господу Богу».

Только год пожил Антигон такой жизнью и скончался. Царь и царица оплакивали его, а

после погребения его стали утешать Евпраксию. Но она, подняв с земли дочь свою, положила ее им на руки и, упав к ногам их, с рыданием говорила им: «В руки Божии и ваши передаю я эту сироту, в память родственника вашего, Антигона, примите ее и будьте ей вместо отца и матери...» Прослезились многие, слышавшие эти слова, плакали сами царь и царица.

По прошествии четырех лет царь обручил девочку, еще малого ребенка, со знатнейшим юношей, сыном сенатора, который должен был ждать ее, пока она подрастет.

Было сделано брачное предложение и самой Евпраксии, и сватовство поддерживала сама царица. Когда же царь узнал об этом, разгневался на царицу:

– Ты сделала дело, не подходящее для тебя. Как ты, помня Антигона, близкого нашего родственника и полезного советника, – жену его, недолго пожившую с ним и еще при жизни его начавшую жизнь ангельскую, снова хочешь вернуть к жизни мирской? Как не боишься ты Бога?

Немалое тогда вышло смущение между ца-

рем и царицей из-за Евпраксии.

Евпраксию все это так расстроило, что она от печали и в тоске решила оставить Царьград. Мала еще была ее дочка, но не с кем было делить матери свое горе.

– Дитя мое, – сказала мать, – у нас в Египте большие имения. Пойдем туда: видеть земли отца твоего и мои; все это будет твое.

И, захватив с собою немногих рабов и рабынь, Евпраксия тайно от царя покинула Царьград и стала в Египте объезжать свои имения.

В то время в пустыне Египетской было много мужских и женских монастырей, Евпраксия усердно обходила их, не скупясь раздавая золото и серебро. Был там недалеко от города Фивы девичий монастырь, в котором подвизалось 130 черноризиц. О жизни их ходили чудные рассказы: ни одна из них не вкушала ни вина, ни еля, никаких овощей. Некоторые из этих подвижниц, с детства вступившие в монастырь, ни разу глазами не видывали овощей. Пищу их составляли хлеб и вода, вареные листья с медом и трава без еля. Вкушали они пищу раз в день, к вечеру,

некоторые через день, другие через два. И ни в чем не давали они себе покоя. Спали они на власянном рубище, расстилаемом на земле, и одежду имели длинную, до земли, власяницу, покрывавшую их ноги, и каждая из них трудилась сколько могла, по силе своей.

Евпраксия-вдова любила тот монастырь ради чудной жизни сестер и часто приходила в него с дочерью, принося в церковь свечи и ладан.

Как-то в одно из посещений Евпраксии с дочерью игуменья сказала маленькой девочке, как будто вдохновленная Духом Божиим:

– Любишь ты, деточка, этот монастырь и сестер?

– Да, госпожа, я люблю вас, – отвечала девочка.

– Если любишь нас, – продолжала игуменья, – то останься с нами в этом иноческом образе.

– Хотелось бы сделать так, – отвечала Евпраксия. – Если не опечалится мать моя, не покину этого места.

Мать Евпраксии, сидя при этой беседе, проливала тихие слезы и удивлялась благора-

зумию дочери своей. Слушала и игуменья с любовью эту речь малой отроковицы и удивлялась, что она в столь раннем детстве, не имея еще семи лет, отвечает с таким смыслом.

Вечер склонялся к ночи. Мать и игуменья всячески уговаривали девочку идти домой, но не могли в этом успеть: она не хотела расставаться с монастырем.

– Дитя мое, – сказала игуменья, – если ты хочешь здесь быть, ты должна учиться грамоте, поститься до вечера, как другие сестры.

– И поститься, и всему учиться – все буду, только оставьте меня здесь.

Игуменья, по внушению свыше, поняла, что решение девочки бесповоротно, и сказала матери:

– Госпожа моя, оставь ее здесь; я вижу, что в ней воссияла благодать Божия. Праведные дела отца ее, твоя чистая жизнь и молитвы вас обеих введут ее в вечную жизнь.

Какая борьба совершалась в великодушном сердце матери, которая надеялась иметь дочь утешительницею себе на оставшееся ей время жизни и которую теперь должна была

передать Богу! Благородная Евпраксия встала со своего седалища, решительным движением подвела дочь к иконе Спасителя и, подняв руки к небу, со слезами воскликнула: «Господи, прими в дар Себе это дитя мое, ибо она Тебя возжелала и Тебе здесь отдалась».

Потом она обратилась к дочери:

– Евпраксия, дочь моя, Бог да утвердит тебя в страхе Своем.

При этих словах Евпраксия передала дочь свою игуменье, и тут сердце ее не выдержало: она громко разрыдалась и стояла, ударяя себя в грудь. Все черноризицы плакали вместе с ней. И, совершив этот подвиг самопожертвования, она вышла из монастыря, отдав судьбу дочери своей на волю Божию.

На следующий день произошел постриг семилетней Евпраксии. И когда мать увидела ее, облеченную в одежды ангельские, чистые, она, воздев руки свои к небу, помолилась Богу: «Царю Предвечный, начавший в ней это дело благое! Ты и соверши его! Дай ей ходить по воле Твоей святой, чтобы получить милость у Тебя, Творца своего. Эта сирота к Тебе привержена от юности».

Мать рассталась с дочерью, вышла из монастыря и стала посещать египетские монастыри, пустынные и городские приюты для нищих, всем щедро благодетельствуя от богатых имений своих.

Через несколько лет по всему христианскому миру прошла молва о благочестивой вдове Евпраксии, о жестоком житии ее и неустанной ее милостыне. Она ежедневно постилась до вечера и поздно вечером принимала постническую пищу, и все изумлялись такому воздержанию среди такого богатства.

Когда через несколько лет она посетила монастырь, игуменья сказала ей:

– Госпожа, не смутись от того, что я тебе скажу. Я видела в сонном видении мужа твоего Антигона, окруженного великой славой. Он предстоял Владыке Христу и молился, чтобы Господь повелел душе твоей расстаться с телом и соединиться с Ним, чтобы насладиться вместе вечной славой небесной.

Не смутилась, а обрадовалась благочестивая жена, так как давно ждала разрешиться от уз тела и перейти ко Христу. Она позвала к себе дочь (Евпраксия достигла двенадцати-

летнего возраста) и сказала ей: «Дитя мое, Евпраксия, Христос призывает меня к Себе. Приблизился день скончания моего, передаю тебе все имения отца твоего и мои. Сделай из них лучшее употребление, чтобы насладиться в Царствии Небесном». Евпраксия заплакала при этой вести о смерти матери.

– Не плачь, – утешала ее мать, – у тебя Христос, отец твой и жених. Ты не одинока, не сирота, у тебя вместо матери игуменья, старайся только исполнить хорошо то, что ты обещала Христу Богу. Почитай сестер, со смирением на них работай, никогда не вспоминай о том, что ты царского рода, не говори, что они должны трудиться на тебя, а не ты на них, будь смиренна, чтобы Господь тебя возлюбил, будь нища на земле, чтобы в небе обогатиться. Теперь все будет в твоих руках: если монастырь будет иметь какую-нибудь нужду, дай сколько следует и молись до конца дней твоих об отце и обо мне.

Через три дня блаженная Евпраксия скончалась и была погребена в том же монастыре.

Получив весть о смерти Евпраксии, жены Антигона, царь позвал того сенатора, сын ко-

того был обручен с юной Евпраксией, и рассказал ему, как девушка вступила в монастырь и отреклась от мира. Этот вельможа стал просить царя, чтобы царь послал ей приказ немедленно явиться в Царьград к своему жениху для совершения брака. Царь такое письмо послал. Евпраксия, получив царское послание, засмеялась и написала царю такой ответ: «Владыка царь, ты велишь мне, рабе твоей, оставить Христа и соединиться с телом и землей – с человеком, который живет и которого завтра едят черви. Не поступлю я так. Пусть твоему величеству не надоедает этот человек из-за меня. Я уже невеста Христа и не могу изменить Ему. Но в память родителей моих прошу все имения их раздать по святым церквам, монастырям, вдовам, сиротам и нуждающимся. Отпусти на волю рабов и рабынь моих и дай распоряжение правителю родителей моих простить все долги деньгами и по имениям. Тщательно устрой, владыка мой, все эти дела, чтобы мне быть беспечальной и беспрепятственно послужить Христу моему, Которому я доверилась всей душой. Молись обо мне с царицей, чтобы Господь

сделал особенно сладким для меня служение Ему».

Когда это письмо достигло Цдрьграда, царь сперва прочел его с царицей наедине и заплакал от умиления. На другой день он созвал бояр и отца того юноши, которому была обручена Евпраксия, и велел пред всеми вслух прочесть письмо. Многие прослезились и по окончании чтения сказали: «Поистине, царь, эта девица твоего корня, доброе дитя добрых родителей, Антигона и Евпраксии, святая ветвь святого корня».

Нарь роздал все имение, оставшееся от Антигона, как хотела того Евпраксия, по церквам и бедным. И тогда Евпраксия начала еще усерднее подвизаться в подвигах, не принимая пищи иначе, как только к ночи. Бывало, что она пропускала вовсе без пищи по дню и по два. Всякую черную работу исполняла она со смирением, мела трапезную и другие кельи, стелила сестрам постели, носила в поварню воду и дрова, мыла посуду, и не было никого прилежней ее в иноческом послушании.

Евпраксия-девица, игуменья, принадле-

жит к числу величайших подвижниц православного иночества.

Юноша Пантелеймон, безмездный врач, великомученик

(Память 27 июля)

Как отрадно изображение этого великомученика, сияющего своей непорочностью, держащего одной рукой ковчежец с врачеванием, а другой кисточку для помазания больных!

Как дорог и известен народу целитель Пантелеймон! Сколько рассказов слышишь в христианских семьях о чудных делах юного великомученика, который приносил исцеление безнадежным больным!

Он был родом из Никомидии, лежащей в Малой Азии, – тогда значительного и пышно-го города. Отец его был язычник, мать – христианка и воспитывала его в христианском благочестии, поучая его знать единого истинного Бога Иисуса Христа, верить в Него, Ему угождать. И, сколько было доступно его разуму, он впитывал в себя слова матери. Но эта

благая учительница умерла рано, оставив его еще совсем малым ребенком.

Тогда отец стал часто водить своего сына к идолам, внушая ему языческие взгляды. Был в то время в Никомидии славный врач Евфросин, которому отец его поручил наставить его во врачебном искусстве. С необыкновенной быстротой отрок усваивал себе врачебную премудрость, чуть ли не сравнявшись в самое короткое время со своим учителем Евфросином.

Кроткий, с ласковой речью, прекрасным лицом, любезным обращением, он выделялся среди всех товарищей и стал известен императору Максимиану, который жил тогда в Никомидии. Евфросин часто бывал у царя во дворце, и его сопровождал Пантелеймон. Все видевшие его удивлялись его красоте и разуму. Встретившись с ним, осведомился и царь, откуда он и чей сын, и наказал его учителю поскорей сообщить все свои знания отроку, так как решил взять его ко дворцу.

В то время жил в Никомидии старый пресвитер Ермолай, который с немногими христианами скрывался в одном незнатном до-

ме. Часто из окна Ермолай наблюдал, как Пантелеймон ходил мимо дома. Внешний образ его показывал его богатую душу. Ермолай чувствовал, что этот отрок станет избранным сосудом Духа Божия.

Как-то раз, выйдя навстречу Пантелеймону, Ермолай просил отрока войти к нему. В разговоре отрок рассказал старцу, что отец его жив, а мать умерла, что она была христианка, а отец язычник.

– Какой же ты хочешь быть веры: отцовской или материнской? – спросил пресвитер.

– Когда была жива мать и учила меня своей вере, я любил эту веру, но отец принуждает меня следовать эллинским законам и думает устроить меня на видное место при императоре.

Юноша рассказал ему также, что учитель внушает ему премудрость величайшей веры древности.

– Оставь науку, – стал тут говорить ему старец. – Единый истинный и всемогущий на земле – это Господь Иисус Христос. Если уверуешь в Него, то только призыванием Его пречистого имени будешь исцелять все болез-

ни. Ибо Он возвращал зрение слепым, очищал прокаженных, давал жизнь мертвым, – и не только Он, но и одежды Его были цельбоносны. Женщина, страдавшая кровотечением двенадцать лет, как только прикоснулась к краю ризы Его, исцелилась. Но кто исповедует чудные дела Его! Их нельзя исчерпать, как песок морской и звезды небесные. И донныне Он является крепким помощником рабам Своим, утешает печальных, избавляет от бед и всяких напастей. Он не ждет, чтобы мы Его умаливали. Он предваряет молитвы и движения сердечные, и в тех, кто Его любит, Он влагает способность к величайшим чудесам и при этом подает им жизнь бесконечную в вечном царстве Своем и в небесной Своей славе...

И эти слова падали на сердце отрока. Он чувствовал, слушая старца, на душе необычайную сладость. В этих словах воскресли перед ним беседы его матери. Он вспоминал, как часто видел мать молящейся и призывающей Того Бога, о Котором говорил ему старец. И с этой первой беседы он часто возвращался к Ермолаю и, когда ходил к своему учителю Евфросину, всегда по дороге посещал

старца и беседовал с ним.

Раз как-то, возвращаясь от Евфросина, он увидел по пути мертвого мальчика, который умер от укуса змеи. Змея лежала тут же, живая. Порыв горячего сожаления переполнил сердце отрока. Он смотрел на этого ребенка, за какой-нибудь час до того полного жизни и теперь бездыханного. Вспомнились ему тут слова Ермолая. Он решил на деле проверить их. Пантелеймон поднял глаза к небу и горячо произнес:

– Господи Иисусе Христе, я недостоин призывать Тебя. Но если Ты хочешь, чтобы я стал рабом Твоим, то яви мне силу Твою: сделай так, чтобы о имени Твоем этот мальчик ожил, а ехидна околела.

И чудо совершилось. Мальчик поднялся живым, как будто только что проснулся, а ехидна рассеклась пополам и тотчас же околела.

Что переживал в эти минуты отрок? Он был, как человек, который обрел бесценное сокровище, чтобы владеть им всю жизнь. Он поспешил к пресвитеру Ермолаю и рассказал ему, как мертвый мальчик ожил силою име-

ни Иисуса Христа и как ядовитая змея околела. Ермолай пошел с ним посмотреть на змею и возблагодарил Бога за это чудо, которое окончательно привело Пантелеймона к Богу.

Тогда семь дней оставался Пантелеймон у старца. Когда он слушал слова поучений, падавшие из уст его, ему казалось, словно он пил живую воду из чистого источника.

Когда на восьмой день он явился домой, отец спросил его, где он так умедлил.

Он отвечал: «Я находился с учителем моим в царской палате. Мы лечили больного, которого любит Царь, и семь дней не отходили от него, пока он не выздоровел».

Святой отрок не искажал правды. Он говорил, как в притче, о себе самом. Он называл своим учителем святого пресвитера Ермолая, царской палатой называл внутреннюю клеть, в которой совершилась божественная тайна, а под больным подразумевал свою душу, любимую Небесным Царем.

Когда же учитель Евфросин спросил его, где он провел такое долгое время, он отвечал: «Отец мой купил имение, послал меня принять его. За осмотром всего имущества я и за-

медлился, так как оно обширно и куплено за дорогую цену».

Так говорил отрок о святом крещении, которое он принял от руки Ермолая, и об открывшихся ему таинствах веры, так как они не имеют цены и превосходят всякие богатства, будучи куплены кровью Христовою.

В скором времени блаженный отрок исцелил слепого. И тут исполнилось желание его сердца: отец его обратился ко Христу. Вскоре он умер.

Получив в обладание великие богатства отца, юноша отпустил на волю рабов и рабынь, щедро наградив их, и стал раздавать богатство свое нуждавшимся, убогим, нищим, вдовам и сиротам. Он обходил темницы, посещал заключенных, утешал, врачевал и молился и явился врачом не только больного тела, но и нищеты человеческой. И дан был ему дар исцеления, и исцелял он не столько своими лекарствами, как призыванием имени Иисуса Христа. Известность его была так широка, что больные и не ходили к другим врачам: ни от кого не получали столь скорой и совершенной помощи, как от Пантелеймона.

Исцеляя быстро, он ни от кого не принимал благодарности... Впереди ждал его великий подвиг мученичества за Христа...

Август

Соломония и семь сыновей ее Маккавеев

(Память 1 августа)

Мить, возраставшая в вере детей своих, воспитавшая в них живую любовь к Богу, безграничный восторг пред Творцом вселенной; мать, для которой страдания детей ее за веру были радостью, а измена их Богу была бы величайшим несчастьем; мать, которая пострадала в каждом из сыновей своих и, после этой семикратной жертвы Богу, душой воспарила в небесные обители за сыновьями своими, которых своими руками поставила на путь мученичества, – вот трогательная ветхозаветная повесть о братьях Маккавеех и о матери их Соломонии.

В то время господствовал над Сирией и владел Палестиной царь Антиох Епифан. Брат одного архиерея иерусалимского, Онии,

Иассон деньгами купил себе архиерейскую власть, изгнал брата своего с архиерейства и, в угоду царю языческому, стал вводить в Иерусалиме языческое беззаконие. Он у горы Сион устроил театральное зрелище, завел училище с преподаванием эллинских лживых сказок о богах, устроил арену для ристалищ и для игр атлетов. И многие слабые в вере евреи, забывая храм Божий, проводили время в зрелищах – на ристаниях, на борьбе и на всяких играх. Закон Божий приходил в забвение, и беззаконие торжествовало.

Эти бесчинства продолжались и далее, когда и Иассон был свергнут другим проходимцем. Одно время верные Богу евреи мечтали свергнуть с себя иго Антиоха, но он взял Иерусалим силою, причем было перебито в течение трех дней восемьдесят тысяч народа и до сорока тысяч было уведено в плен. Уходя из Иерусалима, царь оставил по себе лютых мучителей.

В скором времени Антиох издал приказ, чтобы весь подвластный ему народ принял языческую веру. В страхе многие иудеи принесли жертвы богам, а царь послал в Иеруса-

лим доверенных вельмож, которые должны были требовать от всех евреев исполнения языческих обрядов, главным образом – вкушения идоложертвенного свиного мяса, запрещенного законом Моисеевым.

В это время были схвачены вместе с матерью своею семь братьев знатного происхождения и, по знатности своей, приведены в Антиохию к самому царю. Царь принуждал их вкусить свиного мяса в нарушение еврейского закона.

Эти семь братьев были учениками пострадавшего пред тем в Иерусалиме и принявшего мученическую смерть за свой закон священника и учителя Елеазара. Помня его наставления, они мужественно стояли в своей вере и не желали нарушить закона. Царь пытал и мучил их бичами и воловьими жилами. Но они бесстрашно обличали мучителя.

Было что-то возвышенное в этих праведных, чистых по жизни и горящих верою отроках, которые не хотели поступиться ни пядью убеждений своих и не решились нарушить правых отеческих обычаев.

– Чего ты хочешь добиться от нас или чему

научиться? – сказал царю старший отрок. – Мы готовы скорее умереть, чем поступиться отеческими законами.

Царь во гневе приказал раскалить сковороды и этому старшему брату отрезать язык и отсечь все члены тела на глазах у матери и братьев. И так как онемевший обрубок юношеского тела еще дышал, царь велел бросить его на сковороду. От пекущегося мяса стал подниматься чад. А в это время мать и остальные братья взаимно подкрепляли друг друга.

– Бог видит наши страдания, – говорили они, – и утешается нашею верностью.

Когда первый был замучен и был выведен второй, то сперва с головы его содрали кожу с волосами и затем спросили, вкусит ли он свинины, иначе же все тело его будет рассечено по членам. Он же в ответ произнес одно только слово «нет» и предал душу свою в мучениях. Пред его последним издыханием он возгласил:

– Ты, окаяннейший, лишаешь нас настоящей жизни, а Царь Мира нас, умерших ради закона Своего, воскресит для жизни вечной...

Тогда был выведен на муку третий, и ему

приказали высунуть язык и руки на отсечение. Он сделал это и, дерзостно протянув вперед руки, воскликнул:

– Все это я принял от неба, все это я презираю для исполнения закона, и от Бога все это я получу обратно.

Царь и его приближенные удивлялись мужеству отрока, который ни во что считал мучку. Умер он, и стали мучить четвертого, и перед смертью он сказал:

– Нас убивает человек, мы же надеемся на Бога, что Он нас воскресит, а тебе воскресения не познать.

Привели пятого, и он сказал царю:

– Ты, будучи тленным, имеешь власть над людьми. Твори же, что хочешь. Ты думаешь, что род наш будет оставлен Богом, – ты же увидишь, как Бог будет мучить тебя и род твой.

Когда стал кончаться в муках шестой, он возгласил:

– Не прельщайся. Мы по воле своей страдаем. Но не думай, что ты избежешь наказания, начав борьбу с Богом.

Мать мучеников стояла неподвижная, как

камень, видя, как в один день, один за другим, гибли ее сыновья. Каждого она утешала... словно сменив свое женское трепетное сердце на сердце мужчины, она говорила детям:

– Не знаю, как ваша жизнь сложилась во мне. Но знаю, что Творец создал род человеческий и всех вас призвал к рождению. Он снова вернет вам душу и жизнь, так как вы презрели себя для исполнения закона Его.

Антиох чувствовал себя униженным. На шестерых братьях тщетно изоцрял он свою ярость. Они умирали, не исполнив его воли. Оставался последний брат Маккавеев, небольшой мальчик.

Его Антиох надеялся уговорить, и не только обещался, но клятвою клялся, что сделает его богатым и счастливым, будет считать его своим другом и вверит ему дело управления. Мальчик не колебался.

Тогда царь призвал мать его и просил ее уговаривать сына спастись. Но она, склонясь над ним, засмеялась над жестоким мучителем и сказала сыну:

– Помолись за меня, мать твою, питавшую

тебя молоком три года и вскормившую тебя. Не бойся этого мучителя, но, оглянувшись вокруг, на небо и землю, посмотри и вспомни о Том, Кто создал тебя. Будь достоин братьев твоих и прими смерть...

Еще не кончила она говорить, как юноша воскликнул, обратившись к мучителю:

– Кого ждешь, зачем медлишь с мучением? Я не слушаю повелений мучителя, но покорен закону моему. Ты, воздвигший на нас такую злобу, не избежишь рук Божиих. А я, как и братья мои, предаю душу и тело мое за отеческие законы, призывая Господа умиловаться над Израилем. Ты же в муках будешь исповедовать, что един только Бог.

И чистою жертвою отошел младший сын, брат Маккавеев. Тогда блаженная мать их, полная неизреченной радости, что в непорочности предпослала к Богу детей своих, став над умученными телами их, протянула руки к небу и, помолившись с радостными слезами, предала дух свой в руки Божии. Так скончалась мать с сыновьями своими, отдав душу свою за закон Вседержителя Бога.

И эта кровь умиловила Господа за со-

грешения евреев. Он воздвиг им храброго мужа, Иуду Маккавея, который свергнул иго царя Антиоха, прогнал его воевод, очистил церковь Иерусалимскую от скверных идолов. А царь Антиох, караемый праведным судом Божиим, стал страдать лютыми муками еще в этой жизни, пораженный внутренней неизлечимой язвой, так что черви кишели в его внутренностях и нестерпимый смрад шел от его тела. Тогда, по пророчеству младшего мученика, он исповедал Бога Израилева, Которого прежде хулил, и начал искать Того, Кого гнал. Но, не получив милости от Бога, он погиб в беславии.

Имена братьев-мучеников – Авим, Антонин, Гурий, Елеазар, Евсевон, Алим и Маркелл. Семь отроков Ефесских

(Память 4 августа)

В царствование императора Декия в Ефесе жили семь праведных отроков. Не будучи братьями, эти семь юношей были единомышленны в вере и любви Христовой, пребывали в молитве и посте и в чистоте и непорочности совершали путь своей жизни.

Великое гонение было воздвигнуто в те дни на Церковь Божию, оно достигло и Ефеса. Сам кесарь прибыл в этот город, поставил на площади идолов, устроил им жертвенники и повелел городским старейшинам принести к ним жертву. Земля обагрилась кровью закланных животных, и дым и смрад жертвенный наполнили воздух. На третий же день царь приказал захватить всех христиан, живших в Ефесе, и принудить их к жертвоприношению. Одни из христиан, устрашась, отпали от веры Христовой и всенародно прино-

сили жертву, а другие бестрепетно шли на мучения. Земля была напоена кровью мучеников, тела их выбрасывали на дорогу, а головы ставили на кольях пред городскими воротами. Декию донесли, что семь юношей, сыновья знатных родителей, неотступно исповедуют православную веру. Пораженный благородным их видом, царь увещевал их отказаться от Христа; затем, сняв с них воинские пояса, бывшие знаком их достоинства, отпустил их на свободу. Он уезжал на время из Ефеса и по возвращении своем хотел окончательно осудить юношей, если они не одумаются.

Вернувшись домой, юноши роздали много золота и серебра нищим и решили удалиться в пещеру, бывшую в окрестностях города, в большой горе, и там в молитве подготовиться к предстоящему им подвигу. Они взяли с собой для покупки пищи несколько сребреников и, придя к горе, называвшейся Охлон, скрылись в глубине пещеры. Младший из них, Ямвлих, ходил в город за хлебом, одеваясь тогда в рубище, чтобы его не узнали. Бывая в городе, он прислушивался на улицах, не

говорят ли о возвращении кесаря. Наконец, Ямвлих принес товарищам известие, что кесарь в Ефесе, что на завтра назначено торжественное жертвоприношение и велено немедленно разыскать юношей. Тогда отроки преклонили колена и молились Богу с плачем и стенанием, поручая себя Его воле и милосердию. После молитвы они разделили между собою хлеб и стали утешать друг друга в последней беседе. Глаза их устали от слез, головы были утомлены, и на них сошла дремота.

Человеколюбивый Бог, в Промысле о Церкви Своей, повелел тем семи святым отрокам уснуть неким странным и дивным сном, чтобы совершилось над ними впоследствии великое чудо и чтобы сомневающиеся уверились в воскресении мертвых. Святые отроки уснули смертным сном: их души были хранимы рукою Божиею, а тела лежали в пещере нетленными и неизменными.

Декий, не найдя в городе отроков, позвал к ответу их родителей. Те сказали кесарю, что их сыновья похитили от них золото и серебро, роздали нищим и укрылись в пещеру го-

ры Охлон и что они приняли христианство против их воли. Тогда кесарь повелел завалить вход в пещеру и приложить печати, чтобы юноши погибли от голода и жажды. Двое мужей от двора кесарского, тайные христиане, написали на двух оловянных досках имена и страдания тех святых мучеников и, когда заваливали пещеру, положили эти дощечки за камнем у входа, в медном ящике. Они надеялись, что когда-нибудь эта пещера откроется и будут явлены в ней мощи святых, и тогда обнаружатся их имена и станет известно, как умерли они в этой пещере за Христа мученической смертью.

Время шло. Гонения продолжались. Новые мученики совершали свой подвиг; умерли люди – современники Декиева гонения, забыли имена юношей, замурованных им в пещере, пропала и память о них, а над пещерой, видевшей их подвиг, все бодрствовало Божие око.

Новая заря загоралась над землею. Царь Константин объявил свободу христиан; на тех местах, где лилась кровь мучеников, воздвигались храмы истинному Богу, и крест

светло сиял над умиренными народами. Но в эти дни церковного строения внутри Церкви бывали неурядицы и разногласия. В царствование императора Феодосия Младшего явилась еретическая секта, отрицавшая воскресение мертвых. Царь, видя церковную смуту, молился прилежно Богу, чтобы уврачевал Он церковную язву. И Бог внял молитве царя и многих верных и открыл всем тайну будущего воскресения мертвых и вечной жизни.

Владелец горы Охлон, Адалий, строил каменную ограду для овечьего пастбища, и его рабы стали разбивать камень, приваленный ко входу. Не зная того, что за камнем была пещера, они пробили отверстие, чрез которое мог пройти один лишь человек.

В пещере все было по-прежнему. Ненарушимым, безмятежным покоем сияли лица отроков, точно отдохавших после вчерашнего тяжелого дня. И перед тем как солнечный свет блеснул в пещере, Господь Иисус Христос, владычествующий над жизнью и смертью, оживотворил отроков: они пробудились от векового сна и запели утреннее славословие. На них не было никакого признака смер-

ти. Их одежды были целы и свежи, и лица также цвели юностью и красотой. Помолвившись, они стали беседовать о жертвоприношении, на которое должны были идти, и просили Ямвлиха повторить еще раз то, что он узнал, когда был в последний раз в городе. Услышав от него о своем осуждении на смерть, они решили стоять до конца, а Ямвлиха послали за хлебом, чтобы подкрепить перед борьбой свои силы. Он взял с собою сребреник и вышел из пещеры, когда солнце только что поднялось над горизонтом. Ямвлих удивился, увидев камень, заграждавший совершенно свободный прежде проход, и спрашивал себя, как мог он здесь очутиться. Со страхом приближался юноша к городу, боясь, чтобы кто-нибудь не признал его под нищенской одеждой и не отвел к царю. Подойдя к знакомым городским воротам, он поднял глаза и увидел крест, сиявший над ними. Остановившись в изумлении, он перевел взор на здания, стоявшие близ стен, — он не узнавал их: еще вчера многих из них не было, прочие были совсем в другом виде. Чудясь, пошел он вдоль стен, и всюду сияли на воро-

тах кресты; он вернулся к первым воротам и размышлял: «Не сон ли я вижу? Ведь еще вчера нигде не видно было креста: его таили от глаз. Наяву ли я подхожу к Ефесу?»

Успокоив молитвой свой смущенный дух, юноша вступил в город. Он не узнавал улиц: на месте знакомых ему домов стояли другие здания, улицы шли в новом направлении; и лавки, и лица, и одежды – все было никогда им не виданное, точно он попал в совершенно чужой город, а не шел по родному Ефесу. Он спросил у прохожего, в каком он городе. Тот, посмотрев на него с удивлением, ответил ему:

– В Ефесе! – и пошел своей дорогой, а Ямвлих не поверил ему и думал: «Я заблудился, поскорее бы отсюда выйти».

Но вместе с тем близость к пещере этого неизвестного города приводила его в величайшее изумление. Подойдя на площади к хлебнику, юноша подал ему свой сребреник и просил сдать ему меди. Сребреник этот был больших размеров, с изображением Декия. Хлебник показал монету другим, и она стала ходить из рук в руки. Ямвлиха обступили;

сперва шепотом, а потом громко стали говорить, что он нашел клад, давно скрытый в земле, и монета взята из этого клада. Ямвлих видел, как косо на него смотрят, и думал, что его узнали и сейчас же, без товарищей, отведут к кесарю. Поэтому он просил, чтобы, удержав сребреник, дали ему хлеба и отпустили.

– Нет! – закричали в толпе. – Ты нашел клад, поделись с нами и тогда иди.

Как ни уверял юноша, что он ничего не находил, толпа все волновалась; его связали. По городу прошла весть, что не известный никому юноша нашел клад и меняет старинные сребреники. Напрасно искал Ямвлих глазами хоть одно знакомое лицо, чтобы объяснить, кто он такой, – ни родителей, ни родных, никого не видел он, кого бы знал, и вместе с тем со страданием он поражался, что в городе, где все знали его отца, никто не заметит и не скажет, чей он сын. Между тем, слух о Ямвлихе дошел до градоправителя и епископа, сидевших в тот час вместе, и они приказали привести к себе юношу. И опять тщетно присматривался Ямвлих, не найдет ли хоть одного знакомого человека, – все были чужие.

Когда градоправителю показали сребреник, он прямо спросил юношу:

– Где найденный тобою клад? Сребреник ты взял из этого клада!

– Эта монета из денег моих родителей. Ведь такие деньги постоянно обращаются в городе. Удивляюсь, о чем меня допрашивают.

– Откуда ты?

– Думаю, что из этого города.

– Чей ты сын? Если кто знает тебя, пусть засвидетельствует то, что ты говоришь. Тогда мы поверим.

Юноша назвал своих родителей и родственников, известных в городе, но их имен никто не слышал. Он молча понурил голову. В народе раздалось: «Он безумен», а другие говорили: «Притворяется безумным, чтобы выпутаться из беды!»

Градоправитель стал упрекать его:

– Как же ты говоришь, что сребреники ты взял от своих родителей? Тут изображение древнего царя Декия; неужели твои родители помнят его? Ведь ты так молод! Я брошу тебя в темницу, пока ты не откроешь, где клад.

– Объясните мне, – тихо спросил юноша, –

вчера еще царствовал Декий, как же вы говорите о нем, что он царствовал в древности? Ведь тот Декий, который был вчера, еще жив?

– Чадо, – отвечал епископ, – по всей земле нет теперь царя с таким именем. Теперь царствует благочестивый царь Феодосий.

– Молю вас, – воскликнул юноша, – пойдете со мною в пещеру, куда мы укрылись немного дней тому назад, ожидая казни от императора Декия. Мои товарищи все вам расскажут... они тоже из Ефеса. А я не знаю, где я нахожусь.

Епископ подумал: «Через этого юношу Бог откроет тайну», – и уговорил градоправителя идти к пещере.

Когда они входили, епископ нашел за камнем медный ковчежец, запечатанный двумя серебряными печатями. Открыли его и нашли две оловянные доски. На досках было написано, что семь отроков – Максимилиан, сын епархов, Ямвлих, Мартиниан, Иоанн, Дионисий, Екзакустодиан, Антонин – скрылись в этой пещере от императора Декия, по повелению же императора пещера была завалена, и святые отроки скончались в ней мучениче-

ски за Христа.

Все удивились и в трепете прославили Бога.

Когда же вошли в пещеру, святые отроки стояли там радостные, и лица их сияли светом Божией благодати. Тогда епископ, и градоправитель, и старейшины, и весь народ упали к ногам святых, воздавая хвалу Богу, явившему такое преславное чудо.

К царю было отправлено письмо о том, как показался образ будущего воскресения мертвых над святыми, ныне воскресшими. Феодосий поехал в Ефес со своими приближенными, а за ним поднялось из Царьграда множество народа. Отроки рассказали ему о гонении Декия и улаждали душу царя и народа духовной беседой.

На седьмой день по пришествии царя пред всенародным сонмом затихли они, преклонили на землю сияющие свои лица и снова уснули по Божию повелению, но сном уже смертным.

Царь плакал над ними и повелел устроить для их погребения семь раков многоценных из золота и серебра. Но святые отроки явились

ему в сонном видении и просили, чтобы он оставил их лежать на земле, как почили прежде.

Сошелся великий собор епископов, и учредили праздник светлый, желая достойно почитать святых мучеников, и радовались и славили Христа, Бога нашего, Которому честь и слава во веки.

Обращение ко Христу отрока Понтия, будущего мученика

(Память 5 августа)

Необыкновенное обстоятельство перед рождением Понтия свидетельствовало о будущей судьбе его. Он был единственным сыном, родившимся у римского сенатора Марка и жены его Юлии после двадцати двух лет бесплодного брака.

Перед тем как Юлии предстояло родить, она со своим мужем обходила капища богов, принося идолам дары. Пришли, между прочим, они в храм Юпитера, верховного бога. Главный жрец в венке из роз стоял перед идолом, совершая жертвоприношение. Когда он

увидел вошедшую в храм Юлию, с ним произошло что-то странное – он сбросил с себя венки, стал рвать его на части и диким голосом закричал:

– От этой жены родится тот, который разорит до основания этот великий храм и сокрушит в нем богов.

Много раз повторял жрец эти слова, и все слышавшие их были в ужасе. Особенно же смутились Юлия и Марк и в страхе поспешили к себе домой. Там Юлия предалась полному отчаянию и кричала:

– Лучше бы мне умереть с ним, чем родить такого ужасного человека.

Когда ребенок родился, мать думала убить его, но муж удержал ее от этого, говоря, что Юпитер сам может отомстить за свою обиду.

Понтий рос, выделяясь способностями и прилежанием своим; книги, прочитанные им, стояли в его памяти, как в книгохранилище.

Как-то раз он рано поднялся, спеша к своему учителю. Путь его лежал мимо дома одного христианина; там было собрание верных во главе с папой Понтианом; пелись утрен-

ние псалмы. Мальчик, которого сопровождало несколько товарищей и рабы его отца, остановился, чтобы послушать это незнакомое пение. Он различил и самые слова:

– Бог наш на небе и на земле. Он сотворил все, как хотел. Языческие идолы из серебра и золота суть творение рук человеческих: имеют уста и не говорят. Да будут подобны им те, которые изготавливают их, и все надеющиеся на них.

В этих новых для него словах отрок Понтий почувствовал какую-то неведомую для него силу.

Он старался вникнуть в их смысл. На сердце его что-то творилось: в нем действовала благодать Святого Духа...

Он чувствовал, что стоит перед какой-то великой тайной. Подняв руки к небу, он помолился:

– Боже, чью хвалу я слышу здесь? Дай мне познать Тебя!

Потом он стал усиленно стучаться в дверь. Люди, посмотревшие изнутри в оконце, сказали о нем папе, прося его впустить мальчика. Папа, по внушению Святого Духа, тотчас

сказал:

– Идите отворите ему, ибо таковых есть Царствие Небесное.

Всех сопровождавших его Понтий оставил снаружи, взяв с собой лишь товарища своего Валерия, который написал впоследствии повесть о его жизни.

Божественная Литургия совершалась в это время в доме. Отрок Понтий стоял неподвижно в углу, ожидая окончания, прислушивался от всей искренности своей души и умилялся. Когда же Литургия была отслужена, он подошел к папе и, упав ему в ноги, просил разъяснить слышанные им на улице стихи.

И папа стал объяснять. Он говорил об идолах, каких выделывают из каменных горных пород и привозят на торг для продажи. Он говорил о Боге, в Которого веруют христиане, что Он в небе и что видят Его не плотскими, но сердечными очами и познают Его верой. Понтий рассказал, как его смущала многочисленность идолов, переполнявших не только торжище, но все улицы и храмы. Он говорил, как смущало его то, что идола прикреплены к своим местам железными и оловянными

скобами, чтоб ветер не опрокинул их и они не разбились. Он говорил о том, как смущают его частые пропажи золотых и серебряных идолов, которых похищают разбойники, и могут ли боги сберечь человека от зла, когда сами подвергаются грабежу от людей?

Папа удивлялся благоразумным речам отрока. Мальчик рассказал ему, что мать его умерла, отец жив и предан идолам. Папа обнадежил его, что Христос силен привлечь к себе и отца его. В конце беседы он огласил Понтия и Валерия, и они радостно пошли дальше. С тех пор они ежедневно приходили к папе и поучались у него.

Как-то случилось, что Марк спросил своего сына:

– Научился ли ты, дитя мое, чему-нибудь от твоих учителей?

– Во все дни учения моего, – отвечал Понтий, – я не слыхал никогда ничего более важного, чем то, что я услышал теперь. И никогда так, как за эти дни, не наставляли меня ничему более полезному.

Отец Понтия с удовольствием выслушал это признание, полагая, что сын его усвоил

себе какую-нибудь внешнюю земную премудрость.

Но блаженный отрок Понтий вовсе не рассчитывал постоянно говорить с отцом обиняками: он искал случая убедить отца, чтобы он вместе с ним уверовал во Христа, и когда он наконец заговорил с отцом и стал доказывать ему бессилие богов, отец сперва хотел ударить сына мечом, но потом успокоился, без гнева стал слушать Понтия и, наконец, согласился идти с ним к папе.

Кто опишет радость сына, когда Марк уверовал всем сердцем в Господа Иисуса Христа и вместе с ним и папой стал сокрушать идолов, находившихся в его доме; а когда идолы были истреблены, сам Марк с Понтием и всеми домашними своими приняли крещение. Недолго жил после того Марк и в глубокой старости преставился ко Господу.

Понтию было тогда двадцать лет. Вскоре по кончине отца Понтий был сделан, против воли, сенатором. Он был почитаем несколькими царями, царствовавшими один после другого, но значение его особенно возросло при царе Филиппе, который сделал своим со-

правителем сына своего, тоже Филиппа. Мудрыми речами своими Понтий пробудил в них веру, так что они оба приняли крещение. Тогда сбылось и пророчество, данное о Понтии прежде его рождения: он сокрушил идолов в храме Юпитера и разорил храм до самого основания.

Но только четыре года церковь наслаждалась спокойствием. При частой смене императоров на престол вступали один за другим враги Христовы, и при одном из них, Валериане, Понтий после страшных пыток предал Богу свою верную душу. И, вероятно, в эти последние часы его жизни перед ним вставали озаренные сиянием его юности те дни, когда он впервые услышал в христианской общине слова псалма, поразившие его, когда он ходил на долгие беседы к папе Понтиану, уже давно заслужившему мученический венец, и когда он, полный нежной заботы, обращал ко Христу своего отца...

Убогое детство отрока Тимофея, будущего святителя Тихона Задонского

(Память 13 августа)

Святитель Тихон Задонский принадлежит к числу известнейших, любимейших народом праведников. Рано он получил епископский сан, но недолго правил Воронежской епархией и оставил ее для уединенного подвига.

Подвижнический быт, многообразное милосердие и писание вдохновенных духовных книг, которыми доселе питается русский народ, – вот в чем состояла его жизнь.

Он жил просто, до убожества. Постелью ему служил коверчик с двумя подушками. Одеяла у него не было, он покрывался овчиной шубой; опоясывался ременным поясом. Ряса у него была лишь одна – суконная гарусная. Дома он ходил часто в лаптях и кожаные «коты» надевал только для церкви. Четки у него были самые простые, ременные. Не было у него ни одного сундука, ни чего другого. В

частых разъездах он брал с собой кожаную кису, в которую клал книги и гребень.

Что-то умилительное было в его ласковости не только к людям, но и к животным.

В течение трех лет пользовался он лошадю и одноколкой, которую предоставил ему один помещик. Когда он отправлялся проехать в лес или поле, то говорил своему келейнику:

– Пойди заложи одноколку, проедемся. Возьми с собой чашку и косу, накосим травы «старикку» и сами напьемся там воды.

И во время прогулки святитель сам кашивал траву и приказывал келейнику пригребать, говоря:

– Клади в одноколку, «старикку» пригодится на ночь.

Всю пенсию, которую святитель получал, он раздавал бедным. Туда же шли деньги, которые привозили ему из усердия своего старшины донских казаков, и те, что дворяне и богатые купцы из Воронежа и Острогожска присылали ему. Он раздавал бедным шубы, кафтаны, холст, ставил им хижины, покупал им скотину. Иногда даже он посылал своего

келейника в Елец к какому-нибудь купцу, чтобы занять у него денег:

– Теперь у меня нет ничего... Вот приходят бедные собратья, которые от меня отходят без утешения, жалко мне смотреть на них.

Иногда даже, отказав бедняку, на другой день, мучимый этим, святитель посылал келейника:

– Возьми денег, пожалуйста, отнеси ему; так, быть может, мы его и утешим.

Когда у него бывало бедных больше и приходилось раздавать денег больше, в тот вечер он был веселее и радостнее. А когда у него не было или было мало народа, в тот день скорбел.

Если он видел прохожих крестьян, шедших на работу и уставших или заболевших, приглашал их к себе, приносил им подушку, приказывал приготовить для них пищу понежнее, по нескольку раз в день поил их чаем. Сидя подле них, ободрял их духовной беседой. Если же кто из этих больных умирал, святитель напутствовал их Святыми Тайнами и присутствовал при погребении. Когда в соседних городах бывали пожары, святитель

выпрашивал в Воронеже и Острогожске денег для постройки погорельцам новых домов.

Любовь его к ближним была так велика, что он говорил о себе доверенному человеку:

– Я временами в мыслях своих чувствую, что всех бы людей обнимал и целовал.

Святитель редко кушал без умиленных слез и, слушая духовные книги, которые во время трапезы ему читали, бывало, положит ложку и начинает плакать... Садясь за стол, он обыкновенно говаривал:

– Слава Богу, вот какая у меня хорошая пища... А собратия моя – иной, бедный, в темнице сидит, а иной голодный из-за стола выйдет, а иной и без стола ест...

Жизнь этого великого милостивца началась в большом убожестве. И если перенесенные страдания ожесточают людей сухих, людей узкой души, то в праведниках, подобных Тихону Задонскому, они расширяют сердце и внушают им глубочайшую жалость ко всем людям, которые страдают, как страдали они. Всеми силами своими стараются они, чтобы этим людям жилось лучше, чем жилось им самим.

Святитель Тихон родился в 1724 году в семье дьячка села Короцка Валдайского уезда Новгородской губернии, Савелия Кириллова. Отец Тимофея (так звали в миру святителя Тихона) умер, когда он был еще младенцем. Сиротами остались четыре брата и две сестры. Старший брат унаследовал должность отца, средний был забран в военную службу. Остальные дети жили в великой бедности, нуждались порой в куске хлеба, и мать их чрезвычайно была озабочена их воспитанием.

Над Тимофеем сжалился один богатый бездетный ямщик, который часто бывал у вдовы в доме и которому мальчик полюбился. Часто он уговаривал вдову отдать ему совсем Тимофея.

– Отдай мне Тиму своего, – говорил он ей. – Я его вместо сына воспитаю, и все имущество мое к нему перейдет.

Это значило навсегда отказаться от духовного звания, от того образования, которое, несмотря на свою бедность, мальчик мог получить в духовно-учебных заведениях, и мать долго отговаривалась. Но однажды, когда

нужда особенно жестоко грызла ее, она в отчаянии решилась сделать из Тимофея ямщика, отдать Тимофея в чужие люди. Она взяла сына за руку и повела его к ямщику.

В это время старшего брата – дьячка – дома не было. Когда же он вернулся и спросил у своей сестры, где мать, та ему ответила, что она повела Тиму к ямщику. Возвращение брата было, конечно, предусмотрено Божией волей, так как оно сохранило для русской церкви великого святителя.

Услышав, что судьба Тимофея решается, брат почувствовал что-то ужасное. Он опрометью бросился за матерью, догнал ее на дороге и, став перед ней на колени, сказал:

– Куда вы ведете брата? Ведь ямщику отдадите, ямщиком он и будет. Я уж лучше с сумой по миру пойду, а брата не отдам ямщику. Будем стараться обучить его грамоте, и он потом, может, определится куда-нибудь дьячком или пономарем.

Горячая просьба сына заставила мать вернуться домой.

Но нужда продолжалась, и, чтобы добыть себе кусок хлеба, мальчик нанимался к бога-

тому мужику оборонить пашню. За работу всего дня мужик покормит его хлебом, и тому был рад Тимофей.

Когда он стал подрастать, в Новгороде была учреждена семинария, куда набирали детей из новгородского клира. Вдова свезла в Новгород своего сына, отдала его в семинарию и скоро там скончалась. Мальчик продолжал учение на казенном коште и терпел великую нужду, так как тогда бурсакам жилось плохо.

Вот к каким уловкам приходилось ему прибегать для того, чтобы иметь возможность заниматься по вечерам: когда он получал казенный хлеб, он для питания оставлял себе половину, а другую продавал, на вырученные деньги покупал свечу, садился с ней на печку и читал книжку.

Ходил он, конечно, в самом убогом, затрепанном, может быть, дырявом платье. И над убожеством его издевались его товарищи, дети богатых священников. Когда во время игры попадетсЯ им лапоть, они начинают размахивать им, как кадилом, на Тимофея, приговаривая:

– Величаем, величаем тя!

Но незлобивый святитель не отмстил этим людям. Когда он приехал в Новгород викарным архиереем, там он застал бывших своих товарищей священниками и дьяконами, и они подошли к нему для принятия благословения.

– Вы, братцы, смеялись надо мной, – сказал им святитель, – когда мы были в семинарии детьми, и лаптем на меня махали. Теперь и кадилом будете кадить.

– Прости, владыко святой, – отвечали смущенные батюшки, низко кланяясь.

– Я шутя вам говорю, братцы, – был кроткий ответ незлобивого святителя.

По блестящим успехам своим еще до окончания курса учения Тимофей Савельич был сделан тут же, в Новгородской семинарии, учителем. Двадцати восьми лет от роду он был пострижен в монашество с именем Тихона, а через год переведен ректором в Тверскую семинарию.

Если с некоторой горечью вспоминал святитель о том, как издевались над ним товарищи по семинарии, то в высшей степени трого-

тельна была встреча его с сестрой-вдовой. В пору его юности она овдовела, была в крайней бедности и, живя в Валдае, питалась тем, что мыла полы в хоромах у богатых людей. Когда брат ее был определен учителем, то взял ее к себе в Новгород и содержал.

Теперь, при приезде святителя в Новгород, она была в народе и смотрела на торжество любимого брата, с которым вместе столько вынесла...

Может быть, она думала, что теперь брат возгордится и между ними ляжет целая пропасть. Но он остался все таким же. Утром епископ послал за сестрой колясочку. Когда она приехала, то не смела войти в келью, и брат-архиерей пригласил ее:

– Пожалуй сюда, сестрица!

Она вошла в келью и вся залилась слезами.

– Что ты плачешь, сестрица? – спрашивал архиерей.

– Я плачу, – отвечала сестрица, – от великой радости, братец, вспомня, в какой мы бедности при матушке воспитывались... Бывало временами, и дневной пищи не хватало. А те-

перь я вижу вас в таком высоком сане, а вечером была между народом и видела, какую вам встречу делали.

– Сестрица, – отвечал брат, – ты почаще посещай меня. Тебе удобно приехать ко мне: у меня есть лошадь и колясочка для тебя.

– Благодарствую, братец, – сказала она, радостная и смущенная, не веря своему счастью и пораженная его простотой. – Благодарствую, братец. Но иногда я ведь наскучу вам частыми приездами.

– Нет, родная, – ответил он, – я никогда не соскучусь твоим посещением, я сердечно люблю тебя и почитаю.

Но только покоить сестру святителю пришлось недолго. По приезде его в Новгород сестра пожила только месяц и скончалась. Он сам отпевал ее. И когда, приложившись ко святым иконам, он подошел ко гробу и осенил тело ее прощальным крестным знаменем, ему показалось, будто сестра улыбнулась ему.

Святитель Тихон отличался любовью к детям. Как-то раз случилось, что двое родных братьев из псаломщиков были, по несправед-

ливой клевете, отданы архиереем Воронежским (святитель Тихон был уже тогда на покое) в военную службу и отосланы в далекие пограничные места. Святитель ходил однажды за Задонским монастырем, углубленный в духовные размышления. Внезапно он увидел расположившихся в рощице близ монастыря маленьких детей этих сосланных, которые плакали и рыдали.

Увлекаемый состраданием, он подошел к этим детям и расспросил их, почему они плачут. Они отвечали, что плачут потому, что лишились своих родителей. Святитель решил обстоятельно расследовать это дело, нашел донос ложным и приложил все свои старания к тому, чтобы возвратить этих церковников обратно. Он написал письмо архиепископу Новгородскому Гавриилу и послал его с келейником в Петербург. На дело обратили внимание, и церковники были возвращены.

Святитель любил приучать маленьких крестьянских детей ходить к обедне. Из церкви он приглашал их к себе, и толпой шли за ним в его келью бедные и неимущие из крестьян и малые дети. Все они, невзирая на его

архиерейский сан, толпой шли прямо за ним, с радостными лицами входили в зал, где святитель из своих рук оделял их: кому даст по копеечке, кому по куску белого хлеба, а в летнее время, когда поспевали плоды, оделял их яблоками.

Войдя за святителем в его келью, дети положат по три земных поклона и громко произнесут:

– Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе!

– Дети, где Бог наш? – спросит их святитель.

– Бог наш на небеси и на земли, – ответят отчетливо ему дети.

– Вот хорошо, дети, – скажет святитель и начинает гладить рукой всех по головкам и раздавать подарочки.

А дети молятся... Кто побольше, читает Иисусову молитву, а малые, года по три-четыре-пять, кричат что есть силы:

– Господи, помилуй! Господи, пощади! Пресвятая Богородице, спаси нас! Все святии, молитесь Бога о нас!

Так молились в его келье малые молитвенники. Святитель, отечески говоря с

детьми, внушал им скромность, простодушие, незлобие и кротость.

Так жил этот великий человек, который в своих подвигах, при великих дарованиях и мудрости своей, до конца дней являл в себе что-то детское. Над ним сбылись слова Христовы: «Если вы не умалите себя и не будете, как дети, не войдете в Царство Небесное».

Юный пророк Божий Самуил

(Память 20 августа)

Прежде чем в народе израильском появились цари, народом этим управляли судьи. В колене Левиином был человек Елкана, живший в городе Рамасе (впоследствии – Аримафее, откуда произошел Иосиф, погребавший пречистое тело Господа Иисуса Христа). У Елканы было две жены: одна Анна, а другая Феннана. У Феннаны рождались дети, Анна же была бесплодна. Но Елкана любил Анну больше Феннаны, которая за это ненавидела Анну и оскорбляла ее. Бесплодие Анны держало ее в постоянной тоске.

Елкана постоянно ходил с обеими женами на большие праздники в горный город Силом,

где раньше был Иерусалимский храм и кивот Божий. Туда приходили на поклонение все колена Израилевы.

В то время жрецом и судьей израильским был Илий, имевший двух сыновей, Офни и Финееса.

Как-то, во время посещения Силома, Анна особенно скорбела о своем бесчадии. Напрасно утешал ее муж, говоря:

– Не сменю я тебя и на десятерых детей.

Анна не хотела утешиться. Она стремилась излить перед Богом свое горе и, войдя в храм, стала молиться так, как молятся люди редко, когда вся душа сосредоточивается в одном молитвенном порыве:

– Господи Саваоф, если Ты призишь на смирение рабы Твоей, и помянешь меня, и дашь мне, рабе Твоей, родить мальчика, то я отдам его Тебе в дар, чтобы он служил Тебе, Господу Богу, во все дни жизни своей, чтобы он не пил ни вина и ничего пьянственного и чтобы бритва не коснулась никогда головы его.

Так молилась она перед Богом безмолвно, и все росла в ней сила молитвы.

Первосвященник Илий смотрел на уста ее, которые двигались, тогда как голоса и слов из них не вылетало: она молилась сердцем, а Илию показалось, что она пьяна.

– Доколе ты будешь стоять здесь в пьяном виде? – спросил он. – Отойди от места Господня и протрезвись.

– Нет, господин мой, – сказала Анна, которая как бы не чувствовала в ту минуту наносимых ей оскорблений, – я не пьяна, но я исхожу от великой печали. Я не выпила ни вина и никакого другого пьянственного напитка, но я изливаю перед Господом душу мою. Не ругайся над рабой твоей, так как от множества скорби истаяло сердце мое.

– Иди с миром, – отвечал ей Илий под наитием вдохновения свыше, – иди с миром, и Бог Израилев да исполнит всякое прошение твое, о чем ты молишься Ему.

И призрел Господь на смирение Анны, и она родила сына и нарекла имя ему Самуил, что значит «от Бога испрошенный».

Со времени рождения младенца Анна не сопровождала уже своего мужа в Силом, куда он ходил, чтобы приносить Богу свои жертвы

и молитвы и десятину от плодов земли своей. Анна оставалась дома, чтобы выкормить младенца; кормление же грудью у евреев в то время продолжалось по три года, а иногда и больше.

Когда эти годы исполнились, Анна пошла в Силом с мужем, ведя на жертву трех тельцов и неся три меры пшеничной муки. В Силоме мать в храме отдала мальчика первосвященнику Илию и сказала ему:

– Я та жена, которую ты видел здесь три года назад молящейся Богу о разрешении моего неплодия. Господь исполнил мое прошение и дал мне мальчика, отрока этого, которого я просила у Него. Теперь я отдаю его, как обещала, Богу, чтобы он работал Ему во всю жизнь свою.

Так Анна вручила Илию своего сына, а муж ее Елкана передал ему принесенные дары на жертву... Тогда Анна исполнилась духа пророческого и воспела песнь свою, которая часто употребляется в богослужении:

«Вознесися рог мой в Боге моем; широко разверзлись уста мои на врагов моих, ибо я радуюсь о спасении своем и нет столь свято-

го, как Господь; ибо нет другого, кроме Тебя, и нет твердыни, как Бог наш. Не умножайте речей недоуменных; дерзостные слова да не исходят из уст ваших, лук сильных преломляется, а немощный препоясывается силой; сытый работает из-за хлеба, а голодный отдыхает, бесплодная рождаёт семь раз, а многочадная изнемогает; Господь умерщвляет и оживляет, низводит в преисподнюю и возводит; Господь делает нищими и обогащает, унижает и возвышает, из праха подьёмлет Он бедного, из брения возвышает нищего, досаждая его с вельможами. Стопы святых Своих он блюдет, а беззакония во тьме исчезают; ибо не силою крепок человек. Господь сотрет препирающихся с Ним. Да не хвалится мудрый мудростию своею, и да не хвалится сильный силою своею, и да не хвалится богатый богатством своим, не желающие хвалиться да хвалятся тем, что разумеют и знают Господа».

По принесении благодарных жертв своих и молитв Елкана и Анна возвратились в дом свой, оставив у Илиа жертву во имя Божие – трехлетнего Самуила.

Мальчик воспитывался при храме Господ-

нем, учился грамоте и служению перед святыней Божией.

Мать часто приходила с дарами к Богу, приносила сыну своему одеяние и радовалась, видя, что сын ее возрастает и в белой льняной ризе служит Господнему храму. Первосвященник Илий отличал его, замечая его усердие к служению и провидя в нем Божие дарование. Он благословил родителей Самуила, сказав:

– Да воздаст вам Господь за сей живой дар, который вы даровали Богу.

После принесения и посвящения Богу в жертву Самуила Анна стала рождать сыновей и дочерей, а Самуил возрастал телом и разумом, угодный Богу, любезный людям.

Дети Илия, Офни и Финеес, вели себя плохо. Они утесняли народ, присваивали себе лучшие части жертв, приносимых богомольцами. И Господь через юного Самуила предостерег их отца.

Однажды ночью – Самуилу было в то время двенадцать лет – Илий почивал в сенях при храме Господнем, на своем особом месте, а Самуил – в самой церкви, где он поддержи-

вал огонь в неугасимых светильниках. Изнутри заветы раздался голос:

– Самуил, Самуил...

Мальчик проснулся и сказал, подбегая к Илию:

– Я здесь, ты звал меня?

– Я тебя не звал, – отвечал первосвященник, – возвратись, чадо, и спи.

Самуил уснул, а Господь вторицей воззвал:

– Самуил, Самуил...

Снова подбежал Самуил к Илию, и тот снова отпустил его. (Самуил в то время еще не знал голоса Господня, потому что не имел он Божия откровения.) И в третий раз раздался голос, и в третий раз подбежал Самуил к Илию. И понял тогда Илий, что Господь призывает отрока, и сказал ему:

– Вернись, чадо, на твое место и спи. И если голос раздастся, призывающий тебя, отвечай голосу: «Говори, Господи: слышит раб Твой».

Самуил вернулся и уснул на своем месте, и пришел Господь, стал близ него и позвал его, как в первый, во второй и в третий раз, говоря:

– Самуил, Самуил!

Самуил поднялся тогда и воскликнул:

– Говори, Господи, ибо слышит раб Твой!

Господь возвестил отроку, что Он взыщет на Илии беззакония сыновей его – начнет и скончает отмщение зато, что он знал, что сыновья злословили Бога, и не наказал их...

С трепетом выслушал волю Божию Самуил и, когда окончилось явление Господа, уснул и спал до утра. Встав наутро и отворив двери храма Господня, не смел он рассказать видения своего первосвященнику Илию и только по заклитии Илия рассказал ему все, что слышал.

А Самуил день ото дня возрастал и укреплялся духом, и умножалась благодать Божия в нем, ибо Господь был с ним и в устах его были пророческие слова. И ни единый его глагол не оставался неисполненным. И поняли все люди израильские, что Самуил есть великий пророк Господень.

В конце дней своих пророк Самуил, по воле Божией, помазал на царство Саула из племени Вениаминова.

Когда же Саул развратился и злыми дела-

ми своими прогневал Господа, Самуил, по повелению Господа, помазал юного Давида из Вифлеема, сына Иессеева.

После этого последнего дела своей жизни он отошел в свой дом на родине, в Аримафее, и в глубокой старости уснул сном смерти.

Святая мученица Васса и сыновья ее Феогний, Агапит и Пист

(Память 21 августа)

В городе Едессе (недалеко от Палестины) в царствование гонителя христиан, императора римского Максимиана, жила жена идольского жреца Валерия – Васса. Сама она была христианка, наученная родителями и дедами своими. И детей своих она воспитывала в христианском благочестии.

Тяжела была жизнь христианок, которые были замужем за язычниками и не могли, в единении со своей семьей, наслаждаться величайшим душевным сокровищем веры. Некоторые из тогдашних христиан таили от мужей или жен, находившихся в язычестве, свою христианскую веру. Другие безбоязнен-

но исповедовали ее и бывали предаваемы ближайшими людьми властям-гонителям.

Муж-жрец донес на Вассу, и она была заключена в темницу. Величайшей радостью в этом испытании было для нее то, что с ней вместе были схвачены и засажены трое ее сыновей. Какими неотступными мольбами молилась она Господу, чтобы Он в страдании ее, которого она ждала и которое она предчувствовала, не разлучал ее с детьми, чтобы она, умирая, имела уверенность, что встретится с ними после смерти в Царствии Божиим.

Смерть за Христа с детьми казалась ей верховным счастьем, которое она трепетно и неотступно вымаливала у Бога. И вот, в темнице, переживая с детьми последние часы единения, христианская мать заклинала их потерпеть кратковременные муки, чтобы в небе воцариться со Христом. Она говорила им, что чудной силой Христовой люди, решившиеся принять мученические страдания, часто терпят их как будто в чужом теле, сознавая жестокость мук, но не ощущая их. Она говорила о необычайной сладости, которую будет переживать их душа во время пыток, от

сознания верности Христу. Она рисовала им торжество их вступления в райские обители, когда сияющий снегом Христос пойдет к ним навстречу, протягивая им с Божественной улыбкой прободенные за них на кресте руки...

Она говорила им о том, как с высокого неба, окруженный сонмом бесплотных духов и великих, прежде них пострадавших мучеников, Христос взирает на их подвиги, ожидая того, что они останутся Ему верны и всенародно скажут твердо:

– Пытайте нас – мы христиане и не отступим от нашего Христа.

И час страшных пыток настал.

Сперва отрока Феогния привязали к высокой перекладине и скребницами строгаали его тело. Потом бичевали второго сына, Агапита, и содрали кожу с его черепа до груди. Мученики смотрели друг на друга, черпая мужество в терпении братьев, и молчали. После двух старших всячески пытали и третьего.

Мать, счастливая мать, то громко благодарила Бога, Который сподобил ее видеть страдания ее сыновей, то поддерживала их муже-

ство. Победа была куплена, страдания кончены, юноши были казнены мечом – новые звезды занялись в небе духовном.

Неизреченна была радость матери, которая предпослала ко Христу своих милых детей. Что ей были теперь темные тюрьмы, тяжелые звенящие оковы, голод, которым ее морили. Сердце ее было полно такого ликования! Душа ее словно уже унеслась за детьми в небесные обители, так что все, что она терпела, шло как будто мимо нее, не затрагивая ее. Мучителю не удалось уморить ее голодом: Ангел приносил ей невидимо пииту и укреплял ее на продолжение мук.

Мучитель послал ее в другое место. Там принуждали ее принести жертву богам, но она не покорилась. Над ней изощряли свою жестокость: сперва бросили ее в воду – она осталась цела; ввергли ее в огонь велели побить камнями. Но во всех муках она оставалась невредимой. Введенная в идольское капище, она схватилась за кумира верховного бога – Юпитера, свалила его на землю и разбила. Тогда ее бросили на съедение зверям. Звери к ней не прикоснулись... С корабля, с

привязанным на шею камнем, ее потопили в море далеко от берега, но все видели, как три светлых мужа, сияющие ярче солнца, вывели ее на корабль и на простор. И через несколько дней она явилась воинам на острове Геллеспонтском.

Македонский игемон Филипп, мучивший ее, послал ее к начальнику Геллеспонтского округа, чтобы схватить праведницу и принудить ее принести жертву богам. Ее пытали, связывали назад руки и ударяли страшными ударами по всему телу. Наконец, отсекали ей голову.

Душа ее радостно понеслась на соединение с ее тремя детьми-мучениками...

Детство и юность преподобного Авраамия Смоленского

(Память 21 августа)

Одним из молитвенников земли Смоленской является преподобный Авраамий, мощи которого почивают в самом городе. Высокоподвижническая жизнь преподобного Авраамия Смоленского была полна великих огорчений. Враги не оставляли его в покое, жестоко на него клеветали, возводили на него дикие обвинения. Им давали веру, а праведника судили, и не раз ему пришлось переходить с места на место.

Бог явил его святость.

Когда однажды, под давлением врагов, епископ Игнатий запретил ему священнослужение, на Смоленский край напала страшная засуха, которая не прекращалась, несмотря на усердные молитвы народа. Тогда поняли, что Бог послал эту кару за осуждение невинного Авраамия. Епископ просил его отслужить молебен о дожде, и немедленно небо разрешилось дождем. Преподобный Авра-

амий почил в первой четверти тринадцатого века.

Рождение преподобного Авраамия было плодом молитв его родителей, великой милостью Божией. До Авраамия у матери его родились три дочери. Это опечалило обоих супругов, и они приносили Богу постоянные моления, ходили по церквам, щедро раздавали бедным богатую милостыню, чтобы только родился у них сын.

Он был рано отмечен Божиим избранием. Еще до его рождения одной праведной инокине было относительно его такое видение...

После заутрени, на воскресенье, она уснула. И ей казалось, что кто-то постучал в дверь ее кельи и позвал ее: «Скорей вставай и иди к Марии. Она родила ребенка, которого ты будешь восприемницей...» Сон продолжался. Монахине казалось, что она встала и отправилась в дом Марии и увидела там многочисленных священников в светлых ризах, которые погружали ребенка в купель крещения, а около стояла некая пресветлая Жена и держала в руках белую одежду, подобную снегу... Слуги спросили Ее: «Кому, Госпожа, велишь

ты отдать этого ребенка?..» Светлая Жена велела поднести его к Себе, покрыла его белой снегоподобной одеждой и передала матери.

Это видение свое инокиня передала Марии.

Рождение Авраамия было чрезвычайно радостным событием для его родителей. Крестив его, они стали его воспитывать в благочестии. Когда пришел соответствующий возраст, отдали его учиться.

Он вскоре привык разуметь Писание: благодать, бывшая на нем, вразумляла его иставляла к пониманию того, что ему преподавали учителя. И в отроческих годах у него был смысл мужа. Он не приставал к детским играм своих сверстников. Мальчик вместо того любил ходить на церковные богослужения или погружаться в книги и усваивал в сердце своем слова Господа, ведущие ко спасению.

Вот уже Авраамий вырос... Он выделялся красотой своей. Родители склоняли его к браку. Но он хотел оставаться непорочным и не связывать себя брачным состоянием и житейским попечением.

Когда родители умерли, он роздал по церк-

вам, монастырям и нищим оставшееся после них имущество, а сам решил вступить на трудный путь отречения.

Он надел на себя рубище, стал нищим и юродствовал, посмеиваясь над прелестями мира... День и ночь молил он Бога показать ему, каким образом и какими путями дойти до спасения, и часто повторял со вздохом изречение царя Давида: «Скажи мне, Господи, путь, воньже пойду».

По внушению Божию он принял иночество и достиг высочайших ступеней духовной жизни.

Святая мученица Евлалия-девица

(Память 22 августа)

Неподалеку от одного из городов Испании жила девица Евлалия, дочь христианских родителей.

Она от младенческих лет возлюбила Христа и сама была любима родителями за кротость, смирение и разум не по летам. Она любила читать Священное Писание и мечтала всю жизнь свою остаться девой.

Временами любовь ее ко Христу искала себе исхода в каком-нибудь подвиге. И вся душа ее трепетала, когда она слышала рассказы о том, как такие же, как она, юные девы всенародно исповедовали Христа и принимали за Него муки от лютых мучителей.

Времена тогда были тяжелые, и христиан преследовали и часто предавали мучительной смерти.

Евлалии шел шестнадцатый год. В соседнем городе игемон Декиан стал принуждать христиан приносить жертвы идолам.

Когда Евлалия услышала об этом, она приняла этот слух за призыв Божий. Никому ни-

чего не сказала она о своем намерении. Но, затворившись у себя в покойнике, она в вос-
торге стала молиться:

– Благодарю Тебя, Господи, что Ты подаешь мне то, о чем я мечтала. Верю, что Твоей помощью исполнится желание сердца моего.

Отец, проходивший в это время мимо комнаты ее, услышал эту молитву и спросил ее, о чем она радуется. Но она не хотела открыть своей тайны: она боялась, что родители, по великой любви своей к ней, помешают ей идти на подвиг и не дадут ей возможности исполнить ее заветное желание – пострадать за Христа.

Настала ночь. Все в доме спали. Уже петух прокричал в первый раз. Проведши всю ночь в молитве, Евлалия потихоньку выходила из дому. Вся охваченная своим стремлением, она даже не бросила на дом прощального взгляда, не вспомнила о том, как счастлива была она тут, в своей родной семье.

В тихой молитве, в тихих думах о Христе бесстрашно шла она в ночной темноте в город, не заботясь о том, что каменистая дорога ранила ей ноги, не привыкшие ходить по

жестким камням.

На рассвете достигла она города и, войдя в городские ворота, услышала голос глашатаев, которые призывали народ на площадь. Там, на высоком седалище, восседал игемон Декиан. Со всех сторон его окружали толпы народа. Пробравшись через толпу к самому игемону, Евлалия смело сказала ему:

– Судия несправедный, сидящий на высоком престоле, а не боящийся Того Бога, Который превыше всех! Для того ли сидишь тут, чтобы губить неповинных людей, которых Господь создал по образу и подобию Своему на служение Себе, а ты отвлекаешь их в службу сатане и казнишь!

С изумлением слушал народ эти смелые речи. А игемон спросил:

– Кто ты, дерзнувшая предстать к нам на суд, незваная и бросающая нам в лицо дерзкие слова?

Тщетно игемон, тронутый ее детскими почти годами, уговаривал ее принести жертву богам. Она уже осудила себя на муки.

Евлалию привязали к дереву пытки, имевшему вид креста, и стали строгать железны-

ми гребнями ее невинное юное тело. С нее содрали таким образом всю кожу. Она громко молилась Богу о помощи. Ее стали опалять зажженными свечами. Она пела слова псалма:

«Господь помощник мне, Господь заступник души моей!»

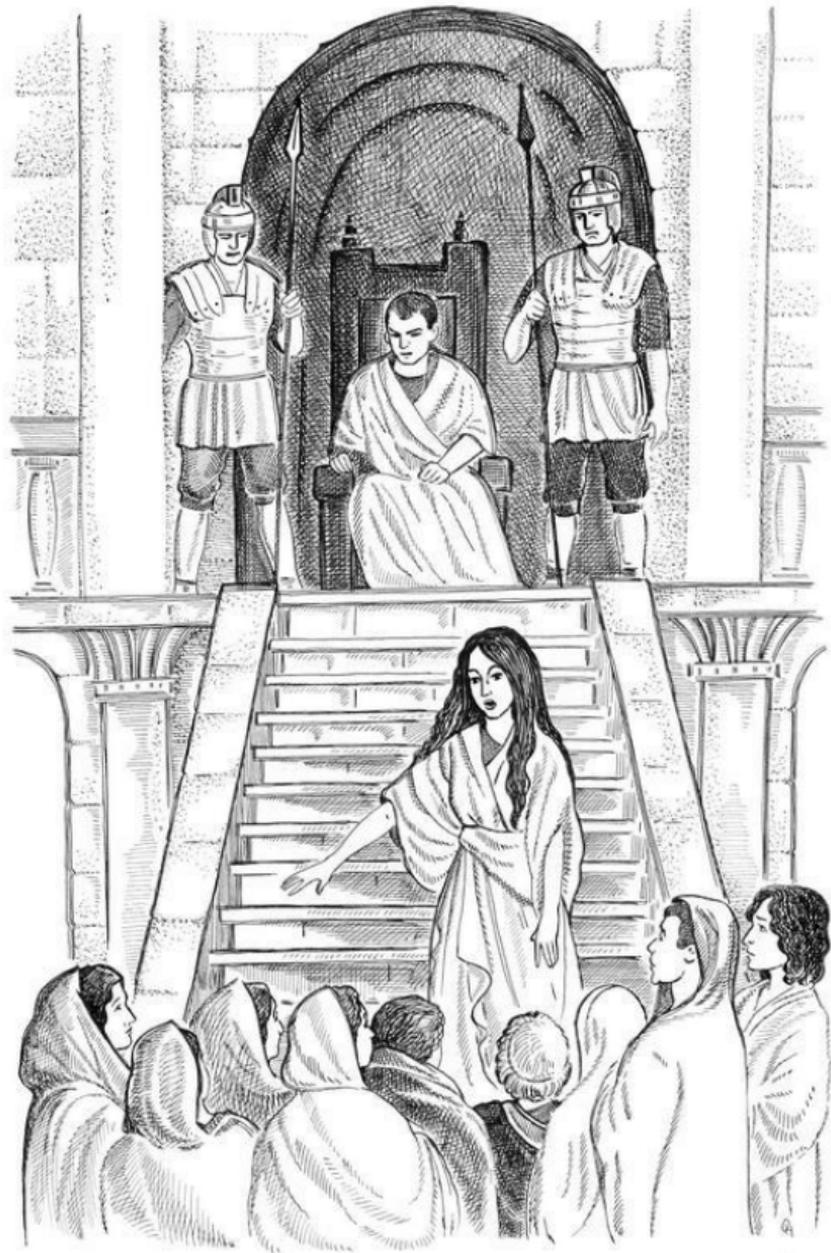
И когда огонь свеч, которыми ее пытали, обратился вдруг на палачей и обжег их лица, в радости перед этим чудом юная мученица стала молиться Господу Иисусу Христу:

– Услыши молитву мою, покажи на мне милосердие Твое и прими меня в покой к избранным Твоим в жизнь вечную!

Так помолилась она и предала свой дух. И в ту минуту видел народ: голубица, белая, как снег, излетела из уст ее и воспарила к небу...

Так совершила страдальческий подвиг свой юная Евлалия-дева, христианка.

Посрамленный мужеством ее, игемон ярости приказал, чтобы никто не смел снимать с креста тела мученицы, пока его не склюют птицы. Когда игемон ушел, внезапно из облака упал снег и окутал честное тело мученицы, как белой одеждой. На стражей напал страх, и они отступили назад, не смея сто-

ять близко...

Между тем, родители, поднявшись поутру и не видя Евлалии, стали искать ее по всему дому. К полудню до них дошел слух, что Евлалия умучена за Христа, и они бросились на площадь, где нашли ее висящей на крестном древе. Обливаясь слезами, они смотрели на тело дочери. Она висела с поникшей головой, с лицом, на котором сияла улыбка, с руками, простертыми крестообразно. Белый снег, как погребальный саван, покрывал ее. Они рыдали и плакали и вместе радовались, что дочь их приняла венец мученичества и вошла в чертог Небесного Жениха.

Приблизиться к телу дочери они не могли, так как этого не позволяли служащие. Но на третий день несколько благочестивых мужей, пользуясь ночной темнотой, выкрали святые мощи мученицы и в присутствии родителей обернули их чистой плащаницей.

Один из них, Феликс, тоже впоследствии принявший муку за Христа, взирая на лицо мученицы, радостно воскликнул:

– Госпожа Евлалия, ты прежде нас сподобилась принять мученический венец...

И когда Феликс произнес это приветствие, на лице девицы, умученной три дня назад, появилась радостная улыбка...

Сентябрь

Мамант-отрок, мученик и великий чудотворец

(Память 2 сентября)

Родители Маманта, Феодот и Руфина, происходили из старого боярского рода, были славны и богаты.

Блаженная Руфина ожидала рождения первенца, когда они с мужем были схвачены одним из гонителей христианских и ввержены в темницу.

Феодот знал суровость мучителя и немощь своего тела. Он не хотел изменить Христу, но и страшился того, что не вынесет страшных мук. И он помолился Господу Богу искренней молитвой:

– Господи Боже сил, Тебя я благословляю и прославляю за то, что Ты сподобил меня ради имени Твоего быть вверженну в эту темницу. Но молю Тебя, Господи, прими душу мою из

уз этих, видя немощь мою, чтобы не похвалялся враг мой надо мной.

И Господь, создавший сердца наши и ведающий силы наши, услышал верного раба Своего и подал ему блаженную кончину. Призвал из темницы душу его и вселил в светлые обители небесные.

Объятая великой печалью о смерти мужа, Руфина перед трупом его рыдала и со слезами взывала к Богу:

– Господи, Ты, создавший человека и сотворивший от ребра его жену его Еву, повели мне идти тем путем, каким пошел муж мой. Прими меня в вечные обители Твои и Сам воспитай, как ведаешь, родившееся чадо. Будь ему отцом и матерью и хранителем жизни его.

Так вопияла в печали к Богу преданная жена, и Господь внял ее молитве, и она вознеслась в вечные обители, предав дух свой в руки Божии...

В городе Кесарии, где происходили эти события, была благородная, благочестивая и очень богатая жена по имени Аммия. Господь возвестил ей в ночном видении, чтобы она

выпросила у властей тела мучеников, умерших в темнице, и воспитала как сына их ребенка.

С честью погребла Аммия в своем винограднике тела Феодота и Руфины, которые она нашла на полу в темнице, лежащие рядом. Она взяла с собой только что родившегося младенца, который сидел спокойно при телах родителей со светлым и веселым лицом. Взятый ею младенец не говорил в течение пяти лет и сказал свое первое слово ко второй своей матери, закричав ей: «Мама...» Вот почему и пошло ему прозвище Мамант.

Юный отрок обнаружил необыкновенные способности в учении. Сам ревностный христианин, он проповедовал христианство среди своих школьных товарищей. Учил их поклоняться Единому истинному Богу и Христу.

Когда в Кесарии новым игомом было воздвигнуто гонение на христиан, ему было донесено, что знатный отрок Мамант развращает своих товарищей и учит их христианской вере.

Маманту шел тогда пятнадцатый год, и он только что схоронил вторую мать свою Ам-

мию, которая умерла, оставив его наследником своих больших богатств.

Призванный к игемону, Мамант бесстрашно исповедовал себя христианином и смело заметил игемону, что он не имеет права прикоснуться к нему, так как он происходит из знатного сенаторского рода. Игемон убедился в том, что действительно Мамант – потомок знатного римского вельможи и что его воспитала знаменитая Аммия, сделавшая его наследником своих богатств.

Тогда игемон, заковав отрока в оковы, послал его к царю Аврелиану. И вот отрок – исповедник имени Христова – перед императором. Тщетно старается ласкательствами и богатством привлечь император юношу, обещая взять его в свой дворец, осыпать милостями и почестями. Предложения отвергнуты, и начинаются пытки.

Тело опаляют кипящими смолой факелами, но пламя кидается на лица палачей. На него бросают град камней, но камни падают на тело, как мягкие благовонные цветы. С грузом на шее его бросают в море, но Ангел Господень, блистая, как молния, является пала-

чам, готовым совершить казнь, и палачи разбегаются, а Ангел на руках своих возносит святого отрока на гору высокую в пустыню и приказывает ему там жить.

Начинаются чудные дни, и открываются дивные вещи.

Сорок дней и сорок ночей Мамант постится на этой горе, и, как новому Моисею, ему дается в руки новый закон, ибо с неба сходит к нему глас Божий и жезл. Взяв в руки жезл, он, по повелению гласа, ударяет жезлом в землю и принимает в руки свои из недр земли Евангелие. Создав малую часовню, отрок в ней молится и читает чудным образом полученное Евангелие.

По повелению Божию к нему со всей пустыни приходят звери, как овцы к пастырю, и по глаголу уст его ласкаются к нему и повинуются ему. Пищей ему служит молоко диких зверей. Он их доит, делает из молока сыр не только для себя, но и для нищих. Накопив сыру, он носит его в город и раздает нищим.

Слух о необыкновенной жизни отрока доходит до нового игемона, который посылает на гору отряд солдат схватить Божия отрока.

Всходя на гору, солдаты встретили самого Маманта, который спрашивает их, кого они ищут. Они думают, что он пастух, и отвечают ему:

– Ищем Маманта, который живет где-то в этой пустыне. Не знаешь ли ты, где он?

– А зачем ищете? – спрашивает Мамант.

– Игемону донесли на него, что он волхв. Он послал нас схватить его, чтобы предать мукам.

– Хорошо, я вам укажу его, только зайдите раньше в мою хижину, отдохните и подкрепитесь пищей.

В хижине отрок предложил солдатам свои сыры, и, пока они ели, к Маманту стали сходиться, по обычаю своему, лани и дикие дойные козы. Надоив молока, он поставил его перед воинами, а сам стал молиться. И в это время стали всходить на гору дикие звери. Воины бросились к мученику, а он просил их не бояться и открыл им, что он тот самый Мамант, которого они ищут. Воины просили его, чтобы он запретил зверям нападать на них. Мамант обещал им полную безопасность и велел идти к игемону, уверяя их, что вслед за

ними придет и он сам.

И вот новое исповедание и новые муки...

Опять строгают ему тело железными когтями. Но даже мускул не дрогнул на лице его. Тверд был взгляд очей его, поднятых к небу, откуда он ждал себе помощи. И во время мук прозвучал с неба голос:

– Крепись и мужайся, Мамант.

Вскоре после пытки его бросили в темницу, где было еще сорок человек. Когда все изнемогли от голода и жажды, святой отрок помолился, и в темницу влетел голубь, неся в устах пищу чудную, сладчайшую меда. Он положил ее перед Мамантом и вылетел вон. Пища эта великим знамением умножилась, как некогда в руках Христа умножилось в пустыне для народа небольшое количество имевшегося хлеба.

В полночь, по молитве святого, двери темницы отверзлись, и все заключенные вышли из нее. Остался только один святой Мамант.

Наутро его бросили в раскаленную печь, но после трех дней он был найден в ней невредимым. Тогда стали выпускать на него зверей... Но голодная медведица, выпущен-

ная на него, спокойно улеглась у его ног, обнимая их своими лапами. Лютый леопард быстрым скачком положил лапы свои на плечи ему и языком ласково лизал пот его тела.

В это время громадный лев, последовавший за мучеником из пустыни и оставшийся по повелению его вне города, вторгся в цирк и, чудным образом получив на мгновение дар слова, возгласил: «Ты – мой пастырь, который пас меня на горе». И стал терзать язычников, находившихся на площади. Сам игемон еле спасся от ярости льва. Лев успокоился только тогда, когда мученик велел ему бежать обратно в пустыню.

Язычники скрежетали зубами от гнева и требовали от игемона, чтобы волхв и кудесник побит был камнями. В невыразимой ярости один из жрецов ударил трезубцем по чреву святого. Кишки его вывалились наружу, и мученик взял их, поддерживая руками, и пошел за город, неся их. Вода текла из него вместо крови, и одна христианка собирала эту кровь.

Для святого это была последняя мука. Отрок в недалеком расстоянии от города вошел

в каменную пещеру и остановился в ней. И был тогда с неба глас, призывавший его в горные селения, и он с радостью отдал дух свой в руки Господа своего, за Которого так усердно пострадал.

Так принял венец мучения Мамант-отрок.

Из детства пророка Моисея

(Память 4 сентября)

От древнего Иакова, переселившегося к сыну своему Иосифу в землю египетскую со своими сыновьями, произошло многочисленное потомство, быстро размножавшееся. Наконец, число потомков Иакова в земле египетской стало так многочисленно, что во время войн евреи могли выставлять до шестисот тысяч мужей.

Египетские фараоны опасались, что евреи могут войти в соглашение с их врагами и причинить им немало хлопот. Они стали всячески подавлять евреев и томить их изнурительными работами. Больше для удовлетворения своего тщеславия, чем для пользы народа, фараоны воздвигли руками евреев те громадные здания в городах и пирамиды в

пустынях, которые составляют поныне удивление человечества. Однако и при тяжких трудах размножение евреев не прекратилось, и фараоны приказали повивальным бабкам египетским убивать еврейских младенцев мужского пола. Но бабки уклонялись от этого приказания. Тогда фараоны приказали, чтобы всякий египтянин, встретивший еврейского мальчика, бросал его в реку.

В это время жил в Египте еврей из колена Левиина по имени Авраам. Он имел уже детей, Аарона и Мариам, когда у него родился второй сын. В течение трех месяцев мать скрывала его, а потом для спасения его придумала такую уловку: она положила мальчика в осмоленную корзинку и пустила эту корзинку в поросшее тростником место у излучины реки, там, куда ходила обыкновенно купаться дочь фараона. Молодая Мариам, сестра новорожденного, была поставлена матерью наблюдать, что будет.

Вот фараонова дочь пришла к реке, услышала плач ребенка, увидела тихо колыхавшуюся на поверхности корзинку и послала прислужниц достать ее. Вид красивого ребенка,

плакавшего в корзине, возбудил в девушке большую жалость, и она захотела взять его на воспитание. Надо было достать ему вместо матери кормилицу. Мальчик плакал, не принимая груди ни одной из евреек, которых к нему приводили, пока Мариам не привела к нему его матери.

Таким образом, родной сын был отдан на вскормление своей матери. Выкормив его, она принесла ребенка к дочери фараона, и та оставила его у себя и назвала его Моисеем, что значит «взятый из воды».

Царевна была привязана к прекрасному мальчику, который выказывал большие дарования.

Однажды она принесла его к своему отцу. Фараон, любуясь младенцем, возложил на него свой венец, украшенный различными языческими изображениями. Но мальчик несколько им не восхищался, а сняв его с себя, швырнул его на землю. Жрецы дали этому поступку младенца роковое значение: будто бы это значит, что младенец впоследствии похитит у царя престол. Поэтому они советовали немедленно удалить мальчика, но некоторые

из жалости старались объяснить этот поступок невинным неведением ребенка. В доказательство же того, что он мог это сделать без умысла, они принесли горячий уголь, и мальчик, схватив уголь, положил его к себе в уста и повредил себе язык, потому он всю жизнь остался косноязычным. Это спасло Моисея.

При царском дворце мальчик был превосходно обучен жрецами всем наукам, которые в то время были известны в Египте. Блестящие дарования заслужили ему всеобщее уважение и доверие царя. Фараон предоставил ему главное начальство над войском в войне с Эфиопией. Дело кончилось успешно. Но почести, которые воздал ему за его победу народ, внушили царю зависть к Моисею и зло на него. Сам же Моисей скучал при языческом дворе. Ему хотелось жить среди своих соплеменников. Он добровольно удалился из Египта в землю Мадиамскую, откуда и был вызван Богом, чтобы вывести евреев из Египта для владения землей обетованной.

Детство Иоакима Горленко, будущего святителя Белгородского, Иоасафа

(Память 4 сентября)

Выходец из знатной и богатой малорусской семьи, занимавшей видные служебные места, родной внук по матери малорусского гетмана Даниила Апостола, святитель Иоасаф, старший сын своего отца, отказался от ждавшей его судьбы – привольной и богатой жизни, служебных отличий и почестей – для того, чтобы в иноческом образе служить Христу.

Тихо прошли детские годы Иоакима. Вероятно, уже тогда начинал он подвижничать: то потихоньку старается недоедать за обедом, то ускользнет от шума большого семейного жилья, заберется в чащу леса, молится, зовет к себе Бога.

По крайней мере, о последующей поре его жизни рассказывают так: подрастающим юношей приезжал он домой. Родители его давали иногда пиры со множеством гостей. На серебряных блюдах разодетые гайдуки обносили дорогие кушанья, а в углу громадной

комнаты задумчиво сидел Иоаким и ел хлебные корки. На некотором расстоянии от Прилук лежит одно из бывших горленковских имений, Замостье, принадлежащее теперь За-кревским. В саду, сбегаящем к живописной реке Удаю, сохранились развалины небольшой каменной часовни, в которой подолгу молился Иоаким Горленко.

Одно таинственное событие приподымает несколько завесу, которой окутано навсегда его детство.

По 9-му году родители отправили старшего сына учиться в Киев. Через несколько времени отец его сидел как-то вечером на крыльце своего дома. Думал о будущем сына, прикидывал, как бы вернее обеспечить за ним должность полковника прилуцкого... Вдруг видит он, точно небо раскрылось в высоте. Стоит там на коленях сын его, а перед сыном Та, в Которой сердце его с трепетом узнало Царицу небес, и говорит Богоматерь мальчику: «Довлеет Ми молитва твоя». И тут двое Ангелов слетели к коленопреклоненному Иоакиму и накинули на него архиерейскую мантию. Отец понял, что сыну его предстоят монаше-

ство и архиерейство, спросил Богоматерь: «А нам, Царица, кого оставляешь?» Но ответа не было. Светозарное видение погасло. Небо закрылось над этим проблеском будущего, и Андрей Дмитриевич очутился опять один на крыльце. Он пошел к жене поскорей рассказать ей о случившемся, но по дороге все забыл.

Значит, были уже тогда эти молитвы, которые Богоматерь принимала с благоволением от восьмилетнего подвижника.

Годы учения, воспоминания Киево-Печерской лавры, предания прошлого, цепь чудес, из которой сплетена ее история, – как бы живой, спустившийся на землю кусок неба; густой звук ее колоколов; мрак ее пещер; повесть о людях, распявших себя Христа ради и в вольных муках нашедших бессмертие; веющий над лаврой образ Девы, таинственной ее Игуменьи; волны народа, приходящего сюда, чтобы ощутить душой этот сияющий здесь отблеск вечного Града и покойнее ждать потом конца земного изгнания...

Обступают чуткую душу лики заживо схронивших себя в пещерах людей. Слагается

решимость их вере подражать, на крестном пути искать счастья.

И вот Иоасаф первый год иночества не ел вареной пищи. «Сестрица, – признался он перед смертью любимой сестре своей, – слишком большая строгость вначале мне века не дает дожить».

Он жил своей жизнью. Особый мир, великие воспоминания, захватывающие душу. Особые люди, столь отличные от обыкновенных людей. Пусть они невидимы глазом, все равно слышат, отвечают.

С 11 лет Иоаким начал мечтать о монашестве. Когда по 19-му году он заговорил о том с родителями, им были тяжелы эти разговоры. Спорить он не хотел и решил действовать тайно. 20 лет от роду в пещере Межигорского монастыря принял он рясофор с именем Иоасаф. Это имя того индийского царевича, который, ради подвига иноческого, оставил царство.

Первый год искуса Иоасаф скрывал от родителей, что он живет в Межигорье. Оставленный им в Киеве доверенный слуга получал письма родителей и отвозил в Киев пись-

ма молодого «панича». Уже став Иоасафом, сын послал родителям откровенную весть о себе. Они долго тужили, но пришлось примириться.

Святитель Иоасаф почил 10 декабря 1754 года, 49 лет от роду.

Юный праведник преподобный Иоасаф Кубенский, князь Заозерский

(Память 10 сентября)

Князь Заозерский Андрей Дмитриевич родился в 1436 году и приходился родным внуком великому князю Московскому Василию Васильевичу Темному, а по матери своей был потомком знаменитых князей Ярославских.

Благочестие наследовал княжич Андрей от своего отца. Отец его близко знал преподобного Дионисия Глушицкого. По усердию князя к монашеству, преподобный в его области основал обитель Глушицкую и Куштскую.

Князь Андрей был ребенок, вымоленный родителями, и, как многие такие дети, с дет-

ства отличался особым благочестивым настроением.

То были тяжелые времена – времена частых голодовок, моровых поветрий, разных набегов, в которых татары разоряли города и села. В один из таких набегов и погиб князь Андрей, вскоре скончалась и княгиня Мария, и княжич Андрей, которому было двенадцать лет, остался сиротой с большим богатством, как единственный сын.

Когда думаешь о той обстановке, в которой прошло детство княжича Андрея, представляешь себе тихий терем, княгиню Марию, сидящую в креслах, а около, на скамеечке, – княжича Андрея, которого она держит за руку... Какой-нибудь странник или инок мерным голосом рассказывает о подвигах святых, об иноках, которым в северной Руси положил начало преподобный Сергей Радонежский и которые от него стали распространяться по пустыням и дебрям нашего севера.

И те люди, о которых рассказывает инок, больше привлекают, поражают воображение княжича, чем люди его положения, князя в венцах с соболиными опушками, в дорогих

парчовых одеждах. Святее кажется ему рубище отшельников, и больше пиров манит его сухой хлеб да студеная вода из ручья, которыми питались они в своей почти бесплотной жизни. Внезапная смерть родителей указала юному княжичу, куда ему идти и к чему ему стремиться.

Прирожденный монах, он теперь более чем когда-либо чувствовал, что в жизни ему нет иного пути, как монастырь. Он уединился в тихом Спасовом монастыре на острове Каменном, стоявшем посреди громадного озера Кубенского. Когда он стал просить игумена принять его в число братии, игумен страшился исполнить это вследствие его высокого рода. Но князь успокаивал его словами, которые сказал о Себе Христос Спаситель: «Не приидох, да Ми послужат, но да послужу Аз».

Игумен просил только князя, чтобы, приняв на себя иго Христова, он не обертывался вспять. При пострижении князя было наречено ему имя Иоасаф. Иоасаф был индийский царевич, который ради Христа отрекся от царства и был великим подвижником-иноком.

Двенадцатилетний инок Иоасаф изумлял братию своими подвигами. Он постоянно ходил ко всем службам, тут только и видели его братия, так как все остальное время он проводил один, в глубоком молчании.

Отрезанная волнами озера от мира, обитель действительно была уединеннейшим местом, где забывался мир.

Сколько было чудного в этом отроке, охваченном любовью Божественной! Быстро зрела его душа. В короткое время княжич взошел на такую высоту, что в нем стали действовать благодатные дары.

За вольное отречение от своего удела и от мирской славы княжича Андрея, инока Иоасафа, Господь дал ему обетование населить весь этот удел иноками, которые будут подражать ему.

Однажды в своей келье Иоасаф совершал пение псалмов, как вдруг раздался голос свыше: «Мир тебе, возлюбленный угодник Мой, Иоасаф».

– Я раб Твой, – отвечал трепетно отрок, – что обо мне судила, Владыко, благость Твоя?

– Видишь остров сей пустынный? – отве-

чал голос Господень. – Вокруг озера, сколько в долготу его и сколько в широту, ради тебя все Я заполню постниками, славящими имя Мое.

– Господи, – воскликнул Иоасаф, падши на землю, – если всеильна крепкая рука Твоя, если сбывается всякий глагол Твой, молю Твою благость, дай мне уразуметь, откуда придет все для подвизающихся в пустыне.

– Если они сохраняют Мои заповеди, – отвечал голос, – и не будут думать ни о чем житейском, то Я сам обо всем этом промыслю...

Еще живя в теле, юный инок Иоасаф был как бы вне тела. Однажды благодать Божия вознесла его в райские селения, и он созерцал там дивные откровения, насыщался невестественной пищей, и тогда земная пища стала ему еще несносней. Он только раз в неделю, по воскресеньям, после причащения подкреплял себя пищей, затем всю неделю оставался в посте. Ему было семнадцать лет от роду, когда он почувствовал изнеможение...

Тогда призвал он к себе игумена с братией, заклинал их именем Божиим ничего не нарушать из устава обители. Когда ему становилось немного легче, он шел в церковь. На

праздник Рождества Богоматери велел вести себя к алтарю для причащения, вернулся в келью и уже больше не вставал. Мысль о том, что он покинет их, была для братии так тяжела, что они предпочли бы сами умереть вместо него.

Итак, с трепетом смотрели они все, и среди них глубокие старцы, на медленное угасание того юноши, который мальчишкой пять лет назад вступил к ним в обитель и за эти пять лет всех их превзошел своими подвигами, так что мог бы быть теперь учителем каждому из них. Все подходили к нему по очереди прощаться, и всех он обнимал и благословлял, как отец своих детей, прося их молиться за него.

Во время чтения молитвы на исход души он внезапно поднялся, подал игумену кадильницу. При том, склонив колени, он стал молиться Пречистой Матери Божией, чтобы Она за него и за братию обители была ходатаица к Своему Сыну. Он поминал всех родственных князей и княгинь, всех православных христиан и потом, возлегши на смертное ложе, просил братию молиться и сам шептал молитву,

когда его душа воспарила в горние селения.

Так перешел он к Тому Богу, Которого одного любил от первых сознательных дней своих и к Которому Единому стремился. Лицо его в час кончины просияло светом. Это было десятого сентября 1453 года.

Тело князя-подвижника было отнесено в церковь, но гроб оставался поверх земли, так как от мощей его текли исцеления.

Святые великомученицы Вера, Надежда, Любовь и мать их София

(Память 17 сентября)

Эта мать представляет знаменательный пример единения в вере родителей и детей и утешительный пример христианской стойкости. Имена их столь распространены в русском быту, называя собой те три верховных христианских чувства – веру, надежду, любовь, сочетание которых образует Софию – премудрость христианскую.

В царствование гонителя христиан Адриана, императора римского, в Риме жила вдова София. Овдовев вскоре после рождения млад-

шей дочери, она угождала Богу молитвой, постом и милостыней и воспитывала в вере своих детей.

Прекрасна была жизнь этой маленькой семьи. Девочки рано обучились чтению, любили молиться. То они читали Священное Писание, то занимались домашней работой и женскими рукоделиями.

Слух об их добродетели и выдающейся красоте прошел по всему Риму. И начальник Рима Антиох услышал о них и узнал разом, что они христианки. Он донес на них царю, и София с дочерьми была вытребована к Адриану.

Жарко молилась вдова с дочерьми перед выходом из тихого дома своего на подвиг во имя Христово. Вот они идут по улице Рима, взявшись за руки, как светлый сплетенный венец, и все время действует в них молитва к Тому, Кто повелел не бояться убивающих тело и не могущих убить души. Дойдя до царских палат, они осенили себя крестным знаменем, прося у Бога помощи.

На великолепном престоле, окруженный советниками и стражей с обнаженными секирами, восседал Адриан с разочарованным и

скучающим видом. Отдав императору подобающую честь, вдова с дочерьми бесстрашно стала перед ним. На эту пытку они пришли, словно явились на долгожданный пир... И быть на таком пиру, казалось им, высшая в мире почесть...

Недолго поговорил с ними царь. Подивясь их благородному виду, он послал их на несколько дней к одной вдове, по имени Палладия, а через три дня велел представить их на суд.

Кто перескажет всю ту заботу, которую приложила София к тому, чтобы за эти дни укрепить ревность своих дочерей!

Она говорила им еще и еще о той несказанной муке, которую принял Христос за людей, о том безоблачном счастье, которое ожидает их на небе после кратковременных мук, о том, как Христос взирает на них, ожидая от них великого подвига. Она рисовала им, как все вместе они соединятся у Христа в нескончаемом ликовании... И речи эти падали на добрую почву: дочери Софии определили себя на муку.

И вот настал час суда. Адриан предлагал

девицам всевозможные почести, если они принесут жертвы богам, иначе угрожал им смертью.

– Богу одному кланяемся мы, – отвечали подсудимые, – угрозы твоих не боимся. Нам сладко будет пострадать ради любви нашей ко Христу.

Царь спросил у матери о возрасте детей.

– Первое дитя мое называется Верой, и ей двенадцать лет. Вторая – Надежда, и ей десять лет. Имя третьей – Любовь, ей девять лет.

Подивился царь разуму таких юных девиц и стал по очереди уговаривать их.

Веру он принуждал совершать жертву богине Артемиде и за отказ велел бичевать ее, а потом отрезали ей грудь, и тогда из раны истекло молоко вместо крови. Потом была принесена железная решетка, которую раскалили огнем и в течение двух часов палили на ней мученицу Веру, но она, взывая к Богу своему, не была опалена. Ее бросили в кипящий смолой чан, но и там она чувствовала себя, как в прохладной воде. И, наконец, не зная, что делать с ней, мучитель велел казнить ее мечом.

Услышав этот приговор, Вера в радости воскликнула к матери: «Молись за меня, чтобы не скончалось течение мое. И приду к желанному концу и увижу любимого Господа и Спаса моего».

– Помните, сестры, – сказала она им, – Кому вы обещались верностью и Кому вы себя уневестили! Помните, что мы назменованы святым крестом Господа нашего. Будем же терпеть до конца! Одна мать нас породила. Одна воспитала и учила... Пусть будет у нас и один конец. Идите за мной к ожидающему нас к Себе Жениху!

И девушка обнялась с матерью и сестрами и радостно пошла под меч. Не скорбела мать о кончине ее, ибо любовь к Богу победила в ней сердечную печаль и тоску по детям. Боялась она только одного: чтобы не изменил кто-нибудь из ее дочерей Богу. Вере она говорила:

– Все, что я вытерпела ради тебя, – все ты мне воздала, пролив за Христа твою кровь. Иди же, возлюбленная дочь моя, обогреть кровью своей, словно одетая в багряницу. Явись перед очами Жениха своего и помяни

перед Ним меня, убогую мать твою, и помолись о сестрах твоих, чтоб сошло на них то мученическое терпение, которое показала и ты.

И, склонив голову, мученица Вера была усечена мечом. А мать обняла многострадальное тело ее, славя Христа Бога, принявшего дочь ее Веру в небесный чертог.

Не мог сокрушить мучитель твердости также и второй сестры, Надежды.

Ее бичевали, скоблили с нее тело железными когтями, и тогда от потоков истекавшей от нее крови шло чудесное благоухание.

Со светлым лицом, сиявшим благодатью Святого Духа, она смотрела на мучителя и говорила ему: «Вот ты не можешь победить малую отроковицу, а я принимаю страдания, как райскую сладость». Тогда ее бросили в котел с кипящей смолой. Котел растопился, и смола обожгла палачей. Наконец, и ее император велел казнить мечом. Радостно кинулась она в объятия матери, обняла сестру, подошла к замученной Вере и бесстрашно преклонила молодую голову под меч.

Осталась девятилетняя Любовь.

Все силы убеждения своего употреблял мучитель, чтобы она исполнила его волю, а потом стал изощрять на ней свою жестокость. Ее тело вытягивали на кресте, ударяя ее в это время жезлом, и члены рук и ног выходили из суставов. От ударов текла с тела кровь, и земля под ней напоялась кровью отроковицы, как от дождя.

– Произнеси только: «Велика богиня Артемиды», и я отпущу тебя, – взывал мучитель.

– Велик Господь мой Иисус Христос, – был ответ мученицы.

Тогда ее подвели к раскаленной печи, и она сама вбежала в нее и ходила в ней, как в прохладном месте; пламя, вырывавшееся из печи, стало опалять народ и самого царя, который спасся бегством.

Стали сверлом провертывать тело мученицы, но Господь укреплял ее, и мучители были посрамлены. Страдая от ожогов, император осудил Любовь на казнь, и она прославила Бога за то, что Он дал ей пострадать за Него вместе со своими сестрами.

А все время страдания ее мать укрепляла ее своими молитвами. И по совершении каз-

ни ее мужественная София соединила тела Веры, Надежды и Любви и на колеснице отвезла их за город и схоронила их на высоком месте.

Три дня провела она у гроба их, восхваляя и благодаря Бога, и уснула в Господе сном смерти, погребенная верными вместе со своими дочерьми. Вместе унаследовала она с ними и Царство Небесное: не телом, а своим сердцем в дочерях своих она пострадала за Христа.

Так скончала мудрая премудростью София жизнь свою, принеся Троице в дар трех дочерей своих – Веру, Надежду и Любовь.

О святая и праведная София, какая из жен так спаслась через чадородие, как ты, родившая таких детей, которых уневестила Спасу и которые, пострадав за Него, с Ним теперь царствуют и прославляются!.. Смотри на лютые муки и смерть любезных чад твоих, ты подавила в себе естественное страдание за них как мать, но радовалась и сама молила их, чтобы они не щадили для Христа временной жизни своей!..

Семья мучеников (дивная судьба детей Евстафия Плакиды)

(Память 20 сентября)

Эти чудные события развернулись в конце первого и в начале второго веков христианской эры.

Плакида был знаменитый воевода императоров Тита и Траяна. Он был одним из тех язычников, которые, еще не зная истины христианской, ведут жизнь добродетельную: накормить голодного, прикрыть одеждой нагого, помочь бедствующему, выкупить из темницы неоплатного должника – вот какие радости влекли к себе Плакиду.

Он жаждал красоты. Душа его старалась подольше быть сам-друг с природой, наслаждаясь ее неизменной и вечно обновляющейся красотой. И тут порой, забыв захватывающее увлечение охоты, он становился задумчивым, точно душа его жаждала, искала чего-то, чего он назвать еще не мог: сам того не зная, он тоской тосковал по неведомому, но чуждому Богу...

Как-то раз Плакида тешился охотой на серн. Любо было ему скакать по мягким лугам с зеленой нежной муравой, углубляться в прохладную чащу леса, где путь прорезал неожиданный ручей, тихо журча по наклонному руслу... Тогда воевода сходил с коня и, набрав в пригоршню холодной воды, утолял ею жажду от долгого движения.

Великолепный олень привлек к себе внимание Плакиды, и он погнался за ним. Было что-то бесконечно прекрасное в этом сильном беге гордого животного, которое бежало, словно стелясь по земле, не касаясь ее копытами, загнув кверху голову с великолепными ветвистыми рогами. И этого царя лесов преследовал Плакида на великолепном арабском коне. Благородный конь соревновался в быстроте с оленем; в неудержимой силе бега все менее и менее пространства оставалось между оленем и лошадью.

Порой расселина в скале, в которую страшно было заглянуть по ее глубине, порой ручей попадались на пути. Легкими и быстрыми скачками и олень и лошадь переносились через эти препятствия все вперед и вперед. Ве-

тер свистел в ушах Плакиды, надувал складки его легкой шелковой одежды... Вот-вот сейчас настигнет: участь оленя решена!

Олень вскочил на высокую скалу и быстрым взором окинул бывшее перед ним пространство.

Все было кончено: бежать дальше было нельзя, скала обрывалась круто над пропастью. Там, на страшной глубине, вставали вершины деревьев, виднелась луговина, но это было далеко – бежать было некуда. Олень остановился. Охотник уже ликовал.

Но тут совершилось необычайное дело. Олень обернулся головой к Плакиде, и в громадных ветвистых рогах его появилось знамение креста из световых лучей... И казалось, что Кто-то распятый на этом кресте смотрит на воеводу любящим взором, в котором виден был и укор... И голос раздался к охотнику:

– Зачем ты гонишь меня, Плакида?..

Опустив голову на грудь, еле видя дорогу, по которой он ехал, возвращался домой Плакида... В ушах все звучали, отдавались в сердце эти слова таинственного голоса, который он слышал.

Та сила, к которой он стремился, еще не зная ее, сама шла к нему навстречу. Он трепетал, чувствуя на себе теперь избрание этой силы. Жизнь открывалась перед ним – новая, таинственная, прекрасная, захватывающая. У испытанного в боях воеводы блестели в глазах слезы. Счастье переполняло грудь и рвалось из нее.

А в мыслях мелькало у него: «Все отдать Ему, призвавшему меня, доказать Ему мою верность, пожертвовать всем, пострадать, пострадать и в Нем одном найти награду за это страданье».

Когда Плакида вернулся домой и рассказал о том, что с ним было, жена поведала ему виденный ею сон. Во сне ей кто-то говорил: «Завтра ты, твой муж и твои сыновья придете ко Мне и познаете Меня. Я Иисус Христос, истинный Бог, посылающий спасение тем, кто Меня любит...»

И в ту же ночь Плакида был крещен с супругой и двумя сыновьями, Агапием и Феопистом, во Христа и наречен Евстафием.

Мальчики Евстафия были веселые, здоровые дети. Они любили слушать рассказы отца

о его походах, о дальних странах, куда ходил он в поисках воинского счастья, о смертельных опасностях, которым он подвергался, и тогда дети с каким-то страхом смотрели на глубокую впадину над плечом отца, – остатки смертельной полученной им раны.

Дети и сами мечтали о том, как, подросши, они станут воинами, как сами увидят новые, чудные страны. Порой во сне они видели жаркую битву и просыпались, встревоженные, горя от восторга.

Не благополучие, а великое несчастье принесло Плакиде принятие веры. Одно за другим стали поражать его страшные бедствия. Он в скором времени совершенно разорился, и так как ему было неловко оставаться там, где жил он доселе в богатстве, роскоши и почете, то он решил с женой отправиться в Египет.

Детей веселила эта новая жизнь. У них не образовалось еще привычек, которые делали бы тяжелым для них бедствием потерю благосостояния. Их занимал переезд в приморский город и плавание по морю: луна, отражающаяся и играющая в воде, и великолепные зори

там, где бесконечное небо утонуло в бездонности моря. Они строили детские планы своей новой жизни, тогда как их стерегла новая беда.

Владелец корабля, прельстившись красотой супруги Евстафия, удержал ее силой на корабле, а Евстафия с сыновьями высадил на берег и поплыл далее.

Что переживал Евстафий и дети, лишившиеся супруги и матери? Но надо было думать о себе и искать населенных мест. Вот подошли они к большой, быстро текущей реке, и Евстафий, искусный во всех телесных упражнениях и хороший пловец, решил переплыть реку, по очереди перенеся на другой берег своих сыновей.

Но, когда он поплыл со старшим, он услышал сзади себя страшный рев и, обернувшись, увидел, как лев громадной величины подбежал к его сыну и быстро унес его в пустыню.

Сколько силы духа надо было для того, чтобы в ужасе не погрузиться самому в волны. Но лишь только Евстафий вышел с уцелевшим мальчиком на берег, как к нему подбежал крупный волк и унес второго сына.

И остался Евстафий один, без богатства, без жены, без детей, никем не знаемый, никому не нужный. И вместо всего, что у него было и что у него пропало, у него остался один только Бог.

Можно думать, что страшное испытание, вынесенное Евстафием, было наложено на него Господом для того, чтобы дать человечеству пример того, что нет той бездны горя, из которой Господь сильной десницей не мог бы извлечь человека.

Жена Евстафия, оставшись с похитителем на его корабле, не была им оскорблена, так как Господь наказал его страшной болезнью и смертью. Высадившись на берег, она жила неподалеку от того места, где жил Евстафий, своим трудом добывая себе пропитание.

Оба сына его остались целы, так как прибрежные пастухи отбили одного мальчика у льва, а землепашцы убили волка, который тащил мальчика. Обоих детей эти люди взяли к себе и воспитывали, и мальчики выросли здоровые и выдающиеся силой и разумом, нося во всем существе своем признаки знатного своего происхождения.

Между тем в Римской империи разворачивались события, в которых вспомнили о Плакиде. Понадобились военное искусство и решительность этого славного воеводы.

Император Траян обещал громадную награду тем, кто его отыщет и доставит ко двору.

Два верных друга Плакиды взялись разрешить эту задачу, после долгих упорных поисков отыскали его живого в одном селении и привезли его в Рим. Приняв начальство над войском, Плакида убедился, что войска слишком мало, и был объявлен немедленно по империи спешный набор.

Среди присланных молодых и сильных солдат были и два сына Евстафия, Агапий и Феопист. Они на первом смотре привлекли на себя внимание воеводы. Какое-то нежное, необъяснимое чувство влекло его к этим двум молодцам. Вероятно, с горечью подумал Плакида, его дети были бы теперь так же сильны и рослы.

Евстафий довершил возложенное на него дело блестящей, громовой победой.

Продолжая дело Свое, Господь соединил

теперь вместе разрозненное семейство.

Агапий и Феопист с тех пор, как судьба свела их в одном лагере, жили между собой в тесной дружбе. Как-то раз они в палатке стали вспоминать свое детство. Старший воин рассказывал младшему, как он жил с родителями в детстве в богатстве и почете в Риме; как мать у них отнял корабельщик, с которым они плыли в Египет; как лев унес его с берега реки и как пастухи отняли его у льва.

Дрожа, с широко раскрытыми глазами, младший слушал рассказы воина и, вскочив со своего места, бросился к нему в объятия с криком: «Брат, брат мой!»

Встретясь, братья не знали, что в это время жившая в этом месте мать их, сидя за палаткой, слышала всю их беседу. Она пока не открылась детям, но решила пойти к воеводе Плакиде, который в то время находился в тех же местах, открыться ему и просить взять ее в Рим, где надеялась найти мужа своего. Она пришла к Плакиде... и узнала его.

Недолго наслаждалась своим счастьем Богом разрозненная и Богом соединенная семья.

Вскоре умер Траян, и престол занял гони-

тель христиан император Адриан.

В торжественном триумфе своем въехав в Рим как победитель, Евстафий не захотел войти в капище, и Адриан присудил его с женой и сыновьями на муки. Он бросил всю семью в медного вола чудовищного размера, раскаленного докрасна, и здесь мученики, помяясь спокойно, предали души свои в руки Божии.

Когда через три дня вола открыли, оказалось, что мученики Божией силой сохранились невредимы: чудный покой сиял на их лицах, ни один волос не был опален. Тела мучеников были сейчас же погребены христианами.

Страдания мученика Евстафия, супруги его Феопистии и сыновей их, Агапия и Феописта, относятся к сто восемнадцатому году. Мощи святых мучеников покоятся в Риме, в церкви, воздвигнутой во имя мученика Евстафия.

Юный страдалец, князь Гавриил Иоаннович Бельский – преподобный Галактион Вологодский

(Память 24 сентября)

В старой Вологде, в Свято-Духовом монастыре, почивают под спудом мощи преподобного Галактиона, убитого во время великой русской смуты в 1612 году.

При раке преподобного хранятся железные вериги. На них вырезаны многозначительные слова: «Раб Божий Гавриил во имя Отца и Сына и Святого Духа обещался терпеть до конца».

Богомольцы надевают на себя эти вериги и тогда вспоминают о тех великих муках, какие понес на земле так терпеливо преподобный Галактион.

Когда напомним себе, для какой славы он родился и в каком уничижении он прожил, тогда личные несчастья как-то тают в своих собственных глазах и становится стыдно за то, что иногда роптал на маловажные несчастья...

Кто же был преподобный Галактион?

За малолетством сына последнего из русских великих князей, Василия Третьего Иоанновича, правителем Руси был знаменитый боярин князь Иван Феодорович Бельский, состоявший с малолетним Иоанном в родстве. В 1533 году у князя Бельского родился сын Гавриил, будущий великий подвижник.

В то время грамотность и книжное учение не были общим достоянием даже в боярской среде. Но князь Бельский был одним из просвещеннейших людей своего времени. Любя сына своего, он и его постарался образовать: приучал его к чтению книг, воспитывал в нем страх Божий и усердие к православной вере и к ее обрядам. Недолго судьба-злодейка дала Гавриилу, однако, возможность пользоваться наставлениями отца.

Во дни детства будущего Грозного царя ведавшие делами бояре постоянно грызлись и ссорились между собой. Они думали только о собственной своей пользе, и нахождение у власти князя Ивана Феодоровича Бельского, человека прямого, честного, великодушно-го и правдивого, было для них невыгодно.

Несколько раз уже они удаляли его в ссылку, а ночью со второго на третье января 1542 года князя Шуйские схватили князя у его дома тайно от малолетнего государя и утром отправили его на Белое озеро, где он был заключен в тюрьму. Но и заключенный он казался для бояр страшным. Они опасались, что юный царь, питавший к князю особое расположение, снова его освободит и прикажет ему по-прежнему сидеть в боярской Думе... Весной было отправлено на Белое озеро трое наемных людей, которые зарезали Бельского в его тюрьме.

Родные и друзья семьи Бельских трепетали за участь малолетнего княжича Гавриила. Шуйские могли добраться и до него. Поэтому они спрятали мальчика, тайно вывезли его из Москвы и поселили его в Старице (теперь уездный город Тверской губернии).

Тяжелы были те дни для маленького Бельского. Быть любимым, лелеянным сыном первого московского боярина, жить в довольстве богатейшего княжеского дома, видеть постоянно ласку и заботу отца и стать никому не нужным, скрываемым мальчиком, над жиз-

нью которого занесен нож...

Долго, вероятно, вспоминал Гавриил те часы, которые он проводил с отцом в его покоях.

После трудов управления, по вечерам, старый Бельский любил звать к себе сына и, занимаясь над любимыми своими свитками, читая писания разных мудрецов, часто поглядывал на мальчика с живыми глазами, который, стараясь не шелохнуться, с любопытством озирал все вокруг в покоях своего отца, к которому был привязан крепкой, нежной любовью.

Начитавшись, бывало, князь Иоанн сажал сынка на колени и начинал ему рассказывать...

Не сказки рассказывал в длинные зимние вечера князь Иоанн княжичу Гавриилу... Он говорил сынку о тех святых, которые любили Бога больше, чем свою жизнь. Он рассказывал ему о великих мучениках, которые гибли на аренах, оторвавшись от семьи, отказавшись от родителей, жен, от всех почестей и богатства только для того, чтобы иметь право в час смерти воскликнуть в лицо ожидающе-

му Богу: «Я христианин...» Он рассказывал о тех преподобных, что оставляли славу мира, уходили в неведомые пустыни, не видали десятки лет людского образа, которым вороны приносили пищу и которые в этом уединении своем, в голоде и жажде, были счастливее, чем великие цари на своих престолах. Он говорил о том, как Бог испытывает те души, которые полны Им и которые ищут Его.

И какая-то отрада сходила тогда на душу ребенка. И он говорил себе, что хотел бы быть таким же, как эти люди, принести Богу такие же, как они, жертвы.

И вот теперь час этой жертвы пришел – пришел так рано и неожиданно.

Беспечный, веселый мальчик умер в княжиче Гаврииле вместе с крушением его жизненного счастья. В память дорогого отца княжич стремился исполнить в точности то, чему учил его отец. Он думал о Боге, молился, ходил всякий день ко всем церковным службам, дома читал Священное Писание. Только во всех этих действиях находил он некоторое утешение от постигшего его горя.

Порой ему казалось после долгой усердной

молитвы, что тень отца веет над ним и что кто-то невидимый ласково и заботливо склоняется над его душой. И тогда из глаз его капали одна за другой тихие слезы покорного и облегченного заветной любовью горя и освежали иссохшее от скорби его юное сердце.

Княжич Гавриил в Старице жил недолго. Он потихоньку покинул ее и пришел в Вологду, которая была много дальше от Москвы и являлась для него более надежным и безопасным приютом.

В Вологду явился он в простой и бедной одежде, выдал себя за бесприютного сироту, устроился в посаде у одного сапожника и стал изучать его ремесло. Мальчик был старательный, понятливый и трудолюбивый и легко привык к работе. Так протекли отроческие годы молодого князя Бельского, наследника одного из самых блестящих боярских родов, пока там, в далекой Москве, у Двора, кипели страсти и разыгрывались большие события...

Годы шли за годами, Иоанн подрос и сам вступил в управление государством. Одним из ближайших к нему людей был родной дядя князя Гавриила – князь Димитрий Феодо-

рович Бельский.

Обстоятельства сложились так, что княжичу Гавриилу было теперь безопасно открыть свое местопребывание и занять в жизни подобающее ему место. Он мог принять отцовское наследие и быть взысканным царскими милостями как сын покойного князя, любимого царем. Но та громадная душевная работа, которая произошла в княжиче Гаврииле при крушении его земного счастья, не осталась для него бесплодной. Он был один из людей, которые желали сохранить свое благополучие вместе с теми, кому они беззаветно отдали свою привязанность; без них не ждущих уже от жизни ничего, кроме горя и мук.

Он решил не возвращаться в Москву, а остаться в том бедном сапожном ремесле, в которое он укрылся от злодейки-жизни. Он думал, что легче спасется в скромной доле, чем среди искушений мира, славы и богатства. Желая окончательно закрепить себя в простонародном быту, он женился на простой девице из посада. С женой он жил хорошо. Работы у него было достаточно, и он наслаждался тихим счастьем в некотором до-

вольстве, заработанном постоянным трудом. У него родилась дочь. Счастье его казалось полным, как вдруг жена его умерла. Этот новый удар окончательно убедил Гавриила, что ему не дается мирское счастье, и он решил посвятить себя окончательно духовной жизни и в подвигах искать себе утешения.

Избранный им образ жизни был необыкновенно тяжок. Он заковал себя в тяжелые железные вериги, и все время, остававшееся у него от ремесла, которым он кормил себя и свою дочь, проводил в молитве. Когда дочь его подросла и могла сама трудиться, он решил порвать с миром и постригся в монашество с именем Галактион. Он вошел тогда в затвор, жил в тесной келье, приковав себя цепью к ее двери. Добрые люди приносили ему пищу, которая состояла из сухого хлеба с водой, и протягивали ему эту пищу через оконце. Он никогда не спал лежа. Когда же сон овладевал им, он становился на колени и немного забывался, держась за цепь. Он достиг весьма преклонных лет и был убит в Смутное время, 24 сентября 1612 года, одной из тех шаек ляхов, которые во множестве бро-

дили тогда по всей России.

Как тяжек был путь этого человека, который вытерпел на своем веку более, чем Иов Многострадальный, и показал больше, чем он, терпения!

Да будет благословенна память этого праведника, начавшего страдать с детских лет!

Пусть в наших маленьких испытаниях, когда ропот станет овладевать нашим сердцем, образумят нас эти несколько слов, вырезанных на тяжелых веригах преподобного Галактиона: «Обещался терпеть до конца».

Детские годы Варфоломея, будущего Сергия Преподобного, игумена Радонежского и всея России чудотворца

(Память 25 сентября)

Это было в начале четырнадцатого века, когда так тяжело жилось русским людям. То были годы тяжелого неволя, когда никто не был уверен в завтрашнем дне.

Князь, которого вызывали в Орду, не знал, вернется ли он оттуда целым, не сложит ли

там головы своей, спасая свою душу и отказавшись изменить Христу.

Грустные сказки старые няни рассказывают в длинные зимние вечера своим питомцам. Заунывным голосом повествуют они о том, как брали татары город Владимир, как в старом Успенском соборе, строения Андрея Боголюбского да Всеволода Третьего, вошла семья великокняжеская на хоры и заложила их за собой кирпичами, чтобы не достаться в руки татар, и как татары, разбив двери собора, вломились в него, подожгли, и дым, подымаясь кверху, задушил женщин и детей великокняжеской семьи, и понеслись в небо души их вместе с душами князей, за стенами Владимира сложивших в неравном бою свои головы. Рассказывают они о прекрасном князе Васильке Ростовском, которого после битвы у Сити татары долго волокли за собой, уговаривая согласиться служить им, и убили его, наконец, в Шеренском лесу... Рассказывают, как пал в страшной битве при Сити великий князь Георгий Всеволодович и тело его было потом найдено епископом Кириллом на поле битвы с отрубленной головой, перевезено во

Владимир, и голова нетленных мощей чудесно срослась с телом. Рассказывают о благоверной княгине Евпраксии, как получила она весть о смерти от татар молодого супруга и как с грудным младенцем бросилась с высоты своего терема в пропасть, чтобы не попасть живой в руки победителей.

И широко раскрывали глазенки русские дети, внимая этим страшным рассказам. А временами, когда они расшумятся за играми, няня или старый дядька скажет им: «Тише вы, шалуны этакие! Послушайте-ка, что говорит земля!»

И дети припадают ухом к земле и слышат какой-то неясный грозный гул.

– Это русская земля стонет, – говорят старики, смахивая слезу. – Послушайте, как русская земля стонет.

И в тогдашних взрослых, и в тогдашних детях жило одно страстное желание – воли, освобождения из-под ненавистного татарского ига.

И чутким детям снятся то страшные битвы с горами обезглавленных русских тел, с торжеством победителей: татары, настлав на жи-

вых пленных дощатые полы, пируют под звуки их хрустящих костей. То чудятся им новые битвы и русские знамена с изображениями Христа, Богоматери, угодников, носящиеся в буре грозной сечи.

Русские богатыри грудью наваливаются на темные полчища агарян, и – о, счастье, о, радость! – те не выдержали, побежали, и родная Русь торжествует!..

Об этом снилось. Об этом мечталось. Об этом молилось... Вот каких гостей видали тогдашние монастыри.

*Эти гости – то князья,
В орду идущие с казной...
То их княгини, их семья,
В разлуке плачущие злой...
И черный люд, безвестный люд,
Со всей Руси идет-бредет...
В грехах все каяться идут —
Да страшный гнев Свой Бог уймет...
Идут с пожаров, с поля битв,
Ища исходу хоть слезам
Под чтение тихое молитв,
Под пенье ангельское там...
И в темных маленьких церквах*

*Душистый воск горит, как жар,
Пред образами в жемчугах —
Сердце скорбящих чистый дар...*

И вот Господь послал страждущей Руси большого человека. Человек этот был Преподобный Сергей Радонежский, выросший среди тоски и подневолья. Преподобный Сергей, кроме охватившей все его существо любви к Богу, имел еще одну безграничную привязанность – к своему страдающему народу.

Он не мог, по монашескому призванию, которому он отдался, служить мечом истерзанной родине, но он имел два великих в его руках орудия – любовь и молитву. Переживая страдания и бедствия родины, выслушивая тоску приходивших к нему и открывавших ему свою душу людей, он чутким сердцем своим учуял, что на Руси накопилась великая сила, что борьба с татарами, на которую раньше никто не отваживался, возможна, что эта борьба должна кончиться русской победой. И он с детства молился о том, чтобы Господь пришел на помощь русскому народу и взыскал его Своей милостью. И чем старше он становился, тем неотступней становилась его

МОЛИТВА...

Преподобный Сергей Радонежский был сыном ростовского боярина Кирилла и супруги его Марии.

(Бояре Кирилл и Мария пользуются почитанием богомольцев; редкий из них, отправляясь в Троицкую лавру к Преподобному Сергию, не зайдет в Хотьков монастырь, в двенадцати верстах от лавры, и не поставит свечу у гроба родителей великого печальника русского народа.)

Некоторую склонность к подвижничеству Преподобный Сергей обнаружил еще в младенчестве. Так Варфоломей (мирское имя младенца) не хотел брать грудь матери, когда она принимала в пищу мясо; в среду и пятницу совершенно отказывался от груди.

Кто проникнет в тайну душевной жизни ребенка – будущего великого подвижника, кто уследит за теми часами его, когда вдруг до боли захочется ему уйти всецело в молитву, когда уста сами зашепчут Божие имя и руки потянутся туда, к высокому небесному своду, за которым им видится сияние Божией славы!..

Кто опишет эту начавшуюся в сердце жажду самоотвержения, жажду отдать Богу все, что есть, – силы, мысли, чувства, сделать Его одним своим доверенным и не любить никого, кроме Него, и ни о ком, кроме как о Нем, не думать, ни к кому иному не стремиться и ни о ком не мечтать... Кто изобразит эту чистую детскую молитву, когда еле умеющие лепетать уста с таким усердием произносят священные слова и когда тот мир, куда молится ребенок, тот мир, что стоит над землей, ему так ясен, словно он сам в этот мир залетел.

В семилетием возрасте Варфоломея начали учить грамоте. Товарищами его по учению были два его брата, Стефан и Петр, из которых первый был старше его, а второй младше. Те двое учились успешно, а Варфоломей не мог постичь грамоту. Это было ему очень тяжело: сверстники над ним смеялись, учителя наказывали, родители выговаривали. В этом горе своем и постоянном унижении Варфоломей горячо молился Богу, чтобы Бог просветил его разум.

Как-то раз мальчик был на лугу, откуда он должен был привести лошадь домой. На лугу

было хорошо и привольно. Кругом плоская равнина убегала во все стороны, раздольная, просторная. Высоко вставали в Ростове белые здания собора, колокольни. По краям горизонта виднелись церкви, где утром ярко блеснула на солнце блестящая полоса озера Неро; луг после недавнего дождя благоухал крепким духом цветов, чистые хрустальные капли дрожали и блестели на высокой траве.

Мальчику хотелось от души насладиться тем, что было вокруг него. Но на сердце у него было тяжело, и время от времени он смахивал с глаз рукой слезы. Только что прошел неудачно урок: учитель накричал на него, братья надсмеялись. И вместо того, чтобы любоваться, как он любил, красотой этого летнего дня, он шел с понурой головой, погруженный в свою тяжелую думу: «Как это другие без труда усваивают себе грамоту, а я сколько ни стараюсь, ничего не выходит. Порой кажется, что забыл и то, что уже раньше знал...»

Вдруг мальчик остановился. Под большим развесистым дубом, стоявшим одиноко на лугу, молился старый инок. Обратясь лицом к солнцу, он шептал неслышную молитву, па-

дал на колена, прикасаясь головой к земле, потом поднимался снова для нового земного поклона.

Что-то особенное почувствовал Варфоломей в ту минуту, как увидел инока. Ему хотелось непременно принять от него благословение. Он неподвижно постоял, чтобы не нарушить его молитвы, и подошел к нему тогда, когда монах, положив последний поклон, стал отходить от дуба.

– Что надо тебе, чадо? – спросил монах, когда мальчик подошел к нему, скрестив руки для благословения.

– Грамота не дается мне, – сказал он, – не нахожу себе покоя, наказывают, бранят, а я изо всех сил учусь. Помолись за меня, чтобы Бог помог мне, вразумил меня.

Инок ничего не ответил. Он молча опустился на колени и начал молиться. Мальчик опустился около него, и душа старого инока и душа страдающего отрока слились в одной молитве: «Господи, просвети меня. Господи, наставь меня. Господи, прекрати мою муку», – вот те мысли, с какими обращался он к Богу... Инок, окончив молитву, встал. Поднялся и

Варфоломей. У инока было торжественное выражение лица. Подняв глаза к небу, он возложил руку на голову мальчика и произнес: «С сего дня Господь дает тебе, чадо, разумение грамоты, ты превзойдешь в учении братьев и сверстников твоих».

– Прими и вкуси, – добавил он и подал при этом Варфоломею что-то вроде просфоры. – Через этот дар, – тихо промолвил он, – ты получишь разумение Писания...

Посмотрев на мальчика ласковым взором, старец хотел идти в свой путь, но Варфоломей убедил его зайти в дом его родителей, так как они почитали иноков.

Кирилл и Мария встретили старца сочувственно, предложили ему пищи.

– Вкусим сперва пищи духовной, – ответил он.

Все стали молиться. Старец велел Варфоломею читать псалмы Давида.

– Я не умею, отче, – сказал огорченный мальчик.

– Читай, – ответил старец, – отныне Господь дает тебе разумение грамоты.

И он зачитал... Стройно, непрерывно поли-

лись вдохновенные речи псалма из уст Варфоломея, точно у него открылись очи. Буквы, казавшиеся раньше непреодолимыми, теперь все словно стали ему подвластными.

Родители не могли прийти в себя от изумления.

Старец стал прощаться. Он возложил крестообразно руки на голову Варфоломея и сказал отцу его:

– Ваш сын будет великим перед Богом и людьми, он будет избранной обителью Святого Духа и служителем Святой Троицы...

Получив чудесное знание грамоты, Варфоломей стал еще сосредоточенней, чем прежде. Всякой мыслью своей он желал благодарить Бога за Его милости.

Он строго постился, в среду и пятницу он совершенно не вкушал пищи. Хлеб и вода служили ему достаточным питанием в остальные дни. Молчаливый, он больше слушал, чем говорил, и то, что он видел в жизни, он слагал в своем сердце.

Тут начал он понимать общее русское горе и стал молиться о том, чтобы Господь посетил Русь.

Часто, когда с ростовских колоколен уже раздавался благовест к заутрени, не ложившийся еще с вечера Варфоломей стоял на молитве. Он звал Бога. Он просил Его вспомнить столько русских страдальцев и за них помиловать всю землю... И когда он молился, на этой молитве посещали его светлые видения...

Ему казалось, что он слышит звук какой-то великой битвы... Какой-то светлый витязь, как высоко парящий орел, гонит татар. Русские знамена носятся по полю, осеняя победу, и Бог с высоты небес благословляет русский народ...

Много лет прошло с тех пор, как отрок Варфоломей молился о том, чтобы Господь послал волю подневольной русской земле... И вот настали заветные дни, Русь собралась померяться силами с татарами. Димитрий Донской, собираясь идти на Мамай, пришел просить совета у чтимого старца, Преподобного Сергия, бывшего отрока Варфоломея. И когда говорили они от души к душе, старец ободрил великого князя. Он предсказал ему полную победу над татарами, хотя с великими жерт-

вами.

Когда Димитрий Донской, стоя на берегу Дона, колебался, переходить ли ему реку, приискал от игумена Сергия посланец, везший Богородичную просфорку и грамотку из Троицкого монастыря. Преподобный советовал князю, не медля нимало, сразиться. Этим советом прозорливый игумен предупредил несчастье – соединение Мамаю с польским королевичем Ягайлом, который спешил навстречу своему союзнику и в день битвы находился от Куликова поля всего в тридцати верстах.

И вот наступил столь страстно, столь долго и упорно жданный, вымоленный час... Светлый витязь Димитрий Донской носился по полю, и под своими знаменами, с криком «за игумена Сергия», русские гнали татар. И Бог Руси осенял победителей с высокого неба Своим благословением.

А в дремучем лесу, в монастырьке Святой Троицы, Преподобный игумен Сергей стоял на молитве и душой участвовал в битве. Он видел русскую победу, он называл поименно падавших воинов.

Мечта его детства, мечта его юности и почти всей его жизни воплощалась. И он словно слышал, как падают оковы с освобождаемого народа и как для него начинается новая, счастливая и широкая жизнь...

Октябрь

Юноша Роман Сладкопевец

(Память 1 октября)

Он был родом сириец и с детства стал угождать Богу. Роман, не получивший никакого образования, удалялся от всяких пустых бесед и не любил никаких игр и развлечений. Когда он стоял в церкви, можно было подумать, что ему открываются таинственные видения, так как он не сводил взора с икон и чутким слухом прислушивался к доносившимся откуда-то от небесных краев священным звукам.

Для Романа ничего не казалось столь желанным, как служить при храме. Не умея читать, а также не имея голоса и слуха, он, казалось, не был пригоден к службе в церкви. Ему следовало бы искать себе какого-нибудь другого дела. Но он не отходил от храма. Посещать его, как все, только по праздникам ему

казалось лишением. Он устраивался служителем при разных церквях – сперва в одном большом городе, потом при великолепном храме Богородицы во Влахерне в окрестностях Царьграда и, наконец, при знаменитом храме святой Софии – Премудрости Божией.

Тихого поведения, скромный и набожный, Роман обратил на себя внимание патриарха Евфимия. Видя, как он усердно наблюдает за чистотой храма, и ценя его добрую жизнь, патриарх дал ему равную часть доходов с клириками. Это возбудило неудовольствие их, так как Роман не мог ни читать на клиросе, ни воспевать священных песен.

Клирики возненавидели Романа и старались подчас ему вредить. Как-то случилось, что на праздник Рождества Христова император пришел в церковь. Роман в это время зажигал по храму светильники. Вдруг клирики выволокли его на амвон: «Ты получаешь с нами равную часть, так пой же теперь с нами наравне на амвоне рождественские гимны». Они знали, что он не смыслит в Писании и не мог ничего воспеть.

Тяжело пришлось Роману это оскорбление

при царе и при всем народе, да еще в такой праздник. И он горько заплакал.

Когда служба окончилась и весь народ вышел из церкви, он упал ниц перед образом Пресвятой Богородицы и стал горько рыдать и молиться. Ничего не просил Роман от Пречистой Девы. Он только рассказывал Ей, как ему тяжело, как он не виноват в том, что его не научили грамоте, что у него нет голоса и слуха, что он, полный веры и усердия, не мог, наравне с другими, голосом своим восхвалять Бога. После долгой молитвы он, печальный, ушел к себе, от внутренней боли ничего не стал есть и прилег. И когда он забылся, посетило его чудное видение.

Перед ним стояла во плоти Пресвятая Владычица Богородица, утешительница всех скорбящих. Она держала в руках небольшую книгу-свиток и сказала Роману тихим голосом: «Открой уста твои...» Когда он открыл, Пресвятая Владычица вложила этот свиток ему в рот, говоря: «Съешь его». Роман съел хартию и сейчас же проснулся. Возле него не было никого.

Явление скрылось бесследно, а на сердце

его была неизреченная сладость, и что-то рвалось из сердца наружу и искало выражения. В уме своем Роман ощутил знание Писания. Пресвятая Богородица открыла ему ум к разумению Божественных глаголов, как некогда открыл ум апостолам Ее Сын. Сердце Романа исполнилось великой премудрости, и он со слезами стал благодарить свою чудную Учительницу, что Она в столь малое время вразумила его больше, чем разумеют те, которые учатся долгие годы.

Пришло время всенощной, он пошел в церковь, веселясь и радуясь о благодати, данной ему от Богоблагодатной Девы. Пришло время пения рождественского кондака, и Роман, против ожидания товарищей, вышел на амвон, так как в то время кондак распевал на амвоне один клирик.

В душе Романа клокотало святое вдохновение. С уст рвались неведомые миру слова, и удивленный народ услышал ту дивную песнь, которая доселе сладко ударяет по струнам верующих. То был в таких простых выражениях рисующий чудную картину Рождества Христова кондак: «Дева днесь Пресущественного

раждает, и земля вертеп Непреступному приносит; Ангели с пастырьми славословят, волсви же со звездою путешествуют: нас бо ради родися Отроча младо – Превечный Бог».

От этих простых слов, в величии рисующих день Вифлеема, от окрепшего, развившегося, углубившегося, принявшего необыкновенную красоту после благодатного посещения Пречистой Девы голоса Романа лилась какая-то благодатная сила. Народ, клир, царь – слушали, видели, удивлялись и чувствовали, как какая-то чудная сладость сходила на их сердца.

Когда кондак был пропет, всех поразила сила этого сопоставления: «Нас бо ради родися Отроча младо – Превечный Бог». И при этих словах все как-то трепетно ощутили веяние над собой этого «Превечного Бога» в образе «Отроча младо». Патриарх немедленно потребовал к себе Романа и стал расспрашивать у него, откуда получил он такую премудрость. И Роман не утаил от него чудного явления. Он рассказал ему, какую благодать низвела на него Пресвятая Дева, Которой он открыл свое горе. Он исповедовал Ее чудо над собой и про-

славлял свою небесную Учительницу.

Весь город узнал об этом событии, умудрившем Романа. Клирики раскаялись и, припав к ногам его, просили у него прощения.

Вскоре патриарх поставил Романа диаконом. Из уст его текли словно многоводные реки вольных священных песен. И те, которые издевались над ним за его простоту и невежество, теперь у него учились.

Святой Роман Сладкопевец написал множество кондаков на Господни и Богородичные праздники, а также хвалебные песни святым – свыше тысячи, – и был от всех почитаем и любим. Он жил богоугодно, праведно, сберегая чудный дар, снисшедший на него.

Юность святого Андрея блаженного, Христа ради юродивого

(Память 2 октября)

В царствование греческого императора Льва Премудрого жил в Константинополе человек по имени Фогност. Среди большой партии рабов ему случилось купить юного мальчика Андрея, родом славянина.

Андрей был красив собой и отличался добронравием. Господин приставил его служить при себе, отличал его больше всех других рабов и отдал его учиться Священному Писанию. Мальчик занимался прилежно и, имея быстрые способности, легко усвоил себе грамоту, привязался к чтению священных книг и любил постоянно ходить в церковь и читать святые книги.

Тут, над этим чтением, он переживал душой, как будто видел их въявь перед собой – страдания святых мучеников. Он жалел о том, что нет уже более случая путем мученичества доказать Христу свою верность. Ему мечталось, что вот какой-нибудь злой игемон

велит схватить его и он на площади всенародно бесстрашно повторит: «Я верую, я христианин...» Его подвергают страшным пыткам. Он же, не издавая ни одного стона, страдая все глубже и глубже, повторяет: «Я верую, я христианин».

И, истощив над ним свою жестокость, игемон осуждает его бросить в цирк на арену, на растерзание диким зверям... И он стоит, озаряемый ярким солнцем, среди народа, сидящего полукругом по поднимающемуся кверху кольцу цирка, и радостно, спокойно ждет, как на него будут выпущены дикие звери. Какое счастье, какая красота!

Однажды ночью Андрей увидел дивное видение. Ему казалось, что кто-то черный, смрадный, ужасный, в ком он узнал врага спасения людского, вызывает на бой его, Андрея. А прекрасный, сияющий Юноша, держа в руках три драгоценных венца несказанной красоты, ободряет его на брань... И Андрей победил темную силу. После победы, воздав ему славу, прекрасный Юноша сказал: «Будь отныне нашим другом и братом, стремись на добрые подвиги. Будь ради Меня юродивым и

войдешь в царство Мое, и получишь великую награду».

Понял, проснувшись, Андрей, что Христос призывает его к тяжкому подвигу, и стал юродивым.

На заре следующей ночи он, помолясь, пошел к колодцу и, сняв с себя одежду, стал резать ее на клочья ножом, точно лишившись ума. Когда к колодцу вышел повар зачерпнуть воды и увидел Андрея, занятого таким странным делом, он донес об этом своему господину.

Господин, полагая, что в юношу вселился бес, велел заковать его в цепи и отвести к церкви великомученицы Анастасии, которая, по народному поверью, имела дар изгонять бесов. Тут Андрей продолжал днем проявлять всякие странности, а ночью усердно молился Богу и великомученице Анастасии.

Ему хотелось иметь указание на то, было ли угодно Богу его поведение... И видел он в видении пять жен, которые во главе с каким-то старцем обходили немощных людей... Когда они приблизились к Андрею, старец сказал старшей из них: «Госпожа Анастасия,

не будешь ли ты врачевать этого юношу?»

– Учитель, – отвечала она, – его уврачевал уже Тот, Кто сказал ему: «Будь юродивым ради Меня и получишь в день славного Моего пришествия великую награду». Он не нуждается во врачевании.

Сказав это, она вернулась в церковь, откуда Андрей видел их вышедшими.

Явился ему, когда он был заключен при этой церкви, святой Иоанн Богослов и увещевал его терпеть.

Было ему и новое видение: царские палаты, и Царь восседал на престоле великой славы. Царь, призвав его к Себе, спросил: «Хочешь ли ты Мне работать всей душой?»

– Хочу, Господи, – ответил Андрей.

Царь тогда дал ему вкусить что-то немного более горькое, чем полынь, и сказал ему: «Вот как скорбен путь тех, кто работает во имя Мое в этом мире!» Потом Царь дал ему что-то белее снега, слаще манны, и, вкусив этой сладости, Андрей забыл первую горечь...

Царь тогда сказал ему: «Такова пища тех, кто работает на Меня и мужественно терпит все до конца. Продолжай и ты мужественно

идти путем, на который вступил. Недолго будешь ты страдать, а затем будешь царствовать века нескончаемой жизни».

Четыре месяца продержал Андрея в узах его господин. Потом отпустил на свободу, и начал Андрей тогда свой подвиг юродства. Он неистово бегал по улицам, скитался по городу среди насмешек. Одни ругались над ним, как над безумным. Другие гнали его от себя, гнушаясь им, как псом смердящим. Иные считали его бесноватым, и мальчишки его возраста глумились над ним и ударяли его. А он терпел все и молился за глумившихся над ним людей.

Если кто из сердобольных людей подавал ему милостыню, он брал ее и сейчас же отдавал другим убогим. Но, чтобы не подозревали его нищелюбия, он старался не иметь вида дающего милостыню. Он предварительно бранил их, словно намеревался их бить, и потом бросал им в лицо те монеты, которые были у него в руках и которые они подбирали.

Хлеба он не вкушал иногда по три дня подряд. Иногда проводил в голоде по целым неделям. Если же никто ему не подавал куска хле-

ба, то и по две недели оставался без пищи. Одеждой ему служило рубище, которое еле могло прикрыть его телесную наготу.

Днем он юродствовал по улицам, а ночи проводил на молитве. И живя в таком большом городе, среди такого множества людей, не имел где преклонить главу. Нищие, и те отгоняли его от своих шалашей. Богатые не пускали его в свои дворы. И когда ему надо было уснуть, не мог он ни у кого приткнуться усталым телом. Он шел тогда туда, где лежат собаки, и ложился между ними. Но и собаки не хотели принять к себе раба Божия: одни его кусали и гнали от себя, а другие убегали от него. И никогда он не проводил ночи под кровом, а всегда под открытым небом, среди стужи или зноя, попираемый людьми и скотами.

То страдание, о котором он мечтал, было ему дано. Но это страдание было еще тяжелее страдания мучеников – ежедневное, несменяемое, без всякой красоты и поэзии...

И величайшими дарами наградил Господь Андрея, раба Своего, – открыл ему тайну пощения Пречистой Девы над миром, когда за

всенощным бдением во Влахернской церкви Андрей увидел Владычицу со святыми, широко распростиравшую над молившимся народом Свой омофор...

И память Андрея, Христа ради юродивого, празднуется на другой день после дня Покрова Богоматери – события, которого он был счастливым свидетелем. Она совершается второго октября.

Из отроческих лет святителя Ионы, митрополита Московского и всея России

(Память 5 октября)

Отрадно в семьях преемственное благочестие – когда у людей великой веры вырастают святые дети.

Бывает так, что люди от земных богатств своих приносят Богу великие жертвы, и еще более высокие и угодные Богу жертвы приносят эти люди в лице детей своих. Такую жертву, угодную Богу и достопамятную для всей России, принес в лице сына своего отец великого святителя Ионы, одного из славнейших

чудотворцев Московских...

В шести верстах от города Солигалича, в пределах костромских, было расположено селение Одноуш. Оно принадлежало некоему Феодору Одноушу, человеку благочестивому и усердному к церкви. Имение свое Одноуш пожертвовал Московскому Успенскому собору, или, как говорили на выразительном языке того времени, «в дом Пресвятой Богородицы». Богу же принес в дар и любимого сына своего, будущего митрополита Иону.

Мальчик принадлежал к числу детей, отмеченных с детства Божиим избранием. Ничто мирское его к себе не привлекало. Церковь и молитва – вот единственное, что было ему в жизни дорого. Благочестивый отец не мешал настроению сына, давал ему спокойно молиться и не возражал, когда сын стал проситься в монастырь.

Двенадцатилетний инок!.. Сколько тайны в таком мальчике, который ушел из мира, прежде чем узнал мир.

Детские мечты его были мечтами благочестия. В том возрасте, когда дети думают только об удовольствиях, столь юный избранник

мечтал лишь о подвигах.

Разгорается небо утренней или вечерней зарей – мальчик думает о незаходимой славе Божества. Звезды ли в морозный зимний вечер мигают в небе – они рассказывают ему тайны надзвездных миров. Птицы ли в весеннем раздолье поют счастливую песнь – мальчик чувствует, как они этой песней хвалят Создателя своего...

Все в жизни одухотворено, словно Ангелы Господни образовали вокруг ребенка живую ограду, сплетшись своими руками, и ни одна мирская скверна не касается души маленького избранника.

Таким рос и будущий святитель Иона. В одной из обителей Галичской области, куда отвез его отец, завершилось его детство.

Совсем в юном возрасте он вступил в одну из московских обителей, Симонов монастырь... Эта обитель, расположенная на берегу Москва-реки, теперь, при громадном росте города, почти слилась с Москвой, а тогда находилась от Москвы на некотором расстоянии. Основана она человеком памятным – родным племянником преподобного Сергия

Радонежского, от отрочества посвятившим себя Богу, иноком Феодором. Феодор был впоследствии епископом Ростовским и почивает своими нетленными мощами в Ростовском Успенском соборе.

Симонова обитель имела устав строгий, и иноки находились под руководством опытного старца. Здесь и закончилось благодатное духовное воспитание юного Одноуша.

С особой охотой исполнял он тяжелые монастырские послушания. Ревностный в труде, первый в службах церковных, он был проникнут весь каким-то благодатным воодушевлением, и в тех редких случаях, когда раскрывал молчаливые уста свои, слово его имело какую-то благодатную силу. Когда ему оставалось от молитвы и послушания свободное время, он любил читать духовные книги, и духовные истины еще более возвышали его разум.

Чудно бывает, когда один угасающий гений заметит равное ему восходящее светило.

Так угасающий лебедь русской поэзии Державин заметил и благословил на поэтический подвиг отрока Пушкина. Так молодого

подвижника Одноуша заметил и предсказал его значение святитель Московский Фотий.

Как-то святителю Фотию, митрополиту всея России, пришлось посетить Симонов монастырь. Поклонившись храмам, посетив настоятеля и побеседовав с ним, святитель пожелал обойти всю обитель, чтобы посмотреть иноков, трудившихся на разных послушаниях, и дать им свое святительское благословение.

Пришел, между прочим, святитель Фотий и в просфорню, где иноки трудились над производством хлеба и просфор.

Молодой инок Иона, проходивший на хлебне послушание, был в это время там и от глубокой усталости заснул сидя.

Даже в сонном положении фигура юного подвижника имела в себе что-то молитвенное. Лицо его выражало богомыслие, под голову его была подложена рука, а пальцы рук согнуты, как для благословения.

Чистую жизнь, светлые небесные грезы прочел опытный взор святителя на боголепном лице юного труженика.

Некоторое время святитель Фотий без-

молвно стоял над уснувшим послушником. Монахи хотели разбудить его, но святитель запретил его тревожить. И в ту минуту нашел на него дар провидения, и он произнес пророчество об этом послушнике. Святитель Фотий говорил:

– Разумейте, чада: инок сей будет великим святителем в странах земли Русской. Многих неверных он обратил к Богу, многих просветит святой верой, и будет он истинный пастырь и учитель царствующему граду Москве.

Пророчество святителя фотия сбылось вполне. Инок которого он видел спящим после трудов великих по просфорне, стал впоследствии епископом Рязанским и Муромским. Он много потрудился, проповедуя Евангелие языческим племенам, жившим в его епархии. Впоследствии он был митрополитом Московским, славным своей святостью, бесстрашным стоянием за правду, а также государственной мудростью...

Судьба блаженного отрака Иоанна

(Память 19 октября)

Как часто скорбят родители над гробом безвременно умерших детей! И в самом деле, есть ли скорбь больше той, чем когда смерть вырывает из числа живых одаренного, милого ребенка, на которого родители его возлагают столько надежд?!

Но бог знает, что делает, когда призывает к себе тех, кого Он считает достойным предстать перед Собой.

В жизни так много лжи, что у самых чутких, болезненно чувствительных ко всему людям неправда жгла бы постоянно их чувствительное сердце. Они задыхались бы в жизни, и жизнь была бы для них сплошной пыткой.

Ужасно, когда жизненное зло овладеет душой, созданной для широкого добра, когда человек, которому на заре его молодости жизнь представлялась как сплошной подвиг, даст широкую волю страстям, позорящим человечество.

В одном проникновенном рассказе изобра-

жена мать. Она в страшной скорби заснула после смерти своего сына, за жизнь которого она боролась, о спасении которого она молила Бога материнской жаркой молитвой. И когда мальчик лежал перед ней мертвый, неудержимый ропот возникал в ее душе, и она мертвый, неудержимый ропот возникал в ее душе, и она готова была судиться с Богом.

И видела она для вразумления своего в эту ночь роковой сон. Ей казалось, что она стоит в богатой комнате. Там уставленный дорогими яствами и винами стол. И за этим столом в обществе распутных женщин сидит человек с обрюзглым лицом, бессмысленным, тяжелым взором. В опухших глазах его скотское выражение. Вся его фигура говорит о том, что в этом человеке душа умерла. И в нем мать узнала своего сына – вот чем стал бы он, если бы остался жить! И эта мать примирилась со смертью сына: она отпустила его к Богу чистым, прекрасным и была спасена от одного из величайших жизненных несчастий – разочарования в своем ребенке.

Если бы земной царь пришел к любящей матери и сказал ей: «Поручи мне твое дитя;

я приближу его к себе и осыплю его почестями; я дам ему такое воспитание, которого ты не в силах ему дать. Я ручаюсь за его благополучие, но это счастье его должно быть куплено той ценой, что ты его более не увидишь, пока я тебя не призову к себе».

Если мать действительно любит сына своего, неужели она не согласится на предложение царя? Она скажет на это царю: «Да, бери моего сына. Я молю тебя, чтоб ты сделал его счастливым. Расставаясь с ним надолго, я переживу при встрече с ним тем большую радость, когда увижу его образованным, мудрым, наделенным богатством, осыпанным почестями».

– Хорошо, – сказал бы царь, – я ручаюсь тебе, что он и в разлуке будет помнить и любить тебя.

И вот не то же ли самое говорит Господь тем родителям, детей которых Он призывает к Себе? И вместо того, чтобы в эти страшные часы испытания роптать на Бога и вопиять к Нему: «Зачем Ты отнял у меня моего ребенка?» – лучше принести своего ребенка Богу в добровольную жертву.

Все равно никакие вопли и желания не вернут на землю ту душу, которая наслаждается зрением Бога. Да если бы ей предоставить это на выбор, неужели же она из захватывающего счастья неба вернулась бы к страданиям и испытаниям земли?! И лучше со слезами на глазах, но с той тихой радостью, какой растворяется печаль христианина, склониться перед неизреченной Божией волей и сказать ему: «Господи, Ты благ! Возьми же Себе то, что было мне близко как матери, – мое дитя, которое Тебе еще ближе, потому что у Тебя на него еще больше прав...»

В пышной, богатой и многолюдной Александрии, главном городе плодоносного Египта, жил воин Уар, начальник отряда, тайный христианин. Он любил посещать тюрьмы, облегчать положение заключенных в них христиан, приносил им пищу, освобождал их из оков и, распалясь при виде их страданий ревностью, сам принял мученическую смерть.

Свидетельницей его страданий была знатная женщина, вдова военачальника, Клеопатра. Сама она происходила из Палестины, где у нее были поместья близ горы Фавор. Но так

как муж ее, занесенный службой в Египет, там и скончался, она с маленьким сыном Иоанном осталась жить в Египте.

Она еще раньше слышала о воине Уаре, его добродетелях. И с захватывающим, великим сочувствием она следила за его страданиями. И когда его замученное тело было выброшено за город, она со своими рабами перенесла его к себе, в одной из комнат своего дома выкопала могилу и скрыла в ней тело мученика. С тех пор Клеопатра постоянно теплила свечи над гробом мученика Уара, считая его себе великим заступником и ходатаем перед Богом.

Через несколько лет, когда прекратилось и временно утихло гонение на христиан, Клеопатра задумала вернуться в свое отечество. Она стала размышлять, как бы вынести с собой мощи мученика Уара. И наконец придумала.

Приготовив богатые дары, она отправилась к местному начальнику и сказала ему: «Я вдова-чужестранка. Мой муж служил здесь военачальником и умер здесь на императорской службе. Он еще не предан совершенно погре-

бению. Прах его стоит поверх земли. Здесь, на чужбине, нельзя устроить ему то погребение, которое следует такому знатному военачальнику. Я возвращаюсь теперь в мое отечество, к родным. Разреши мне взять с собой гроб любимого мужа, чтобы там схоронить с честью в моем имении, так как я и в смерти его не хочу с ним разлучаться».

К этой уловке Клеопатра прибегла, потому что боялась, что ей станут противодействовать христиане, когда узнают, что она уносит с собой мощи мученика: станут отнимать у нее их.

Начальник принял дар и разрешил ей исполнить ее просьбу.

Она вынесла с собой вместо праха своего мужа мощи мученика Уара, принесла их под видом ящика с виноградом из Египта в Палестину и положила в родовой усыпальнице, в селении Эдра близ горы Фавор.

Всякий день ходила она к его гробу, курила у него фимиам и теплила свечи. Христиане, узнав о мощах, стекались к ним, прикладывались, и по вере их им текли от гроба исцеления.

Клеопатра стала сооружать над гробом мученика Уара храм. В это время единственный сын ее Иоанн стал подрастать. Клеопатра думала устроить его в один из знатнейших императорских полков и через своих знакомых ходатайствовала перед царем, чтобы он за заслуги покойного мужа принял ее сына на службу в видном чине. Ходатайство было уважено, и согласие императора было получено.

К тому времени, когда строительство церкви заканчивалось, одновременно с царской грамотой был прислан и офицерский пояс. Юноша радовался этому отличию и не мог дождаться, когда отправится в Рим, где ждало его столько нового и завлекательного. Но мать ему сказала, что она не пустит его в Рим, прежде чем не будет окончена церковь и сын не обнесет вокруг нового храма мощи мученика.

Торжественно было освящение храма мученика Уара. Мощи положены открыто в богатой гробнице. На мощи Клеопатра возложила пояс и воинские доспехи, в которые она должна была облачать сына, чтобы они освятились от мощей святого. Клеопатра всей ду-

шой молилась у мощей мученика Уара, говоря страстотерпцу Христову: «Испроси мне у Бога того, что Ему угодно и что будет полезно и мне, и единственному сыну моему. Не дерзаю я просить более того, что хочет Сам Бог. Но проси для нас того, что нам нужно. Пусть совершится над нами Его благая и премудрая воля».

По окончании службы была устроена трапеза для духовенства и для народа. В тот же вечер сын Клеопатры Иоанн разболелся и слег. Так как ни Клеопатра, ни сын ее во время трапезы ничего не ели, угощая гостей, то, когда гости разошлись, она послала просить сына сесть с ней за стол. Ей пришли сказать, что он не может поднять головы и даже не раскрывает рта – так сильно жжет его внутренний огонь.

Мать встревожилась. «Не положу ни одного куска в рот, – сказала она, – пока не узнаю, что с сыном». Она села у кровати его и, сколько умела, старалась уменьшить сжигающее его внутреннее пламя.

Но усилия ее были тщетны: в полночь отрок умер. С горьким плачем бросилась тогда

мать его в церковь мученика У ара и, припав к гробу его, вопияла: «Этим ли ты воздал мне за то, что я столько потрудилась для тебя, угодник Божий! Для тебя я забыла о гробе мужа моего. Надеялась на твою помощь. И так ли ты помог мне? Ты уморил единственного сына моего, погубил надежду мою. Кто меня будет покоить в старости? На чьих руках я умру? Кто предаст погребению тело мое? Лучше бы мне умереть самой, чем видеть возлюбленного сына моего, увядшего, как прекрасный цветок. Отдай мне сына моего, как некогда пророк Елисей вернул матери умершего ребенка, или и меня возьми за ним, ибо я не могу жить в такой печали».

И плакала она, и рыдала, и билась о гроб, и, наконец, забылась в слезах и скорби.

Вот открылось ей видение.

Перед ней стоял мученик У ар и держал на руках своих ее сына. Оба они светились, как солнце, и ризы на них были белые, как снег. Их опоясывали золотые пояса, и на главах их сияли золотые венцы. Клеопатра, увидев их, кинулась мученику в ноги, а мученик У ар поднял ее со словами:

– Женщина, за что ты упрекаешь меня? Что я забыл твои добродетели и все, что ты во имя мое сделала в Египте и на пути сюда? Или думаешь ты, что я не чувствовал, когда ты взяла мое тело, лежавшее среди трупов животных, и положила его в своих покоях? Или не внимал я всегда молитвам твоим и не молился о тебе Богу? Прежде всего я умолил Бога о роде твоём, среди которого ты положила меня здесь, чтобы им были отпущены грехи. А теперь я сына твоего увел, чтобы он вступил в воинство небесного Царя. Не ты ли сама здесь молилась, чтобы я испросил у Бога то, что Ему угодно и что полезно тебе и сыну твоему?.. И вот я молился о том Господу, и Он по неизреченной благодати Своей благоволил принять сына твоего на службу Себе воином небесным, и вот ты видишь сына твоего, облеченного в доспехи воинства небесного. Теперь, если ты этим недовольна, возьми сына твоего и пошли его на службу царю земному и временному, если ты не хочешь, чтобы он служил Царю небесному и вечному.

Мать смотрела на отрока, расцветшего новой красотой, сиявшего небесной славой.

Мать ждала его ответа, и он, обняв мученика У ара, отвечал: «Не слушай матери моей; не посылай меня в мир, полный неправды и всякого беззакония. Я избавился от него с твоим приходом ко мне. Не лишай меня своего присутствия и жизни среди святых».

Он обернулся к матери и сказал: «Зачем вопиешь ты так, мать? Я вчинен в воинство царя Христа. Мне дана участь предстоять Богу в небе вместе с Ангелами, а ты плачешь, желая, чтобы я взят был из славы в убожество».

И видела блаженная Клеопатра сына своего, облеченного в ангельский чин, и сказала: «Возьмите вы и меня с собой, чтобы я была с вами».

– И живя на земле, – отвечал ей мученик, – ты с нами. Иди с миром. А со временем, когда Господь повелит, мы придем взять тебя на небо...

Видение скрылось. Придя в себя, Клеопатра чувствовала, что сердце ее полно неизреченной радости и веселья. Она рассказала священникам это видение и с ними спокойно схоронила тело сына своего у раки мученика У ара, не плача, но веселясь о Господе.

Потом она раздала имение свое бедным, отреклась от мира и жила при церкви мученика Уара, служа Богу день и ночь в посте и молитве, и всякий день являлись ей на молитве мученик У ар и сын ее в великой славе.

Семь лет прожила блаженная Клеопатра такой жизнью и преставилась, угодив Богу, и тело ее было положено в церкви святого мученика У ара рядом с сыном ее Иоанном. Душа же ее предстоит на небесах, веселясь Богу с мучеником У аром и Иоанном-отроком, блаженным сыном ее.

Дети и вечность (Преставление святителя Илариона, епископа Мглинского)

(Память 21 октября)

Невинный младенец со сложенными на груди руками, став на колени в своей колыбели и заботливо поддерживаемый матерью, лепечет слова первой молитвы...

Господь Вседержитель, царствующий над миром, и называющее Его невинное дитя – какая святыня!.. Вид молящегося ребенка на-

векает на душу какую-то сладкую грусть, заставляет эту душу неясно чувствовать близость неба, возбуждает в ней тоску по небесной, прекрасной жизни.

Рассказывают, что славившийся великой добротой своей и простотой своей жизни митрополит Петроградский Антоний не мог без волнения слышать лермонтовского стихотворения «По небу полуночи Ангел летел...» Когда он был мирским человеком, профессором Казанской Духовной академии, у него умерло от скарлатины двое детей, любимых им со всей нежностью глубокого, сдержанного сердца. Несчастный отец, нося их на руках в те часы, когда в этой роковой болезни пленки расползаются по горлу, укачивая их, напевал им тихим голосом любимую песню: «По небу полуночи Ангел летел...» Он думал о том, что вот сейчас и они улетят в то небо, откуда так недавно принес их души Ангел, воспетый поэтом, и они действительно скоро туда улетели.

И когда в сане митрополита, присутствуя на экзамене в начальных школах, он слышал это стихотворение, он не мог сдержать своего

волнения.

Счастливы те дети, которых Господь рано отозвал к Себе «от мира печали и слез». Но еще счастливее дети, которые в детстве, научившись молиться и испытывая великое влечение с детства ко всему божественному, в последующей жизни своей возрастали в вере и в любви к Богу.

Одним из таких людей был святитель Иларион, епископ Мглинский (Мглин был в то время главным городом одной из болгарских областей).

Святитель ревностно боролся в этом городе с еретиками-богомилами. Он почил в 1164 году, а в 1206 году мощи его перенесены в Тырнов, откуда тайно перенесены в последнее время в Константинополь.

Святитель Иларион был плодом долгих молитв своих родителей. У них не было детей, и они неотступно молились о даровании им ребенка. Плодом этих молитв и явился Иларион. Родившись по молитве родителей и посвященный Богу, с первых сознательных движений он, душа его стремилась к Богу. Вспомнили о нем, что еще трехлетним дитятей он

любил петь: «Свят, свят, свят Господь Бог Саваоф».

Какая красота в той жизни, которая началась в таких чувствах, в таком раннем благочестии и расцветала все более и более пышным духовным цветом!..

Явление мощей праведного отрока Иакова, Боровичского чудотворца

(Перенесение мощей его 23 октября)

В трех верстах от города Валдая Новгородской губернии, на величественном острове, некогда покрытом частым дремучим лесом, привольной, широкой картиной раскинулась Валдайская Иверская Свято-Езерская Богородицкая обитель. Это – одна из самых живописных местностей России между Валдайских гор.

Основана обитель знаменитым патриархом Никоном в честь иконы Богоматери Иверской. И точное подобие этой иконы, написанное с первообраза ее на Афоне, составляет главную святыню обители.

В Успенском Иверском соборе этой обите-

ли почивают мотни святого праведного Иакова, Боровичского чудотворца. Жизнь этого праведника известна только по его смерти – по тому источнику чудес, которые истекли от его мощей.

Описатель явления мощей блаженного отрока Иакова Боровичского в заключение труда своего пишет так: «Мы усердно прославляем блаженного Иакова, хотя неведомо нам, кто он и откуда. Но Бог ведает раба Своего, и пусть останется с нами блаженный вовеки в здешней жизни и будущей как сильный и дивный муж. Этот отрок, сопровождаемый чудесами, пришел к нам в Россию и хранит и соблюдает веру нашу во Христа. Если бы и все святые пришли к нам в Русскую землю, всем им отвелось бы и упокоение, и усердие, а нам радость и недугов исцеление, и душ спасение».

Это было в царствование Иоанна Грозного, в 1540 году, на третий день Пасхи... Река Мета, только что взломав толстый лед, сковывавший ее воды, быстро катила свои волны по стройным боровичским порогам. По поверхности реки плыла льдина, как бы окутанная

густым паром. Несмотря на страшный напор воды, льдина шла против течения, справляясь с противным ветром, словно какой-то невидимый кормчий направлял льдину против волн, подчиняя себе и воды, и ветер. Льдину эту прибило к селению Боровичи.

Когда жители Боровичей вышли к берегу, они с ужасом увидели, что на льдине стоит гроб с лежащим в нем отроком. Они поспешили оттолкнуть шестами льдину от берега, чтобы избавить себя от неожиданного и страшного гостя-мертвеца. Но льдину прибило снова к тому же месту.

Спасаясь от покойника, боровичане отвели льдину на две версты ниже по течению. Каков же был их ужас, когда на следующий день льдина с колодой покойника снова стояла у их селения! Вторично они отвели льдину ниже по Мете. Но снова сверхъестественным образом льдина вернулась на прежнее место.

В ту же ночь старшинам во сне было явление отрока, почивавшего в колоде. Отрок с упреком говорил: «Зачем вы, будучи христианами, так немилосердно гоните меня, подобного вам христианина? Если вы хотите знать

мое имя, то я тезоименит святому апостолу Иакову, брату Господню».

Наутро старшины стали рассказывать об этом необыкновенном сновидении, и народ кинулся к реке, уже не для того, чтобы отогнать страшную льдину, а для того, чтобы принять, поклониться и облобызать дарованный им новый источник благодати.

Колода была с благоговением снята со льдины и поставлена в часовню. По окрестности быстро разнеслась весть об отроке Иакове, и богомольцы во множестве стали собираться на поклонение новоявленному угоднику, от которого текли одно за другим великие чудеса.

Кто был неведомый чудотворец? Одно предание говорит, что он был судовщик, принял Христа ради юродство и скончался молодым, пораженный молнией.

Как зрела была его душа и сколько надо было силы воли и горячей веры, чтобы, в память скитавшегося и униженного на земле Христа, принять на себя те вольные унижения, которые выпадают на долю юродивых!

Конечно, как во всяком юродивом, в отро-

ке Иакове билось горячее сердце, которое искало у людей сочувствия и само давало им это сочувствие. И быть может, за эту жажду ласки и привета все люди, от которых он ждал участия, так же гнали его от себя, как хотели отпихнуть льдину с его гробом боровичские христиане, когда он к ним приплыл... Но его душевные силы, которые не были оценены и которыми народ не воспользовался при его жизни, проявились в нем после его смерти – в тех благодеяниях, которые он стал изливать на приходящий к нему народ...

В то время о необычайном пришельце из Боровичей дали знать Новгородскому архиепископу, а он, в свою очередь, донес обо всем митрополиту Московскому Макарию. И тот повелел воздавать мощам должное почитание. Для освидетельствования мощей был отправлен в Боровичи один из новгородских игуменов.

Прибыв на место, игумен в присутствии множества богомольцев, собравшихся на духовное торжество, перенес мощи святого праведного Иакова во вновь выстроенную цер-

ковь Святого Духа. А по возвращении в Новгород игумен свидетельствовал архиепископу о многих чудесах от мощей святого Иакова.

Больше ста лет честные мощи пребывали в Свято-Духовом храме. Когда патриарх Никон основал Иверскую обитель, он пожелал перенести мощи праведного отрока Иакова в эту новую обитель.

Перенесение мощей было устроено с необыкновенным торжеством. Патриарх лично переложил в новую раку из серебра, сооруженную на собственные его средства, мощи праведного отрока, а самые мощи окутал в новую, белую камку и накрыл их богатым покровом.

Мощи праведного Иакова, Боровичского чудотворца, покоятся в левом крыле, в раке чеканного серебра, под вызолоченным балдахинном. На верхней части раки изображен лежащий праведный Иаков, а по стенам – явление святых мощей на льдине, перенесение в церковь Святого Духа в Боровичи, явление святого Иакова старшинам боровичским. Тут же вырезан тропарь Божью угоднику: «Божественной благодатью просветився, и по смер-

ти даруеши исцеление притекающим к раце мощей твоих, премудре Иакове. Тем же и ныне чтим честных мощей твоих перенесение, веселяще вкупе души и телеса. Тем вопием: слава Давшему тебе крепость, слава Венчавшему тя, слава Действующему тобою всем исцеления».

У раки теплится неугасимая серебряная лампада, принесенная жителями города в память переложения святых мощей в серебряную раку в 1858 году.

Память праведного отрока Иакова совершается 23 октября, на день святого Иакова, брата Господня, имя которого, как он сам открыл старшинам, носил праведный отрок.

Младенец-мученик (страдания мученика Арефы и иже с ним)

(Память 24 октября)

Мученик Арефа пострадал в начале шестого века в большом городе Негране, лежавшем в нижней, или так называемой «счастливой», Аравии. В то время этой землей завладел иудей Дунаан, человек злобный и враг имени Христова.

Город Негран, просвещенный христианством при сыне Константина Великого, возрос в вере. В нем было много монастырей и набожных людей. Жители Неграна, получив от Дунаана приказ отречься от Христа, ответили отказом. Царь, с великой силой обложив город, не мог взять его осадой, так как город был прочно укреплен и имел в себе продовольствия на несколько лет. Царь поклялся жителям Богом и законом, что, если ему отворят ворота города, он не сделает жителям никакого вреда, а только потребует с каждого известную подать. Но, войдя в город, надсмеявшись над своим словом, приказал немед-

ленно арестовать всех старшин, старейшим из которых был девяностопятилетний муж Арефа. Это именно он руководил столь удачной защитой города, так же как в мирное время наблюдал за всем благоустройством.

Затем начались пытки и казни христиан. Тут разыгралась поразительная картина христианского мужества. Когда стали казнить женщин, дети теснились у места казни с матерями и кричали: «Мне отсеките голову, меня казните».

Еврей Дунаан не мог прийти в себя от изумления при виде этого бесстрашия, спрашивая, какими чарами мог околдовать людей этот Галилеянин, что они смеются над смертью и сами лезут ей в пасть.

До царя дошел слух о молодой еще женщине знатного происхождения. Ее звали Синклитикия. Рано лишившись мужа, она посвятила себя благочестию и воспитанию своих двух дочерей. Призвав ее к себе, царь, отдав должное ее красоте, разуму и добродетели, стал уговаривать ее отречься от Христа. Она отказалась подчиниться его воле. Тогда царь велел, сняв покрывало с ее головы, что в той

стране считалось позором, ее и ее дочерей в том же виде водить по городу.

Весь город знал благородную вдову, и женщины рыдали, смотря на ее позор и унижение. А она в мужественных словах просила их успокоиться, говоря о том, с каким счастьем принимает она муку за Христа.

Когда Синклитикия снова предстала Дунаану и он начал угрожать ей, ее младшая дочь, которой еле исполнилось двенадцать лет, подойдя в упор к царю, плюнула ему в лицо. Царские слуги, обнажив мечи, на месте казнили ее и ее сестру. Исступленному Дунаану пришла в голову дикая мысль. Он велел собрать кровь казненных девушек и насильно влить ее в уста матери.

– Господи, – воскликнула Синклитикия, когда ее языка коснулась кровь дочери, – славлю Тебя, что Ты сподобил меня вкусить кровь дочерей моих, за Тебя пролитою. Прими от меня эту жертву. Я была матерью этих отроковиц, которые ныне в венцах мученических вошли в чертог Твой...

Вслед за тем и она была казнена.

Потом царь принялся за старейшин, и за

первого из них – Арефу. Долго пламенными речами обличал Арефа царя и был казнен над той большой могилой, где сложены были тела ранее отошедших мучеников. С ним были казнены еще триста сорок человек, и многие из христиан обмакивали свои пальцы в кровь обезглавленного тела мученика Арефы и помазывали ею себе чело. Тут снова просиял на поучение миру пример того, какой христианской ревностью могут дышать воспитанные от младенчества в вере дети христианские.

На месте казни находилась одна христианка. Она держала за руку своего маленького сына, которому было не более пяти лет. Среди других она обмакивала свои пальцы в мученической крови и мазала этой кровью себя и своего сына. Вид обезглавленных мучеников возбудил в душе ее святое негодование, и она, осуждая царя, громко воскликнула: «Да постигнет этого жидовина участь фараона Египетского!»

За эти слова воины схватили ее и поставили перед царем, повторяя ее слова. Царь, не вступая с ней в разговор, велел жечь ее огнем.

Когда костер был разведен и мучители стали связывать ее, чтобы бросить на костер, ребенок ее стал плакать. Понимая, что царь заставляет страдать его мать, он подбежал к нему и, смотря на него сквозь слезы, капавшие из глаз, схватился за его ноги и стал упрашивать, чтобы он отпустил его мать.

Красивый, смелый и ясно говоривший ребенок понравился царю. Он посадил мальчика на колени и спросил: «Кого ты больше любишь, – меня или мать?» Ребенок отвечал: «Я люблю мать, и ради нее я пришел к тебе. Отпусти ее и вели ее развязать, чтоб она и меня взяла с собой на муку, так как она подготовляла меня к муке».

– О какой муке ты говоришь? – спросил царь.

Мальчик, полный благодати Божией, действовавшей в нем, отвечал царю: «Мука христианская в том состоит, чтобы умереть за Христа и воскреснуть и жить с Ним».

– Кто Христос? – спросил царь.

– Пойдем со мной в церковь, и я покажу тебе Христа.

Потом ребенок снова посмотрел на мать и

с плачем сказал:

«Царь, оставь меня, пусти к матери!»

– Зачем же ты, – заметил царь, – оставил мать и пришел ко мне? Не возвращайся к ней. Остайся со мной. Я дам тебе яблок, орехов и вкусных плодов.

Очевидно, царь предполагал, что перед ним простой, глупенький ребенок с детским разумом. Но сын христианки был несравненно разумнее своих лет и разумно отвечал царю:

– Не хочу я оставаться с тобой. Пусти меня к матери. Я ведь думал, что ты христианин, и пришел тебя просить за мою мать. Ты же жиловин, и потому не хочу у тебя оставаться или принимать что-нибудь из твоих рук; пусти меня к матери.

Царь удивлялся такой настойчивости малого ребенка. Когда мальчик увидел, что мать брошена в огонь, он больно укусил царя. Содрогнувшись от боли, царь отбросил его от себя и велел одному из стоявших около него вельмож взять мальчика к себе, чтобы воспитать его в еврейском законе и в отречении от Христа. Тот, взяв ребенка за руку, повел его за

собой и по дороге, встретившись с одним другом, стал рассказывать ему, как достался ему этот мальчик.

Они стояли неподалеку от того костра, в который была брошена мать. Увидев, что он не может ее освободить, и вспомнив ее речи о том, какое счастье умереть за Христа, сын почти не жалел ее, но словно чувствовал, что он не разлучится с ней и соединится с ней навеки.

Во время разговора тех двух людей мальчик вырвал из руки взрослого свою руку, и стремительно подбежал к костру, вскочил в него и, обнимая свою горящую мать, сам сгорел с ней. И душа матери в великой победе, ликуя, вознеслась к Богу с душой маленького сына.

Слава Господу, Который так умудрил малого младенца, что сбылись над ним пророческие слова: «Из уст младенец совершил еси хвалу».

Великомученик Димитрий Солунский, воевода, и юный мученик Нестор

(Память 26 октября)

Город Солунь – нынешние Салоники – родина на святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, учителей словенских, представляется христианскому миру как место дивного страдания и упокоения святого великомученика Димитрия Солунского.

Все в этом мученике: знатность его происхождения, бесстрашное исповедание им имени Христова, сияющая красота его духа и его внешнего образа, его чудеса – делает его одним из самых лучезарных воспоминаний той благодатной поры, когда христианство росло и умножалось в чистых, святых потоках мученической крови.

Начальником города Солуни, отличаемым императором, был отец великомученика Димитрия. Он был тайный христианин и скрывал свою веру. Сокровище ее он носил в сердце, как некий многоценный бисер.

Внутри палат его у него была устроена тайная молельня, и в ней он хранил два изображения, богато украшенных драгоценными камнями: одно изображение воплотившегося Господа Спаса нашего, другое – Пресвятой Богородицы. Перед ними он всегда теплил лампы и кадил фимиам. В эту молельню он часто ходил со своей супругой и горячо молился в ней Богу.

Он жил христианской жизнью, сияя добродетелями. Был милостив к нищим, оказывал всякие благодеяния нуждающимся людям. Одно омрачало их жизнь – что у них не было детей. Неотступно и прилежно молились они Богу – послать наследника их имени, их благочестия. Желание их исполнилось: Господь, помянув их молитвы и милостыни, дал им святого до столбленного сына, Димитрия.

По всей Солуни разнеслась весть о рождении у воеводы сына. Он учредил пир на весь город и излил щедрую милостыню на нуждающийся народ.

Димитрий рос, отражая в облике своем знатность своего происхождения. У него был великодушный характер. Он не кичился сво-

им положением и первый кланялся людям, встречающимся с ним на улице. Заботливый и предупредительный к родителям, ровный со всеми, великодушный со слабыми товарищами, он учился хорошо и отлично усвоил себе тогдашние воинские упражнения. Был одинаково ловок в метании лука и в лихой езде на коне. Родители любовались им, как любовался им весь город. Всем казалось, что его ждет высокая судьба.

Когда родители увидели, насколько разумен Димитрий, они отвели его в свою потаенную храмину и, подведя его к святым иконам, сказали: «Вот изображение Единого истинного Бога, сотворившего небо и землю. Вот изображение Пресвятой Девы Богородицы». Они наставили его в святой вере и открыли перед отроком жизнь Христову от дня Его рождения в Вифлеемской пещере.

Широко открыв глаза, еле переводя дыхание, слушал мальчик священную повесть о воплотившемся Боге... Он видел перед собой Господа, носимого на руках Матерью в Египте. Он видел Его в Назарете, помогающим древоделу Иосифу в его работах. Он видел Его в

Иерусалимском храме с толковниками, с божественным огнем в очах. И за Ним он следовал на проповедь, проходя с Ним вместе по каменистым дорогам Иудеи...

Судьба Димитрия в этот день решилась. Христос пленил его сердце. Но не одни рассказы отца и матери, как бы вдохновенны они ни были, повлияли на отрока. Это было воздействие на душу свыше. Божия благодать пала на сердце того, кто с колыбели был отмечен Божиим перстом.

Димитрий переменялся. Он стал сдержаннее. Он не интересовался совсем внешним. Та военная служба, которой он раньше бредил, уже не так привлекала его, и со всяким биением сердца в нем отдавались два слова, составившие теперь всю цель его жизни: «воин Христов». Приняв крещение, он изучил Закон Божий, и добродетели умножались в нем, словно он восходил по духовной лестнице, воспаряя со ступени на ступень.

Он был еще юным, когда умерли его родители и оставили ему великое богатство.

Император Максимиан, узнав о кончине солунского воеводы, вызвал к себе его сына

Димитрия и вручил ему власть отца с наказом хранить свою родину и очистить ее от неистовства христиан, убивая всякого, кто назовет имя Распятого. Вернувшись в Солунь, Димитрий был принят народом с радостью и начал открыто исповедовать и прославлять имя Христово и учить святой вере. И стал он в Солуни вторым апостолом Павлом, приводя жителей к познанию истинного Бога.

Максимиану донесли, что воевода Димитрий – христианин и многих приводит к своей вере.

Царь замышлял страшное мучение, так как собирался, окончивши войну с сарматами, быть в Солуни. Судьба Димитрия была им уже решена.

Еще до прибытия царя Димитрий передал одному верному слуге своему все свое имение и богатство, оставшееся ему после родителей: серебро, золото, драгоценные камни, утварь, одежду.

– Раздадим, – сказал он, – поскорей богатство земное и поищем небесного.

Сам Димитрий молитвой и постом стал готовиться к венцу мученичества.

Когда прибыл царь и по всенародной исповеди Димитрием имени Христова заключили его в темницу, Ангел Божий явился исповеднику в темнице с прекрасным райским венцом и сказал ему: «Молю тебя, страдалец Христов, мужайся и крепись».

По случаю прибытия царя в Солунь были устроены большие игры в цирке, и некий боец Лий боролся с людьми, обвиненными в христианстве, и, осилив их, бросал с высоты на подставленные снизу копья.

Один юный христианин, Нестор, у которого еле пробивалась борода, знавший святого Димитрия и жалея христиан, посылаемых на неравный бой, задумал с помощью Божией прекратить это злодейство. Он всей душой уважал Димитрия за его праведную жизнь. А теперь, когда Димитрий начал страдать за Христа, его благоговение к мученику еще увеличилось. Он проник к нему в темницу и открыл ему, что с помощью Божией надеется сокрушить борца. Димитрий, выслушав его мечту, перекрестил его и сказал: «Ты победишь Лия и примешь муку за Христа».

Укрепляемый этим благословением, свя-

той Нестор пошел в цирк, вызвал борца на бой, и Господь дал ему такую силу, что, сам небольшого роста, он задушил в своих объятиях борца.

Так как Максимиан очень отличал Лия и скорбел о его смерти, то он велел тут же казнить Нестора, и чистая душа благородного мученика предварила в Царстве Небесном своего учителя Димитрия.

Царю донесли, что Нестор перед боем заходил к Димитрию в темницу, и царь, думавший раньше извести Димитрия медленной смертью, велел на заре покончить с ним.

Димитрий молился в темнице... Он вспоминал свои детские годы тут, в Солуни, ласки родителей и тот заветный день, когда они, введя его в свою тайную молельню, рассказали ему о Христе. Он вспоминал, как тяжело ему было среди язычников, как пламенное сердце его рвалось к всенародному исповеданию имени Христова. Он был счастлив; он знал, что ему грозят страшные муки, и готов был принять их.

Дверь скрипнула. С шумом ворвался отряд воинов и заколол его копьями.

Все мученики мучились больше Димитрия, который почти не принял никаких пыток... Какая же святость жила в его душе, если Господь прославил его незаходимой славой, послал ему величайший дар чудес!

Верный раб Димитрия, Лупп, которому он оставил свое имение, присутствовал при казни господина и захватил его одежду, омочив ее и перстень Димитрия в крови блаженного. После казни от этой одежды исцелились многие больные.

Максимиану донесли о Луппе, и он велел его казнить. Добрый раб пошел к Господу за своим господином.

Великомученик Димитрий стал хранителем Солуни и не раз чудесно спасал ее от разорения.

Как-то в царствование императора Маврикия рать сарацин со всех сторон обложила Солунь. Один благочестивый житель города, Иллюстрий, молился в притворе храма великомученика Димитрия страстотерпцу о спасении города и, забывшись, имел чудное видение.

В храм вошли два Ангела в виде светлых

юношей и громко спросили, где есть господин, здесь живущий. На этот зов явился новый юноша в виде слуги и спросил: «На что он вам?» «Господь послал нас к нему сказать ему слово», – отвечали они. Слуга указал им на гроб святого, говоря: «Он здесь». Они приказали доложить господину о них. Слуга отдернул завесу, и из-за нее вышел им навстречу святой Димитрий в таком образе, каким он изображен на иконах. Лицо его светилось ярче солнца, так что Иллюстрий не мог смотреть на него и в страхе отбежал.

Пришедшие приветствовали Димитрия, а он сказал им: «Благодать вам. Почему вы пришли ко мне?» – «Владыка послал нас к твоей святости и приказывает тебе оставить город и идти к нему, так как он хочет отдать его врагам».

Выслушав эту весть, мученик со слезами склонил голову на грудь и молчал. Тогда слуга великомученика заметил: «Если бы я знал, что вы принесли господину моему эту безутешную весть, я бы не доложил ему о вас...» Подняв голову, великомученик заговорил:

– Неужели в этом Божия воля? Неужели

Господь хочет погубить город, который Он искупил Своей честной кровью? Неужели Он предаст его в руки врагов, не ведающих Его и не верующих в Него, не почитающих святого имени Его?

– Если бы в том не было Божией воли, Господь не послал бы нас к святыне твоей.

– Идите, братия, скажите Владыке моему: «Так говорит Димитрий, раб Твой: я знаю, Господи, человеколюбие Твое, что щедроты Твои превосходят грехи наши и что беззакония всего мира не преодолеют милосердия Твоего. Ты, ради грешных изливший Свою кровь и положивший за нас душу Свою, яви милость Свою и на этом городе. Не вели мне покидать его, ибо Ты поставил меня этому городу стражем. Я уподоблюсь Тебе, Владыко мой, и положу душу мою за граждан. Не погуби, Господи, город, в котором произносится святое имя Твое. Если и согрешали люди его, но не отступали от Тебя, а Ты ведь Сам Бог кающихся».

– Это ли передать от тебя пославшему нас Господу? – спросили Ангелы.

– Да, – отвечал Димитрий, – так и передайте эти слова Господу, ибо я знаю, что Господь

не до конца прогневаются, ниже во век враждует.

С этими словами великомученик вошел в гробницу, и беседовавшие с ним стали невидимы.

Отрок Иллюстрий рассказал гражданам об этом видении и увещевал их крепко противиться врагу. Все со слезами молились Богу, прося Его милости, призывали на помощь святого великомученика Димитрия, и скоро осада со стыдом была с Солуни снята. Так великомученик Димитрий защитил свой город.

Много рассказывается среди чудес его о том, как он освобождал пленных. Имя великомученика Димитрия почитается и в России. Это имя носил освободитель Руси от монгольского ига, бессмертный победитель Мамай, орел, высоко парящий, великий князь Димитрий Иоаннович Донской.

В нижнем ряду иконостаса Московского большого Успенского собора стоит икона великомученика Димитрия, писанная на гробовой его доске.

Страдания святой и преподобномученицы Анастасии Римляныни

(Память 29 октября)

Бывают в окрестностях громадных и шумных городов тихие приюты.

Был такой приют в окрестностях Рима во времена царствования императора Декия, жестокого гонителя христиан.

Высокая ограда, удачно закрытая высоко поднявшимися деревьями, так что издали и самой ограды не было видно, скрывала этот приют от постороннего взгляда. Всем казалось, что тут живет на покое старая состоятельная матрона, имеющая много прислужниц для домашнего хозяйства и для обширного плодового сада и огорода.

В этой жизни скрывались великие тайны, так как тут был женский христианский монастырь. Тут неведомо миру, вдали от суеты мирской, спасалось десятка полтора женщин под руководством опытной инокини Софии, старой годами и достигшей совершенства в

добродетелях.

В этом монастыре жила блаженная дева Анастасия, родом из Рима. Ей не было трех лет, когда родители ее, христиане, умерли, и София взяла ее к себе и стала воспитывать.

Анастасия была любимицей всей маленькой обители. Она была прекрасна лицом, высока ростом, и, несмотря на строгость ее жизни, взор ее был веселый и радостный. Всем она, бывало, скажет при встрече ласковое слово, всем готова оказать услугу. А между тем она всех превосходила строгостию поста, усердием к молитве. Она любила сидеть на скамеечке с какой-нибудь работой в руках у ног своей приемной матери и слушать, как та рассказывала ей передававшиеся из уст в уста предания о жизни Спасителя на земле, о чудной благодати Приснодевы Марии, о великих святых и проповедниках, распространявших веру во Христа, о мучениках, проливавших за Него кровь.

Годы шли. Анастасия превращалась в девушку поразительной красоты. В минуты выхода ее из монастыря она привлекала к себе общее внимание. К приемной матери ее не

раз заезжали богатые люди, чтобы посватать ее за своих сыновей, пораженных ее красотой. Всем был один ответ: она молода и не думает о замужестве.

И в самом деле, мысль о браке пугала девушку. Уже давно сердце ее было полно громадной, исключительной любовью. И эта любовь не допускала до нее никакой земной мечты.

Христос – Вифлеемский младенец, Христос – отрок Назарета, Христос, поражающий толковников в храме в двенадцатилетнем возрасте Своей мудростью, Христос, трудом рук Своих кормящий Богоматерь, Христос, выступающий на проповедь, Христос-учитель, Христос-исцелитель, Христос – воскреситель умерших, Христос, преобразившийся на горе, Христос, со славой входивший в Иерусалим и вслед затем поруганный, избичеванный, осужденный и распятый, Христос терноносный, Христос воскресший, Христос-победитель, Христос, вознесшийся на небеса и сидящий одесную Отца, Христос – пристань верующих, входящий тихо к тем, кто Ему отворит, и ведущий с душой их благодатные неиз-

глаголаные речи, – вот Кто был единственной любовью Анастасии.

Не довольствуясь тем, что сватали ее через ее воспитательницу, некоторые обращались к Анастасии непосредственно и молили ее о согласии именем богов. И тогда невольно на лице ее выражалось презрение. И эти люди слышали о богах неуважительные отзывы девы. Озлобленные ее упорством, люди решились этим воспользоваться, чтобы ее победить. Они донесли на нее, что Анастасия губит бесплодно красоту свою, не желая взять себе мужа, и что она ругается над богами.

Градоначальник велел поставить перед ним оскорбительницу богов и послал к обители несколько воинов.

Силой вломившись в монастырь, воины заявили, что Анастасию велено привести в город.

София уговорила их дать ей время достойно убрать девицу. Воины согласились. И вот духовная мать Анастасии, приведя воспитанницу свою в церковь, стала укреплять ее мужество. Она поставила ее перед алтарем и стала говорить ей:

«Чадо мое, Анастасия, теперь ты должна на деле показать свою усердную любовь к Богу. Тебе подобает бороться за верность твоему возлюбленному Жениху – Христу до крови, до смерти. Ты должна явить миру, что ты истинно Его невеста. Не дай обольстить себя языку, изощренному острее бритвы, не дай ослепить себя дарами и славой суетного мира. Не страшись мук временных, ибо они исходатайствуют тебе жизнь вечную в чертоге Жениха твоего. Открыто перед тобой ложе вечного покоя, сплетен тебе венец.

Вот уже зовут тебя на брак с Агнцем. Гряди же к Нему с веселием. Иди, обагренная кровью, одеянная ею, как брачной одеждой. Молю тебя, внемли словам моим, помяни труды мои и попечения с детства. Привожу тебя как чистую невесту Господу славы. Для того трудилась я, тому научила я тебя, чтобы ты соединилась с Господом всем сердцем и душой. Не сведи преждевременно мою старость во гроб. Если я услышу, что ты не могла стерпеть мук, ты сокрушишь меня, я тотчас умру. А если услышу я, что ты крепко стояла за Христа, отдала за Него жизнь свою, тогда буду я как

матерь, веселящаяся о детях своих, и счастлива будет моя старость.

Когда будут тебя страшить муками, ты отвечай: не боюсь страха вашего, так как со мной Господь. Если тебя начнут без милости бить, не бойся убивающих тело и не могущих убить души. Будут ли строгать твою плоть, ты радуйся в страданиях твоих. Будут ли разрубать тебя на части, вспомни тогда, что и волос головы твоей сосчитан Богом, Который сохранит все кости твои, и ни одна из них не сокрушится. Захотят ли отсечь тебе голову, зрирай на главу всей церкви – Христа, ибо Он есть возносящий главу твою... Не бойся страдать: в тот час невидимо будет стоять около тебя Жених твой, будет облегчать твои болезни. Когда ты будешь в скорби, Он даст тебе отраду. Когда изнеможешь, Он тебя укрепит. Когда падешь от ран, Он подымет. Когда от лютого исступления исполнишься горя, Он уладит сердце твое и прохладит душу твою и не отступит Он от тебя, пока, изъвав тебя из рук мучителей, не введет тебя в небесный чертог и, созвав все ангельские силы и лики всех святых для тебя, торжествуя, увенчает тебя

как невесту Свою нетленным венцом, и будешь ты соцарствовать с Ним в славе вечной».

Анастасия слушала. Уже давно втайне мечтала она о том часе, который теперь наступал. Разгоравшаяся в ней все более жарко пламенная любовь к небесному Жениху давно требовала жертвы. Уже давно мечтала она о счастье пострадать за Христа, о сладости, с какой перенесет она величайшие испытания. Она завидовала мученицам, которые всенародно исповедовали имя Божие, переносили страшные испытания и восходили в небеса, чтобы принять венец от возлюбленного Иисуса.

Слова дорогой воспитательницы только укрепляли давно уже созревшее решение.

– Готово сердце мое, – воскликнула Анастасия в ответ на речи Софии о страдании за Христа, – готова душа моя умереть за сладчайшего Иисуса... Уже давно в этом все желание мое и все воздыхание мое. Уже давно мечтаю я, с детства возлюбив Господа, положить за Него душу мою. Теперь же пришло время исполниться желанию моему. Я с радостью иду

к мучителю моему и исповедую перед ним имя Бога моего. Ты же, госпожа и мать моя, не бойся за меня. Не думай, что я слишком молода, чтобы страдать. Я верю Господу моему Иисусу Христу, что Он укрепит Свою рабу. И ты, возлюбленная мать, моли Его, чтобы Он не оставил меня, чтобы Он не отступил от меня, пока я именем Его не совершу подвиг мученичества.

Старица долго не могла расстаться с Анастасией. Она знала, что проводит с ней последние минуты, и то, что оставалось в ней человеческого, заставляло ее удерживать еще Анастасию при себе.

Воины в нетерпении роптали и, наконец, грубо набросили на шею девушке железную цепь и повлекли ее в город.

В житии великомученицы вы прочтете о том, как на допросе все были поражены ее красотой, как мужественно она переносила мучения – страшное избиение палками, пытки кипящей серой и смолой, строгание тела ее железными когтями, вырывание зубов и ногтей.

Река крови лилась из уст ее, и, когда она

попросила воды, один христианин, по имени Кирилл, поднес ей чашу воды и был немедленно усечен мечом. Ей был вырезан язык, и, наконец, она была усечена мечом. Останки ее были собраны и схоронены воспитательницей Софией.

Так совершила короткий жизненный путь свой дева Анастасия Римляныня.

Ноябрь

Страдания святого мученика Ерминингельда, царевича Готфского

(Память 1 ноября)

Ерминингельд, сын царя Готфского Лувингильда, был обращен из арианской ереси к православной вере Леандром, епископом Испалитанским.

Лувингильд, заклятый арианин, был огорчен, что сын оставил его веру, и старался отратить его от православия и увлечь снова в ересь. Он ласковыми словами увещевал сына оставить православие и быть с ним в единении, как и прежде. Когда же тот оставался непреклонным, отец стал запугивать его, грозя ему муками и ранами. Но царевич был непоколебим, как некий столп, ни во что вменяя обещания отца и угрозы.

Отец был человек своевольный, совершен-

но не выносивший, чтобы ему противоречили. Жестоко разгневанный на сына, он прежде всего лишил его царского престола, наследства и всех имений. Видя, что и это на него не действует, царь оковал сына по шее, рукам и ногам железными цепями и бросил его в мрачную темницу.

И вот молодой царевич, которому жизнь обещала одни радости, за верность Христу, Божество Которого отрицают ариане, сидит в темнице. Толпы блестящих сверстников сменились противными стаями крыс, которые, бегая по темнице, издают своими когтями шум, невыносимый для непривычного человека. Тонкие яства пиршеств и сладкие вина сменились водой и черствым куском хлеба. Но царевич решил стоять до конца и показать Христу, что Его любит больше своей жизни.

Блаженный Ерминингельд, юный летами, был стар разумом. Потеря царства земного не печалила его, так как все мысли его неслись в Царство Небесное. Лежа в темнице, скованный, он молился всемогущему Богу, чтобы Бог укрепил его в его страдании.

Настала Пасха. Царь призвал одного из арианских епископов и послал его ночью к своему сыну в темницу, чтобы царевич согласился на арианское еретическое причастие из рук того епископа. Царь велел сказать сыну, что в таком случае он примет его опять в прежнюю отеческую любовь и вернет ему все почести. Но страстотерпец смело обличил арианского епископа, прогнал его от себя и не принял еретического причастия. Он был приобщен Пречистых и Животворящих Тайн Христовых одним православным пресвитером, посланным к нему тайно епископом Леандром.

Когда после неудачного поручения своего арианин вернулся к царю, ярость царя достигла последних пределов. Со скрежетом зубным он выбрал несколько преданных ему бояр и приказал им убить своего сына в темнице. Они секирой отрубили царевичу голову. И когда совершилось это злодеяние, раздались над святым телом мученика пение ангелов и видны были в ночи горящие свечи. Правовверные радовались и благодарили Бога, прославившего такими чудесами страдальческую

кончину верного раба Своего.

Сыноубийца, трепеща за свое страшное злодеяние, заболел от печали и думал откаться от арианства и перейти в православие. Но он боялся, что на него тогда восстанут ариане, и ему не было дано исполнить свое намерение. Когда же приблизился его конец, он призвал к себе Леандра-епископа, которого раньше гнал. Теперь же царь умолял Леандра просветить православным учением его младшего сына, Рехадера, как раньше просветил Леандр Ерминингельда.

По смерти Лувингильда воцарился Рехадер и, приняв православие, наставляемый епископом Леандром, привел к благочестию всю землю Готфскую, которая была погружена в арианскую ересь.

Рехадер почтил подобающими почестями мощи святого Ерминингельда, старшего брата своего, как мученика Христова, на котором сбылось евангельское слово: «Если зерно пшеничное, павшее на землю, не умрет, то остается одно, а если умрет, приносит много плодов».

Так страстотерпец Христов пострадал до

смерти среди готфов как зерно пшеничное, и плодом его смерти было правоверие всего народа на земле Готфской.

Господь исполнил тайную мечту царицы, который не о царстве земном думал, а о том, чтобы в том царстве, которое он ради Христа оставил, исповедовалось православно имя Христово. Тайная мечта его осуществилась и расцвела на его мученической крови...

Страдания юного мученика Платона

(Память 18 ноября)

Восточный город Анкира Еглатийская воз-
растил юного мученика Платона, который
имел братом своим святого мученика Антио-
ха.

Родившись в христианской семье, Платон был воспитан в благочестии и, не достигши еще лет совершенных, явился уже совершенным в добродетелях. Он в отроческом возрасте показал себя добродетельным мужем и, юный годами, был стар разумом. Христа, предвечного Бога, посреди безбожных идолопоклонников он дерзновенно проповедовал и учил людей познать истину и от ереси бесов-

ской обратиться к Богу.

Сколько красоты, сколько святости в этой проповеди чистыми устами, никогда не согласившимися, имени Христова! Какое впечатление производит огонь этих очей, не открывшихся еще на людскую скверну, очей, отразивших в себе глубину того невинного сердца, которое познало и будет познавать одного только Бога.

Проповедь мученика Платона приводила многих ко Христу, и он был схвачен и представлен на суд к игемону Агриппину. Игемон сидел в храме Юпитера, верховного бога римлян, когда к нему привели юного Платона.

– Весь мир, – сказал игемон, – радуется богам своим. Зачем же ты в заблуждении своем от них отрекаешься?

– Вы заблудились, – отвечал юноша, – оставив Сотворившего небо и землю и все, что в них. Вы поклоняетесь камню и гниющему дереву, делам рук человеческих.

– Твоя юность, – воскликнул игемон, – дала тебе дерзновение и влагает тебе в уста безрассудные речи. Как имя твое, из какого ты города?

– Я христианин, – был ответ.

– Назови мне имя твое, данное тебе родителями. Я без тебя знаю, что ты христианин. А царь запретил кому-нибудь называть себя христианином.

– Родители называли меня Платоном, я же раб Христов от рождения моего и гражданин этого города. Теперь же за правую веру мою стою на твоём несправедном суде, жду неповинной смерти, которую желаю усердно принять за имя Господа моего. Делай же, что тебе надо.

После смелых речей юноши игемон велел растянуть его обнаженного по земле и поставил двадцать солдат, чтобы они попеременно били святого. Эта казнь утомила самих палачей. Но под этими страшными ударами страдалец громко произносил имя Господа своего Иисуса Христа. И снова стал уговаривать игемон мученика отречься от Христа и после тщетных уговоров велел отвести его в темницу.

Много народу следовало за ним, для многих его мучение было любопытным зрелищем. У дверей темницы юноша обернулся к

народу и стал громко говорить:

– Знайте, люди, что я терплю страдания только за Господа, создавшего небо и землю. Вас же, христиан, я умоляю не сокрушаться тем, что вы видите, ибо Дух Божий сказал мне: «Многи скорби праведному, и от них избавит его Господь. Пусть мы изнемогаем в бедах, переносимых за благочестие. Но мы знаем, что страсти и муки нынешнего века сменятся незаходимой славой».

Юноша спокойно вошел в темницу и молился Богу о помощи.

Семь дней держал его мучитель в темнице и затем снова велел привести его в храм Юпитера. Были сложены всякие орудия пытки. Медные громадные котлы, сапоги с гвоздями, раскаленная решетка, острые пилы, железные когти, колеса – все это лежало в ожидании мученика... И так стал говорить игемон:

– Дорогой Платон, видя твою юность и знатность твоих родных и щадя твою красоту, я советую тебе: прежде чем начну тебя мучить, вкуси от идоложертвенного мяса, и ты останешься живым. Послушай меня как отца,

который советует тебе доброе. У меня есть родная племянница, я выдам ее за тебя с великими богатствами, и ты будешь мне сыном.

С насмешкой отвечал юноша:

– Несчастный слуга сатаны, если бы я захотел жениться, то неужели не нашел бы никого лучше твоей племянницы? Воистину лучше мне иметь какую-нибудь рабыню! Неужели теперь я буду думать о ней, когда, забыв о мире, я иду на соединение со Христом?!

Страшной пыткой отвечал на эти дерзкие слова игемон. Он велел под раскаленный одр положить горячих угольев и лить на огонь масло, воск и смолу. Снизу палили мученика огнем, а сверху бичевали его тонкими прутьями. Три часа продолжалась эта мука, и, когда Платона сняли со страшного одра, тело его оказалось целым и здоровым, не имея на себе ни ран, ни ожогов, как будто он только что вышел из бани. От тела исходило сильное благоухание.

– Велик Бог христиан! – единодушно воскликнул народ, видя это чудо.

– Если ты не хочешь принести жертвы бо-

гам, то только отрекись от Христа твоего, и я отпущу тебя, – говорил игемон.

– Безумный безбожник, как хочешь ты, чтобы я отрекся от моего Спасителя! Неужели я уподоблюсь твоему нечестию! И не доволь- но тебе одной твоей гибели!

Рассвирепев, Агриппин вскочил со своего седалища и сам стал мучить святого. Он раз- жег железные круги и положил ему под бока и стал опалять ему ребра, а второй железный раскаленный круг положил ему на грудь, и от ноздрей мученика пошел дым, так как сила огня доходила до внутренностей его. Мно- гие думали, что Платон умер, но он через несколько времени сказал мучителю: «Неве- лико мучительство, которое ты возлагаешь на меня, кровопийца, пес лютый». И Платон стал молиться: «Господи, даждь мне, забыв о муках, с дерзновением предстать на Страш- ный Твой Суд, скончав мой земной подвиг...» И когда он кончил молитву, сотряслось капи- ще и все устрашились. Но не хотел мучитель и тут познать силы Божией.

Мучитель приказал резать на нем из кожи его ремни и сдирать ее. А юноша, содрав сам

с себя один такой ремень, бросил его в лицо Агриппину, говоря: «Бесчеловечнейший, лютейший всех зверей, ты не хочешь поклониться Богу, создавшему нас по образу Своему. Как же ты не помилуешь плоти, какой облечен и сам? Как не страдаешь ты, видя раздробление моих членов, и мучишь меня еще лютее? Все видят твое бесчеловечие и мое терпение. Но все это я сладко терплю за Христа моего, чтобы обрести в Нем покой в будущем веке».

Пытки продолжались. Святого повесили на дерево и били по обнаженному от кожи мясу, пока плоть не стала отпадать от костей. Кровь лилась потоками. Потом мучитель велел изодрать все лицо мученику железными когтями, так что не осталось от головы его образа человеческого, а только обнаженные кости. Но мученику оставался еще язык, и он укорял им бесчеловечие мучителя и проклинал идолов.

– Юноша! – воскликнул мучитель. – Если бы ты не был так непокорен, то сравнялся бы в мудрости с Платоном-философом, имя которого гремит по миру.

– Если я ношу одно имя с Платоном, то не одних с ним нравов. Имя не может соединить тех, которых разделяют обычаи. Ни я не подобен Платону, ни он мне, кроме одного имени. Я ищу того любомудрия, которое ведет ко Христу, а не той мудрости, которая ничтожна у Бога.

Святой замолк, молчал и мучитель, в глубине себя удивляясь его великому терпению и смелым ответам. Он приказал отвести юношу в темницу и не пускать к нему его знакомых. Чтобы поддержать в нем жизнь, он велел каждый день подавать ему немного хлеба и воды. Но мученик Христов, не желая принимать ничего из рук нечестивых, пробыл без пищи и воды восемнадцать дней. Стража уговаривала его принимать пищу, чтобы не быть за него в ответе, если он умрет с голоду, и юноша успокоил их, что он не умрет в темнице.

Наконец, игемон, видя, что никакие силы не отвратят Платона от Христа, осудил его на посечение мечом. Он выведен был из города и перед казнью испросил себе время на молитву. Тогда, воздев руки к небу, он произнес:

– Благодарю Тебя, Господи Иисусе Христе, что Ты святым Твоим именем защитил раба Твоего от измены Тебе и дал мне благодать совершить до конца подвиг мой. Молю Тебя, прими в мире душу мою, ибо благословен Ты вовеки.

Тут преклонил мученик святую свою голову и сказал палачу: «Друг, твори, что тебе приказано».

Так подвизался за Христа святой мученик Платон и умер за Христа, чтобы жить и царствовать с Ним вовеки.

Страдания отрока Варула

(Память 18 ноября)

Святой отрок Варул пострадал за Христа в Антиохии в 303 году.

В то время в Антиохии жил один христианин, Роман, дьякон саном. Правитель города разрушил до основания христианские храмы. Роман увещевал верующих оказать ему сопротивление: пусть христиане или отстоят храмы, или будут перебиты, защищая свое святилище, и тогда в победных венцах вознесутся на небеса.

Вскоре язычники справляли свой праздник. Множество народа собралось в идольское капище. Шел в торжественном шествии и правитель города. Роман, поджидая его, стал обличать идолопоклонство. Романа схватили, правитель требовал от него отречения от Христа и за отказ предал его пыткам. Христиане густым кольцом окружили место пыток, молясь душой за Христова страдальца.

Стоял там небольшой мальчик Варул, избранный Богом отрок.

Роман хорошо знал этого мальчика. Он знал, что вера росла в нем с возрастом, что он по силе веры своей мог сравняться со взрослыми мужчинами и что этот избранный отрок способен бесстрашно постоять за Христа.

Обличая правителя, Роман воскликнул:

– Смотри, вот этот маленький мальчик разумнее тебя, старого. В юношеские годы свои он знает истинного Бога; ты же, старик, не познал еще Творца своего.

Мучитель поманил к себе мальчика и спросил:

– Какого Бога ты чтишь?

– Христа чту, – отвечал мальчик.

– Что лучше, – продолжал свой допрос епарх, – чтить единого Бога или многих?

– Лучше чтить Единого Бога Иисуса Христа, – отвечал отрок.

– Чем лучше Христос других богов?

– Тем, – отвечал младенец, – Христос лучше, что Он истинный Бог, что Он создал всех нас. Ваши боги – бесы и никого не создавали.

И много еще другого говорил мальчик с дерзновенным красноречием, как будто был премудрым богословом, ибо Дух Святой действовал в нем в тот час, изрекая из уст его хвалу на посрамление нечестивого мучителя и всех идолопоклонников.

Все язычники удивлялись великому смыслу отрока и его красноречию. Им было стыдно, что они не могли победить его на словах, и в раздражении мучитель велел его без милости бить розгами. Долго подвергали его этой пытке. Он сносил ее чрезвычайно мужественно, но, чувствуя страшную жажду, просил пить.

Мать отрока стояла в народе, смотрела на страдания своего сына, радовалась, видя его мужество, и, когда он просил пить, она возвы-

сила свой голос и сказала ему: «Терпи до конца, как бы тяжело тебе ни было».

Наконец, мучитель приказал отсечь мальчику голову мечом. Тогда мать подбежала к нему, взяла его на руки и сама понесла его на место казни.

– Не бойся, сын мой, не бойся, дорогое дитя мое! Не страшись смерти: ты ведь не умрешь, но будешь жить вовеки. Не ужасайся, цветочек мой! Сейчас ты будешь в райском винограднике. Не бойся меча, так как на острие его ты перейдешь сейчас же ко Христу и увидишь славу Его, и Он примет тебя в объятия Свои. И будешь ты жить с Ним в радости неизглаголанной, ликуя со святыми Ангелами.

Так увещала мать свое дитя, донесла его на место казни, и, когда голова его была отрублена, мать собрала кровь его в чистый сосуд и его тело омывала слезами радости, что ее ребенок кровь, от нее принятую, пролил за Христа.

Потом замучен был и Роман, учитель Варула.

Иоасаф, царевич Индийский

(Память 19 ноября)

Жизнь Иоасафа, царевича Индийского, принадлежит к любимым сказаниям русского народа. Русскую впечатлительную душу глубоко взволновал образ царевича, который тосковал по Боге христианском, еще не зная Его. Узнав же Его, царевич стал искать Его одного, отрекшись от мира, от царства.

Вынесенная им борьба за свои чистоту и верность Христу, его чудное самоотвержение, наконец, сказочная обстановка, в которой разворачивалась эта прекрасная повесть, – все это делает жизнь Иоасафа, царевича Индийского, одним из самых захватывающих и прекрасных церковных преданий.

Повесть свою об Иоасафе-царевиче святитель Димитрий Ростовский начинает так: «Есть на востоке страна великая, прозываемая Индией, многонародная, изобилующая всяким богатством и плодами больше других стран. Ее окружает пучина морская, а с суши подходит она к пределам Персии. Некогда была она просвещена через святого апостола Фо-

му, но не до конца оставила идольское нечестие, ибо многие ожесточенные люди в ней не приняли спасительного учения и держались бесовских прелестей. И как терние, нечестие разрасталось и подавляло учение, доброе семя».

Явился в той стране некий царь именем Авенир, славный, богатый и сильный. Но, объятый душевной нечистотой, он служил бесам, а не Богу; поклонялся бездушным идолам, гнал Христову церковь, и особенно церковных учителей и просветителей, иноков. Некоторые из вельмож его веровали во Христа, но должны были скрываться, так как он воздвиг на христиан гонение. Одни изменили свою веру, другие шли на смерть. Иные, удалившись в непроходимые горы и дебри, неизвестные миром, работали Богу.

У царя родился сын, прекрасный мальчик, которому было наречено имя Иоасаф. Царь собрал волхвов и звездочетов, чтобы узнать будущую судьбу своего сына.

В угоду царю волхвы говорили, что он прославится больше всех прежних царей. А один звездочет, мудрейший из всех, непосред-

ственно вдохновляемый Богом, возвестил царю, что величие его сына будет не в земном, а в небесном царстве, что он примет гонимую царем христианскую веру.

Задумался царь над пророчеством волхва и решил охранять своего сына от христианства.

Он создал высокий, отдельно стоявший за городом дворец со множеством покоев и там воспитывал сына, приставив к нему доверенного воспитателя и товарищей – юного возраста и прекрасных лицом. Он велел не допускать до царевича никого другого и приказал никогда не говорить ему ни о чем грустном – ни о смерти, ни о старости, ни о болезни. Ум царевича должен был наслаждаться только светлыми впечатлениями. Имя Христа было запрещено упоминать при царевиче. Если кто из окружающих заболел, его должны были немедленно и незаметно удалять. Устроив таким образом жизнь сына, царь успокоился. К тому же он велел изгнать из своего царства всех христианских иноков.

И вот царевич живет и растет в своем прекрасном одиночестве. Он был способен к уче-

нию, усвоил себе восточную премудрость. Приходя в возраст, он задался вопросом, отчего отец воспитывает его в таком уединении, и один из воспитателей рассказал ему, как отец его гнал христиан и как один из волхвов предсказал, что сам Иоасаф уверует во Христа.

Отец часто посещал сына, которого любил без памяти. В один из приходов отца Иоасаф рассказал отцу, что он томится печалью в своем уединении, что он хочет видеть мир.

Отцу пришлось уступить. Он дал разрешение сыну выезжать из своего уединения, но не иначе, как с пышной свитой и торжественным поездом. А приставленным к царевичу людям царь наказал скрывать от царевича все, что может возбудить в нем печальные мысли.

Но мог ли царевич, знакомясь с миром, не увидеть мирского горя?.. Однажды, забавляясь со сверстниками ездой верхом, царевич напал на двух несчастных – прокаженного и слепого. Еле успел наставник схватить его лошадь под уздцы, чтобы он не прикоснулся к прокаженному.

В первый раз видя перед собой телесное истощение и уродство, царевич стал расспрашивать, часто ли это случается с людьми, внезапно ли приходят такие беды и всем ли угрожает та же участь. Ответы их были уклончивые, но глубокая грусть запала в сердце царевича.

Через несколько дней встретился он с дряхлым стариком, который еле плелся, опираясь на палку. Лицо его было сморщенное, он был сгорблен, дрожал членами. Большая часть черепа была оголена, зубы у него выпали, и он говорил неясно. С ужасом и тоской смотрел на него царевич, подозвал старика к себе и стал расспрашивать окружающих, что это такое.

– Он достиг древних лет. Силы тела его понемногу исчезали, и он таким образом дошел до старости.

– Что будет дальше с этим старцем? – спросил юноша.

– Ничто иное, как смерть.

– Всем угрожает старость, – спросил царевич, – или она бывает только с некоторыми?

– Если смерть не похищает кого-нибудь в

юношестве, то при продолжении лет жизни невозможно человеку избежать старости.

Царевич продолжал расспрашивать, с каких лет начинается старость и нет ли какой-нибудь уловки, чтобы избежать смерти.

Ему отвечали, что смерть неизбежна.

Мир после этих встреч поблек в глазах царевича.

– Если это так, – вздыхал он из глубины сердца, – и так коротка земная жизнь, то как люди могут быть счастливы, когда над ними всегда висит смерть и наступление ее не только неизбежно, но и неизвестно?

Иоасаф заперся в палате своей, постоянно размышлял о смерти и говорил себе:

– Если все умирают, то умру и я. Когда же умру, то вспомнят ли обо мне? С течением времени все уходит в забвенье. Неужели после смерти нет другой жизни и другого мира?

Эти мысли охватили и смутили его. Но он не открыл своих сомнений отцу, а только расспрашивал того воспитателя, нет ли человека, который мог бы ему на все ответить и успокоить его ум в этих новых мыслях.

Воспитатель ответил ему, что отец его

разогнал премудрых пустынников, которые, может быть, дали бы ему ответ на его сомнения, и больше никого из них не осталось.

И царевич пребывал в неисходной печали, пока Бог не сжалился над ним.

Жил в то время мудрый и добродетельный инок Варлаам, имевший сан священника, в дальней пустыне. Господь в откровении повелел ему идти к скорбящему царевичу Иоасафу. Он переделся купцом, приплыл в Индийское царство, пришел в столицу и стал разведывать о том, кто стоит ближе всех к царевичу. Узнав о печали царевича, он явился к воспитателю и просил допустить его к царевичу. Он утверждал, что несет с собой драгоценный камень, которому подобного нет в мире. Камень этот подает слепым прозрение, глухим слух, немым возвращает речь, больным здоровье и изливает всякое счастье на своего обладателя.

Воспитатель царевича ухватился за мысль рассеять тоску Иоасафа и просил показать принесенное сокровище, обещаясь тогда немедленно привести купца к Иоасафу. Варлаам отвечал, что только девственные люди

могут выносить блеск его сокровища и что тот, кто взглянет на него непросвещенными очами, потеряет зрение и разум. Воспитатель же не обладает здоровым взором. Приходилось покориться. Воспитатель рассказал царевичу о купце.

Какое-то счастливое предчувствие охватило тогда душу Иоасафа.

Когда Варлаам вошел и остался наедине с царевичем, Иоасаф просил открыть перед ним чудный камень.

– Государь, – отвечал ему Варлаам, – я слышал о твоей скорби, пожалел тебя и пришел утешить тебя. Далек и труден мой путь. Мой Владыка сказал однажды, что доброе слово, как зерно из руки сеятеля, может упасть на каменистую почву и унести по ветру, или лечь неглубоко в землю, взойти ростком и погибнуть, или же пустить крепкие корни, расцвести на воле пышным колосом и принести чудные плоды... О государь, как бы желал я, чтобы мое искреннее слово к тебе проникло в твое сердце и усладило печаль души твоей и дало бы ей отраду.

Юноша с горящими глазами слушал эти

слова и горячо воскликнул:

– Добрый человек, говори! Мое сердце горит во мне; я тоскую и мучаюсь, потому что вокруг меня никто не может ответить на то, чему я тщетно ищю слова и что не могу выразить. Если ты мне поможешь, то я навсегда сохраню в себе всякое твое слово. Оно пройдет глубоко в мое сердце и исчезнет только со мной, потому что наставники мои говорят, что я умру и все, что во мне.

Варлаам призвал имя Божие и начал так:

– Ты тоскуешь, царевич. Ты мечтал жить и дышать всегда и любить то, что нетленно и вечно... И когда ты узнал, что всем людям и тебе будет конец и тело твое рассыплется, когда понял, что все на земле исполнено печали, потому что все когда-нибудь разрушится и исчезнет, тебя оскорбила эта всеобщая гибель. И твоя скорбь неутешна, потому что ты унижен этим грозным владычеством смерти. Узнай же, утешься – смерти нет.

Царевич вздрогнул, выпрямился, ожил, и в глазах его заблестали алмазами слезы.

– От века был Владыка всего и Творец. Имя ему Бог. Он создал человека, чтобы тот был

счастлив, и поселил его в раю, в неизреченной сладости дивных садов, перед которыми ничто твои царские роци. Там все было чисто, и прекрасно, и бессмертно. Человек же послушался Бога, погубил свое счастье, низвел на себя смерть и был изгнан из рая. Но Сын Божий, Которого зовем мы Христом, открыл опять человеку двери рая. И снова человек стал образом невыразимой Божией славы и вернулся в родную отчизну.

И для тебя ныне нет смерти... Ты был прав. Нет смерти тому, что ты чувствуешь и мыслишь, потому что это речь бессмертного духа, а он будет жить с Божеством, когда угаснет солнце и прейдет земля...

Но прежде чем начать ту блаженную жизнь, мы живем среди мира, и язвы грехов напоминают нам о нашем преступлении. Наша грешная природа обольщает нас земными грехами, а дух отвергает их и стремится к Богу.

Там все вечно и праведно, а тут все человеческое тленно и грешно, а одно только Божие чисто. Не люби же мира и того, что в нем, а всю свою любовь перенеси туда, куда пой-

десь жить бесконечной жизнью. Полюби Христа, Который для тебя из Бога стал человеком, пострадал, умер и возродил твою погибшую душу. Знай, Иоасаф, в эту минуту Он стоит близ тебя и стучит. Дай же Ему твое сердце. Он примет тебя и даст тебе нерушимое счастье.

.. Прошло несколько дней. По всей столице шел говор, что какой-то необыкновенный купец проник к царевичу и показал ему бесценный камень, который исцеляет всякие скорби, что царевич стал яснее и радость его так велика, что он ни с кем не общается и только подолгу беседует с купцом.

Подробное житие царевича повествует о том, как, просветив ум царевича, пустынный Варлаам окрестил его во Христа. Приняв крещение, Иоасаф стал одеваться просто, молился, постился, и необыкновенной ясностью было полно теперь все существо его.

Царь узнал об обращении сына и решил бороться за то, чтобы он отрекся от Христа. Было решено под видом пустынного Варлаама привести одного из волхвов. Должно было произойти большое открытое состязание о

вере мнимого Варлаама с волхвами, которые должны были посрамить христианство.

Но на торжественном собрании, когда избранный волхв заговорил, его осенила внезапно Божия благодать и внушением духа Божия он произнес вдохновенное слово, восхвалявшее христианство.

Царь тогда старался отучить сына от христианства всякими соблазнами. Были устроены великолепные пиры. Царь старался разжечь в сердце сына любовь ко всему земному, но все осталось тщетно... Христианское настроение в царевице все росло.

Тогда Авенир перестал бороться. За четыре года до смерти он сам под влиянием сына принял христианство и, умирая, оставил сыну все царство. Иоасафу было тогда двадцать пять лет.

Отдав царский престол преемнику, Иоасаф удалился в дальнюю пустыню, где встретил своего старца Варлаама. Он жил до шестидесяти лет. Один пустынный, присутствовавший при последнем вздохе его, известил его бывшую столицу о кончине царевицы.

Тогда в пустыню пошел царь и множество

людей. Они вырыли из могилы нетленные мощи преподобного Иоасафа и Варлаама (учителя царевича, с которым вместе он был схоронен). Мощи торжественно перенесены в Индию. Их положили в столице в церковь, которую когда-то сооружал царевич. Святцы под девятнадцатым ноября гласят: «Память преподобного Варлаама, Иоасафа, царевича Индийского, и отца его Авенира».

Отречение от мира юного боярина

(Память преподобного Варлаама, игумена Киево-Печерского, 19 ноября)

Это было в те благодатные дни, когда пышным цветом всходило на ниве русской православие. В те дни благодатью Богоматери зачинался на святых высотах киевских монастырь Киево-Печерский, основанный преподобным Антонием, великим старцем, и спостником его, преподобным Феодосием.

Как чисто было воодушевление этих первых иноков! Как в темноте пещер сияли они светом духовным новопросвещенному право-

славному народу!

Среди других богомольцев часто в пещеру к преподобным Антонию и Феодосию приходил юноша Варлаам. Он был сыном богатых и знатных родителей, так как отец его Иоанн был первым боярином князя Изяслава. Варлаам был также внук славного и храброго боярина Вышаты и правнук воеводы Остромира. Рослый, крепкий телом, рано научась всем тогдашним воинским упражнениям, решительный и смелый, он вел чистую жизнь. Евангелие произвело на его душу неотразимое впечатление. Всюду видел он образ распятого за нас Христа.

Он не желал принять славу на той земле, которая принесла Христу одни тернии. Он видел перед собой в лице киево-печерских иноков венец христианской жизни, и он решил присоединиться к ним.

Когда он услышал слова Господа: «Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие», — участь его была решена. Он уже не мог более оставаться в миру. Придя к преподобному Антонию, он сказал ему о своем намерении: «Хо-

чу быть иноком и жить с вами».

– Хорошо желание твое, чадо, – ответил преподобный, – мысль твоя исполнена благодати, но смотри, чтобы богатство и слава мира не возвратили тебя назад.

Много еще беседовал старец с юношей, и Варлаам ушел домой, окончательно укрепившись в своем намерении.

Жертва, которую он приносил, была велика: у него было богатство, почести, у него была прекрасная, любившая его невеста, – все решил он оставить.

На другой день, одевшись в богатую светлую одежду, он сел на коня и, окруженный многочисленными слугами, ведшими под уздцы других коней, тяжело нагруженных добром, подъехал к пещерному монастырю в великой славе. Преподобные вышли к нему навстречу и поклонились ему. Он же упал старцу в ноги, снял с себя боярскую одежду, положил ее к ногам преподобного, указал на нагруженных коней и произнес: «Все сокровища, все прелести мира этого отдаю я тебе, делай что хочешь с ними, я же всего себя лишаю, чтобы приобрести Христа. Хочу жить с

вами в этой пещере. Более не возвращусь к себе домой». Преподобный увещевал его подумать о важности такого шага.

– Верую Богу моему, отче... Если отец мой захочет даже мучить меня, все равно в мир не вернусь. Так уж скорей постриги меня.

Преподобный давно знал глубокую веру и готовность к подвигу юноши. Он не хотел брать на себя ответ за его душу и толкать его в тот мир, из которого он с такой решимостью ушел. В тот же день юноша Варлаам был пострижен в иночество.

Но что случилось с отцом, когда он узнал о судьбе сына! Он решил действовать силой. Собрав скопище слуг, он явился к пещерам, разогнал иноков, выволок сына своего, Варлаама, сорвал с него мантию и клобук и велел надеть на него боярскую богатую одежду. Но Варлаам кинул ее на пол и делал так несколько раз. Тогда отец, одев его, велел связать ему руки и повез его домой.

Там он приказал силой посадить его за стол и силой держал его за столом. Потом он отпустил его в покои, приказав слугам тщательно смотреть за ним, чтобы он не мог убе-

жать. Он послал к нему невесту, чтобы она уговорила жениха остаться в миру. Но тот в течение трех дней не поддавался искушениям. На уговоры ничего не отвечал, от пищи отказывался. И, наконец, отец сдался.

Преподобный Варлаам принадлежит к числу великих подвижников Киево-Печерской лавры. Отказавшись от счастья мирского, он прославлен от Бога нетлением и сияет вовек.

Солнце земли Русской

(Память святого благоверного великого князя Александра Невского 23 ноября)

*Господь, меня готовя к бою,
Вложил мне в сердце много сил,
Но непреклонным и суровым
Господь меня не сотворил...*

Эти слова поэта можно приложить к одному из самых светлых людей русского прошлого – святому благоверному великому князю Александру Ярославину Невскому.

Посылая людям тяжкие испытания, Гос-

подъ дает им силы для перенесения этих испытаний и в самой каре посылает им таких утешителей, с которыми легче переносится всякое трудное горе, всякая, казалось бы, невыносимая страда.

Тяжек был крест, который нес русский народ во дни татарского ига. И в первые десятилетия его Господь воздвиг России утешителя в лице благоверного князя Александра Ярославина Невского.

В Александре Невском удивительно удачным сочетанием соединялись блестящие качества его предков с отцовской и материнской стороны. Со стороны отца у него были предками князя севернорусские, отличавшиеся мудрой расчетливостью, умением пользоваться обстоятельствами, стремлением собирать себе землю пядь за пядью.

Предки его матери – южнорусские витязи, отличавшиеся беззаветным мужеством, мягкосердечием, доверием к людям, сочувствием всякому страданию, готовностью стать на сторону обижаемых и защищать их мечом.

В Александре билось золотое сердце, тогда как мудрой головой своей он был деловит, на-

стойчив, трудолюбив.

Детские годы Александра прошли в неизменимой обстановке искренней веры. Мать его по благочестию своему считалась современниками святой. Сияют святостью восходящие его предки по матери – Мстислав Храбрый, Ростислав и Мстислав Великий и дяди со стороны отца, Константин и Георгий. Был впоследствии причислен к лику святых и старший брат его, Феодор.

Сам Александр был вдумчивым, серьезным ребенком. Унаследовав благочестие своих предков, он много предавался телесным упражнениям, в ранние годы научился лихо управлять конем, метко стрелять в цель из лука. Эти упражнения развивали природную его богатырскую силу. Но главное, к чему лежала его душа, было дело Божие. Он часто ходил в храм, а по ночам любил тайно подниматься для ночной молитвы.

Это был один из тех избранных детей, будущих святых, которых с детства жжет неутолимая жажда подвига, которым надо к кому-нибудь привязаться всей душой и служить, влагая в это служение всю свою душу,

готовность отдать и саму жизнь. Такой тайной, всеобъемлющей любовью Александра была его родина. Александр вырос среди страшных предчувствий. Ему было пять лет, когда произошла отчаянная битва на Калке, где сложили свои головы в борьбе с татарами многие недюжинные князья.

Еще в те годы нельзя было предвидеть того ужаса, какой представляло из себя нашествие Батые, того позора, который придется переживать Руси под пятой татар. Но Александр молился за Русь. Вдумчивый мальчик чутко прислушивался к разговору бояр у отца, понимал, что земля слабеет в постоянных раздорах и междоусобицах князей. Ему так хотелось видеть всю землю сильной, счастливой.

И когда он стоял перед иконами в своем детском покойнике и трепетные огоньки лампы озаряли фигуру высокого не по летам мальчика, то замиравшего подолгу неподвижно, то трепетавшего всем телом в напряженной неотступной борьбе, тогда вся душа его рвалась к небу и просила Бога о том, чтобы Бог дал ему принести в великую жертву себя, чтобы Бог дал счастье русскому народу

и, если это нужно, дал ему, княжичу Александру, пострадать за этот народ...

И молитва эта была услышана вполне.

В то время рано начиналась деятельность князей. Уже семнадцать лет в соборном храме Святой Софии – Премудрости Божией Александр Ярославин Невский, сын великого князя Ярослава Всеволодовича, посажен был на стол господина Великого Новгорода. И торжественно было в этом святилище Русской земли с его преданиями и воспоминаниями...

Око Спасово смотрело с высоты купола на народ, и сжатой[5] десницей своей Спас крепко держал судьбы Новгорода.

По углам собора в своих раках живым сном спали, все видя и все воспринимая в душу, хранители Новгородской земли – новгородские чудотворцы.

Какими чувствами волновалась душа князя-отрока, когда владыка, возложив руки на его голову, молился о том, чтобы Господь укрепил его, вдохновил и явил его защитником церкви!

Мечталось князю, отроку-богатырю, шумная битва. Виделись ряды обращаемых в бег-

ство врагов и новгородские знамена, победно носящиеся по полю. Ему представлялся спокойно живущий, богатейший народ, в счастливой жизни благословляющий Бога и землю Русскую... И тихий благовест благоволения и мира неся от церковных колоколов по широкому простору родины...

Новгородцы с радостью, широко открыв глаза, смотрели на князя-отрока, плененные умом, блестящим в детском еще взоре... И сколько доверия к жизни было на его лице, как широк казался лежавший впереди путь!..

И вот обрушился первый удар... В следующий же год, как юный князь Александр был посажен в Новгороде на престол, произошло страшное нашествие Батыя на Русскую землю. Александру пришлось выслушать весть о гибели лучших русских городов, о многих его родственниках-князьях, сложивших головы на поле битвы, замученных татарами. И в эти юные годы радость жизни навсегда умерла для него. Рана родины глубоко проникла в чуткое сердце. И словно защищая попорченную честь России, начал юный Александр греметь победами, которые современникам казались

неимоверными. Всего двадцать один год ми-
нул Александру, когда он одержал славную
победу над шведскими войсками на берегу
реки Невы.

Два князя-отрока помогли Александру в
этой победе. В утро битвы на берегу залива у
устья Невы показалась большая ладья, дви-
гавшаяся быстро под взмахом весел невиди-
мых гребцов. Вверху ладьи, сияя в червленых
ризах, стояли два русских витязя. И сказал
один из них: «Брат Глеб, вели грести скорей,
да поможем сроднику своему великому кня-
зю Александру Ярославину на неистовых
немцев». Шведы были Александром разбиты
наголову. Александр сам «возложил печать»
на лицо их предводителя, зятя шведского ко-
роля Биргера.

Подвиги русских богатырей в этой битве
были так изумительны, что новгородцы
утверждали, что в их рядах сражались Анге-
лы Божии, что силы небесные избивали шве-
дов.

Истинным предопределением Божиим яв-
ляются подвиги князя Александра Ярослави-
на, оборонявшего землю Русскую и от нем-

цев-ливонцев. Прияв много веков назад на рамена свои этот тягостный подвиг, святой князь как бы предугадал в будущем славное дело своих потомков – освобождение Руси и всего славянства от все нарастающего, гнетущего немецкого ига. И удары славян немцам – отзвук старых ударов, гремевших на знаменитом Ледовом побоище...

Но не в победах Александра над шведами, немцами и литовцами заключается значение этого великого человека.

Когда Александр стал великим князем, он принес в жертву свою рыцарскую честь и достоинство непобедимого победителя. Для блага России ему пришлось не раз ездить в Орду и утолять ханский гнев просьбами и смирением перед ханом. В этом страдании вольнолюбивой рыцарской души, в этом медленном испивании капля за каплей кубка унижения и горя князь и сломил свои силы. Он умер в годах цветущей молодости, возвращаясь на родину из Орды.

И когда митрополит во Владимире за обедней вышел к народу и воскликнул: «Чада, солнце земли Русской закатилось! Нынче бла-

говерный князь Александр преставился», – народ завопил: «Погибаем!»

Высокая жизнь благоверного князя Александра была отражением святой мечты его детства и юности.

Декабрь

Варвара-великомученица

(Память 4 декабря)

В начале четвертого века, в царствование нечестивого римского царя Максимиана, к северу от Палестины, в нынешней Сирийской области азиатской Турции, в славившемся тогда финикийским богом Ваалом, а теперь бесследно исчезнувшем, городе Илиополе жил знатный язычник Диоскор. У Диоскора была страстно любимая им дочь Варвара.

Что-то необычайное было в этой девице, которая сияла своей красотой, как солнце сияет в небе. Отцу ее казалось, что люди недостойны видеть ее. Ему доставлял огорчение всякий людской взгляд, брошенный на его дорогую дочь. Он построил для нее башню с великолепными палатами внутри. В этой башне он и поселил Варвару с доверенной воспитательницей.

В этой сосредоточенной жизни, вдали от людской молвы, от шума житейского, тихо развивалась жизнь Варвары, жизнь, небогатая событиями, но обильная мыслями и чувствами.

Она смотрела и думала. Какие-то невидимые связи связали эту непорочную душу с той природой, на которую она не могла вдовсталь наглядеться, в которой она чувствовала что-то живое. Как человек, восхищенный какими-нибудь произведениями искусства или литературы, начинает думать о том, кто сотворил эти произведения, возбуждившие его восторг, и, если этот человек жив, желает вступить в общение с ним, точно так же, наблюдая красоту природы, юная Варвара все более и более разгоралась желанием узнать о Том, Кто измыслил и сотворил всю эту ее восхищающую и удивляющую красоту.

И вот как-то раз, когда до какого-то трепета, до какого-то счастья ее душа была потрясена видом расстилавшихся перед ней полей, покрытых зелеными всходами, рощами и садами с молодой зеленью, сиявшими по горизонту горами, водами, светлыми лентами

прорезавшими поверхность земли, она спросила главную воспитательницу свою:

– Чьей рукой все это создано?

– Все это создали боги, – отвечала воспитательница.

– Какие боги?

– Те боги, которых чтит твой отец и которые стоят в его дворце, – золотые, и серебряные, и деревянные. Эти боги, которым он поклоняется, создали все то, что ты видишь.

Варвара со своим острым и глубоким умом стала обсуждать в себе полученные ею ответы.

– Те боги, которых чтит мой отец, сделаны руками человеческими, разными мастерами: золотых и серебряных делали золотых дел мастера, каменных – каменотесы, деревянных – резчики по дереву... Как же боги, сделанные руками человеческими, могли воздвигнуть это высокое светлое небо и такую красоту земную, а сами не могут ни двигаться, ни ходить, ни поднять рук?

И печальная сидела она, не получив ответа на волновавшие ее вопросы, и душа ее была полна неудовлетворенной жажды, и голо-

ва работала, искала, старалась проникнуть в недоступную тайну.

Как-то раз, когда, уложив ее, воспитательница оставила ее одну, Варваре не спалось... Вопросы, занимавшие ее все эти дни, особенно сильно тревожили ее в этот вечер. Ей казалось, что, смотря на творение, она за ними чувствует Творца. И тихо поднявшись с девического ложа своего, она тихо подошла к окну и глянула наружу.

Неполная луна лила серебристые снопы света с небосклона, и в полутемноте, озаренная ею, блестела река, синели смутно горы.

Мир лежал таинственный и тихий, охраняемый кем-то Великим... Она подняла глаза к небу. Там, в голубой, опрокинутой над землей бездне, горели, мигали, серебрились звезды. В них была какая-то жизнь. Они о чем-то говорили душе, старались пролить в нее какую-то несказанную заветную мысль. И в этой священной тишине ночи душа Варвары с такой силой затосковала о Боге, что Господь принял эту тоску как чудную молитву и открылся девственной душе.

Внезапно в сердце Варвары встал свет Бо-

жественной благодати. Отверзлись духовные очи ее в познании единства невидимого, непостижимого и неведомого Бога...

– Един Бог, – сказала она себе. – Его сделала не рука человеческая, но Он Сам, имеющий собственное бытие, создает все рукой Своей. Он Единый, простерший широкое небо, и Единый, утвердивший основания земли. Он один свыше посылает свет в лучах солнца на всю вселенную, сияние луне и блеск звездам. Украшает землю различными деревьями и цветами и наполняет реки и источники неиссякаемых вод. Единый Он Бог, все содержащий, всему дающий жизнь, обо всем промысляющий.

Никто не приходил к девице со стороны, и не у кого было ей поучиться истинной вере. Но Господь чудным образом насыщал эту жажду духовную: премудрейший учитель и наставник, Святой Дух, внутренним вдохновением невидимо поучал Варвару тайнам своей благодати и укреплял ее познанием истины.

Так жила девица одиноко на столпе. Жила, как птица, притаившаяся на кровле, и раз-

мышляла о небесном.

Ничто земное не привлекало ее. Она отвернулась от земли, еще не коснувшись ее. Столь любимые девушками ее возраста наряды, золото, дорогие жемчуга, драгоценные камни, уборы, девические украшения – все это было чуждо ей. Она не думала о браке. Одна нераздельная любовь наполняла ее сердце. Это была любовь к открывшемуся ей чудесно небесному Жениху.

Когда пришло время выдать ее замуж, отец предлагал ей много благородных женихов, но она решительно отказалась от брака...

Подробное житие великомученицы Варвары расскажет вам о том, как, в отсутствие отца ее, на их усадьбе строили служебный дом – по приказанию отца – с двумя окнами. Она, памятуя о Святой Троице, приказала сделать в бане три окна и обложить по стене мраморным камнем.

Придя однажды к этому зданию, святая нацерила пальцем на мраморе изображение святого креста, и оно так ясно отпечатлелось на камне, точно было выбито железом.

Когда вернулся ее отец, Варвара, скрывав-

шая от него свою веру, теперь открыто исповедовала себя христианкой. Диоскор воспылал гневом. Он погнался за убегавшей от него мученицей и уже настигал непорочную агницу, как путь ей неожиданно преградила каменная гора. Всею душой воззвав к Богу о помощи, святая вошла внутрь горы, рассевшейся перед ней и тотчас же за ней сомкнувшейся.

Впоследствии Диоскор отыскал в пещере убежище дочери, долго бил ее и предал, наконец, правителю на муку. Ее по обнаженному телу били воловьими жилами, пока она не покрылась кровью, натирали раны ее жесткими щетками и мелкими черепками, чтобы растравить эти раны. Ее заключали в темницу и снова выводили на новую муку. Отец привесил ее к дереву, строгал железными когтями, палил огнем.

Но в темнице последовало ей чудное посещение. К невесте Своей спустился нетленный Жених, Царь славы, неизреченный Царь света.

– Дерзай, невеста Моя, – говорил ей Христос, – не бойся, ибо Я с тобой: охраняю тебя,

взираю на подвиги твои, облегчаю страдания Твои и уготовляю Тебе в Моем небесном чертоге вечное воздаяние. Потерпи до конца, чтобы вскоре насладиться вечными благами в Моем царстве.

И тут же Христос исцелил Свою невесту, так что на ней не осталось вовсе следа жесточайших пыток.

После новых, еще более ужасных пыток Варвара была осуждена на посечение мечом, и казнить ее вызвался сам ее жестокий отец. Во время последнего перехода ее к месту казни великомученица Варвара, воздев руки к небу, так помолилась Богу:

– Бездначальный Боже, простерший небо, как покров, и основавший на водах землю, повелевший солнцу сиять на благих и злых, изливавший дождь на праведных и неправедных, услышь ныне молящуюся рабу Твою, услышь, о Царь, и подай благодать свою всякому человеку, который будет вспоминать меня и мои страдания. Да не приблизится к нему внезапная болезнь, да не похитит его нечаянная смерть, ибо Ты, Господи, знаешь, что мы – плоть и кровь, и мы – творения пре-

чистых рук Твоих.

И в ответ на эту молитву ее раздался с неба голос, возвещавший, что она будет принята в горние обители и что молитва ее будет исполнена. Когда дошли до назначенного места, юная Варвара склонила голову под меч и была усечена рукой своего отца.

Так сбылось на Варваре слово Христово: «Предаст на смерть отец чадо».

Из Греции, где почивали первоначально мощи великомученицы, они были перенесены в Россию, в Киев, первой супругой великого князя Михаила-Святополка Изяславича, – греческой царевной Варварой.

Великий князь Михаил Изяславич выстроил в Киеве каменную церковь во имя Архистратига Михаила и с честью положил в нее мощи великомученицы Варвары.

Великомученица Варвара имеет дар спасать от нечаянной и напрасной смерти, для чего носят кольца, освященные у мощей ее, с награвированной на них молитвой к великомученице. Мощи ее прославлены великими чудесами. Доселе из разных мест России в Киевский Златоверхий монастырь святой вели-

комученицы Варвары шлют письма и телеграммы с просьбой отслужить молебен. И если эти телеграммы с просьбой помолиться за тяжело больного человека, приходят ночью, тогда идут к настоятелю, открывают собор и тут же, ночью, служат молебен. Так в далеком северном народе нашелся отклик на чудную жизнь девы Варвары, великомученицы Христовой.

Инок – учитель отрока, будущего Иоанна Дамаскина

(Память святого Иоанна 4 декабря)

Дамаск, богатый торговый город Сирии, принадлежит к числу древнейших городов всего мира. Он лежит в прекрасной и плодотворной равнине, доселе сохраняя свое древнее значение и имея свыше ста пятидесяти тысяч человек жителей. В нем в знатной семье около 680 года родился Иоанн, прославленный впоследствии вдохновенными церковными песнями, своим стремлением к Богу, стойкой защитой православия, великий поборник иконопочитания.

Детство Иоанна совпало с тяжким для Дамаска временем. Землю эту завоевали арабы и одних христиан убивали, других отдавали в рабство. Но Господь сохранил невредимыми родителей Иоанна. Арабы уважали его и не только позволили ему веровать во Христа и открыто прославлять Его имя, но сделали его городским судьей и начальником городских построек. Достаток свой он употреблял на выкуп пленных и заключенных в темницах, на раздачу великой помощи бедствующим.

Родители рано стали обучать отрока духовным книгам. Им хотелось, чтобы ребенок заимствовал тут примеры жизни, сиял кротостью, смирением и страхом Божиим.

Родители Иоанна горячо молились Богу, чтобы Он послал им мудрого и благочестивого наставника, и Бог эту молитву услышал.

Дамасские разбойники часто совершали набеги на соседние страны и уводили оттуда в плен христиан. Как-то пришлось им забрать в плен инока Косьму, благообразного и прекрасной души человека, родом из Италии. Они поставили его на рынок для продажи. Старец плакал. Бывший неподалеку отец

Иоанна подошел к нему и, утешая его, сказал: «Не надо плакать тебе, человек Божий, ведь ты давно отрекся от мира и умер для него, насколько я могу судить по твоему платью».

– Не о потере мира я плачу, – отвечал пленник, – я не думаю ни о чем мирском, потому что есть другая, лучшая жизнь. Плачу о том, что оставляю жизнь бездетным, без наследников.

– Зачем скорбеть тебе о детях? – возразил родитель Иоанна.

– Я не о плотском сыне говорю, но о духовном наследстве. Я бедный инок, но во мне таится богатство мудрости, которым я облагодетельствован с юных лет. Трудясь при помощи Божией, я изучил разные человеческие науки, и мне не хотелось бы, чтобы мои знания пропадали даром.

Отец Иоанна успокоил пленника, выкупил его и повел его в свой дом.

– Отче, – сказал он ему, когда они пришли домой, – будь господином моего дома, участвуй во всех моих радостях и скорбях. Бог зараз даровал тебе свободу и исполнил твое желание. У меня два сына: старший, Иоанн, и дру-

гой, приемный сын, Косьма. Молю тебя, учи их мудрости, добрым нравам, наставь на всякие добрые дела. Сделай их своими духовными сыновьями и наследниками тех богатств духовных, которыми доселе ты никого обогатить не мог.

Когда старец Косьма поселился в доме отца Иоанна, он стал усердно воспитывать отроков. Особенно успешно учился Иоанн, пораженный своими способностями самого учителя. Подобно тому как плодовые деревья, покрытые плодами, склоняются к земле летом, так Иоанн был смиренен и кроток, постоянно светясь душой перед Богом.

И вот однажды учитель Косьма сказал отцу Иоанна: «Желание твое исполнено, отроки знают теперь все, что знаю я. Они сами могут учить других. Отпусти же меня в монастырь, из которого меня похитили сарацины. Я займусь духовными размышлениями».

Щедро наградив инока, отец Иоанна отпустил его. И тот удалился в лавру преподобного Саввы, за двенадцать верст от Иерусалима.

Вскоре умер отец Иоанна. А князь арабский предложил Иоанну стать его первым со-

ветником. Влияние его в городе Дамаске было еще более, чем влияние его родителя. Иоанн Дамаскин прославил себя подвигами иночества, вдохновенными песнями, употребляемыми и доныне в богослужении, и той непреклонной твердостью, с какой он вел борьбу против еретиков...

Страдальческая юность святителя Гурия, просветителя Казани

(Память 5 декабря)

Как любящий и мудрый отец с некоторой суровостью ведет своих детей для того, чтобы заранее выработать в них силу воли и закалить их мужество в жизненной борьбе, точно так же Господь с детства испытывает Своих избранников.

Юность святителя Гурия, первого архиепископа Казанского, напоминает во многом судьбу библейского Иосифа. Родину святитель Гурий имел общую с великим чудотворцем земли Русской, Сергием Преподобным, – городок Радонеж Ростовской области. Как и преподобный Сергий, он происходил из дво-

рянского рода. Но родители его, Руготины, были бедны и незнатны. Воспитан он был в благочестии и обучен грамоте. По общему обычаю тогдашних небогатых дворян он поступил служить в дом богатого князя Ивана Пенькова.

Тихо проходили трудовые дни отрока Григория: в тщательном исполнении его обязанностей, в свободное время – в молитве, в чтении Слова Божия. Невеликая доля выпала ему, и ею был доволен благоразумный юноша. Но и в этой скромной доле ему не пришлось пожить спокойно.

Григорий больше всего любил церковь, любил маливаться и дома. Безупречный нравом, он постом смирял движения плоти, был нищелюбивым, умным, расторопным, сообразительным человеком, на которого можно было положиться. Григорий заслужил полное доверие князя и княгини, и они поручили ему управление всем своим хозяйством. Но тут товарищи позавидовали ему и взвели на него страшную клевету. Не проверив ее, князь велел убить Григория. К счастью, у князя был сын, который решил проверить лично

взведенное на Григория обвинение, и он оказался ни в чем не повинным. Молодой князь убедил отца пощадить Григория. Старик, вместо того чтобы вознаградить его за понесенное оскорбление, заключил его в тяжкое заключение.

По распоряжению князя был выкопан глубокий ров, и в этот ров опущен деревянный сруб. Туда бросили Григория и захлопнули за ним дверцу. Свет проникал в сруб через малое оконце. В это оконце Григорию, как скоту, бросали пищу, причем на пять дней ему полагалось по одному снопу овса с небольшим количеством воды.

Как легко было в такой жизни, терпя за все свое добро напрасно, как легко было отчаяться и возроптать! Но юноша все терпел спокойно. Он укреплял себя мыслью о том, что так же невинно страдали за Христа древние мученики, и эту вопиющую несправедливость он принял на себя как добровольный подвиг.

Шел месяц за месяцем с обычной сменой времен года... Трескучая морозами зима сменялась радостной весной, знойным летом, потом осень шуршала в сухих листьях деревьев.

А положение несчастного заключника оставалось без перемен. Григорий Руготин все сидел в своем подземелье.

Уже к концу второго года его заключения один из товарищей Григория по службе упростил сторожа позволения подойти к оконцу сруба, чтобы поговорить с Григорием. Прикинув головой к оконцу, он спросил товарища, как он себя чувствует. Григорий ответил, что он всем доволен и славит Бога. Товарищ предложил приносить Григорию иную пищу, но Григорий отказался и объяснил ему, что часто душа тем более портится, чем слаще жизнь человека, и что горше всего для человека не терпение горя, а неумение справляться с этим горем, которое воля Божия послала ему на пользу.

Григорий просил другого, чем пищи. Он просил, чтобы ему доставили бумаги, чернил и трость, которой тогда писали вместо нынешних перьев. Это все было ему доставлено, и тут он начал работать. Он занялся писанием азбук для детей и, написав их, поручал товарищу их продавать, а вырученные деньги были раздаваемы нищим. Из них Григорий

не оставлял себе решительно ничего, кроме того, что употреблял на покупку новой бумаги и чернил.

Изумительная сила духа, изумительная сноровка в делании добра человеком, сидевшим на овсе и сырой воде, лишенным возможности двигаться, – и в этом месте жестокой пытки занимавшимся благотворением бедным, принося еще пользу детям!

Эта черта любви к просвещению осталась в Григории навсегда. Впоследствии в Казани он основал близ города Зилантов монастырь и завещал инокам этой обители обучать детей грамоте.

Паства казанская вспоминает эту черту святителя. И доселе хранится в Казани трогательный обычай: когда детей начинают учить грамоте, то обыкновенно предварительно служат молебен у раки святителя Гурья.

Если бы Григорию не блеснула непосредственная Божия помощь, то, вероятно, он бы очень долго просидел в своем горестном заключении. О нем начинали забывать, а грозному князю никто не смел о нем напомнить.

Уже более двух лет сидел он в своем срубе, как однажды внезапно засиял свет у входа в его темницу. В ужасе юноша встал на молитву: доселе никогда двери эти не открывались. Свет лился все сильнее. Тогда Григорий решил коснуться рукой дверей. Они отворились сами собой. Он понял тогда волю Божию, взял бывший с ним образ Богоматери и, покрываемый Богом, никем не замеченный, среди дня, неся икону, ушел из дома княжеского и города Радонежа за заставу, откуда стал держать путь в известный Иосифо-Волоколамский монастырь.

Вот он на свободе!.. Но свобода его будет в Боге. Мир не увидит того, кто миром был обижен. Он несет то сокровище, которое было для него лучом света в его страдании, перед которым он лил свои слезы, к которому неслись его воздыхания: с ним та икона Богоматери, которая делила с ним его заключение, Владычице мира будут посвящены отныне его мечты. И он станет иноком, чтобы исполнить обет, произнесенный им в темнице.

В обители преподобного Иосифа Волоколамского (в Московском княжестве), извест-

ной тогда по строгой жизни иноков, Григорий Руготин принял пострижение с именем Гурия. После долгих подвигов здесь Гурий был возведен на игуменство в этой обители, откуда переведен в один из монастырей Тверской епархии.

Когда было завоевано Казанское царство, было решено для новой присоединенной земли избрать архиепископа. Избрание происходило особенным образом: по совершении молебствия митрополитом из четырех жребиев взят был с престола один. Это был жребий Гурия. Потом взят был один из двух, это опять был жребий того же избранника.

В 1555 году святой Гурий собранием архипастырей рукоположен в сан архиепископа Казанского. Весь его путь до Казани являлся сплошным молением, так как всюду его встречали молебствиями и сам он по всем городам совершал молебствия.

Рано испытав людскую несправедливость, святитель Гурий отличался особенным милосердием ко всем бедствующим. Он был попечителем вдов и сирот, заступался за обижаемых и выводил людей из различных бед-

ствий. Для нищих у него была постоянно еда на архиерейском дворе. После дня, посвященного заботам пастырства, он почти всю ночь проводил на молитве.

Последние три года своей жизни святитель Гурий лежал больным, не мог совершать служение и даже ходить в храм. Но дух его молился, и молитвой он низводил благодать небесную на паству свою. В великие праздники его носили к Литургии в соборный храм Благовещения Богоматери, им построенный. Здесь он сидел или лежал, слушая службу Божию. Душа его стремилась молиться вместе с паствой своей в дни общей хвалы и молитвы.

Блаженная кончина его последовала 5 декабря 1563 года.

Память святителя Гурия связана с судьбой одного юноши, отец которого был сотрудником святителя.

По царскому повелению в Казань к святителю Гурию в помощь был послан боярин Иоанн Застолбский. Это был человек образованный, обширного, основательного ума, великого усердия к святителю Гурию. Он почитал святителя при жизни, почитал его и по

смерти. Когда святитель скончался, Застолбский воздвиг над его могилой надгробный камень и обнес его каменной палаткой, где впоследствии сам лег со своим сыном.

Сын его Нестор с детства отличался тихим нравом и ребенком являлся мужем по разуму и по степенному поведению своему. Он смирял тело свое постом и молитвой, потихоньку ото всех носил под рубашкой власяницу. Сверху, чтобы скрыть свой подвиг, надевал он красивую боярскую одежду. От поста истощено и бледно было лицо его и тело. Казалось, он ничего не ест. А во взоре его сверкало всегда тихое умиление.

Великое богатство отца не привлекало ни сколько мыслей Нестора, и, еще не постриженный, он казался иноком. Ему нетрудно было уговорить своего благочестивого отца разрешить ему постричься. Он принял постриг в Казанском Преображенском монастыре с именем Нектарий. Недолго он жил и вскоре после пострига отошел к Богу. Отец принял покорно его смерть и положил его возле святителя Гурия в том монастыре, где затем сам он принял иночество с именем

Иона. Недолго пожив монахом, скончался и он, завещав схоронить себя в той же палатке, какую он устроил над гробницей святителя Гурия и в которой положил своего сына.

Близ соборного храма Спасо-Преображенского монастыря доселе сохраняется эта палатка. В ней лежат митрополит Ефрем, помазавший на царство царя Михаила Феодоровича Романова, и иноки Иона и Нектарий, в миру Иоанн и Нестор Застолбские.

Память благородного сына и благочестивого отца не забыта в Казани, и богомольцы, бывающие в Преображенском соборе, обыкновенно служат о них панихиды. Многие скажут: «Зачем оставлял отца единственный сын, причиняя ему горе?» Но теперь в Царстве Небесном, в вечной славе, разве не оправдалось то стремление, которое влекло юного Нестора к духовному подвигу?..

Юность святителя и Чудотворца Николая, архиепископа Мирликийского, и чудеса, совершенные святителем над детьми

(Память 6 декабря)

Если кто спросит, какой наиболее известный для всей вселенной святой, к кому наиболее часто прибегают люди, то ответ будет единодушный: святитель Николай.

Этого святого чтут не только христиане, но и язычники, и магометане. Жители нашего Крайнего Севера, эскимосы, и киргизы Средней Азии хорошо знают старца с возвышенным челом, который является им в бурях на море или во время снежных буранов и спасает их. Они в виде благодарности, приходя в русские селения, отыскивают в русских церквах знакомый им образ своего великого заступника и кладут перед ним в дар плоды своих охот, звериные шкуры.

Для святителя Николая видеть несчастного – уже значит помочь ему. И редкий верую-

ций человек и редкая православная семья не имели на своем веку очевидного опыта скорого и быстрого заступления этого удивительного праведника, который может быть назван «скоропослушным чудотворцем».

Торговый город Патары, лежащий в теперешней Анатолии и ныне находящийся в развалинах, – родина святителя Николая. Родителей его звали Феофан и Нонна. Они были благочестивые, знатные и богатые люди. Предание говорит, что брак их долго был бездетным и они не надеялись иметь потомство, но испросили себе у Бога сына молитвами, слезами и милостями. Имя ему дали Николай, что в переводе с греческого значит «победитель народов». И судьба его изумительным образом оправдала это имя, так как он своей любовью и добрыми делами действительно привлек к себе сердца вселенной.

При рождении его были необыкновенные обстоятельства. Так, его мать немедленно по его рождении стала здоровой. Больше уже у нее детей не было; столь великий человек должен был быть первым и последним ребенком у родителей. Чудеса от него, говорит опи-

сатель его жизни, потекли раньше, чем он стал питаться молоком матери.

Когда его крестили, он, как взрослый человек, простоял в купели на ногах, никем не поддерживаемый, три часа, воздавая тем поклонение Пресвятой Троице. Он никогда не брал левую грудь своей матери, довольствуясь одной правой, в знамение того, что он будет в царстве Господнем стоять одесную Вседержителя. По средам и пятницам он только раз принимал грудь, и то по вечерам, после того как родители помолились на ночь.

Родители чувствовали, какой строгий постник будет их сын, с младенческих пеленок по внушению Божию усвоив себе такой пост. Святитель был строгим хранителем среды и пятницы всю свою жизнь.

Детство его было подобно ниве плодоносной, которая, принимая их в себя, возвращала добрые семена учения Христова.

Пришло время учиться отроку Священному Писанию. Он всех удивлял силой, остротой ума своего и необыкновенно скоро постиг книжную премудрость. В делах своих он был столь же совершенен и высок. Он уклонялся

пустых, дерзких, праздных бесед, на мирское даже не смотрел, храня истинное целомудрие и чистым умом созерцая Господа. Храм был его любимым местопребыванием, с которым ему всегда было трудно расставаться. Тут он проводил целые дни и ночи в молитве и чтении божественных книг. Уже в те юные годы он пылал перед Богом пламенным усердием, восторгом и благодарностью к своему Испытателю.

Дядя будущего святителя Николая, по имени тоже Николай, был епископом в Патарах. Видя душу своего племянника, он советовал его родителям посвятить его в дар Богу, и они не отказались. Дядя рукоположил святителя Николая во священники и после рукоположения, обратившись к народу, стоявшему в Храме, и исполнившись духа пророческого, сказал:

— Я вижу, братия, новое солнце, восходящее над землей; оно явится милостивым утешителем скорбящих. Блаженно то стадо, которое удостоится иметь его у себя пастырем. Он упасет души заблудших и будет милосердным помощником в бедах и скорбях.

Вся последующая жизнь святителя была исполнением этого пророчества.

Святителя Николая почитают не только те христиане, которые признают почитание святых, – православные и католики. Но и лютеране, отмечающие почитание святых, для святителя Николая делают исключение. Почитание его в лютеранских странах связано с трогательными обычаями. Детям внушают, что добрый святитель Николай на Рождество приносит им подарки. Дети выставляют за дверь своей комнаты на ночь сапожки и утром находят подарки, заботливо положенные родителями.

Много чудес совершил святитель для детей.

Один благочестивый человек усердно молился святителю, чтобы он ему даровал ребенка, обещаясь пожертвовать в храм святителя Николая золотой сосуд.

Молитва его была услышана святителем Николаем, и в скором времени у него родился сын.

Когда заказанный сосуд был приготовлен, то так понравился ему, что он велел сделать

другой сосуд для святителя Николая, а первый удержал у себя для домашнего употребления. По изготовлении второго сосуда он отправился морем ко храму святого Николая, взяв с собой рожденного по молитве к святителю Николаю сына и оба сосуда. Во время плавания отец велел почерпнуть мальчику воды первым сосудом. Нагнувшись к воде, мальчик с сосудом упал в морскую пучину и утонул.

Отец его, проливая горькие слезы о преждевременной смерти своего сына, один продолжал свой путь, желая исполнить данный святителю обет.

Придя в храм святителя Николая, он поставил перед его иконой второй сосуд. Но сосуд невидимой силой был отброшен на середину церкви. Тогда он вторично поставил его перед иконой, но с той же неудачей: сосуд вторично невидимой силой был отброшен на середину церкви.

Все присутствующие были поражены этим, не понимая, что бы оно значило.

Но вот внезапно среди церкви стал его сын, держа в своих руках прежде сделанный

сосуд, и рассказал всем бывшим тут, что он сохранен был в море святителем Христовым Николаем. Отец отдал в церковь оба сосуда и затем благополучно вернулся со своим сыном домой.

Столь же дивно было чудо освобождения из плена сирийского мальчика Василия.

В стране Сирии, расположенной в Малой Азии и прилегающей к Средиземному морю, жил богатый благочестивый человек Агрик. Благоговевая перед памятью святителя Николая, он имел обычай на день святителя ходить в церковь, посвященную этому угоднику, и затем устраивать многочисленную трапезу для родных и нищих.

Однажды на день святителя, когда сын Агрика, шестнадцатилетний Василий, находился в храме, а Агрик с женой были дома, арабы напали на храм, увели много пленных, и среди них Василия. Он попал на остров Крит, где князь Амира за его красоту сделал его своим виночерпием.

В течение трех лет родители его предавались жестокой печали и в отчаянии своем ни разу не справляли праздника святителю Ни-

колаю.

Наконец, накануне памяти святителя Агрик сказал жене: «В нашей беде забываем мы даже великого угодника. Понесем завтра в храм ему елей, свечи и фимиам. Может быть, он нам поможет: вернет нам сына или укажет, жив ли он или умер».

И они пошли в храм и, вернувшись из храма, как прежде, устроили трапезу для родных и нищих.

Во время трапезы вдруг на дворе залаяли собаки. Агрик послал слуг посмотреть, отчего поднялся лай. Слуги, возвратясь, сказали, что на дворе нет никого. Лай все продолжался и усиливался. Агрик сам вышел посмотреть и сначала испугался, увидев перед собой юношу в арабском платье, с сосудом вина в руках. Но, подойдя ближе, узнал в нем сына своего и от радости воскликнул: «Неужели это ты, сын мой, или глаза мои меня обманывают?»

– Да, это я, батюшка, – отвечал юноша, – но как очутился здесь, не знаю. Еще сейчас я служил за столом арабскому князю и из этого сосуда наливал ему вино в кубок. Но вот в одно мгновение кто-то сильный взял меня за руку,

перенес подобно вихрю, поставил меня здесь, и я узнал в нем великого святителя Николая.

...Илутин, четвертый сербский царь после Симеона Великого, имел сына, царевича Стефана, который уже в юности отличался страхом Божиим, кротостью, смирением, приветливостью и состраданием к ближним.

Мачеха, не полюбившая царевича Стефана, наклеветала на него своему мужу, Илутину, и Илутин, любивший прежде своего сына со всей нежностью родительского сердца, теперь страшно возненавидел его.

Злая мачеха склонила несчастного отца на то, чтобы он ослепил своего ни в чем не повинного сына, что и было исполнено близ церкви святого Николая, Чудотворца.

Долго лежал Стефан, страдая от тяжелой муки. Но наконец впал в забытие, и тогда перед ним предстал святитель Николай, который, держа в руке исторгнутые мучителями очи Стефана, сказал ему: «Не бойся, Стефан, очи твои в руке моей». Проснувшись, Стефан почувствовал, что боль его глаз значительно уменьшилась.

Через некоторое время изуродованный

мальчик был послан отцом в Константинополь, в монастырь Пантократора.

Пять лет провел царевич в тихом монашеском уединении. На шестой год, в день памяти святого Николая, он вместе с прочими иноками пришел в церковь к заутрени и, слушая описание жизни и чудес великого святителя, задремал. И увидел он во сне святого Николая, который спросил его: «Помнишь ли ты, что я за пять лет перед этим говорил тебе?»

Когда Стефан сказал, что он уже забыл, тогда Чудотворец сказал ему: «Тогда я говорил, что очи твои в руке моей. Теперь же я послан, чтобы возвратить их тебе». С этими словами святитель благословил Стефана, прикоснулся рукой к померкшим очам его и сказал: «Господь наш Иисус Христос, исцеливший слепорожденного, возвращает тебе зрение...»

Вот еще чудо, совершенное святителем Николаем над русским младенцем в старом Киеве. В Киеве жили муж с женой, имевшие у себя единственного младенца-сына. Эти благочестивые люди пламенели особенной, великой верой к святителю Николаю и к святым мученикам Борису и Глебу. Поэтому, когда на-

стала память святых братьев-мучеников и множество народа спешило в Вышгород, где покоились мощи этих князей, муж и жена с младенцем тоже отправились по Днепру туда же – поклониться мученикам и святому Николаю.

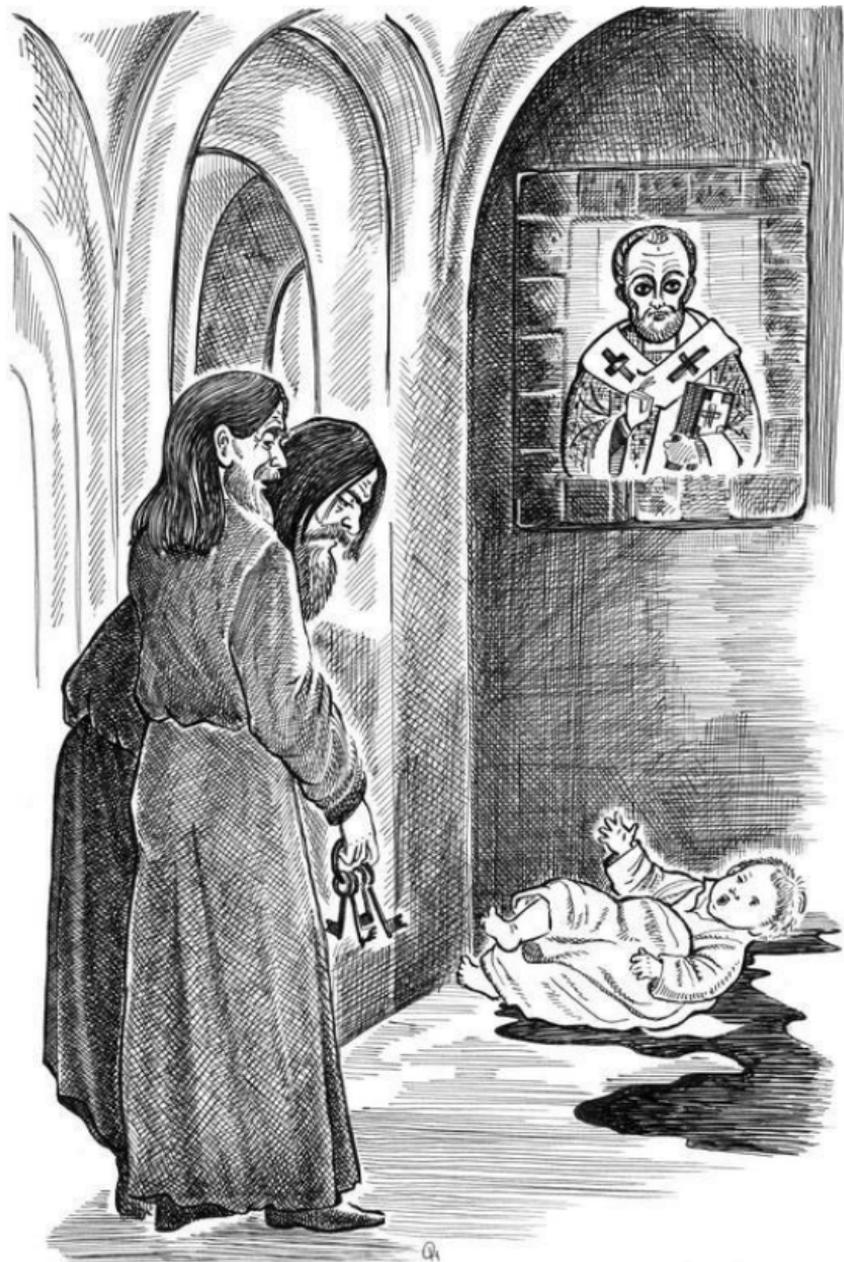
Исполнив должное, они с радостью возвращались назад домой. Во время пути задремавшая в лодке мать уронила с рук младенца в воду.

В отчаянии муж и жена стали укорять в своем несчастий святителя Николая. Скоро, однако, родители одумались и решили, что, видно, они прогневили чем-нибудь Бога и Его угодник наказал их за это. Приняв это решение, они вместо ропота обратились к Чудотворцу с молитвой о прощении и об утешении в их горе.

Святитель услышал их молитву, взял младенца из реки, принес и положил его здоровым на хорах в соборной церкви Святой Софии. Вошедший утром перед богослужением пономарь сильно удивился, услышав в церкви плач ребенка. Не разобрав, в чем дело, он отправился к сторожу и начал бранить за то,

что он оставил женщину с ребенком на хорах. Отправившись вдвоем на крепко запертые хоры, они увидели лежащего перед образом святителя Николая мокрого младенца, как бы сейчас взятого из воды. Весть об этом дошла до несчастного отца с матерью, которые, придя в церковь, узнали в неизвестном младенце свое дитя.

Икона, перед которой совершилось это чудо, сохранилась поныне и остается на том же месте в соборе Святой Софии – в северном приделе имени Чудотворца. Икона называется в память чуда «Никола Мокрый».

Юный святитель Амвросий, епископ Медиоланский

(Память 7 декабря)

«Тебе Бога хвалим, Тебе Господа исповедуем, Тебе превечнаго Отца вся земля величает: Тебе вси Ангели, Тебе небеса и вся Силы, Тебе Херувими и Серафими непрестанными гласы взывают: Свят, Свят, Свят, Господь Бог Саваоф, полны суть небеса и земля величества славы Твоея. Тебе преславный апостольский лик, Тебе пророческое хвалебное число, Тебе хвалит пресветлое мученическое воинство, Тебе по всей вселенней исповедует Святая Церковь, Отца непостижимаго величества, покланяемаго Твоего истинного и Единородного Сына и Святаго Утешителя Духа... Тебе убо просим: помози рабом Твоим, ихже Честною Кровию искупил еси».

Этот величественный крик души, пораженной Божиим величием и в восторге стелющейся у престола Господа славы, принадлежит одному из вдохновенных учителей церкви – святителю Амвросию Медиоланскому и является чудным отражением этой из-

бранной души, в земном теле словно видевшей Господа своего.

Необыкновенные обстоятельства сопровождали детство святителя Христова Амвросия. Он родился около 340 года в городе Трире, где жили тогда его родители. Отец его занимал чрезвычайно важную должность римского наместника Галлии и других западных областей. Под его властью была громадная страна, обнимающая собой, кроме теперешней Франции и Бельгии, часть Нидерландов, Зарейнскую область Германии, большую часть Швейцарии, а также Испанию.

Своей жизнью, своими многочисленными вдохновенными творениями святитель Амвросий питал верующих и доставил христианству сладчайшую отраду. В знамение и предсказание этого в детстве его был такой случай. Когда-то младенец Амвросий лежал спеленатый и спал на открытом воздухе с открытыми губками. Вдруг слетел к нему рой пчел, сел на его личико, покрыл его все сплошь. Пчелы входили к нему в уста и влагали заботливо на язык его, как в улей, свой мед.

Кормилица в страхе хотела разогнать пчел, боясь, что они повредят младенцу. Но отец мальчика, который присутствовал при этом событии, остановил кормилицу. Ему хотелось видеть, чем кончится это чудо. Вскоре пчелы поднялись вверх и скрылись из глаз. Отец понял, что великая судьба ждет его сына.

Подростком он находился в Риме с матерью, которая была уже вдова. Тут увидел он как-то, что у епископа целовали руки. Вскоре, играя у себя дома, он протянул домашним руку, говоря: «Целуйте ее, я тоже буду епископом».

Впоследствии, когда Амвросий поехал в Рим, поставленный епископом Медиоланским, и его сестра и рабыня из старых домашних слуг целовали его руку, он слегка улыбнулся и сказал рабыне: «Вот ты целуешь епископу руку, как я тебе тогда говорил». Тогда же, в его детстве, слова мальчика произвели на домашних неприятное впечатление, и они остановили его.

До сих пор в Риме недалеко от холма Капитолия показывают дом, где жил и воспитывался Амвросий.

вался святитель Амвросий. Этот дом обращен в церковь с монастырем девственниц его имени.

В Риме старший брат Амвросия, Сатир, сам Амвросий и сестра Марцелина, будущая инокиня, получили блестящее образование.

Великодушный, волновавшийся при малейшем проявлении неправды, по характеру своему стремившийся стать всегда на сторону обиженных, Амвросий пошел по тому пути, куда увлекало его горячее сердце. На его устах кипело красноречие, те слова, внушенные объятый святым жаром душой, которые покоряют людей и склоняют власти к решению, которого хочет добиться от них защитник правого дела.

Амвросий как судебный оратор служил обиженным, помогал несчастным, обличал злоупотребления гордых и сильных людей, выяснял на суде правду. Ему предстоял, как отцу его, покойному Амвросию, наместнику Еаллии, блестящий жизненный и служебный путь.

Он был назначен наместником двух римских областей, обнимающих границами свои-

ми юг нынешней Франции и север нынешней Италии. И вдруг судьба его резко изменилась.

В Медиолане, большом торговом городе, где процветали науки и искусства, умер епископ-арианин. Начались смуты, так как и православные, и ариане хотели провести на епископский престол своего ставленника. Из Рима было предписано Амвросию ехать в Медиолан и усмирить возникший там мятеж.

Приехав в Медиолан, Амвросий вошел в храм, где происходили выборы, и стал склонять споривших найти путь примирения. Вдруг, когда на минуту в церкви водворилась тишина, она была нарушена голосом грудного младенца, не умевшего еще произнести ни одного слова, а тут громко закричавшего:

– Амвросий епископ, Амвросий епископ!

При этом чуде какое-то осенение свыше охватило весь народ, и он стал за этим младенцем кричать: «Амвросий епископ, Амвросий епископ!»

Как ни отказывался Амвросий, который в то время был еще не крещен[6], народ продолжал требовать, чтобы он стал епископом. Он тайно скрылся из города, но был силой воз-

вращен назад, и народ стал сторожить его. Амвросий успел опять бежать и скрыться в поместье одного сановника. Но когда пришло из Рима царское повеление о том, чтобы Амвросий принял на себя сан епископа, сановник объявил о местопребывании Амвросия и привел его в Медиолан к народу.

Приняв крещение у православного епископа, Амвросий в семь дней прошел все церковные степени и в восьмой был возведен в епископский сан. Таким путем возвел на высшую ступень церковного служения Господь избранного Своего раба.

Первые годы преподобного Даниила Столпника

(Память 11 декабря)

В Месопотамии, стране, лежащей между реками Тигром и Евфратом, по библейским сказаниям и по преданиям разных народов, находился рай до грехопадения первого человека. В этой стране, в одном селении, от христианских родителей, Илии и Марфы, родился великий подвижник Даниил Столпник.

Долгое время Марфа не имела детей и терпела за это много укоров от мужа и много насмешек от родственников и родственниц.

Как-то ночью после дня, в который она слышалась особенно много неприятного, она долго и тихо плакала о своем горе и потом, вставши, вышла неслышно под открытое небо и, подняв к небесному своду руки, произнесла молитву, которую горе выбило из ее сердца:

– Господи Царю, Ты создал мужа и жену и сказал им: «растите и множитесь». неплодным женам в старые годы их Ты даровал: Сар-

ре – Исаака, Anne – Самуила, Елизавете – Иоанна. Сжался и над моим поношением, разреши мое неплодие, пошли мне сына, чтобы я могла принести Тебе его в дар, как и Анна принесла тебе Самуила.

В эту же ночь Марфа видела во сне два больших светильника, которые спускались с неба на ее голову. Это было знамение того, что сын, который от нее родится, будет сиять добродетелями ярче звезд.

Когда родился у Марфы мальчик, долгое время родители не давали ему имя. Им хотелось, чтобы Бог, пославший им этого ребенка, непосредственно нарек ему и имя.

В пятилетнем возрасте родители повели своего мальчика в монастырь, куда принесли и посильные дары, и просили игумена наречь мальчику имя – такое, о котором ему возвестит сам Бог. Игумен тогда велел подать себе Священное Писание и, смотря на отрока, разогнул книгу. Оказалось, книга раскрылась на пророчествах Даниила. Этим именем игумен и нарек отрока.

Благочестивые родители, которые еще до рождения сына определили его на служение

Богу, хотели, чтобы их сын был теперь же оставлен в этом монастыре. Но игумен нашел, что Даниил для этого мал. Они вернулись домой с тем, чтобы мальчик немножко подрос и уже сам выбрал себе жизнь по расположению своему.

Вот Даниилу двенадцать лет... Ему чужд мир. Ни игры сверстников, ни разговоры о мирских делах его не привлекают. Ему хочется только одного: тишины, чтобы ничто не развлекало и не отдаляло его от общения с Богом, чтобы молитва его неслась в небо, ничем не прерываемая, чтобы устами твердить одно имя Христово, не преставая. Ему нужно полное уединение. Он боялся, что родные и знакомые станут отговаривать его от иночества, и поэтому внезапно и тайно он оставил свой дом и пришел в один недалекий монастырь. Там он на коленях умолял игумена принять его в число братии и постричь его.

Игумен видел первый раз, чтобы человек в столь молодом возрасте стучал в двери их обители. Он уговаривал мальчика вернуться домой, пожить в миру, проверить свое намерение и, подросши, прийти.

– Если бы мне пришлось даже умереть от тех подвигов, которые ты мне рисуешь как непосильные, я лучше умру, чем уйду отсюда.

Никакие увещания не заставили Даниила уйти, он желал остаться в монастыре и подвижничать.

Видя его непреклонность и чувствуя в отроке призвание, игумен созвал братию, чтобы посоветоваться, можно ли принять такого юного отрока. Братия согласилась.

И вот настала для Даниила блаженная жизнь, о которой он давно мечтал. Отголоски мирской жизни не доходили до монастыря. По нескольку раз в день в храме и в келье стоит он на молитве, теплясь в ней душой, как горящая свеча, счастливый, далекий от мира.

Между тем родители узнали, где находится их сын, и пришли посмотреть на него. Он ходил еще без иноческого одеяния. Родители стали просить игумена, чтобы он облек его в иноческий чин. Игумен согласился, взяв с родителей обещание, что они не будут часто посещать его и тем отвлекать его мысли от монашества.

Родители, принеся Богу живой дар, ушли

домой, а инок остался в обители, укрепляясь духом...

Благословленный Христом младенец

(Память 20 декабря)

Знойный день Иудеи... Христос, окруженный народом, учил смирению. Кто-то из учеников возбудил вопрос о том, кто больше и выше всех. Христос благостным взором оглядел народ, толпившийся вокруг Него. Некоторые родители имели с собой детей, и эти дети, протолкнувшись вперед, смотрели на Христа своим невинным взором, а некоторые руками перебирали складки Его одежды. Господь возложил руки на мальчика, который сидел у ног Его. В Божественных очах выразилась чрезвычайная благость, и Он произнес:

– Аще не обратитесь и будете, яко дети, не увидите в Царство Небесное...

Тот мальчик молчал. Лицо его было чрезвычайно серьезно, точно он понимал, кто в эту минуту обнимает его.

Шли годы. Уже прогремело на земле слово Христово, озарившее весь мир, уже апостолы

разнесли по вселенной слова Учителя и действовали в мире ученики Христовы.

Игнатий, тот самый мальчик, которого когда-то в знойный день Иудеи благословил Христос, был епископом великой Антиохийской церкви. В душе его жила память о том благословенном дне, когда Христос возлагал на него Свои руки... Он живо хранил в памяти своей наставление апостола Иоанна Богослова, которого он был учеником. Много божественного пересказал ему избранный ученик Христов, и эти речи в воображении его постоянно пополнялись живыми образами Христа, каким Христос запомнился ему в тот заветный день.

Когда император Траян следовал в поход против армян и парфян через Антиохию, он осудил Игнатия на казнь за Христа, велел в оковах отвести его в Рим и там перед народом отдать на растерзание зверям.

Мечта, давняя мечта Игнатия исполнялась.

Итак, он понесет за Христа оковы, как апостолы Петр и Павел.

С плачем провожали его христиане, а он

ликовал. Он боялся одного – что римские христиане помешают его казни, и во вдохновенном послании говорил о радости умереть за Христа:

– Связанный за Христа, я надеюсь приветствовать вас, если волей Божией достигну конца. Начало положено хорошо. Но сподоблюсь ли благодати беспрепятственно получить любезный мне жребий? Ибо я боюсь вашей любви, чтобы она не повредила мне. Никогда не буду иметь такого удобного случая достигнуть Бога. Не делайте ничего более, как чтобы я был измолот зверями теперь, когда жертвенник уже готов... Воспеваю песни Богу, что Он удостоил епископа Сирии привести с востока на запад... О, если бы не лишиться мне приготовленных для меня зверей! Молюсь, чтобы они с жадностью бросились на меня. Я заставлю их, чтобы они тотчас пожрали меня, а не так, что иногда они не трогают жертву. Если же не захотят броситься на меня, я их к этому принужу. Огонь и крест, раскрытые пасти зверей, раздробленные и отсеченные члены – вот чего я жажду, только бы соединиться мне со Христом!

В Риме весь город собрался на зрелище в цирке, потому что все слышали, что епископ Сирии будет отдан зверям. На арене, где должна была закончиться его жизнь, он, светлый лицом, безмерно радостный, что принимает смерть за Христа, воскликнул:

– Римские мужи, не ради какого-нибудь злодеяния я приму казнь. Не за беззакония я осужден на смерть, но за единого моего Бога. Любовью к Нему я объят. Я Его пшеница, и буду измолот зубами зверей, чтобы быть для Него чистым хлебом.

Тотчас были выпущены на исповедника Христова львы, и они растерзали его, оставив только старые кости. Так исполнилось его желание, чтобы звери были для него гробом.

Когда Траян допрашивал Игнатия, он спросил его, что значит название его «Богоносец».

– Носящий Христа Бога в душе своей есть Богоносец, – отвечал святой.

Когда Игнатия вели на съедение зверям, то он, почти не переставая, шептал имя Иисуса Христа. Язычники спрашивали, зачем он повторяет это имя.

– Я имею в сердце своем имя Иисуса Хри-

ста, – отвечал он, – и исповедую устами Того, Кого ношу в сердце.

При костях праведника, обглоданных зверями, по воле Божией, сохранилось не тронутым ими его сердце.

После казни язычники вспомнили слова святого Игнатия, что у него в сердце имя Иисуса Христа, и рассекли его.

По преданию, на обеих внутренних сторонах разреза сердца выдавлено было золотыми буквами «Иисус Христос».

Он был Богоносец.

Юность святителя Петра, митрополита Московского и всея России

(Память 21 декабря)

Велико значение для России святителя Петра-митрополита. Он перенес из Владимира в незначительный тогда город Москву престол митрополичий и тем чрезвычайно способствовал усилению Москвы. Москва же явилась спасительницей России: она собрала в одно целое несокрушимое ядро множество от-

дельных княжеств, враждовавших между собой. Она сплотила русское племя в одно целое и тогда справилась со всеми врагами своими и стала расти богатырским ростом.

И теперь, когда бываешь в Московском Кремле, этой колыбели русской силы, кажется, что в воздухе замерли вещие слова, произнесенные Петром-митрополитом великому князю Иоанну Данииловичу Калите:

– Если ты послушаешь меня, сын мой, и создашь храм Пресвятой Богородице, то и сам прославишься больше других князей, и город твой будет прославлен. Святители поживут в нем, и взыдут руки его на врагов его, и кости мои здесь положены будут.

Необыкновенными явлениями было отмечено детство святого Петра-митрополита, как детство других избранников Божиих.

Он родился в юго-западной части теперешней России, в земле Волынской, и происходил из состоятельной семьи боярского или купеческого сословия. Перед его рождением матери его было чудное видение. Ей казалось, что она держит на руках своих агнца; в рогах его вырастает густое дерево со множеством пло-

дов и цветов, и, кроме того, среди ветвей светятся и благоухают яркие свечи. То было предзнаменование о тех чудных дарах, которые откроются в ее ребенке.

С семилетнего возраста мальчика отдали учиться Божественному Писанию. Сперва он учился плохо, печалая тем своих родителей. Как и многие другие будущие праведники, он от Бога должен был получить разумение.

И вот видит однажды он во сне, что приходит к нему некий муж в святительских ризах и говорит ему:

– Чадо, отверзи уста твои.

Петр открыл уста, и муж в ризах коснулся правой рукой его языка и благословил его, и тогда Петр почувствовал на гортани необычайную сладость. С тех пор он стал быстро усваивать себе грамоту и обогнал своими успехами сверстников.

И вот со страниц Священного Писания хлынули в душу впечатлительного ребенка новые образы, новые мысли. Он узнал о том, как люди все оставляли для того, чтобы работать Богу. Он почувствовал, что есть счастье уединения, счастье отречения от мира, сча-

стве, когда человек стоит перед заветной иконой с тихой молитвой и от долго повторяемых священных слов что-то чудное льется в раскрывшуюся душу, и ничто не сравнится для человека, принявшего духовный подвиг, с минутами такой уединенной, углубленной молитвы.

Он стал скучать среди мира тогда, когда еще не узнал мира, и в двенадцать лет упрямил родителей отпустить его к Богу.

Недалеко от их местности был монастырь. Туда он и поступил. Воспитанный в роскоши и довольстве, он вел суровую жизнь: носил в поварню воду и дрова, мыл власяницы братьев и, кроме того, неукоснительно исполнял свое правило (положенный круг молитв). Первый по звону церковному приходил он к службам, последний уходил из опустелой церкви. Стоял он всегда прямо, не переминаясь с ноги на ногу, не прислоняясь к стене, как неподвижный столб.

С юности стал он обучаться искусству иконописания. Так что в житии его называют «иконником, чудным писателем». В Москве в большом Успенском соборе, созданном по его

завету, стоят две написанные им иконы. Впоследствии преподобный на средства родителей своих устроил неподалеку от теперешнего Львова обитель на реке Рате, откуда был взят на Киевскую митрополию.

Обращение юноши Нифонта

(Память святителя Нифонта, епископа Кипрского, 23 декабря)

Повесть об обращении ко Христу от страшных беззаконий юноши Нифонта представляет собой одно из самых поучительных сказаний из жизни святых.

Нифонт был одним из тех людей, в которых природная мягкость допускает их, при искушающих обстоятельствах, до глубокого падения.

Провидя ту высоту, которой может достичь эта душа, Господь употребил чрезвычайные средства для привлечения ее к Себе. И Нифонт покаялся столь искренно, с такой полнотой и исключительностью, с которой он раньше предавался греху. И он стал одним из величайших праведников, тяжелой борь-

бой дошедших до совершенной чистоты, как раньше он был одним из величайших грешников.

Наряду с многогрешной девой Марией Египетской, впоследствии дошедшей до такой высоты нравственной, что Ангелы удивлялись ее высоте, с разбойником Вараввой, Моисеем Муриным – сияющими в лике святых, – повесть Нифонта лишний раз показывает миру, что нет той глубины падения, из которой человек не может подняться до лучезарной святости. Вместе с тем, повесть о юном Нифонте представляет собой потрясающий пример той заботы, какой печется о людях, о душевном их спасении общая Матерь человечества, благословенная Дева Богородица Мария.

Уроженец северной Азии, Нифонт был сыном знатного человека и в отроческом возрасте послан для образования в Царьград. Тут он был поселен в доме одного воеводы, и учителем к нему поставлен священник, живший при этом доме.

По нраву своему Нифонт был доброго сердца, смиренный малы чик, любивший ходить в церковь. Все, что касалось веры, радовало и

умиляло его. Ему любо было видеть иконы, озаренные огнями лампад, слышать церковное пение. Он всей душой чувствовал, что мир не кончается тем, что он видит вокруг себя, что главная сторона людского существования где-то там, вдали, за гранью видимой жизни.

Если бы у Нифонта не было дурных товарищей, то, можно думать, он после тихой юности вступил бы в брак по склонности и провел бы достойную жизнь. Но ему предстояло испытать тяжкое падение и, дойдя до последней степени разврата, содрогнуться над своей судьбой и начать то восхождение, которое привело его на высшую степень святости.

Те дурные знакомства, которые завелись у Нифонта, мало-помалу стали изменять его нрав. Он не отрекался от церкви, не смеялся над своими прежними верованиями, но порочная жизнь так крепко охватила его, что ему не оставалось времени для молитвы, для посещения церкви. И мало-помалу он стал проводить дни, не вспомнив о Боге ни утром, ни вечером, не осенив себя за сутки ни разу крестным знаменем. Он стал жить беспечно

и праздно, переходя от увеселения к увеселению. Ночи проводил всегда в компании товарищей и бесстыдных кутил, падая в плотские грехи, потом просыпался дома позже полудня, толкался на площадях между богатым и праздным людом, ходил на представления скоморохов... Все это убивало сердце и ум и требовало больших расходов.

Несколько раз, когда у него не хватало денег, Нифонту случалось пополнить свои недостатки кражами. Неправильная жизнь истрепала его нервы. Он стал раздражителен, при малейшем поводе ссорился и бранился с людьми. Вместе с тем, недовольный своей незаконной жизнью, он к такой жизни склонял других, так что стал источником соблазна для царьградского юношества.

Один приятель Нифонта, человек добродетельный, который с ужасом смотрел на его жизнь, но не переставал по-прежнему дружески жалеть его, сказал ему как-то:

– Нифонт, как ты живешь? Что с тобой происходит? Ведь ты жив только телом, а душа твоя умерла, и лишь тень твоя ходит между людьми.

– Не укоряй меня, – отвечал ему с горечью Нифонт, – все равно моя песня спета. Я погиб безвозвратно, не мешай же мне наслаждаться спокойно сладостями.

Прежде Нифонт знал радость пылкой, искренней молитвы. Теперь же и молиться он не мог: словно какой камень лежал у него на сердце. Та женщина, в доме которой жил Нифонт, часто плакала над его судьбой. Она пыталась уговоривать его бросить эту жизнь, ссорилась с ним, даже била его, но это не помогало. Казалось, что Нифонт погиб действительно бесповоротно, что возврата из той тьмы беззаконий, в которой он валялся, уже нет.

Между тем благодать сторожила его и, на поучение миру, на Нифонте должна была совершить одно из самых блистательных и поразительных своих чудес...

При всем падении Нифонта у него было что-то такое, что привлекало к нему его прежних друзей, людей хороших. Нифонт пришел как-то к одному из таких друзей, Никодиму, и когда Никодим взглянул на гостя, то ужаснулся и не мог промолвить ни слова.

– Что с тобой? Отчего ты молчишь? – спросил Нифонт.

– Мне страшно смотреть на тебя, – отвечал Никодим. – Я никогда не видал тебя таким, как сейчас: у тебя лицо черное, как у эфиопа.

Это замечание товарища и тот ужас, который ясно выразался на его лице, глубоко потрясли Нифонта. Ему стало стыдно и страшно. Он закрыл лицо руками, так как ему казалось, что все видят его черноту, и печально пошел к себе домой.

«Горе мне, – думал он. – Если я так черен, что пугаю людей, как предстану я на суд Божий? Что мне делать теперь? Могу ли я покаяться, могу ли я спастись? Кто наставит меня к покаянию, как я скажу Богу “помилуй меня”, когда я весь в скверне?»

В таких мыслях пришел Нифонт домой. В нем происходила великая борьба. Добрый помысел внушал ему ночью, когда все стихало: «Припади всей душой твоей к Богу. Он пострадал за тебя, Он не отринет тебя. Вручи себя Его милосердию, и Он сотворит с тобой по воле Своей».

Но против этого благого помысла возра-

жал Нифонту помысел злой, который внушал ему: «Если встанешь на молитву, то потеряешь рассудок, будешь уродом, и все станут над тобой смеяться».

Нифонт нашел силу успокоить себя таким рассуждением: «Если со мной не случилось никакого зла, когда я жил блудно, то неужели теперь, когда я стану молиться, выйдет что-нибудь нехорошее?»

– Отойди от меня, бес, внушающий мне гибельные мысли.

И Нифонт нашел в себе силу встать ночью на молитву. Он бил себя в грудь, вопил к Богу о помощи и о прощении. Он не мог сказать ни слова в оправдание себя. Он знал, что он весь в язвах и во грехах. Его израненная душа, истосковавшаяся по Боге, мыслью о Котором он раньше жил, вопияла к Богу, просила пощады и билась у ног Его, как некогда грешница у ног Христа Спасителя.

Во время молитвы вдруг он увидел с востока набегающий на него страшный беспросветный мрак. Нифонт в ужасе лег на постель. Ему казалось, что этот мрак возвещает ему его гибель. Утром он заставил себя пойти

в церковь. Великий шаг казался ему трудным. Он еле не побежал назад от порога церкви, но Господь помог ему.

Церковь была еще пуста, служители убрали алтарь, никто не стеснял Нифонта. Он подошел к иконе Пречистой Девы, так как всегда почитал Заступницу и Матерь рода христианского.

– Помилуй меня, – возопил он к иконе, – помоги мне по Твоей великой милости. Обрадованная, Чистая, помоги мне! Ты упование и надежда кающегося!

И тут совершилось чудо. Лик Богоматери просиял, и сладостная улыбка отразилась на лице Пречистой. Нифонт словно переродился перед этим чудом. Он понял, что Владычица жалеет его и готова помочь ему. Протягивая руки к иконе, он взывал:

– Господи, Кого послал Ты нам на помощь: Пречистую Свою Матерь! Ты воздвиг Ее как молитвенницу за нас!

С миром в душе, с надеждой, зародившейся в измученном сердце, приложился он к иконе Пречистой. Придя домой, говорил себе: «Смотри, окаянная душа, смотри, как возлю-

бил нас Бог, как идет нам навстречу, тогда как мы бежим от Него. Помощницей нам Он послал Свою Пречистую Матерь, а мы и Ее отвергаем».

Но темные силы не могли выпустить легко того, кого они так легко погубили. Ему предстояла тяжкая борьба. В первую же ночь в сновидении ему в виде одного бывшего товарища по распутству предстал дьявол: в глубокой печали стоял он и с укоризной смотрел на Нифонта. Нифонт спросил его, почему он так грустен.

– Вот уже третий день, – отвечал дьявол в образе товарища, – ты ходишь к своему другу Никодиму, и я скорблю, что ты забыл обо мне.

И на этом слове сновидение прекратилось. Нифонт понял, что враг рода человеческого удручен его покаянием. Он опять пошел немедленно в церковь Богоматери и молился до тех пор, пока снова на лице не отразилась сладостная улыбка. И тогда в сердце своем он почувствовал благодать. И с тех пор икона стала поддерживать его в его направлении. Если он делал что-нибудь дурное, лик Богоматери, когда он становился перед ним на мо-

литву, делался гневным и строгим.

Смирняя плоть свою, он иногда, затворившись в своей хижине, бичевал себя так, что от ран отпадали куски тела. Четыре года провел Нифонт в искупительном жестоком подвиге, и, наконец, на него сошла благодать Божия, которая никогда с тех пор не отступала от него. Он стал великим чудотворцем, страшным темной силе, был удостоен дивных видений и по прозорливости своей имел озарения, которые многое уясняли людям в тайнах духовной жизни.

Мученица Иулиания, княгиня Вяземская

(Память 21 декабря)

Благоверная княгиня Иулиания явилась Бюной мученицей. Ее супруг князь Симеон Мстиславович Вяземский по взятии Смоленска Витовтом должен был покинуть свой удел. Ему и смоленскому князю Юрию великий князь Василий Дмитриевич дал в удел Торжок. Супруга Симеона Иулиания отличалась душевной и телесной красотой и возбу-

дила невольно гнев в Юрии, который домогался ее покорности.

Тщетно успокаивала Иулиания Юрия то мольбами, то уговорами, говоря, что верностью мужу дорожит более, чем жизнью. Чтобы насытить свой гнев, Юрий решился на страшное дело: он убил князя Симеона и хотел силой смирить его вдову. Спасаясь, юная княгиня сперва ударила безумца в плечо ножом и думала спастись бегством. Юрий бежал за ней с мечом в руке, на дворе нагнал ее, изрубил и велел бросить в реку. Это случилось 21 декабря 1406 г. Князь Юрий бежал к татарам, но не мог успокоить угрызений совести. Он удалился в Рязанскую пустынь, где через два года в горьком раскаянии окончил свою жизнь.

Настала весна. Один расслабленный, находясь на берегу реки, с изумлением увидел тело человеческое, плывшее против течения. Тогда же он почувствовал, как жизнь вернулась в его иссохшее тело. И был ему голос: «Человек Божий, иди в Торжок, в соборную церковь, и скажи, чтобы протопоп и братия взяли грешное тело Иулиании и похоронили

у южных дверей».

Тогда в сопровождении многочисленного народа тело перенесли в собор, причем многие больные исцелились.

В 1595 году соборный диакон Иоанн возымел сильное желание осмотреть мощи, подготовился к тому 40-дневным постом и стал откапывать гроб, но из-под земли вырвался внезапно огонь, опалил его, и он услышал голос: «Отец, не трудись тщетно: мое тело люди не должны видеть, пока не будет на то воли Божией». Затем два месяца диакон лежал в расслаблении, пока не получил исцеления.

В 1811 году княгиня Иулиания исцелила жену соборного протоиерея Артемия, потерявшую разум и зрение. Через три года, при возобновлении собора, каменный гроб княгини был открыт, и потекли потоки исцеления.

Младенцы Вифлеемские

**(29 декабря память мучеников –
14000 младенцев, от Ирода в Вифлееме избитых)**

Первыми святыми христианского мира были те невинные младенцы Вифлеемские, которые были избиты вскоре после Рождества Христова по приказанию жестокого царя Ирода.

Когда волхвы, под водительством таинственной звезды, пришли в Иерусалим, они стали расспрашивать: «Где родившийся Царь Иудейский? Мы видели Его звезду на востоке и пришли Ему поклониться».

Ирод-царь, правивший Иудеей под главенством Рима, испугался за свою власть и стал расспрашивать первосвященников и книжников, где должен родиться Христос. Ему ответили, что в Вифлееме Иудейском – городе, лежащем в часе или двух от Иерусалима. Ирод поручил волхвам узнать все подробно о родившемся отроке и рассказать ему все. Он надеялся таким образом убить родившегося

Царя Иудейского. Но волхвы получили от Ангела приказание не возвращаться к Ироду. Тщетно прождав волхвов, он понял, что они к нему не вернутся, и пришел в страшную ярость. Он издал приказ избить всех младенцев в Вифлееме и окрестностях, уверенный, что в числе избитых будет непременно и чудный Младенец.

Но Иосиф-обручник, предупрежденный Ангелом об опасности, увез святую Деву с Младенцем в Египет. Предание говорит, что младенцев избито в Вифлееме и окрестностях до четырнадцати тысяч. Эти младенцы были первые пострадавшие за Христа, хотя и не знали Его. Церковь прославляет их память.

Алфавитный указатель имен святых, помещенных в книге

- А** венир, прп. 19 ноября
Авим, мч. 1 августа
Авраамий Смоленский, мч. 21 августа
Агапий, мч. 20 сентября
Агапит, мч. 10 августа
Агния, мц. 21 января
Акилина, мц. 13 июня
Александр Невский, блгв. вел. кн. 23 ноября
Александр Ошевенский, прп. 20 апреля
Александр, мч. 25 января
Алексий, митр. Московский 12 февраля
Алексий, человек Божий, прп. 17 марта
Алим, мч. 1 августа
Амвросий, ей. Медиоланский 7 декабря
Анастасия Римляныня, прмц. 29 октября
Андрей, блж. 2 октября
Антоний Печерский 10 июля
Антонин Эфесский 4 августа

Антонин, мч. 1 августа
Арефа, мч. 24 октября
Аркадий, прп. 26 января
Арсений, епископ Тверской 2 марта
Артемий Веркольский, прав. 23 июня
Афанасий Афонский, прп. 5 июля
Борис, блгв. кн. 2 мая
Варвара, вмц. 4 декабря
Варлаам, игумен Печерский, прп. 19 ноября
Варсонофий, епископ Тверской 11 апреля
Варул, мч. 18 ноября
Василий Великий 1 января
Васса, мц. 21 августа
Венедикт Нурсийский, при. 14 марта
Вера, мц. 17 сентября
Виталий, мч. 25 января
Вифлеемские младенцы, мчч. 29 декабря
Гавриил Белостокский, мч. 20 апреля
Галактион Вологодский, прмч. 24 сентября
Глеб, блгв. кн. 2 мая
Григорий Богослов 25 января
Гурий, архиепископ Казанский 5 декабря
Гурий, мч. 1 августа
Даниил Переяславский, при. 7 апреля

Даниил Столпник, прп. 11 декабря
Димитрий Солунский, вмч. 26 октября
Димитрий Угличский, блгв. царевич 15
мая

Дионисий Радонежский, прп. 12 мая
Дионисий Эфесский 4 августа
Евиласий, мч. 6 февраля
Евлалия, мц. 22 августа
Евпраксия, прп. 25 июля
Евсевон, мч. 1 августа
Евстафий Плакида, вмч. 20 сентября
Евфимий, архим. Суздальский, прп. 1 апре-
ля

Евфимий Иверский, мч. 13 мая
Евфросиния Полоцкая, прп. 23 мая
Екзакустодиан Эфесский 4 августа
Елеазар, мч. 1 августа
Епифаний, епископ Кипрский 12 мая
Ерминингельд, царевич Готский, мч. 1 но-
ября

Иаков Боровичский, прп. 23 октября
Игнатий Богоносец, сщмч. 20 декабря
Иларион, епископ Мглинский 21 октября
Иоанн Дамаскин, прп. 4 декабря
Иоанн Киевский, мч. 12 мая

Иоанн Новый, мч. 17 апреля
Иоанн Пророк, Предтеча и Креститель Гос-
подень 7 января, 4 июня
Иоанн, прп. 26 января
Иоанн Рыльский, блж. 19 октября
Иоанн Угличский, блгв. кн. 19 мая
Иоанн Устюжский, блж. 29 мая
Иоанн Эфесский 4 августа
Иоасаф, ей. Белгородский 4 сентября
Иоасаф Кубенский, прп. 10 сентября
Иоасаф, царевич Индийский, прп. 19 нояб-
ря
Иона, митрополит Московский 5 октября
Иосиф Прекрасный март Ирина, мц. 5 мая
Иринарх, затворник Ростовский, прп. 13
января
Иулиания Лазаревская, прав. 2 января
Иулиания, прав, дева 6 июля
Иулиания, блгв. кн. 21 декабря
Иулитта, мц. 5 июля
Каллиопий, мч. 7 апреля
Кирик, мч. 15 июля
Кирилл, равноап. 14 февраля
Климент, епископ Анкирский, сгцмч. 23
января

Кирилл, игумен Белоезерский, прп. 9 июня
Косма Яхромский, прп. 18 февраля
Ксенофонт, прп. 26 января
Левкий, епископ Врунтисиопольский, исп.
20 июня
Любовь, мц. 17 сентября
Макрина, прп. 19 июля
Максимилиан Эфесский 4 августа
Максим, мч. 6 февраля
Мамант, мч. 2 сентября
Мария, прп. 26 января
Маркелл, мч. 1 августа
Мартиниан Эфесский 4 августа
Марциал, мч. 25 января
Моисей, пророк 4 сентября
Надежда, мц. 17 сентября
Неофит, мч. 21 января
Нестор Солунский, мч. 27 октября
Николай, архиепископ Мир Ликийских,
Чудотворец 6 декабря
Нина, просветительница Грузии, равноап.
14 января
Нифонт, епископ Кипрский, при. 23 декаб-
ря
Онуфрий, мч. 4 января

Паисий Угличский, при. 6 июня
Пантелеймон, вмч. и целитель 27 июля
Петр, митрополит Московский 21 декабря
Петр, царевич Ордынский, прп. 29 июня
Пист, мч. 21 августа
Платон, мч. 18 ноября
Поликарп, епископ Смирнский, сщмч. 23
февраля
Понтий Римлянин, мч. 5 августа
Потит, мч. 1 июля
Роман Сладкопевец, прп. 1 октября
Руфина, мц. 2 сентября
Савва, архиепископ Сербский 12 января
Самуил, пророк 20 августа
Серафим Саровский, прп. 2 января
Сергий Радонежский, прп. 25 сентября
Сильван, мч. 25 января
Соломония, мц. 1 августа
София, мц. 17 сентября
Стефан, епископ Великопермский 26 апре-
ля
Тихон Задонский, епископ Воронежский
13 августа
Трифон, мч. 1 февраля
Фавста, мц. 6 февраля

Феликс, мч. 25 января

Феогний, мч. 21 января

Феодот, мч. 2 сентября

Феодор, епископ Эдесский 9 июля

Феодор Киевский, мч. 12 мая

Феодор Новгородский, блгв. кн. 5 июня

Феодор Сикеот, при. 22 апреля

Феодосий, игумен Киево-Печерский, прп.

3 мая

Феопистия, мц. 20 сентября

Феопист Римский, мч. 20 сентября

Филипп, митрополит Московский 9 января

Филипп, мч. 25 января

Филицата, мц. 25 января

Христина, мц. 24 июля

Ямвлих, мч. 4 августа

Януарий, мч. 25 января

Примечания

1

Все даты в тексте даны по старому стилю. –
Прим. ред.

[^^^]

2

Священномученики – мученики, носившие при жизни священный сан.

[^^^]

Соломония, мать Маккавеев.

[^^^]

4

Неопалимая Купина – прообраз Пречистой Девы Марии. Был куст, который видел пророк Моисей: он горел в огне и не сгорал.

[^^^]

Когда расписывали Софийский собор, иконописцы на центральном своде изобразили Спаса Вседержителя с благословляющей десницей. Но в одно утро рука была найдена в сжатом виде. Иконописцы за день переписали руку по-прежнему, но на второе утро наблюдалась в образе та же таинственная перемена. И, наконец, епископу Новгородскому Луке был голос: «Оставьте Мне на иконе Моей сомкнутую десницу. Ибо этой Моей рукой Я держу Новгород, а когда рука Моя разожметя, то и городу придет скончание».

[^^^]

6

В древней церкви крещение отлагали до совершеннолетия, и многие великие святые церкви, как, например, Иоанн Златоуст, принимали крещение в двадцать лет и старше.

[^^^]